Действующие лица

(«линии жизни» большинства приведенных здесь замечательных персонажей очерчены, тем не менее, применительно к «линиям жизни» Классонов и Мотовиловых)

Агринская Лидия Капитоновна, по мужу Теплова (1866 – ?). Петербургская знакомая Р.Э. Классона. Родилась в Пензе, православная, дочь Титулярного Советника. Окончила Пензенскую гимназию в 1884 г., затем училась на С.-Петербургских высших женских курсах. При обыске в октябре 1891-го у нее были обнаружены письма обучавшегося в то время в Цюрихе воспитанника Пензенского землемерного училища Павла Федоровича Теплова. На допросе 19 октября показала: «Упоминаемый в письме от 24 Сентября [1891 г.] технолог, о знакомстве с которым Теплов меня спрашивает, – есть студент Технологического Института Классен, с которым я еще не виделась и имя которого кажется Роберт Эдуардович, и который, как я узнала, выбыл из Петербурга». (здесь и ниже – ф. 102 ГАРФ) Попала под негласный надзор полиции. Из перлюстрированного письма П.Ф. Теплова из Цюриха Л.К. Агринской от 19 апреля 1892 г.: «Сообщи в следующем письме, уведомили ли К[лассе]на о желании с ним познакомиться, если нет, то устрой это пожалуйста. Вы там и не подозреваете, может быть, всей важности могущих быть от этого результатов для обеих сторон. Большое желание выражает с ним повидаться один из тех двух, с которыми, помнишь, я собирался познакомиться при отъезде за границу». (Речь, похоже, шла о проживавших в Швейцарии эмигрантах Г.В. Плеханове и П.Б. Аксельроде).

Агринская, Лидия Капитоновна (по мужу Теплова), дочь чиновника. Род. в 1866 г. в Пензе, окончила гимназию, училась на высш. женск. курсах в Петербурге. В конце 80-х и нач. 90-х г.г. входила в марксистский кружок в Пензе (П.Ф. Теплов и др.); в 1891-92 г.г., живя в Петербурге, вела переписку с заграничными соц.-дем. об организации доставки литературы. В 1893 г. обыскана и выслана на 3 г. из Петербурга. Потом жила за границей, где вышла замуж за П. Теплова; от револ. работы отошла. — Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма [в 5 т.]. — М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1927-1934

Адрианов Николай Павлович (1887-1937). Родился в Нежине Черниговской губ. в семье педагога и филолога Павла Александровича Адрианова. Начал учиться в гимназии Оренбурга, где отец служил Окр. инспектором Учебного округа, а закончил гимназическое образование в Киеве, где отец был назначен пом. Попечителя Учебного округа. В 1903-м поступил в Петербургский политехнический институт, после окончания которого стал работать в АО «Котлонадзор» (Харьков). В 1915-м перешел служить в Управление Златоустовского Горного Округа, где получил должность окружного электротехника и зав. Электрическим отделом Златоустовских заводов. В 1922-м был откомандирован, по письму МОГЭС, в Москву – для реорганизации и восстановления «Электропередачи», «приведенной в смысле технического оборудования и административного управления в полнейший упадок». Став директором этой электростанции, поселился с семьей в Доме директора и успешно выполнил поставленную задачу. На «Электропередаче» была сооружена новая котельная, установлен турбоагрегат мощностью 16 МВт, в результате чего ее мощность возросла почти вдвое. На ЛЭП напряжением 70 кВ на Москву была смонтирована вторая цепь проводов, а на Измайловской подстанции установлены дополнительные трансформаторы.

В то же время, к сожалению, осталось пока невыясненным, был ли директор «Электропередачи» Н.П. Адрианов в курсе такого неприличного явления как односторонние поборы со своего партнера — Гидроторфа, инициированного его подчиненными, или же нет. Вот как эти поборы выглядели в письме Р.Э. Классона от 18 января 1923 г. в Управление МОГЭС:

От Электропередачи мы получаем целый ряд счетов, иногда по самым незначительным поводам, вроде счета за поднятие вагонетки. Затем получаем счета за пользование железной дорогой, телефоном и прочим. Мы до сих пор не представляли обратных счетов, и получается совершенно односторонняя бухгалтерия, при которой нам предъявляют бесконечный ряд счетов.

Мы же таковых не предъявляем, так как боимся, что если мы вступим на путь представления счетов, то наши инженеры будут заняты не делом, которое стоит на первом плане, а выписыванием счетов, и это создаст атмосферу придирчивости и кляуз, в которой всякая реальная работа погибнет.

Нам представляют счета за железную дорогу [(принадлежащую Электропередаче)], но, с другой стороны, весь вывоз машинно-формованного торфа Электропередачи идет сейчас на наших четырех паровозах и на наших вагонах. Если бы мы эти паровозы и вагоны отобрали, то Электропередача могла бы работать только одной турбиной. Мы этого не делаем, так как считаем, что между государственными учреждениями, волею судеб работающими на одном местном же предприятии, не должно быть ни мелочных расчетов, ни стремления «подсидеть» другое предприятие. Во всяком случае, в течение этого года мы еще принуждены работать на Электропередаче, и потому желательно было бы установить до осени какой-нибудь способ расчета, дающий возможность избежать мелочных, раздражающих и осложняющих взаимоотношения счетов.

В 1926 г. Н.П. Адрианов был назначен коммерческим директором Правления МОГЭС и переехал в Москву. В том же году произнес теплую речь на вечере памяти Р.Э. Классона (см. Приложение «Памяти Р.Э. Классона»).

В 1927 г. Н.П. Адрианов получил еще одну хлопотливую должность — директора Шатурской станции, без оставления обязанностей коммерческого директора Правления МОГЭС. В 1929-м был назначен директором Управления электросетей МОГЭС. В 1933-м — главным инженером и зам. Управляющего Мосэнерго (бывш. МОГЭС). 17 октября 1936 г. был арестован, вместе с женой Мартой Васильевной и рядом работников Мосэнерго.

В фальшивом свидетельстве о смерти, выданном Москворецким районным бюро ЗАГС Москвы, указано, что Н.П. Адрианов умер от «упадка сердечной деятельности» 1 декабря 1944 г. На самом деле был расстрелян в тот же день, после вынесения приговора 3 августа 1937 г., за мифическое «участие в контрреволюционной террористической организации».

Военная коллегия Верховного суда СССР 28 мая 1955 г. отменила свой же приговор от 3 августа 1937 г. по якобы «вновь открывшимся обстоятельствам» (эта фальшивая советская формулировка применялась, по-видимому, к 99% дел о «вредительстве и терроризме»), и дело «за отсутствием состава преступления» было прекращено. Оставшаяся в живых жена Марта Васильевна в том же 1955-м получила справку о возможности оформления повышенной пенсии по случаю потери кормильца, чей оклад, на прежней должности, с 1948 г. мог бы составлять 3 000 рублей.

Всю эту информацию собрал и сдал в РГАЭ (ф. 9592), уже на пенсии, бывший инженер МОГЭС-Мосэнерго Ф.А. Рязанов.

Александров Анатолий Петрович (1903 — 1994). Сын Петра Павловича и Эллы Эдуардовны (урожд. Классон) Александровых, племянник Р.Э. Классона (последний был и его крестным отцом). С 1910 г. учился в 1-м реальном училище в Киеве, каковое окончил в 1919-м. Затем попал в Добровольческую армию, в которой сражался до конца 1920 г., был награжден тремя Георгиевскими крестами (точнее, их подобием, введенным в армии Врангеля), чудом избежал расстрела в ЧК.

А.П. Александров в молодости

Его сын Александр Анатольевич (родившийся в 1937-м) сообщил в 2010-м автору сих биографических очерков:

Мне было тогда больше двадцати лет, и я приехал к родителям, которые были на охоте, в районе Обнинска. Мы там порядочно приняли на грудь, и отец предложил мне прокатиться на машине. Он иногда любил сам поездить на своей «эмке», за рулем которой обычно сидел его охранник. Был довольно густой туман, а отец гнал очень быстро. Мне стало страшно, и я стал просить его ехать потише. Он, глядя вперед неподвижными глазами, сказал — что, страшно? Разве это страшно? Вот представь себе, что ты лежишь за пулеметом, а на тебя летит казачья лава! А за тобой прохаживается офицер, постукивает хлыстиком по сапогам и говорит: «Рано, рано! Не стрелять!» А ты уже видишь пену на лошадиных мордах, блеск сабель! Вот когда страшно!

Еще был такой эпизод — я читал «Тихий Дон», отец вошел, спросил, что читаю. Я дал ему книгу, она была открыта как раз в том месте, где Григорий Мелехов уже вернулся в хутор и ждет — арестуют его или нет. Отец прочел страничку и сказал — да, это самое ужасное: вот так сидеть и ждать ареста! Я спрашиваю — а ты ждал? Он ответил — много лет!

Анатолий Петрович поступил при большевиках в Киевский университет и одновременно преподавал физику и химию в школе. С 1928 г. стал работать в Киевском рентгеновском институте. В 1930-м перевелся в Ленинградский физико-технический институт. Далее, ступенька за ступенькой, сделал блестящую научную карьеру. В 1945 г. был привлечен И.В. Курчатовым к Атомному проекту. В августе 1946-го был назначен директором Института физических проблем, взамен впавшего в немилость у «Софьи Власьевны» П.Л. Капицы. Здесь под его руководством была разработана технология производства дейтерия (для реализации проекта водородной бомбы).

В 1950-х участвовал в проектировании и организации сооружения объектов «Красноярска-26» (подземного атомного комбината для производства плутония под атомную бомбу). Из статьи Владимира Губарева «Енисейское чудо», опубликованной 5 февраля 2013 г. в газете «Новый вторник»:

Решающую роль в судьбе комбината в «Красноярске-26» сыграл, конечно же, Анатолий Петрович Александров. «Правая рука» Курчатова, будущий академик и президент Академии наук СССР, трижды Герой Социалистического Труда.

18 ноября 1949 г. он пишет письмо Л.П. Берия. В нем, в частности, говорится:

«В настоящее время мы располагаем достаточными данными о процессе в ядерных агрегатах, и это дало возможность развить общую теорию уран-графитовых систем и определить параметры систем, позволяющие существенно снизить капитальные затраты на единицу продукции и существенно лучше использовать сырье. Вместе с тем постройка таких систем позволит гораздо быстрее нарастить производство плутония...»

В заключение Александров пишет:

«…лаборатория разработала техническое задание на агрегат «АД» мощностью 600 000 кВ[т], в котором по сравнению с [челябинским] «АВ» диаметр увеличен на 1,6 метра и добавлено 600 технологических каналов (против 2000 каналов в «АВ»)…

Прошу Ваших указаний о срочном рассмотрении технического задания и проектирования агрегата «АД» для использования в ближайшем строительстве».

Указания руководителя Атомного проекта Л.П. Берии последовали незамедлительно. В течение 10 дней надлежало обсудить предложения А.П. Александрова на Научно-техническом совете и в Специальном комитете.

И теперь события начали развиваться стремительно. Одно постановление следует за другим. Их подписывает И.В. Сталин. Представляет ему документы Л.П. Берия.

26 февраля 1950 года:

«В целях укрытия от воздушного нападения намеченного строительством комбината № 815 Специальным комитетом было организовано обследование нескольких районов с естественными возвышенностями для выбора места строительства комбината, позволяющего расположить под землей основные сооружения комбината.

В результате обследования были найдены подходящие для этой цели строительные площадки в четырех районах:

- 1) на реке Уфе, близ селения Верхне-Тургенево;
- 2) на реке Енисей, в 50 км от города Красноярска;
- 3) на реке Ангаре, у города Братска;
- 4) на реке Иртыше, в районе города Усть-Каменогорска.

Наиболее приемлемой нами признана площадка на реке Енисей...»

26 февраля 1950 года выходит Постановление Совета Министров СССР № 826-302 сс/оп, в котором, в частности, указывается:

«1. Комбинат № 815 по производству теллура-120, предусмотренный к сооружению Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1949 г. № 5060-1943, построить под землей в скальных породах с заглублением не менее 200-230 м над потолком сооружений...

3... Разместить под землей

Завод № 1 – мощностью 400-450 г теллура-120 в сутки...

Завод № 2 — мощностью 400-450 г теллура-120 в сутки...

Химический завод, первая очередь 500 г в сутки...

Химический завод, полная мощность 900 г в сутки...

Металлургический завод мощностью 850 г в сутки...

Электростанция, первая очередь 50 тыс. кВт...

Главная насосная станция

Ремонтно-механические цеха

Расходные склады эксплуатационных материалов с месячным запасом...

Убежища...»

Подробно были расписаны все работы на поверхности земли — от здания управления комбинатом до железнодорожной ветки. Срок ввода комбината был запланирован в основном на конец 1954 г.

В 1953-м А.П. Александров был избран действительным членом АН СССР. В 1962 г. вступил в КПСС. В марте 1966 г. намечалось провести XXIII съезд КПСС, и многие «деятели культуры и науки» опасались, что на нем может произойти реабилитация «злодея всех времен и народов» И.В. Джугашвили-Сталина. Перед съездом появились два ставших широко известными документа «Письмо 25-ти» «Письмо (www.aej.org.ua/History/1259.html?begin=91). Однако, как утверждал племянник Анатолия Петровича – Е.Б. Александров, было еще и «Письмо 3-х академиков (А.П. Александрова, Н.Н. Семенова и Ю.Б Харитона)». Об этом в книге Петра Александрова «Академик А.П. Александров». «Наука», 2001 и рассказывает Евгений Борисович Александров. Авторы приведенного выше украинского ресурса сделали к выжимке из этого рассказа примечание – «Историками текст письма в партийных архивах пока не обнаружен»:

^{*} В совершенно секретном постановлении Совмина СССР под «теллуром-120» был зашифрован плутоний-239!

В августе 1969 года А.П. приехал в Ленинград по делам. Его старший брат Борис Петрович Александров (мой отец) лежал в это время в больнице Академии Наук на пр. Тореза. А.П. посетил брата. Тогда мы с ним необычно много разговаривали — сначала в больнице, ожидая, когда можно будет попасть к отцу, а потом вечером у меня на квартире. Мои домашние были в отъезде, и мы с ним устроили долгий холостяцкий ужин. Это было мое первое в жизни свидание с дядей tet-a-tet. Он был необычно откровенен и ласков ко мне. (Я самокритично отнес это не к своим достоинствам, а к следствиям давних сложностей в отношениях между братьями, притом, что старший явно умирал). В этот день А.П. рассказал мне две примечательные истории, одну из которых я здесь приведу.

Он рассказал мне, что после свержения Хрущева в октябре 1964 г. в верхах начала готовиться реабилитация памяти Сталина. Это стало известным в обществе, которое оказало сопротивление в виде компании «подписантов» — всяческой интеллигенции, в основном из артистической и писательской среды. Компания была жестко пресечена — изгнание из партии, снятие с должностей и т.д.

Тогда, в преддверии 23-го Съезда КПСС, который должен был узаконить очередной извив «генеральной линии партии», три могущественных академика — Александров, Семенов и Харитон, под чьим техническим контролем была основная военная мощь страны (ядерное и химическое оружие и средства доставки), написали коллективное секретное письмо в ЦК с призывом не восстанавливать культ Сталина. Они создали это письмо в единственном экземпляре с тем, чтобы исключить утечку на Запад (они считали, что только в этих условиях они могут рассчитывать на успех предприятия и на снисходительную реакцию властей на самодеятельность авторов). Тем не менее, все они понимали крайнюю рискованность этого шага.

Особенно остро это воспринимал А.П., который знал за собой грехи перед режимом и, в частности, последний проступок перед новыми хозяевами Кремля: на 70-летии Хрущева осенью 1964 г. А.П. произнес не запланированный (т.е. не заказанный ему, а потому не отредактированный и не утвержденный соответствующим отделом ЦК) тост за здоровье Хрущева. А.П. полагал, что ненавидевшие Хрущева преемники ему это с удовольствием припомнят. А.П. считал весьма вероятным, что его в ближайшее время арестуют, и принял определенные меры в интересах семьи: он переписал все денежные сбережения на детей и жену и, допуская конфискацию имущества, переместил наиболее дорогие вещи в квартиры отселенных детей.

А.П. говорил, что их письмо не имело никаких видимых последствий, как будто его и не было. Но он был уверен, что именно оно изменило намерения вождей режима, которые не стали публично пересматривать решения 20-го и 22-го съездов партии относительно роли Сталина. А.П. откровенно гордился этим, но предупредил, что об этом надо молчать. Что я и выполнял в течение многих лет вплоть до 1992 года.

Осенью 1992 года сотрудник Ю.Б. Харитона Ю. Смирнов пришел в дом А.П. как историограф Харитона. Он рассказывал о себе как о давнем сотруднике Арзамаса-16, работавшем с Харитоном и Сахаровым над проектом самой мощной в мире водородной бомбы, испытанной на Новой Земле. (Впоследствии я нашел подтверждение этих сведений в американском журнале «Physics Today», Nov. 1996). Кроме того, он говорил, что редактирует мемуары Харитона. Целью визита Смирнова, по его словам, было попытаться найти следы одной истории, о которой ему рассказал внук Харитона. Речь шла о том самом письме в ЦК трех академиков, о котором, якобы, под страшным секретом Ю.Б. давно поведал внуку.

Смирнов добавил, что сейчас Харитон категорически все отрицает и что он, Смирнов, не знает, то ли это следствие сильно развившейся у Харитона потери памяти, то ли он до сих пор боится эту историю рассказать. Смирнов объяснил, что как историк атомного проекта, он хотел бы показать, что во главе проекта стояли не просто послушные марионетки режима, а ответственные и думающие люди. Ему казалось это важным в возникшей в обществе атмосфере отвращения к науке и ученым (вследствие общественных перемен, катастрофы в Чернобыле и раскрытия прошлых подобных же тайн).

Мне эта позиция Смирнова показалось совершенно справедливой, тем более применительно к общественному облику А.П., который теперь временами рисовался в печати одиозным служителем одиозного режима, оголтелым ядерщиком и гонителем Сахарова (по этому поводу у меня есть отдельные истории). Поэтому я без колебаний рассказал Смирнову (в присутствии моего двоюродного брата Петра Александрова) все, что помнил про это письмо. Смирнов очень воодушевился и сказал, что это переводит историю из мифа в исторический факт и что теперь имеет смысл попытаться найти письмо в архивах ЦК.

Одновременно он предложил встретиться с А.П. и попросить его рассказать эту историю от первого лица. Петр тут же организовал встречу с А.П. вечером у него в доме. Смирнов был представлен А.П., тот принял его с обычным для него радушием, но по существу дела сказал, что ничего подобного не помнит и потому ничего не может рассказать. Петр предложил мне повторить мой рассказ, что я и сделал (с некоторым смущением, поскольку заподозрил, что может быть мне не следовало откровенничать, не получив разрешения). А.П. имел вид заинтересованный и недоумевающий. «Ничего не помню», — повторял он.

(Замечу, что я практически не сомневался в тот момент, что он действительно все забыл, так как незадолго до того пересказывал ему доклад В.Я. Френкеля на юбилейном заседании совета Физико-технического института. Френкель поднял из архивов института лестный для А.П. эпизод, в котором молодой А.П. героически выступил единственным публичным защитником А.Ф. Иоффе, когда того накрыла кампания социально-политических обличений в конце 30-х годов. Френкель считал, что только открытый отпор со стороны А.П. кампанейщикам спас тогда Иоффе от расправы. А.П. выслушал от меня эту историю точно с таким же удивлением, как в присутствии Смирнова, и сказал, что ничего не помнит. Так оно, конечно, и было. Похоже, однако, что в случае с письмом в ЦК ситуация была другой, см. ниже).

Так Смирнов и ушел ни с чем. Мы же, родственники, обсуждая ситуацию, договорились как можно скорее уговорить А.П. писать и наговаривать мемуары, пока не поздно. (Речь об этом давно шла в семье, но А.П. отговаривался то отсутствием времени, то секретностью многих тем).

Месяцем позже я опять был в доме А.П. За вечерним столом была поднята тема мемуаров — дескать, давайте начнем прямо сейчас. А.П. угрюмо отнекивался, говоря, что напишет, когда придет время. Мы на него наседали, и тут он взорвался. «Нет уж, хватит! Опять Ёж (т.е. я, Е.Б. Александров) будет мне что-то приписывать в присутствии бог знает кого, да еще с магнитофоном наготове!» Я, изумившись этой вспышке, так не соответствовавшей его благодушному поведению во время той встречи со Смирновым, и начав что-то понимать, спросил его: «Вы, действительно, не помните той истории с письмом?»

И он ответил, глядя мне прямо в глаза, явно глумливо: «Вот как бог свят, не помню!». И перекрестился. (Никогда раньше я не видел, чтобы он крестился — он всегда был атеистом; это был театр, «перформанс»). Ему шел 89-й год. Через два года он умер, так ничего больше и не рассказав. Гвозди бы делать из этих людей! Его другие истории за мной.

Сентябрь 1997.

(Поразительно сходство реакций столь разных людей, как Харитон и Александров. Похоже, они оба во время Хрущевской «оттепели» подраспрямились и посмели иметь независимое политическое мнение. И оба об этом по секрету рассказали своим близким. А потом, следующие 25 лет ползучей реставрации сталинизма, вернули их на старую защитную позицию профессионального изоляционизма. И новая оттепель их уже не могла соблазнить.)

В 1975-м Анатолий Петрович был избран президентом АН СССР. В 1983 г. побывал на подмосковной ГРЭС-3 им. Р.Э. Классона по случаю открытия бюста строителя станции, своего дяди и крестного.

А.П. Александрову, как президенту АН СССР, пришлось заключить некий, негласный компромисс с «Софьей Власьевной»:

<...> Торжественное заседание Академии наук СССР «в честь шестидесятилетия Великой Октябрьской революции». [Академик] Сахаров приглашен. Он сидит в одном из первых рядов, недалеко от прохода. У него с собою записка: предложение правительству амнистировать политических заключенных, отменить смертную казнь, смягчить тюремный режим.

«…» На трибуне президент Академии наук, академик А.П. Александров, и другие высокопоставленные лица. Еще бы! Ведь праздник какой — Октябрьской революции исполнилось шесть десятилетий! Докладчик, академик Б.Н. Пономарев, член ЦК [КПСС] (кандидат в члены Политбюро), превозносит наши достижения. Сахаров тихо поднимается во весь свой высокий рост и делает шаг к проходу. Он хочет подойти к трибуне и передать в президиум свою записку. Но поперек его пути, между стульями внезапно возникает преграда: ноги. Сахаров со своей высоты молча разглядывает эту живую преграду. На фоне наших достижений ему все-таки удается, вопреки преграде, выйти в проход и сделать один шаг к трибуне. Тут его мгновенно окружают восемь человек, восемь богатырей — сотрудников КГБ. «…» Сахаров стоит, окруженный чекистами. Один пытается вырвать у него бумагу из рук. «…» Зал принимает приветствие Политбюро ЦК. Весь зал поднялся: оркестр заиграл государственный гимн. Весь зал стоит. Наконец, гимн окончен. Опустела трибуна. Опустел и зал. Ни орденов. Ни седин [и лысин]. Пусто. Тогда чекисты расступились перед Сахаровым: «Вы свободны». (Лидия Чуковская. Процесс исключения)

Далее, в этой повести, Лидия Корнеевна спрашивала у Андрея Дмитриевича, как отреагировали на сей эксцесс его коллеги? – «Они смотрели в другую сторону». Скорее всего, «в другую сторону смотрел» и А.П. Александров...

В то же время, надо отдать должное советским академикам и Анатолию Петровичу во главе их, они «не проявили инициативы» в исключении «отщепенца» А.Д. Сахарова из АН СССР, к чему их настоятельно подталкивала «Софья Власьевна», и что неоднократно делал в своих рядах Союз советских писателей. И «компромисс» оказался фактически «бойкотом» в отношении «изгнания из своих рядов паршивой и даже оголтелой овцы».

 $^{^*}$ Цитата из популярного стихотворения Николая Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей / Не было б в мире крепче гвоздей!».

Из воспоминаний племянника Евгения Борисовича Александрова «А.П. Александров и диссиденты» (опубликованы в книге «Академик А.П. Александров», 2003 год):

Отношение А.П. к диссидентству было двойственным. Как человек незаурядно умный, глубоко демократичный и, к тому же, особо информированный, он не мог не видеть глубоких пороков системы и, тем самым, не мог не признавать справедливость критики со стороны нелегальной оппозиции. Вместе с тем, именно в силу своего ума и информированности он хорошо видел слабости этой оппозиции, элементы наивности и оголтелости в ее критике режима. К этому примешивалось чувство лояльности государственного человека и глубокая уверенность во всемогуществе репрессивного аппарата. Все, что говорилось в его доме, он считал прямо поступающим на стол госбезопасности. Частенько он выражал это прямой репликой «на микрофон». Например, так: «Конечно, все, что говорится в этом доме, прослушивается. И это правильно, поскольку мое служебное положение таково, что любой риск недопустим». Сам он никогда не поднимал рискованных тем, а когда они возбуждались безответственной молодежью, он стремился их сворачивать, давая им максимально лояльный и, вместе с этим, осмысленный комментарий.

Например, когда кто-то из присутствующих (помнится, был это я) сообщил, что по словам Би-Би-Си в Москве перед 7 ноября профилактически забирают в психлечебницы известных диссидентов, А.П. философски заметил: «Ну что же, очень гуманно, не расстреливают же». Как я уже говорил, в шестидесятые годы, поддавшись атмосфере оттепели, А.П. иногда делал рискованные поступки. Например, уже после снятия Хрущева, в обстановке «похолодания» он в один из моих приездов в Москву дал мне по секрету до утра полистать рукопись запрещенного «Ракового корпуса» Солженицына. При этом он мне тихо сказал: «Только сохрани тебя бог кому-нибудь сказать, где ты это читал». Наутро я вернул рукопись. А.П. спросил, было ли мне интересно. Я ответил, что хорош образ Павла Николаевича Русанова, партийного вождя среднего звена, который попадает в городскую больницу на общих основаниях — в общую палату. И тут А.П., глядя в пространство, сказал: «Вот этого-то они больше всего и боятся — оказаться на общих основаниях, как все».

Затронув эту тему, нельзя обойти вопроса об отношении А.П. к А.Д.Сахарову, чья наиболее интенсивная общественная и правозащитная активность пришлась на годы президентства А.П. в Академии наук. Поэтому А.П. приходилось давать объяснения на эту тему в правительстве, отвечать на вопросы журналистов и иностранных коллег, улаживать скандалы и удерживать власти от размашистых репрессивных действий. Все это очень нагружало А.П. и поддерживало в нем постоянное раздражение против Сахарова. Он не любил говорить на эту тему, но когда об этом заходила речь, то он не скрывал своего неудовольствия действиями Сахарова и им самим, как личностью.

Он считал действия Сахарова общественно опасными, боясь, что они могут спровоцировать новую волну репрессий, направленных на Академию наук и на интеллигенцию в целом. А об ужасах прошлых репрессий он знал, в отличие от Сахарова, не понаслышке.

Хорошо зная партийный Олимп, (опять-таки, в отличие от Сахарова), он очень ясно видел наивность попыток Сахарова внушить руководству идеи необходимости перемен. Что касается личного отношения А.П. к Сахарову, то тут у А.П. было два повода для неудовольствия. А.П. не верил в искренность миротворческой деятельности Сахарова, считая это чисто политической игрой. А.П. рассказывал, что во времена работы над водородной бомбой молодой Сахаров неожиданно выступил с проектом особо «эффективного» применения ядерного оружия против Америки.

Проект состоял в инициировании подводными синхронизированными взрывами гигантской приливной волны, которая должна была прокатиться через весь североамериканский континент, смыв с него все живое. А.П. считал этот план просто людоедским и не мог поверить, что его автор вдруг переродился в миротворца. (Когда я услышал эту историю от А.П., я решил, что он что-то утрирует, уж больно это было не похоже на того Сахарова, о котором я был наслышан. Но лет десять спустя, я прочел эту самую историю в мемуарах Сахарова, где уже сам автор выражал аналогичное недоумение в свой адрес!) Недоверие А.П. к искренности действий Сахарова усугублялось обращениями последнего за помощью к американским властям, от которых А.П. ничего доброго по отношению к России никогда не ожидал.

А что до второй причины неудовольствия А.П. в отношении Сахарова, то тут он был солидарен со многими (если не с большинством) членов Академии, особенно, среди старшего поколения. Фронда Сахарова выставила множество академиков в неприглядном виде, когда их вынудили публично отмежевываться от Сахарова, чья правота мало у кого из них вызывала сомнения. «Он ходит героем-мучеником в белых одеждах, а мы все в дерьме».

Естественно, что в этих условиях все ждали, что Сахарова должны исключить из Академии, лишив его неофициального иммунитета, даваемого званием и многократно усиленного тремя звездами Героя Социалистического труда. Звезды Сахарова были в руках партийных властей, и они со своей частью проблемы легко справились, лишив Сахарова наград. Но Академия не сдала Сахарова как своего члена, несмотря на все усилия властей. В полной мере их давление испытал на себе А.П.

И здесь я опровергаю утверждение вдовы Сахарова Елены Боннэр, которая заявила, что нет никакой заслуги А.П. в сохранении членства Сахарова в Академии, потому, дескать, что никто на это членство не покушался. Еще как покушались! И защитил его именно А.П., какие бы легенды по этому поводу ни ходили.

(Я слышал рассказ о заседании Президиума Академии, где якобы президент поднял вопрос об исключении Сахарова, сразу добавив, что дело беспрецедентное. «Почему беспрецедентное, — якобы сказал П.Л. Капица, — из немецкой Академии при Гитлере исключили Эйнштейна». Последовала пауза, после которой президент будто бы предложил перейти к следующему вопросу. Эта история имела хождение в нескольких вариациях и, возможно, имела реальное основание, однако очевидно, что вопросы такого политического значения решались тогда не на собраниях Президиума.)

Хотя А.П. почти никогда не обсуждал дома конфиденциальные темы, я оказался первым слушателем его рассказа о дипломатическом триумфе на собеседовании в политбюро ЦК. А.П. не называл имен. «Меня спрашивают, есть ли в уставе Академии процедура лишения звания академика. Я отвечаю — есть, с формулировкой «за действия, порочащие...».

Меня спрашивают — так за чем дело стало? Я отвечаю — видите ли, по уставу Академии все персональные вопросы решаются тайным голосованием на общем собрании, и я не уверен, что ¾ академиков проголосуют за исключение Сахарова. Может получиться громкий политический скандал. Меня спрашивают — а нельзя ли организовать открытое голосование? Ведь трудно поверить, что в этом случае заметное число академиков открыто пошло бы против линии партии. Я отвечаю — можно, но для этого надо изменить устав Академии.

Мне говорят — так за чем дело стало? Я отвечаю — видите ли, по уставу Академии любые изменения устава утверждаются тайным голосованием на общем собрании, и я не могу гарантировать, что ¾ академиков проголосуют за такое изменение. — И тут они от меня отстали!» — закончил А.П., очень довольный собой.

И иначе, как героическими эти его действия назвать нельзя. При его биографии и знании, с кем он имеет дело, он, конечно, воспринимал это как игру с огнем.

(Несмотря на все свои должности, регалии, членство в ЦК, А.П. никогда не чувствовал себя защищенным от произвола. Дети и близкие друзья уверяли его, что режим помягчал, но он повидал в жизни слишком многое и всегда был готов к худшему.)

Несмотря на этот успех, А.П. не смог препятствовать ссылке Сахарова в Горький. Думаю, что не больно-то с ним вожди и советовались. Обстановку для меня сильно прояснила одна сцена, случайным свидетелем которой я стал. Был субботний день, и А.П. сидел, уединившись за каким-то чтением. Зазвонил телефон, и я услышал, как его невестка Таня кричит через весь дом: «То! Звонит Наталья Леонидовна! Спрашивает, хотите ли Вы читать текст Вашей телеграммы, посланной Сахарову в Горький?». А.П. как-то промедлил с ответом, и тут я нечестиво захихикал в соседней комнате. Тогда А.П. сказал: «Что же это она такие вещи по открытому каналу говорит?» И пошел к телефону.

Нижеследующие воспоминания Е.Б. Александров обозначил как «Три креста», они дополняют и развивают рассказ Александра Анатольевича о «героической юности» А.П. (см. выше), были частично опубликованы в книге «Академик А.П. Александров», 2003 год:

А вот другая история из числа услышанных мною от моего дяди А.П. Александрова. Рассказал он мне ее в августе 1969 года и никогда более не возвращался к ней. Он рассказал мне, что в его отрочестве (как я понял, в его 16 лет) он оказался в белой армии, где безумно преуспел и прославился до такой степени, что удостоился трех «георгиевских крестов».

(12 лет спустя на Волге я спрашивал его о происхождении страшных старых шрамов на его теле. Он затруднился с ответом, говорил, что, может быть, это было результатом обстрела в Архангельске в 1943-м [в книге обозначен Мурманск — МК], где на него что-то упало, но точно он не помнит. Все-то он помнил!)

Но тогда он осознал, что с такими наградами в России после 1917 года долго не проживешь. И он решил эти «георгиевские кресты» спрятать. Он закопал их в песчаной норе в Днепровском береге. А потом вскоре попал в облаву и оказался вместе со многими захваченными в каком-то украинском подвале. Захваченных вызывали одного за другим на допрос и немедленно убивали — оставшиеся слышали выстрелы. Дядю вызвали на допрос, в свой черед. Допрашивала его какая-то девица в «кожаной тужурке», которая прониклась сочувствием к дяде (бывшему очень красивым и рослым молодым человеком) и молча показала ему на некий черный выход наружу, каковым он и воспользовался незамедлительно. Однако, с тех пор он ощущал над собой в течение всей своей жизни «дамоклов меч» своей биографии (который так никогда и не пал на него, но неизменно составлял фон его жизни. Я в том самом 1969 году пытался внушить ему, что все это не имеет никакого значения полстолетия спустя и в его положении особенно, но, похоже, это не возымело никакого влияния).

Записано в октябре 1987 года.

Только после смерти А.П. постепенно частично прояснилась история трех крестов. Кое-что из странных рассказов А.П. вспомнили близкие и увязали с этой темой. А.П. воевал у Врангеля, бежать к которому сманил его приятель. (Последний уехал в Стамбул во время бегства белой армии из Одессы, а А.П. остался). Кресты были не Георгиевские, так как по уставу этими крестами награждать мог только император. Это были учрежденные Врангелем ордена того же «дизайна», но назывались они «крестами Святителя Николая Чудотворца».

Кое-как удалось предположительно восстановить, за что именно был награжден А.П. Один крест был дан за отражение атаки кавалерийской лавы — А.П. лежал за пулеметом (реконструкция сына Ивана). Второй, видимо, был наградой за подрыв бронепоезда (реконструкция сына Петра).

Добавление 2008 года.

О других подробностях жизни замечательного родственника Р.Э. Классона, к которому он всегда относился с величайшим уважением, можно прочитать в уже неоднократно упоминавшейся книге: П.А. Александров. Академик Анатолий Петрович Александров. М., Наука, 2001 (она все же была составлена из надиктованных на магнитофон рассказов Анатолия Петровича своим родственникам).

Приведем опубликованные отдельно воспоминания Евгения Борисовича, которые он обозначил при пересылке автору сих биографических очерков как "«Дядя Классон» и Ленин" (Е.Б. Александров. Воспоминания об А.П. Александрове. Вопросы истории естествознания и техники, 2003, № 2, с. 34-40.):

В 1983 году я проводил летний отпуск в кругу своих московских родственников. А.П. с женой и обозом детей и внуков регулярно выезжал на нижнюю Волгу, где жил спартанским лагерем в палатках на острове вблизи деревни Енотаевки. Остров этот обычно подвергался визитам районного и областного начальства, а А.П., в свою очередь, считал своим долгом делать с острова два выезда — в район, и, на обратном пути в Москву, в Астрахань, в качестве гостя секретаря обкома Бородина.

В тот год я сопровождал АП и Марьяну Александровну на их пути в Москву и оказался с ними в Астрахани. А.П. выступал с лекцией в доме культуры о перспективах мировой энергетики, потом был вечерний прием у хозяина области, после чего нас разместили на ночлег в гостевом коттедже на берегу Волги. После множества впечатлений мне не спалось, и я, побродив по пустынному гостевому этажу, нашел библиотеку.

Там оказались только труды классиков марксизма. И тут мне пришла в голову счастливая мысль — я вспомнил о рассказах своего покойного отца, который говорил о брате своей матери — о Роберте Эдуардовиче Классоне, известном русском инженере электротехнике, строителе электростанций и первых в России энергетических сетей. А связь с классиками марксизма была прямая — отцовский дядя со студенческих лет был знаком с Лениным. Роберт Эдуардович вел в петербургском Технологическом институте марксистский кружок, который в 1894 году начал посещать молодой Ленин [Р.Э Классон кончил курс ПТИ в 1891-м, тогда его студенческий кружок посещала Н.К. Крупская — МК].

В семейных преданиях было известно, что на собрании кружка, совмещенном с масленицей в доме Классона, впервые встретились Ленин и Крупская [сия встреча произошла в феврале 1894-го, после возвращения Р.Э. Классона из-за границы летом 1893 года, когда он устроился служить на Охтенские пороховые заводы и устроил у себя «маленький марксистский салон» – МК]. Отец говорил мне, что позже дядя отошел политики, но сохранил дружеские отношения революционерами, помогал им деньгами, а при случае служил курьером между Россией и революционной эмиграцией в Женеве [к сей мифической «службе курьером» можно отнести лишь сюжет, когда Р.Э. Классон в мае 1895 года съездил в Лозанну к своей родственнице Алине Антоновне Мотовиловой, чтобы через нее свести некоего «Петрова», оказавшегося потом В.И. Ульяновым, с пребывавшим под Женевой Г.В. Плехановым. – МК]. После революции «дядя Роберт» интенсивно сотрудничал с новой властью в деле электрификации России.

И вот я решил воспользоваться случаем и посмотреть, нет ли каких-то следов моего двоюродного деда в собрании сочинений Ленина. Я знал склонность моего отца к сочинительству, и мне было интересно узнать, что он приукрасил в своих рассказах. Дело оказалось простым — каждый том собрания был снабжен указателем имен, и я немедленно обнаружил множество ссылок на имя Классона.

Все, что говорил отец, тут же подтвердилось. Прежде всего, я прочитал «справку». Цитирую по т. 16 пятого издания сочинений Ленина: «Классон, Р.Э. (1868-1926). Крупный инженер электротехник. В 90-х годах XIX века был "легальным марксистом", участвовал в петербургском марксистском кружке. Затем от политической деятельности отошел и посвятил себя электротехнике.

По проектам Классона и под его руководством были построены многие электростанции в России, в том числе первая в мире электростанция, работавшая на торфяном топливе. Им предложен гидравлический способ добычи торфа, получивший практическое применение после революции благодаря энергичной поддержке В.И. Ленина. Принимал активное участие в подготовке плана ГОЭЛРО, был директором 1-й Московской электростанции».

После этого я пересмотрел все материалы, связанные с именем Классона. В томах, относящихся к дореволюционному времени, нашлось немного — несколько упоминаний мельком и лишь одно обстоятельное личное письмо Ленина из Мюнхена 28 мая 1901 года Классону с просьбой денег для поддержки «группы, издающей и редактирующей "Искру" и "Зарю"». Речь шла как о разовом сборе, так и о регулярных взносах.

Но с 1920 года обнаружилось множество писем и записок Ленина в связи с проектом «Гидроторф». Ленин уделяет исключительное внимание проекту, обеспечивая его автору Р. Э. Классону максимальную поддержку. Однако, относится Ленин к Классону настороженно. Их переписка иногда приобретает довольно острый характер. Классон всячески недоволен действиями новой администрации, мешающей ему работать. Ленин упрекает Классона в неумении бороться с волокитой и пользоваться данными ему полномочиями.

Вот, например, что писал Ленин Классону в декабре 1920 года: «Я боюсь, что Вы — извините за откровенность — не сумеете воспользоваться постановлением СНК о Гидроторфе. Боюсь я этого потому, что Вы, по-видимому, слишком много времени потратили на "бессмысленные мечтания" о реставрации капитализма и не отнеслись достаточно внимательно к крайне своеобразным особенностям переходного времени от капитализма к социализму. Но говорю это не с целью упрека и не только потому, что вспомнил теоретические прения 1894-5 годов с Вами, а с целью узко практической».

В секретном письме к И.И. Радченко — ответственному по торфяной промышленности — Ленин разделяет недоверие того к «изобретателям», и в частности, добавляет, что «и Классон не сторонник наш... Изобретатели — чужие люди, но мы должны использовать их». Классону предоставляются большие средства для проведения работ, а также закупок за границей, но глаз с него не спускают. В 1921 году Классон обращается к Ленину с просьбой разрешить взять с собой сына Ивана в очередную поездку в Германию. Ленин с готовностью разрешает, но тут же пишет секретную записку И.С. Уншлихту — заместителю председателя ВЧК — с указанием сына не выпускать. Год спустя он отменяет свое распоряжение в достаточно своеобразной форме: «Помните, я Вам писал однажды о том, чтобы не пускать за границу сына Роберта Эдуардовича Классона? По наведенным мною теперь справкам эта надобность отпала. Значит, с моей стороны (дважды выделено Лениным, ЕА) препятствий к его выезду нет», — пишет он секретную записку тому же Уншлихту.

Я сделал закладки на наиболее интересных письмах и наутро показал их А.П. Для него многое было новостью. Он реагировал озабоченно, как государственный человек. «По-моему, это политическая ошибка — открыто публиковать такие вещи», — сказал он. Вскоре после этого я прочел содержательную монографию М.О. Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон», изданную в 1963 г. Там, разумеется, отношения Классона с Лениным были представлены практически безоблачными. Классон скоропостижно умер в 1926 году. Не сомневаюсь, что проживи он после смерти Ленина дольше, его судьба была бы печальна — большинство людей, бывших так или иначе в близких с Лениным отношениях, попали в тридцатых годах в мельницу репрессий.

Тем более что Классон был выраженным лидером и, тем самым, человеком социально активным. Он постоянно писал полемические статьи в газеты, протестуя против засилья новой бюрократии, технически безграмотной и блокирующей компетентную инициативу. Его заносило и на сугубо политические вопросы — он решительно возражал против становившихся все более популярными принципов принудительного труда в промышленности. Газеты еще печатали его статьи в 1926 году, но уже отмежевывались от позиции автора. По нынешней терминологии, Классон был социально ориентированным рыночником. Не сомневаюсь, что он погиб бы в первых процессах типа «дела промпартии».

Биография Р.Э. Классона невольно наводит на мысли о сходстве личностей и судеб дяди и племянника. Оба увлеченно и неутомимо работали на переднем крае научно-технического прогресса своего времени, оба были прекрасными организаторами и руководителями больших коллективов, оба возглавляли государственные проекты особой важности и особого внимания высшего руководства страны. Оба имели сложные отношения с этим руководством. Оба прожили жизни крайне насыщенные и очень трудные.

Март 2001 года

Е.Б. Александров (справа) в гостях у Марии Анатольевны Александровой, 2010 год (слева — автор сих биографических очерков)

Александров Петр Павлович (1863— 1931). Муж Эллы-Марии Эдуардовны Александровой (урожд. Классон) и зять Р.Э. Классона. Родился в семье мещанина Павла Трофимовича Александрова в Саратове.

По окончании гимназии уехал в Киев, где снял комнату у Анны Карловны Вебер-Классон-Ахониной и познакомился со своей будущей женой Эллой-Марией. Окончив в 1891 г. юридический факультет в Киевском университете, женился на дочери хозяйки дома. В том же году его назначили служить в Окружной суд Саратова, а работать пришлось в основном в городке Дубовка, который находился ближе к тогдашнему Царицыну, чем к губернскому городу: «Если это верно [(что из Дубовки провели железную дорогу в Саратов)], то это очень приятно, потому что не только письма будут скорей приходить, но и самому тебе можно будет приехать хоть на день — я уже потеряла надежду вернуть тебя совсем...». (из письма жены мужу)

С коллегами (П.П. Александров – второй слева)

Какое-то время семья со старшей дочкой Валерией (Валькой) была все-таки вместе: «Уехала я раньше, потому что не хотела Вальку держать в Саратове, но мне казалось, что ты рад пожить один. Ошибаюсь я?» (из письма жены мужу).

В 1897-м П.П. Александрова, ставшего к тому времени надворным советником, перевели мировым судьей в Таращанский суд в Киевской губернии. Ко времени рождения младшего сына Анатолия в 1903-м, Элла Эдуардовна уже осела в Киеве, П.П. Александрова опять перевели по служебной линии — на этот раз в Луцк Волынской губернии. Жена постоянно хлопотала о переводе мужа в Киев, но последний, будучи принципиальным человеком, сам никаких попыток к этому не предпринимал. В то же время он зарабатывал недостаточно, чтобы полноценно содержать семью: жену, дочь Валерию и сыновей Бориса и Анатолия. Материально помогали им Анна Карловна и Роберт Эдуардович.

Вскоре после смерти жены в начале 1906-го П.П. Александров стал служить в окружном суде в Киеве и вместе с бабушкой/тещей воспитывать осиротевших детей. Валерия училась в Лютеранской гимназии, Борис — в реальном училище, Анатолий поступил в приготовительный класс реального училища в 1910-м.

Александрова Элла-Мария Эдуардовна, урожд. Классон (1871 – 1906). Младшая сестра Р.Э. Классона. Вышла замуж за Петра Павловича Александрова — жильца, снимавшего комнату у ее матери, Анны Карловны Вебер-Классон-Ахониной. Родила в 1903-м будущего президента АН СССР академика А.П. Александрова, а также произвела на свет старших детей — дочь Валерию, или Валю (1892) и сына Бориса, или Бобочку (1898).

В ее письмах мужу, постоянно находившемуся в длительных командировках, а также Марии Петровне Коробко, зафиксировано немало бытовых и политических деталей «царского времени».

Вот семейная диспозиция за июль 1903-го:

Павел Петрович с 9 Июня в Луцке, а я с сынками осталась в Тараще. Валя с бабушкой [Анной Карловной] на Балтийском море у Софьи Ивановны [Классон] гостят. Раньше 1-го августа я отсюда уехать не могу, потому что в Луцке квартира будет готова только 10-го. <...> Оному субъекту [(Толику)] теперь 5 месяцев, веса 22 фунта, роста 1 аршин с лишним, представляет из себя клецку, кормится мною, гениальности не проявляет. Умеет переворачиваться со спины на брюхо и обратно. Малый очень веселый и тихий.

А вот про политические события в Киеве в октябре 1905-го:

В день манифеста [17 октября] я решила, что публика должна радоваться, и пошла с детьми посмотреть; по дороге встретили бабушку и пошли вместе. Стояли везде [государственные] флаги, но некоторые студенты их сбрасывали, что возбудило сильное негодование [двухлетнего] Толи. Вся встречная публика была украшена красными бантиками; это нам показалось странным, но мы все-таки пошли дальше. Возле театра уже ничего не было, и мы прошли на Фундуклеевскую, откуда смотрели, как по Крещатику двигалась громадная толпа.

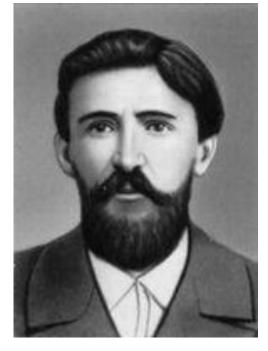
Хотели, было, пойти туда, но не решились и хорошо сделали, а то попали бы под пули. Потом начался погром, и тут уже мы три дня сидели безвылазно дома. Я только выходила к воротам разговаривать с прохожими, причем вся местная братия — извощики, солдаты, рабочие в один голос говорили, что губернатор три дня разрешил бить жидов. Выстрелы кругом так и трещали. Звук был такой, как будто кости падают на мостовую, а вперемешку с выстрелами — стук падающей мебели из окон и крики «ура». Стреляли везде, совсем близко от нас на углу Рейтарской, на Стрелецкой и др. <...>.

Валерия Петровна сохранила газетную вырезку о ранней смерти матери: «Елена Эдуардовна Александрова, урожденная Классон, скончалась 6 марта, в 10 час. утра; вынос тела из квартиры (Мало-Владимирская, 21), на лютеранское кладбище, 8 марта, в 12 ч. дня». Сия вырезка не подписана, однако аналогичная информация была напечатана и в газете «Киевлянин» №66, от 7 марта 1906 года.

А в той же газете №70 за 11 марта появилось другое извещение: «*Не имея* возможности благодарить лично, приношу глубокую благодарность всем, почтившим память жены моей, Елены Эдуардовны Александровой. Петр Павлович Александров».

Аллилуев Сергей Яковлевич (1866 – 1945).

«Я — вновь безработный [(после участия в первомайской демонстрации)]. Двери железнодорожных мастерских и депо для меня закрыты. Куда идти? Где искать места: Надо уезжать из Тифлиса. По совету товарищей я заручился рекомендательным письмом одного ссыльного — инженера Рябинина и в начале мая [1901 г.] выехал в Баку.

<...> Баку встретил меня неприветливо. Дул норд-ост, осыпая прохожих песком. Улицы производили удручающее впечатление. Тут и там видны были пустыри, ямы, рытвины. Вдали от вокзала, на набережной, стояли высокие красивые здания. А дальше, между нефтяными вышками, прижимаясь к земле, тянулись длинные низкие казармы, сложенные из неотесанных камней.

На конке добрался я до строившейся на Баиловом мысу электрической станции. <...> Я вошел в уютную, со вкусом обставленную комнату. «Вы Леонид Борисович Красин?» «Да, — сказал Красин, беря у меня письмо Рябинина. — Ну, хорошо. Нашего полку прибыло».

Леонид Борисович Красин начал социал-демократическую работу еще в бытность свою студентом Петербургского технологического института. В Баку он приехал вместе с инженером Робертом Эдуардовичем Классоном в качестве заведующего строительными работами недавно основанного акционерного общества «Электросила».

За год работы в Баку молодые инженеры сбросили в море добрую половину Баиловой горы, значительно расширили площадь строительного участка, соорудили здание мощной электростанции, водокачку, жилые дома. <...> Когда полностью закончилось оборудование паровых котлов и станцию пустили, я остался работать в котельном отделении в должности старшего кочегара.

На станции я встретил видных социал-демократов того времени — Н. Козеренко, П. Корыстелева, А. Кохановского, Н. Кириллова, А. Салищева. Все они работали на станции — кто бухгалтером, кто статистиком, кто монтером. Позднее я познакомился с Л. Гальпериным — одним из одиннадцати социал-демократов, бежавших из Киевской тюрьмы. В это же время у меня произошла первая встреча с Владимиром Захарьевичем Кецховели — Ладо. Как-то у Красина я застал высокого человека с красивым, открытым лицом, окаймленным густой черной бородой. Он разговаривал, широко шагая по комнате. — «Деметрашвили», — произнес он, пожимая мою руку. Это был Ладо, проживавший в Баку по фальшивому паспорту". (С.Я. Аллилуев. Пройденный путь. Госполитиздат, М., 1956)

Как далее вспоминал С.Я. Аллилуев, он будучи в должности старшего кочегара АО «Электрическая Сила» вступил в конфликт с Р.Э. Классоном, отказавшись выдать ему гаечный ключ из котельной «на сторону». Был уволен, но тут же устроился по рекомендации того же Р.Э. Классона и с подачи однопартийца Л.Б. Красина на принадлежавшие Ротшильдам нефтяные промыслы.

Аллилуев, Сергей Яковлевич, из крестьян. Род. в 1866 г. в Воронежск. губ. В 1881 г. служил приказчиком в Борисоглебске, затем слесарем в паровозном цехе ж.-д. мастерских. С 1888 г. побывал в Ельце, Коврове, Москве, Н.-Новгороде, Уфе, Казани и поселился в Тифлисе, где проработал 2 года в качестве слесаря ж.-д. мастерских.

Там же в 1893 г. вступил в рабочий кружок для совместного чтения брошюр о раб. движении и по политической экономии и в первый раз обратил на себя внимание жандармов, — у него был произведен безрезультатный обыск в связи с выпуском прокламаций. С 1896 г — член Тифлисск. с.-д. орг-ции. В 1900 г. накануне стачки в ж.-д. мастерских и депо был арестован за организацию ее и просидел 3 мес. в тюрьме. В 1901 г., в мае, получил разрешение выехать в Баку, где поступил на электрическую станцию «Электр. Сила», в окт. т.г. был уволен за столкновение с директором станции, после этого работал на Биби-Эйбатских нефтяных промыслах. В февр. 1902 г. арестован и отправлен в Тифлисск. тюрьму; в мае т. г. освобожден. В 1903 г. был арестован накануне всеобщей тифлисск. забастовки. Проработав после освобождения некоторое время в Баку, затем на Балаханских нефтяных промыслах, был выслан в июне 1904 г. из пределов Кавказа в Центральную Россию.

Работал короткое время в Серпухове, а затем переселился в Москву, где после январских событий 1905 г. был арестован и, после 3-мес. тюремного заключения, выслан до суда в Ростов под надз. полиции. В мае т. г. уехал нелегально в Баку. В авг., во время армяно-татарской резни и пожара бакинск. нефтяных промыслов, был арестован в числе 64 чел. на междурайонной конференции на «Электрической силе», сидел в тюрьме до амнистии. В начале дек. вернулся в тифлисск. ж.-д. мастерские. В конце июля 1906 г. был арестован в числе 33 чел., в связи с убийством рабочего-провокатора по постановлению орг-ции. Дело было направлено в военно-полевой суд, затем в военно-окружной. А. был выслан в Пинегу, Архангельск. губ., оттуда бежал в феврале 1907 г.; приехал в Баку, чтобы поступить на работу, но был сразу арестован (май 1907 г.).

В июле т. г., вследствие болезни, был освобожден на поруки под поручительство заведующего электрической станцией А.В. Винтера и, с его согласия, уехал в Петербург. Жил по паспорту Евстафия Руденко, затем М. Савченко, работал в типографии Березина. В 1908 г. легализировался и поступил на электрическую станцию О-ва 1886 г., где работал до 1918 г. в качестве монтератрансформаторщика, затем помощника заведывающего работами.

С 1908 г. по 1917 г. активного участия в партийной работе не принимал, но не порвал связей с отдельными работниками; вел переписку с ссылкой, обслуживал товарищей деньгами, устраивал их на работу, делал периодические сборы для ссыльных и для партийных целей. С 1912 г. по 1917 г. у А. была постоянная база для многих товарищей, приезжавших по делам партии и возвращавшихся из ссылки. Во время Февральской революции избран от рабочих и служащих Электрического об-ва членом комитета. После июльских дней 1917 г. приютил скрывавшихся В. Ленина и Г. Зиновьева, помогал снаряжать их для переправы в Финляндию.

После Октябрьской революции назначен комиссаром электрической станции. В мае 1918 г. командирован в Москву, работал на шатурских торфяных разработках членом коллегии. В февр. 1919 г. выехал на Украину, в Харьков, в распоряжение Украинского совнархоза, которым был командирован в Криворожск. железорудный и Никопольск. марганцовый районы членом особой комиссии по обследованию и управлению рудниками. В июне, во время наступления Деникина, при отступлении на Николаев, Одессу, Вознесенск был взят в плен белыми. По дороге в Николаев заразился сыпняком, лежал в госпитале. По выздоровлении перебрался в Крым. Живя в Симферополе при Врангеле, работал в союзе металлистов. В июне 1920 г. перебрался в Мелитополь, поближе к фронту, который несколько раз пытался в различных местах перейти. В сент. около Ногайска благополучно перешел фронт, был арестован уже своими, как подозрительный перебежчик, и отправлен в штаб 13-й армии в Александровск, где был освобожден.

В янв. 1921 г. выехал в Крым, работал членом Ялтинск. ревкома, а затем представителем от ревкома в курортном управлении Ялтинск. района. В марте т. г., вследствие острого нервного заболевания, принужден был бросить работу. В 1922-28 г.г. — член правления «Электротока» в Ленинграде. С 1929 г. пенсионер, живет в Москве. — Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма [в 5 т.]. — М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1927-1934

Андропов Сергей Васильевич (1873 — 1955). В революционном движении с 1890-х, социал-демократ. В 1901 г. — агент «Искры», был арестован и выслан в Енисейскую губ., откуда в апреле 1903 г. бежал; эмигрировал в Женеву. В июле 1903 г. арестован на австрийской границе с транспортом нелегальной литературы для России, сидел в Петропавловской крепости; в 1905 г. сослан в Тобольскую губ. После II съезда РСДРП — большевик. В 1911 г. от партийной деятельности отошел. В годы Советской власти работал в текстильной промышленности.

Познакомился с С.Н Мотовиловой в Лондоне в 1900-м и какое-то время был отчаянно влюблен в нее. Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону:

С.В. [Андропов], когда я приехала в Женеву (мне надо было доставить туда какогото мальчишку) и в тот же день уехала из Женевы к Зине в Лозанну, С.В. как безумный пошел за моим поездом. Шел всю ночь, 60 километров. И утром у Зины, когда я вышла в столовую, с изумлением увидала его. И пароходы, и поезда ходят сколько угодно между Женевой и Лозанной. Глупее, как всю ночь идти по дороге, трудно что-либо себе представить. И вот, когда я увидела его в 1950 году в Москве после 50-ти лет нашего знакомства и 35-ти лет «раззнакомства», он ничего этого не помнил. Не помнил, что я больше месяца жила с ним в Гейдельберге, говорил: он жил там один. Люди [каждый] по-своему создают легенду своей прошлой жизни. Помнят то, что им приятно, и стараются забыть то, что неприятно. (ф. 9508 РГАЭ)

С сайта памяти Виктора Некрасова (nekrassov-viktor.com/Motovilova-Sofia.aspx)

<u>Официальная биография</u> (с сайта «Деятели революционного движения в России – slovari.yandex.ru, который к настоящему времени закрылся):

Андропов, Сергей Васильевич, дворянин. Род. 17 сент. 1873 г. в Новочеркасске. По окончании в 1892 г. Новочеркасск. гимназии, студент-математик Петербургск. ун-та, из которого впоследствии исключен, в виду привлечения к дознанию. С первого года пребывания в ун-те попал в сферу наблюдения, установившего причастность его к Южно-русскому землячеству. Участник «Ветровской демонстрации» 1897 г. Осенью 1898 г., после недолгого пребывания в «Союзе борьбы за освобождение раб. класса», один из основателей и руководителей второго «Рабочего Знамени». При разгроме последнего в ночь с 15 на 16 дек. 1898 г. арестован.

В мае 1899 г. освобожден до приговора и отдан под надзор в Новочеркасске, затем в Костроме, откуда в конце окт. т.г. бежал за границу, вследствие чего состоявшееся 28 июня 1900 г. выс. пов. о высылке его на 8 л. в Вост. Сибирь осталось неисполненным. К осени 1899 г. вторая рабочезнаменская группа возродилась под именем «Петербургск. группы Рабочего Знамени», и А., поселившийся под именем Альбина в Англии, стал ее заграничным представителем. Печатал для России брошюры, подготовлял издание журнала группы, причем, будучи сторонником тесного сотрудничества с группой «Освобождение Труда», привлек к участию в нем Г.В. Плеханова.

С появлением «Искры», почти совпавшим с провалом «Петербургск. группы Рабочего Знамени», А. стал в ряды искровской организации и в середине 1901 г. вместе с В.П. Ногиным отправился агентом «Искры» в Россию (псевд. в переписке «Искры» — Брусков, нелегальная фамилия при поездке в Россию — Дементьев, Дм. Павл.). 26 авг. 1901 г., возвращаясь из Уфимской губ. со свидания с сестрой и ее мужем М.Б. Смирновым (оба принадлежали к «Рабочему Знамени»), арестован в Казани. Просидев год в Петропавловской крепости, отправлен в Вост. Сибирь. Из с. Назаровского, Ачинск. у., Енисейск. губ., где он был водворен временно до приговора, в апр. 1903 г. бежал и уехал в Женеву, где снова стал близко к редакции «Искры» (по выс. пов., состоявшемуся 19 февр. 1903 г., подлежал высылке в Вост. Сибирь на 10 л.). При вторичном возвращении в Россию, 11 июля 1903 г. арестован на австрийской границе с транспортом нелегальной литературы. Содержался в Петропавловской крепости.

28 апр. 1905 г. в Каменец-Подольске выездной сессией Одесск. суд. пал. приговорен к ссылке на поселение. Выпущен на свободу в Тобольск. губ. за несколько дней до октябрьской амнистии 1905 г., которая вернула его из ссылки. Уехал в Петербург, затем в Ростов-на-Дону, где пережил декабрьское восстание. В этот период примыкал к большевикам. В годы реакции занялся преподавательской деятельностью в средней школе (по математике). В настоящее время вне партии.

<u>Полуофициальная биография</u> (Я.И. Иоселев. Агент ленинской «Искры». / Люди земли Донской. Ростов-на-Дону, 1983, rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000023/st010.shtml):

На здании средней школы № 3 г. Новочеркасска установлена мемориальная доска, на ее мраморе высечено: "В этом здании (бывшей войсковой мужской гимназии) учились историк-декабрист В.Д. Сухоруков, народоволец В.Д. Генералов, агент ленинской «Искры» С.В. Андропов, геолог и географ И.В. Мушкетов, художник И.И. Крылов, композитор И.П. Шишов, Герой Советского Союза К.В. Сухов". О них рассказывают экспонаты не только в школьном музее, но и в музее истории донского казачества.

По партийной работе С.В. Андропов был связан с В.И. Лениным и неоднократно встречался с ним, с Н.К. Крупской, В.П. Ногиным, Н.А. Алексеевым, И.В. Бабушкиным, В.Д. Бонч-Бруевичем и многими другими революционерами. В Полном собрании сочинений В.И. Ленина не раз упоминается имя С.В. Андропова и его партийные клички.

Сергей Васильевич Андропов родился 8(20) октября 1873 г. в Новочеркасске.

Его отец, Василий Петрович Андропов, донской казак Старочеркасской станицы (род. в 1828 г.), окончил в Петербурге училище гвардейских прапорщиков, был участником Севастопольской кампании, награжден бронзовым крестом и медалью в память сражений 1853-1855 гг. Позже В.П. Андропов служил в Калаче на строительстве железной дороги, а выйдя в отставку, поселился в Новочеркасске, был чиновником контрольной палаты, затем мировым судьей. За выслугу лет получил потомственное дворянство, стал статским советником.

Мать Сергея Васильевича — Софья Карловна была дочерью известного архитектора К. Эшлимана, выходца из Швейцарии, построившего ряд дворцов на Южном побережье Крыма. Семья была большая. Атмосферу передовых идей в семью В.П. Андропова внесла старшая дочь его, Софья (по мужу Карпова), которая окончила Высшие женские медицинские курсы в Петербурге. Музыкальные интересы в семье подогревал двоюродный брат отца А.А. Андропов — инспектор музыки Донского института благородных девиц, автор салонных фортепианных произведений.

Детские и юношеские годы Сергея Андропова прошли в Новочеркасске. Еще в годы обучения в Платовской гимназии он увлекался сочинениями Белинского, Герцена, Огарева, Писарева, Чернышевского, знакомился с трудами Маркса и Энгельса, Плеханова и уже в то время по более поздним выводам С.В. Андропова о себе «ясно осознал в себе революционера». Окончив гимназию с серебряной медалью Сергей Васильевич поступил в 1893 г. на физико-математический факультет Петербургского университета, где не только проявил талантливую одаренность, но и принимал активное участие в студенческом революционном, а затем рабочем движении.

Во время каникул С. В. Андропов поехал в Женеву, там познакомился с Г.В. Плехановым, В.И. Засулич, П.Б. Аксельродом, усиленно стал изучать марксистскую литературу. По возвращении в Петербург ушел из университета и посвятил себя революционной деятельности.

Как член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», он вел пропаганду марксизма в рабочих кружках, организовал революционную группу «Рабочее знамя», в которую входили также учительница воскресной школы за Невской заставой О.А. Звездочетова и рабочий фабрики Паля В.П. Ногин.

В 1898 г. С.В. Андропов возглавил стачку в Петербурге на текстильной фабрике Максвеля, был арестован и приговорен к восьми годам ссылки в Восточную Сибирь. Но ему удалось бежать за границу. Он жил как эмигрант в Англии, под фамилией Альбин, работал у издателя-толстовца В.Г. Черткова, получая за это лишь питание. Вскоре в Англии оказался и В.П. Ногин, который помогал Андропову в издании революционных брошюр. Об их дружбе, активной революционной деятельности знал В.И. Ленин, содействовал им в организации отправки в Россию нелегальных изданий для «Рабочего знамени», а В.П. Ногин и С.В. Андропов доставляли «Искре» материалы.

<...> В июне 1901 г. Владимир Ильич пригласил Андропова и Ногина в Мюнхен и предложил направиться в Россию в качестве агентов «Искры». Там их снабдили паспортами, а Н. К. Крупская обучила технике конспиративной переписки и шифровке.
<...> По возвращении в Россию Андропов объехал некоторых членов группы «Рабочее знамя», находившихся в ссылке в разных городах, чтобы вовлечь их в русскую искровскую организацию. Но в августе 1901 г. он был арестован в Казани и заточен в Петропавловскую крепость, где просидел в одиночке год.

Позднее в Петропавловскую крепость был посажен и Ногин. 29 августа 1902 г. они были отправлены по этапу в ссылку в Восточную Сибирь, в с. Назарове Ачинского района. Андропов на 10 лет, Ногин на 8. Там уже находились в ссылке сестра Андропова Надежда Васильевна и ее муж Михаил Борисович Смирнов, которые также преследовались царским правительством за революционную деятельность.

Пробыв в Назарове четыре месяца, Андропов и Ногин в апреле 1903 г. бежали за границу в Женеву, к Ленину. Получив новое задание, Сергей Васильевич был направлен снова в Россию. При переходе границы с тяжелым грузом партийной литературы Андропов 11 июля 1903 года был схвачен и вновь заключен в Петропавловскую крепость.

Пробыв в крепости почти два года, 26 апреля 1905 г. Сергей Васильевич был приговорен к лишению всех прав состояния и бессрочной высылке на поселение в с. Пелым Тобольской губернии. Осенью 1905 г., когда царское правительство пошло на маневр, чтобы расколоть силы революции, и царь Николай II заявил в Манифесте 17 октября о «даровании» гражданской свободы, С.В. Андропов был освобожден, он выехал из Пелыма в Петербург, где снова встретился с В.И. Лениным, вернувшимся из эмиграции.

Петербургский комитет РСДРП направил С.В. Андропова в Ростов-на-Дону, где он и М.Б. Смирнов участвовали в декабрьском вооруженном восстании. После подавления восстания в Ростове С.В. Андропов бежал в Одессу, где организовал подпольную типографию и издавал журнал «Железнодорожник». В январе 1907 г. полиция разгромила типографию, Андропову удалось выехать в Петербург, где он в течение двух лет вел активную подпольную революционную работу. Его дважды арестовывали, а затем сослали в Усть-Сысольск Вологодской губернии.

В 1911 г., отбыв ссылку, Сергей Васильевич Андропов уехал в Германию, поступил в Гейдельбергский университет, но вскоре возвратился в Россию и сдал экстерном экзамены за физико-математический факультет Петербургского университета, получив диплом первой степени. Освоив специальность физика-синоптика, он работал в Главной геофизической обсерватории России. Здесь его и застала Великая Октябрьская социалистическая революция.

<...> С 1921 г. С.В. Андропов работал в Москве в ВСНХ, Коминтерне, Институте Маркса-Энгельса, в Наркомате текстильной промышленности (вместе с В.П. Ногиным), преподавал математику на курсах красных командиров в Кремле, состоял сотрудником Главной астрономической обсерватории, опубликовал ряд научных работ. В последние годы жизни по собственной инициативе выполнил важную научную работу по математике «Проблема разложения больших чисел», трудился он над ней несколько лет.

Всю жизнь С.В. Андропов интересовался музыкой. В 1916 г., после отбытия очередной ссылки, он стал брать уроки игры на фортепиано у пианистки и композитора, ученицы Антона Рубинштейна, Леокадии Александровны Кашперовой (1872-1940), которая позднее стала его женой. «В начале марта 1916 г., — вспоминала Леокадия Александровна, — произошла моя встреча с Андроповым. Я тогда еще не знала, что он был человеком замечательным по своим революционным заслугам. Я только сразу увидела, что это человек исключительный... При более близком знакомстве поражала его эрудиция. Все, к чему он прикасался, он усваивал до глубины; знал четыре иностранных языка, а по музыке мне пришлось удивляться широкому пониманию и его памяти». Жизнь замечательного профессионального революционера, агента ленинской «Искры», кандидата экономических наук, музыканта угасла в январе 1956 г. в Москве.

Бессон Альберт Георгиевич (? — ?). Окончил Петербургский технологический институт в 1888 г. В 1892-95 гг. работал на электростанции Военно-Медицинской академии в Петербурге. В 1895-1904 гг. был управляющим московским отделением «Общества электрического освещения 1886 г.».

«Сведения об окончивших полный курс» в увесистом фолианте «Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I» (СПб., 1903) дают несколько иной расклад:

Бессон Альберт Георгиевич, инженер-технолог, окончил химическое отделение в 1888 г. В 1896 г. управлял московским отделением Общества электрического освещения; в настоящее время (т.е. в 1903-м) состоит уполномоченным товарищем директора этого Общества. Кроме того состоит доверенным акционерного общества Русских электрических заводов Сименс и Гальске по электрическим дорогам в Москве. Помещал статьи в «Вестнике Общества Технологов».

«Поступил на службу в ОЭО 1 июня 1895 года. С 1895-го по 27 февраля 1898 года — Управляющий Московским отделением «Общества Электрического Освещения», — уточняет сайт www.mosenergo-museum.ru

На фото, подаренном молодому Р.Э. Классону, Альберт Георгиевич оставил весьма теплое посвящение своему преемнику: «Многоуважаемому Роберту Эдуардовичу Классону сей снимок, назначенный для пожаров, на память и с искренней надеждою никогда не пользоваться нашим правом сими карточками пользоваться для такой скверности как пожары».

Богомолов Валериан Иванович (Карлов Николай Николаевич, 1881 — 1935). Образование среднее, техническое. Профессиональный революционер, настоящее Ф.И.О. — Николай Николаевич Карлов, партийное прозвище «Черт».

Один из организаторов Свеаборгского восстания 1906 года. В 1905-м возглавлял подпольную типографию РСДРП на Лесной ул. в Москве, а затем — боевую военнотехническую группу, изготовлявшую фитильные бомбы на Самотеке.

В 1907 г. работал в лаборатории проф. Тихвинского в качестве техника по водоочистке и по испытанию котлов и турбоагрегатов, в том же году поступил на Раушскую электростанцию, где и легализовался под именем Валериана Ивановича Богомолова (каким-то образом заполучив настоящий паспорт на это Ф.И.О.). Был арестован в Москве 30 января 1909 г. и осужден Московской судебной палатой к заключению в крепости сроком на 1 год. В 1912 г. работал техником по постройке дорог на «Электропередаче», в 1913-18 гг. — зав. Электроизолирующей лаборатории, зав. монтажом и Электроотделом московского АО «Русский кабельный и металлургическо-прокатный завод». В 1918-20 гг. служил зам начальника транспортно-материального отдела ВСНХ.

Из собрания музея «Каторга и ссылка», фото 1927 г.

В 1920-24 гг. был управляющим делами, помощником ответственного руководителя «Гидроторфа» Р.Э. Классона. Стал первым мужем С.Р. Классон в 1915-м, но детей у них не было. Поэтому в 1922-м они расстались. С 1926 г. — в Лаборатории самозатачивающегося инструмента А.М. Игнатьева. По воспоминаниям И.Р. Классона, В.И. Богомолов был глубоко идеен, честнее, смел, корректен, заботлив и деликатен. В 1934-м последнему была назначена персональная пенсия.

<u>Богомолов, Валериан Иванович</u> («Чорт», «Маэстро», «Виктор», наст. фамилия Карлов, Николай Николаевич). Род. 15 ноября 1881 г. в г. Слониме, Гродненск. губ., в семье изобретателя (служил потом в управлении по постройке Полесских ж.д. и кончил свою жизнь волостным писарем в Астраханск. губ.). Учился в Астраханск. реальном уч-ще. С 12-ти лет, уйдя от отца, жил на собственный заработок от различных мелких работ. Во 2-й половине 90-х г.г. стал участником марксистских кружков, образовавшихся около ссыльных с.-д. Весной 1900 г., как политическинеблагонадежный, исключен из 6-го класса реального уч-ща. Осенью т.г. переехал в Киев, где поступил на агрономическое отделение Политехнического ин-та. Принимал участие в студенческом движении весны 1901 г. в Киеве, был арестован во время демонстрации, но по дороге в тюрьму бежал. Вместе со всем 1-м курсом исключен в связи с волнениями из политехникума и вернулся в Астрахань, где вел небольшую работу по содействию местным с.-д., по выпуску прокламаций. Затем отправился в путешествие в Сибирь, желая испробовать свои силы в качестве чернорабочего и работая все время землекопом, смазчиком, помощником машиниста и т. д. В Красноярске остановился на более продолжительное время.

В 1902 г. за попытки завязать сношения с политическими арестантами, пересылавшимися в Александровский централ, был по распоряжению нач-ка жанд. упр. Сибирск. ж.д. циркулярно уволен с дороги, где служил в качестве ночного сторожа на станции Енисей, и выслан из пределов Енисейск. губ. Отправился дальше на Восток, путешествовал по Забайкалью, Манчжурии, Китаю, Индокитаю и затем, после плавания в качестве матроса на американском китобойном корабле Mary Toorn, перебрался в Америку — сначала в Сан-Франциско, потом в Филадельфию, где работал на заводах и в то же время учился в вечерней политехнич. школе.

Перед русско-японской войной возвратился из Америки; в начале войны, после увольнения в результате конфликта с администрацией, с Китайско-Вост. ж.д., на которой он работал тогда как ремонтный рабочий, уехал обратно в Астрахань, где опять вступил в с.-д. работу, но уже официально — в Астраханск. ком-т РСДРП по печатанию партийной литературы и в качестве профессионала. Осенью 1904 г., вскоре после неудачной попытки арестовать Б. на улице (был задержан, но оказал сопротивление и бежал), он уехал из Астрахани в Самару.

Проживая по фальшивому паспорту на имя Григория Ивановича Григорьева (?), работал в вост. бюро Центрального ком-та по транспорту и распределению заграничной литературы; объезжал Саратов, Пензу, Тамбов, Козлов, Борисоглебск.

В февр. или марте 1905 г. перешел на ту же работу в южное бюро ЦК (Киев), здесь неоднократно бывал в Одессе, Николаеве, Елисаветграде, Симферополе, Севастополе, Новороссийске, Полтаве, Курске и т. д. Из Киева ок. авг. 1905 г. вызван в Орел, где находилось центральное техническое бюро ЦК, и направлен оттуда в Москву для заведывания типографией ЦК, оборудованной под видом «кавказского магазина» и печатавшей популярный орган ЦК «Рабочий». В это время жил по паспорту Алексея Алексеевича Малеванного. После октябрьских дней 1905 г. заместил убитого черносотенцами руководителя Московск. района военно-технической группы при ЦК П.А. Грожана и принял лабораторию взрывчатых веществ. Во время декабрьского восстания, кроме работы по изготовлению бомб, входил в одну из кавказских дружин, штаб которой находился в квартире А.М. Горького.

В начале февр. 1906 г., в виду неотступной слежки, бежал в Петербург (непосредственно после отъезда Б. лаборатория была открыта полицией). Направлен в Гельсингфорс в качестве помощника Е.Д. Стасовой по технической подготовке Стокгольмского съезда (в Гельсингфорсе жил по паспорту Виктора Андреевича Руденко, позднее — Валериана Ивановича Богомолова). Вскоре после съезда и отъезда из Финляндии Стасовой, был назначен представителем общепартийного ЦК в Финляндии. Наряду с общим представительством партии, приемом товарищей, прибывающих из России и из-за границы, переправой за границу и т. д., активно работал в Финляндии в с.-д. военной орг-ции, а также устроил по предложению военно-технического бюро полигон для испытания бомб разных конструкций и различных взрывчатых веществ.

Участвовал в подготовке и руководстве Свеаборгским восстанием, ездил во время восстания в Петербург в ЦК за помощью; после подавления: восстания организовал с другими оставшимися товарищами отправку спасшихся от расправы повстанцев в Англию, Швецию и различные местности России. Осенью 1906 г. участвовал в подготовке первой конференции военных и боевых орг-ций РСДРП, предприняв с этой целью объезд местных, гл. обр. южных, партийных орг-ций. В связи с этой работой ЦК, меньшевистское большинство которого вело борьбу против созыва военно-боевой конференции, лишило Б. полномочий своего представителя в Финляндии, где он, однако, остался на работе в качестве уполномоченного Большевистского Центра.

В конце февр. или начале марта 1907 г. уехал в Киев на организацию пограничной работы и школы боевых инструкторов (частью на месте, частью во Львове), слушателями которой были уральские рабочие-боевики. По этой своей работе бывал, кроме Львова, в Вене к ряде других городов Австрии и Германии. После распада боевой группы в Киеве в связи с арестами лета 1907 г., Б. оставался еще там до окт. т.г., когда перебрался в Москву и поступил на электрич. станцию «Об-ва 1886 г.». Не принимая в это время активного участия в партийной работе, оказывал содействие партийной орг-ций и 30 янв. 1909 г. арестован, при чем отобрана переданная ему на хранение часть архива Московск. ком-та. Сидел в Бутырск. тюрьме.

25 окт. — 3 ноября 1910 г. судился Московск. суд. пал. (под фамилией Богомолова) по делу 33-х и приговорен к заключению в крепости на 1 г. без зачета предварительн. заключения. Кассац. жалоба оставлена без последствий. После суда до приведения приговора в исполнение был выпущен под залог, а в начале 1911 г. поехал отбывать срок в Миргород (Полтавск. губ.). По освобождении из Миргородск. тюрьмы вернулся в работал постройке Москву, старшим техником на электростанции «Электропередача» (близ Богородска), затем кабельн. cemu в Московск. электростанции «Об-ва 1886 г.», с 1913 г. до 1918 г. – на кабельном зав. об-ва «Русские кабельные и металлопрокатные заводы» (заведующим электроизмерительной лабораторией, затем электротехническим и монтажным отделами).

После Октября, в марте 1918 г., перешел в Московск. районный экономический ком-т на должность инженера для чрезвычайных поручений и был командирован в Нижний-Новгород для разгрузки Нижегородского узла и пристаней, потом был там же председателем Волжск. областной комиссии по смешанным перевозкам и председателем сначала Нижегородск., затем Волжск. областной коллегии по эвакуации. С осени 1918 г. нач-к отдела эвакуации промышленности Всеросс. Эвакуационной комиссии. По ликвидации последней в начале 1919 г. — член и вскоре заместитель председателя коллегии транспортно-материального отдела ВСНХ. В 1920-24 г.г. работал в Гидроторфе (помощник ответственного руководителя по технической и опытной частям), в 1924-26 г.г. — в Госкино (уполномоченный правления, коммерческий директор, помощник технического директора).

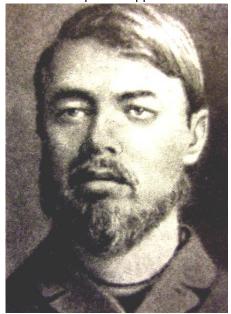
С 1926 г. работает в качестве ассистента и ближайшего помощника изобретателя А.М. Игнатьева. К партийной работе после тюремного заключения не возвращался, оставшись вне партии и после революции. — Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма [в 5 т.]. — М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1927-1934

Бреннер (Бренер) Василий Александрович (1879 — не ранее 1964-го). Поступил работать на Раушскую электростанцию в 1898-м, через какое-то время стал секретарем Р.Э. Классона. Окончил Коммерческий институт (в 1919-м был переименован в Московский институт народного хозяйства им. К. Маркса, в 1924-м получил имя Г.В. Плеханова, теперь — Российская экономическая академия) по экономическому отделению. Официально занимал должность, с сентября 1905-го, заведующего канцелярией Московского отделения Общества 1886 года. В начале 1960-х И.Р. Классон встречался с В.А. Бреннером в архивной секции Совета старейших энергетиков Минэнерго СССР. И последний рассказывал, как был поражен, когда в 1913-м зашел в Москве к Р.Э. Классону и не смог объясниться с гостившей у него мамой Анной Карловной, т.к. она не понимала по-русски, а он, В.А. Бреннер, немец по происхождению, — по-немецки!

Оставил проникновенные воспоминания об Р.Э. Классоне (см. Приложение «Памяти Р.Э. Классона»).

«Родился в 1879/1880 г. Русский подданный. Специальность: экономист. Поступил на работу 01.1903 (др. свед.: 1905). С 1898 г. — Помощник зав. канцелярией. С 01.09.1905 — заведующий канцелярией. Зав. канцелярией и секретарь Московского отделения ОЭО (17.01.17). Зам. управляющего делами и ученый секретарь МОГЭС (1924-1928). Ист.: ЦИАМ, ф. 722, оп. 2, д. 154, л. 3, 3 об. Ист.: Вся Москва, 1926» — С сайта www.mosenergomuseum.ru

Бруснёв Михаил Иванович (1864—1937). Из казаков, сын хорунжего. Учась в Петербургском технологическом институте, вел подпольную деятельность среди марксистски настроенной студенческой молодежи столицы. Ему была посвящена отдельная статья в Большой советской энциклопедии:

<...> В 1889 объединил марксистски настроенных студентов Технологического, Лесного, Горного институтов и Петербургского университета с рабочими кружками, ранее связанными с группами Д. Благоева и П.В. Точисского. Возглавил комитет, руководивший работой организации. Наладил снабжение кружков нелегальной литературой, книгами для самообразования, организовал гектографированную газету и выпустил несколько воззваний. В 1890-91 участвовал в поднесении адреса Н.В. Шелгунову от рабочих, а также в демонстрации на его похоронах и в организации празднования первой маевки в России.

С 1891, работая технологом в Московско-Брестских железнодорожных мастерских в Москве, создавал новые социал-демократические кружки, установил связь с кружками Тулы, Н. Новгорода, Харькова, Киева, с плехановской группой «Освобождение труда», от которой получил большую партию нелегальной литературы.

<...> С 1901 участвовал в работах Русской полярной экспедиции. Вернулся в Петербург в 1904. Примыкал к социал-демократической группе Союза инженеров. В 1907 был в числе выборщиков в Государственную думу от левого блока (большевиков и эсеров). Впоследствии от политической деятельности отошел.

А в еще одной статье в БСЭ отражалась связь студентов-технологов с рабочей средой:

Бруснева группа, одна из первых социал-демократических организаций России. Сложилась в 1889 в Петербурге в результате объединения революционной студенческой молодежи и передовых рабочих; была преемственно связана с группами Д. Благоева и П.В. Точисского. Ставила целью пропаганду марксизма среди передовых рабочих для подготовки из них руководителей рабочего движения. Называлась «Центральным рабочим комитетом», «Рабочим союзом», позднее — по имени руководителя М.И. Бруснева. К осени 1890 делилась на две части.

Интеллигентский центр (Бруснев, Л.Б. Красин, Г.Б. Красин, В.С. Голубев, В.В. Святловский и др.) действовал среди интеллигенции, а также намечал программу и методику пропаганды в рабочих кружках. Центральный рабочий комитет (Н.Д. Богданов, Е.А. Климанов, Ф.А. Афанасьев, В.В. Буянов, П.Е. Евграфов, В.И. Прошин, В.В. Фомин) организационно руководил рабочими кружками.

Связь между обоими комитетами осуществлялась через представителя интеллигенции в центральном рабочем кружке. Ведущую роль в Б. г. играли студенты Петербургского университета, Технологического, Горного и Лесного институтов. Рабочие кружки (по 5-7 человек в каждом) объединяли рабочих крупных предприятий города; наиболее прочные — на Путиловском, Обуховском, Балтийском заводах. Кружки были двух типов: в одних занятия проводили интеллигенты, в других — сами рабочие-пропагандисты. В 1890 группа имела до 20 кружков первого типа и несколько — второго. <...> Б. г. стремилась к соединению с рабочим движением. Зимой 1890-91 члены группы участвовали в стачках рабочих порта и фабрики Торнтона. Во время стачки на Митрофановской мануфактуре летом 1892 брусневцы отпечатали листовки и распространяли их на многих предприятиях. Б. г. издала 2 номера гектографированной газеты «Пролетарий». Организовала демонстрацию на похоронах Н. В. Шелгунова (1891) и первые в России маевки (в 1891 присутствовало 80 человек, в 1892 — до 200 чел.).

Работа автора сих очерков в ГАРФ, в материалах Департамента Полиции позволила дополнить чисто большевистский перечень деятельности М.И. Бруснева подробностями его «линии жизни». Итак, М.И. Бруснев в 1877 г. поступил в Ставропольскую гимназию, которую окончил в 1885 г. В том же году поступил в Петербургский технологический институт, каковой окончил в 1891 г., товарищ Р.Э. Классона.

Обратил на себя внимание жандармов в 1886 г. «сношениями с привлекавшейся к дознанию Марией Югилевич и в течение последних лет был постоянно на замечании полиции, как принимавший участие в тайных сходках, рабочей пропаганде и студенческих беспорядках. По окончании в 1891 г. Института Бруснев пробыл еще некоторое время в Петербурге, а затем переехал в Москву, где получил место в вагонном отделении мастерских при Московско-Брестской железной дороге, и поселился вместе с товарищем своим по Институту Иваном Епифановым, который, в бытность в Петербурге, также вращался постоянно среди неблагонадежных лиц и состоял под наблюдением» (из Обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по государственным преступлениям за 1892 и 1893 гг.).

Был организатором и руководителем «Московского революционного кружка», т.е. одной из первых российских социал-демократических групп.

В апреле 1892 г. в Департамент Полиции (С.-Петербург) пришло донесение из Москвы: "На сходках, происходивших на квартире Бруснева, <...> вырабатывалась и редактировалась программа кружка, в §12 которой значится: «Признавая наступательный политический террор главным оружием борьбы с Самодержавием, мы однако же утверждаем, что систематический террор возможен лишь при таком развитии организации, которая обеспечит живой приток сил», и Бруснев должен был ехать по делам организации в С.Петербург" (ф. 102 ГАРФ).

Однако 26 апреля полиция синхронно провела обыски и арестовала ряд революционеров, в т.ч. и М.И. Бруснева. У него обнаружили письмо Р.Э. Классона из Цюриха от 15 апреля 1892 г. В нем говорилось «о присылке каких-то книг, значении динамитных взрывов, происходивших во Франции, и прочем». Правда в вышеупомянутом Обзоре важнейших дознаний... этот сюжет звучал несколько иначе: «о согласии на высылку разных изданий и с изложением взглядов Классона на теории анархизма и социализма». По Высочайшему повелению от 7 декабря 1894 г. «государственный преступник Технолог Михаил Иванов Бруснев» был подвергнут тюремному заключению на 4 года, по отбытии которого подлежал высылке в Восточную Сибирь под надзор полиции сроком на 10 лет.

Из воспоминаний Л.Б. Красина «Дела давно минувших дней»:

Еще несколько слов о приговоре по нашему делу. Он был утвержден Николаем II в декабре 1894 года — первый приговор по политическому процессу, подписанный новым царем в первые месяцы царствования, когда российские либералы еще возлагали на него какие-то надежды. Приговор этот достаточно характеризует зверскую жестокость Николая II по отношению ко всему, что касалось каких-либо революционных выступлений [sic! — МК].

М.И. Бруснев был приговорен в административном порядке [(то есть без проведения судебного процесса)] к одиночному заключению в Крестах на четыре года, с высылкой затем на десять лет в Верхоянск Якутской области. За разными манифестами пребывание Михаила Ивановича в Верхоянске было немного сокращено, и он возвратился в Россию, если не ошибаюсь, в половине 1904 года. Таким образом, царское правительство отняло у этого человека, правда, не 14, но все-таки 12 полных лет жизни. М.И Бруснев вынес необыкновенно тяжелое заключение в Крестах и крайние лишения ссылки в самом холодном месте земного шара, но к политической работе он уже не возвращался.

Из книги Павла Зырянова «Адмирал Колчак»:

<...> Вспомогательная экспедиция [Русской полярной экспедиции во главе с бароном Э.В. Толлем], которую возглавил геолог К.А. Воллосович, состояла из 11 человек. В нее, в частности, вошли политические ссыльные — студент О.Ф. Ционглинский и инженертехнолог М.И. Бруснев. <...> 3 сентября [1901 года] «Заря» вошла в Нерпичью бухту [острова Котельный] и направилась в маленькую гавань, защищенную отмелью от натиска льдов. На берегу виден был домик, сколоченный из плавника, а еще ближе — человек, который махал рукой. Все поняли, что это К.А. Воллосович. Но встретиться с ним удалось не ранее чем через два дня. <...> 5 сентября судно наконец прошло через узкий канал [между напирающими льдинами] и прочно обосновалось в своем убежище. <...> Побывали на «Заре» [(кроме Воллосовича)] и Ционглинский с Брусневым, которые затем уехали к местам своих зимовок.

Инженер-технолог Михаил Иванович Бруснев принадлежал к числу первых русских марксистов. В советское время его имя упоминалось во всех учебниках истории. В 1901 году шел шестой год его ссылки. Он собирал для гербария образцы скудной растительности восточносибирской тундры и насаживал на иглу мелких представителей ее фауны. Но в отчетах на имя президента Академии наук великого князя Константина Константиновича не упускал случая «подпустить» насчет «кулаков-торговцев», которые держат в кабале местное население, а наемных охотников, которых в Сибири все называют промышленниками (от слова «промышлять»), называл по-научному — рабочими.

Весьма оригинально, конечно, что политссыльный М.И. Бруснев направлял отчеты о своей научной деятельности (к тому же свободно перемещаясь по всей Восточной Сибири) великому князю Константину Константиновичу. Далее в книге П. Зырянова еще не раз появится Михаил Иванович, в связи с деятельностью Русской полярной экспедиции, а затем — уже в рамках безуспешной операции по поиску и спасению группы Толля, отправившейся с корабля «Заря» в рискованное путешествие на остров Беннета.

Последнюю операцию возглавил А.В. Колчак:

На мысе Высоком [Новосибирских островов] Колчак повстречал Бруснева. Он был один, поскольку его промышленники охотились в глубине острова. Бруснев сообщил, что еще в марте [1903 года], прибыв на Новую Сибирь, он нашел на этом мысе записку Толля от 11 июля 1902 года, в коей сообщалось, что его партия отправляется на остров Беннета. Бруснев попытался пройти по льду в этом же направлении, но в 30 километрах от берега натолкнулся на полынью.

Самым же удивительным в ссылке М.И. Бруснева в Восточную Сибирь было то, что «Известия Императорской Академии Наук» (№5 за 1904 г.) напечатали его «Отчет начальника экспедиции на Новосибирские острова для оказания помощи барону Толлю»! Вот это политический ссыльный: публикуется в издании Императорской академии наук и пишет отчеты великому князю Константину Константиновичу, родственнику Александра III, которому Михаил Иванович и его соратники планировали устроить «политический террор»!! Из «Программы временного организационного Исполнительного Комитета» (сия бумага при обыске 26 мая 1892 г. была отобрана у М.И. Бруснева):

- 1) Убежденные социалисты-революционеры, мы стремимся к созданию в ближайшем будущем боевой социально-революционной организации.
- <...> 5) Обращаясь к конкретным условиям русской действительности, мы видим злейшего врага активного социализма в строго централизованном, построенном на началах крайнего абсолютизма, полицейском государстве с его самодержцем, в котором, как в фокусе, сосредоточиваются бесконечные муки несчастного и в то же время великого русского народа.
- <...> 8) Мы глубоко убеждены, что при современном соотношении общественных сил в России политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического, в форме политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной революционной партии при дружном содействии всех живых сил страны.
- 9) Стремясь к созданию боевой социально-революционной организации, мы утверждаем, что таковая может быть и должна быть создана на почве широкой устной и письменной пропаганды идей социализма в связи с пропагандой идеи политического террора среди демократической интеллигенции всех общественных категорий, среди рабочего пролетариата и, отчасти, среди сектантоврационалистов.
- <...> 11) В то же время мы утверждаем, что рабочий пролетариат, идя рука об руку с демократической интеллигенцией, может и должен в ближайшем будущем бороться за свое освобождение путем политического террора.

Какое однако гуманное обращение царских властей (с ноября 1894 г. уже во главе с Николаем II, с его якобы «зверской жестокостью по отношению ко всему, что касалось каких-либо революционных выступлений») с государственным преступником!!!

После «условно-досрочного освобождения» из ссылки в Верхоянске М.И. Бруснев заезжал в 1904-м в Баку к Л.Б. Красину (Р.Э. Классона он почему-то не застал там, последний был в очередном 1,5-месячном отпуске?). С 1907-го отошел от политической деятельности. В 1920-х работал в системе Наркомвнешторга в Литве и в Париже.

Брюниг Герман (ок. 1860 — 21 января 1922). Немецкий подданный. Служил инженером-электротехником в германской фирме «Сименс», потом в «Обществе 1886 г.» в Москве. В 1896-97 гг. руководил монтажными работами на Раушской электростанции.

Приезжал в Баку в марте 1902 г., т.е. когда там работал Р.Э. Классон. Весной 1912 г. вместе с представителями немецких и швейцарских банков Г. Брюниг побывал на будущей стройплощадке «Электропередачи» в Московской губ.

«Брюниг Герман Германович. Германский подданный. Поступил на службу 13 августа 1896 года. Инженер-строитель (10.06.1895). С 30 сентября 1896 года осуществлял надзор за всей машинной и электрической частью Раушской электростанции. Возглавлял строительство Раушской электростанции. С 22 октября 1897 года заведующий эксплуатацией Раушской электростанции. Постановлением Правления ОЭО 25 июня 1897 года назначен заведующим Московскими станциями (в должности до 15 января 1898 года). 1898 — 1900 годы — Директор-распорядитель Московского отделения Общества. Выбыл со службы 1 декабря 1900 года. Оклад 750+250 руб. Директор-распорядитель 030 (1901-1909). Холост. Адрес: С.-Петербург, Адмиралтейская наб., 6 (1901). Источники: ЦИАМ, ф. 722, оп. 2, д. 154, л. 1, 1 об.; Весь Петербург, 1902». – С сайта www.mosenergo-museum.ru

Его родственник (сын?) Виктор Брюниг в 1920-е возглавлял берлинское акционерное общество Elektrische Licht- und Kraftanlagen AG. В 1922 г. В. Брюниг приезжал для обмена опытом в области применения гидроторфа (в качестве представителя германского «Консорциума «Гидроторф», в капитале которого участвовал и Deutsche Bank) и встречался с Р.Э. Классоном в Москве и на «Электропередаче». А в Берлине с В. Брюнигом, в свою очередь, встречались уже знакомые с ним по Москве сыновья Р.Э. Классона — Иван и Павел, когда они получали в Германии высшее инженерное образование.

Буринов Александр Львович (? — не ранее 1926 г.). Окончил Петербургский технологический институт в 1891 г. (т.е. одновременно с Р.Э. Классоном, но по другому, химическому отделению), в 1900-01 гг. был ближайшим помощником Роберта Эдуардовича в Баку.

Проявлял инновационные подходы в своей инженерно-строительной деятельности: «Буринов варит какой-то необыкновенный асфальт из всякой химической дряни, результат получился блестящий — квадратная сажень обходится в 2 рубля, если не меньше. То есть еще дешевле, чем раньше и втрое дешевле, чем у подрядчиков, даже дешевле Тагиевского, а это рекорд. Решили в Сабунчах все полы сделать крашеные асфальтовые — экономия получается в несколько тысяч [руб.], а вид у пола такой, что сразу не отличить от дерева. То же самое сделаем в конторе в Белом городе, за исключением торжественных комнат» (из записи в Бакинском дневнике Р.Э. Классона от 1 ноября 1900 г., ф. 9508 РГАЭ).

Позже А.Л. Буринов работал консультантом в российских банках. В 1922 г. заведовал Частью по делам государственной торговли в Комиссии по внутренней торговле при СТО. В 1926 г. числился в Метрической комиссии Наркомвнуторга и в АО по обработке сахаристых веществ ЛИМ. *

 $^{^{*}}$ В Интернете висит глава «Утро золотого Алдана» из книги «Золотая Якутия: 80 лет отрасли»:

<...> К тому времени [(к августу 1926 г.)], взамен выехавшего из Алдана Ю.К. Краукле, прибыл новый главноуправляющий [треста «Алданзолото»], Александр Львович Буринов, специалист старой школы в области горных работ и добычи золота. <...> Прибывший Буринов был немного чопорным, но всегда корректным, поражал всех своими знаниями, чем снискал большое уважение. Между прочим, в 1926 г. он первым на Алдане снял приличный урожай выращенного им самим картофеля... С их приездом аппарат Главного приискового управления был полностью сформирован.

Буссе Эрнест Густавович (ок. 1870 — ?). Немецкий подданный. С 1900-х до июля 1914-го коммерческий директор (директор-распорядитель) Московского отделения «Общества электрического освещения 1886 г.» Вместе с Р.Э. Классоном участвовал в нудных переговорах с Московским губернским земством по поводу прокладки линии с «Электропередачи» в Москву. В 1913-14 гг. занимал должность коммерческого директора по строительству «Электропередачи». В связи с началом войны России с Германией был уволен и вскоре эмигрировал. Став ответственным сотрудником немецкого управления по поставкам оружия и боеприпасов «ВУМБА» (Waffen- und Munitionbeschaffungsamt), организовал ввоз в Германию оборудования заводов из оккупированных Бельгии, Франции и других стран, а после заключения Версальского мира — обратный вывоз.

Родился в 1869/1870 году. Инженер. Германский подданный. С 1 сентября 1896 года заведующий отделом по устройству установок Московского отделения ОЭО (1897-1898) с окладом 300 руб. Доверенный (уполномоченный) MO ОЭО (22 мая – 12 июля 1902 1905-1906 годы). Директор-распорядитель (коммерческий) Московского отделения ОЭО – утвержден Собранием акционеров Общества 2/15 мая 1908 года. В 1913-1914 годах коммерческий директор строительства «Электропередача». Акционер Общества «Электропередача» на сумму 10 000 руб. (1913). Член Правления Обшества «Пламябой», член Правления английского Общества «Русских золотых приисков». В 1911 году с Э.Г. Буссе произошел несчастный случай, и он стал страдать нервными периодическими болезнями. Согласно телеграмме от 4 августа 1914 года пока оставлен в Москве. 6 августа 1914 года Правление ОЭО отстранило германских подданных от участия в делах Общества. Уволен от должности директора-распорядителя 9 августа 1914 года. Адрес: Милютинский, д. 11 (1906, 1911). Источники: ЦИАМ, ф. 722, оп. 2, д. 241, л. 106; ф. 240, л. 159, 193; ф. 722, оп. 3, д. 69, л. 393; ф. 1609, оп. 1, д. 2; Вся Москва, 1907. – С сайта www.mosenergo-museum.ru

Винтер Александр Васильевич (1878 — 1958). Родился в посаде Старосельцы Белостокского уезда Гродненской губернии, сын железнодорожного машиниста Фридриха-Вильгельма Ивановича и Ульрики Ивановны Винтеров. При крещении по лютеранскому обряду получил двойное имя Вильгельм-Александр, будучи по гражданству отца зарегистрирован как прусский подданный, перешел в российское гражданство лишь по достижении совершеннолетия. Через несколько лет отца перевели на работу в депо Казатин Киевской губернии, где семья проживала до 1892 г.

За это время Винтер окончил три группы начального железнодорожного училища, а затем был отдан в Киевское реальное училище. В 1892 г. родители переехали в Белосток, вместе с Вильгельмом-Александром и остальными детьми — Отто-Юлием и Агнессой-Бертой, и Вильгельм-Александр, переведясь в тамошнее реальное училище, окончил в нем 7 классов в 1898 г. В том же году поступил в Киевский политехнический институт (КПИ) на механическое отделение, участвовал в студенческих волнениях. За это весной 1899 г. был уволен из числа студентов, но осенью того же года, как и все исключенные студенты, был допущен к экзаменам на перевод на II курс и успешно выдержал их.

Во время пасхальных каникул 1901 г. изготовил в Белостоке мимеограф, размножил противоправительственную прокламацию («К обществу») и распространял ее в городе. В апреле того же года был арестован за печатание и распространение прокламаций к 1 мая в связи с забастовкой булочников в Киеве, проходил по делу Киевского комитета РСДРП (М.Г. Гурский, К.П. Василенко и др.), отсидел четыре месяца в Лукьяновской тюрьме. После чего подлежал высылке из Киева без права проживания в столичных и университетских городах.

Из собрания музея «Каторга и ссылка», фото 1901 г.

Получив от знакомого профессора КПИ М.М. Тихвинского (чертил ему для иллюстрации его лекций виды Бакинских вышек и их устройство) рекомендательные письма к Р.Э. Классону и А.Л. Буринову, отправился в Баку.

В феврале 1902 г. поступил в качестве студента-практиканта на строившиеся в то время электростанции в Белом Городе и на Биби-Эйбате, сначала был определен на работу по электрификации нефтяных промыслов Балахано-Сабунчинской и Романинской площадей. Через несколько месяцев вел уже самостоятельные работы по прокладке кабелей, устройству трансформаторных и распределительных подстанций и установке моторов для бурения и тартания. В том же году опять поступил в КПИ, но за несвоевременный взнос платы за учебы был уволен и опять уехал в Баку.

В 1903 г. опять поступил в КПИ, в июле "за принадлежность к тайному сообществу, именующемуся «Российской социал-демократической партией», по Высочайшему повелению был отдан под гласный надзор полиции на три года в месте его жительства" (ф. 102 ГАРФ). Однако в июне 1903 г., выехав из Киева в Баку, в дороге скрылся, в январе 1904 г. разыскан и подчинен гласному надзору полиции в Киеве и далее в других городах по месту дальнейшего проживания (оттуда же). Осенью 1903 г. перешел на электростанцию в Белом городе и в качестве сменного дежурного основательно изучил работу котельной, машинного зала и распределительного устройства. В декабре 1903 г. был привлечен по делу об «Организационном комитете КПИ».

Был арестован, после новой высылки из Киева опять уехал в Баку. В 1904-м участвовал в установке первых в России паровых турбин на электростанции в Белом городе, затем был назначен помощником заведующего станцией Биби-Эйбат, на которой тоже была установлена одна паровая турбина. К 1905 г. уже занимал должность заведующего станцией в Белом Городе, участвовал в прокладке первой высоковольтной линии электропередачи напряжением 20 000 вольт из Белого города в Сабунчи. Считался первым выдающимся инженером из практикантов Р.Э. Классона (второй — В.Д. Кирпичников).

А.В. Винтер дважды делал попытки продолжать учение в КПИ, но оба раза безуспешно, ибо каждый раз через два-три месяца его из института увольняли. В августе 1907-го уволился из «Электрической Силы» и уехал из Баку. В том же августе профессор М.А. Шателен, бывший в то время деканом электромеханического отделения Петербургского политехнического института Императора Петра Великого, помог поступить ему на это отделение.

В летние каникулы (а иногда и по несколько зимних месяцев) подрабатывал в Москве в кабельной сети «Общества 1886 г.», участвовал в переводе значительной ее части на напряжение 6 000 вольт. Раз или два прерывал учение почти на целый год, поэтому окончил институт только в мае 1912 г., был при этом «удостоен звания инженер-электрика с правом на производство в чин X класса при определении на государственную службу на штатную должность техника» (диплом хранится в ф. 618 РГАЭ).

В том же месяце по приглашению Р.Э. Классона стал работать помощником заведующего станцией «Электропередача», а с осени 1912 г. и самим заведующим (начальником строительных работ, по-современному). Участвовал также в электрификации торфяного болота и прокладке линий электропередачи напряжением в 30 000 вольт в Орехово-Зуево, Павлово-Посад и Богородск и в 70 000 вольт — в Москву. В 1915-17 гг. служил главным механиком строящегося Владимирского порохового завода (ст. Черусти Московской губ.), куда его пригласил директор-распорядитель правления этого предприятия Л.Б. Красин. В марте 1917-го перешел на работу по созданию Шатурских торфоразработок и местной электростанции, не оставлял это строительство вплоть до 1926 г.

При советской власти работал на руководящих должностях в Шатурстрое и Главторфе. В 1926 г. был переведен в правление МОГЭС. С 1927-го главный инженер, а затем начальник Днепростроя, далее служил на ответственных должностях в Главэнерго и Наркомате тяжелой промышленности, Средволгострое, Главгидроэнергострое и др., умудряясь оставаться беспартийным (даже в должности замнаркома тяжелой промышленности!). В 1938 г. был уволен Л.М. Кагановичем с должности начальника Главгидроэнергостроя, за отказ участвовать в практиковавшихся в то время ночных бдениях чиновников, синхронно с И.В. Джугашвили-Сталиным — он придерживался строгой организации рабочего времени специалистов.

В 1932-м был избран академиком АН СССР, в 1945-49-х работал руководителем отдела, заместителем директора (т.е. Г.М. Кржижановского) по научной части Энергетического института. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Его приемной дочери А.Г. Красиной (родной дочери Г.Б. Красина) была установлена пожизненная пенсия в 1 200 руб. (после денежной реформы 1961-го — 120 руб.). Рядом с А.В. Винтером похоронена Екатерина Васильевна Красина-Винтер, урожденная Алексеева (1876-1947), первая жена Г.Б.Красина, во втором браке жена А.В. Винтера. А также Анна Германовна Красина (1903-1980).

Официальная биография. Винтер, Александр Васильевич (по метрической записи Вильгельм-Александр Фридрихович). Род в 1878 г. в посаде Старосельцы, Белосток. у, Гродненской губ., в семье ж.-д. машиниста. Будучи по гражданству отца зарегистрирован как прусский подданный, перешел в российское подданство по достижении совершеннолетия. Среднее образование начал в Киевск. реальном уч-ще, но затем переехал в Белосток. В 1898 г., по окончании Белостокск. реального уч-ща, поступил в Киевский политехнич. ин-т. В 1899 г. участвовал в студенческих волнениях, был выслан из Киева и исключен из ин-та, в т. г. был принят обратно.

По возвращении в политехникум привлекался партийной с.-д. орг-цией, а также студенческой орг-цией к активной революц. работе. Издал и распространил в Белостоке студенческую прокламацию «К обществу», в Киеве печатал воззвания к 1 мая в связи с забастовкой булочников. 17 апр. 1901 г. был арестован по делу Киевск. ком-та РСДРП (дело М.Г. Гурского, К.П. Василенко и др.). Содержался под стражей в Лукьяновской тюрьме до 18 авг. 1901 г. Обвинялся в принадлежности к орг-ции и активном участии в ее деятельности; находился, по данным обвинения, в постоянных сношениях с членами ком-та и принимал участие в его собраниях.

По выс. пов. 2 июля 1903 г. определено подчинить гласн. надз. полиции на 3 года в месте жительства. После освобождения в 1901 г. перебрался в Баку, в 1902 г. вернулся в киевск. политехникум, но за невзнос учебной платы был уволен и снова уехал в Баку. В 1903 г. опять поступил в ин-т.

11 декабря 1903 г. В. был привлечен по делу об «Организационном ком-те Киевск. политехнич. ин-та», вследствие чего, по соглашению мин-ров вн. дел и юстиции в янв. 1904 г., выс. пов. от июля 1904 г. было приостановлено исполнением до разрешения дознания. Сидел в тюрьме, затем, после новой высылки из Киева, поселился в Баку, где на этот раз оставался до 1907 г.

Работая в Баку на электростанциях, В. был связан с партийной орг-цией и оказывал самое широкое содействие работе местных большевиков; принимал деятельное участие в забастовочном движении, организуя рабочих и способствуя прекращению работ бакинских станций. В 1907 г. переехал из Баку в Петербург и поступил там в политехнический ин-т, где получил диплом об окончании в 1912 г. В этот период в революционной работе не участвовал.

После Октябрьской революции немедленно вошел в работу по организации советского хозяйства. Работал в области топлива по торфу, организовал электростроительство и непосредственно руководил работами по постройке Шатурской торфяной станции и Днепростроя. В марте 1932 г. постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) назначен начальником управления по постройке трех больших гидростанций на Средне-Волжск. системе (Средволгострой), с сохранением за ним обязанности наладить эксплоатацию днепровских сооружений; в июне 1932 г. назначен заместителем народного комиссара тяжелой промышленности Союза ССР. В т.г. выбран действительным членом Академии Наук СССР. Состоит членом ЦИК СССР. — Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. М., 1933

Витмер Ольга Константиновна, урожд. Григорьева (1869 – ?).

Подруга С.И. Классон (урожд. Мотовиловой). Православная, дочь надворного советника. Отец Константин Михайлович Григорьев служил в частном банке в Самаре, мать Александра Николаевна — врачом в селе Катериновка Херсонской губернии. По окончании гимназии княгини А.А. Оболенской в С.-Петербурге О.К. Григорьева поступила на Высшие женские курсы, получила звание домашней наставницы.

Ольга Витмер заявила на допросе в ноябре 1893 г.: «С Робертом Классоном и Яковом Коробкой я познакомилась через Льва Клобукова во время пикника, года четыре тому назад. С тех пор Классон и Коробко бывали в нашем семействе. Через год после нашего знакомства нам приходилось собираться друг у друга, для совместных чтений разных дозволенных цензурой книг по политической экономии и истории первобытной культуры. На этих чтениях присутствовали: я, Классон, Коробко и Крупская Надежда Константиновна, подруга моя по гимназии» (ф. 102 ГАРФ).

Ольга Константиновна Витмер (из альбома С.И. Мотовиловой)

В 1893 г. вступила в брак с дворянином, сыном отставного генерал-майора, кандидатом естественных наук С.-Петербургского университета Борисом Александровичем Витмером. Последний был соседом Л.И. Пятницкой (урожд. Мотовиловой) по имению в Протопопове Симбирской губернии.

С.Н. Мотовилова вспоминала в письме И.Р. Классону: "В тетю Соню был влюблен Борис Александрович Витмер [(младше ее на 6 лет)]. Знали Вы его? Когда тетя Соня вышла замуж за Классона, он с горя женился на Григорьевой. Тетя Соня называла ее «Григорьиха», она была подруга Крупской. Витмер подолгу гостил у тети Лиды в Протопопове и в Бугурне^{*}" (ф. 9508 РГАЭ).

В 1891 г. Б.А. Витмер участвовал в кружке «вредного направления» среди петербургской учащейся молодежи, числом до 18 человек), поочередно собиравшейся на своих квартирах. В 1892 г. Б.А. Витмер служил вольноопределяющимся Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады. Негласное наблюдение за его сношениями летом этого же года в Красносельском лагере выявило знакомство с состоящими под негласным надзором полиции студентом С.-Петербургского Технологического института Степаном Ивановичем Радченко и слушательницей Высших женских курсов Лидией Капитоновной Агринской. Кружок «вредного направления» в этом году, по всем вероятиям, совершенно распался. В 1893 г. были установлены подозрительные сношения Б.А. Витмера с дворянкой, учительницей Еленой Ивановной Климчицкой, знакомой С.И. Классон (урожд. Мотовиловой). По состоянию на 1897 г. детей у четы Витмеров не было.

О.К. Витмер-Григорьева привлекалась к дознанию, как и Р.Э. Классон и Я.П. Коробко, с которыми была знакома, в качестве обвиняемой в государственном преступлении в связи с расследованием "Дела о рассылке из С.Петербурга прокламаций, озаглавленных «15 Апреля 1891 г.» по поводу демонстрации при похоронах писателя Шелгунова":

Поддерживала [почтовые] сношения с обвиняемым <...> Робертом Классоном во время проживания его за границей, но сношения эти не имели революционного характера, а обусловливались желанием совместных с ним занятий по научным вопросам. Ввиду недостаточности улик дознание было прекращено по соглашению Гг. Министров Внутренних Дел и Юстиции. (ф. 102 ГАРФ)

^{*} В начале XX века эту деревню (Мокрую Бугурну), как и другую — Сухую Бугурну, а также давшую им имя речку стали именовать через «о» — Богурна. См., например, «Селения Симбирского уезда», Симбирск, 1904.

«Женившийся с горя» на О.К. Григорьевой Б.А. Витмер

Воден Алексей Михайлович (1870-1939). Литератор-философ и переводчик. Детство провел в посаде Клинцы Черниговской губ., где отец служил фабричным врачом. В 1889 г. окончил Новгород-Северскую гимназию с золотой медалью и поступил в С.-Петербургский университет на естественный факультет. В мае 1890 г. познакомился со своим однокурсником П.Б. Струве и присутствовал на чтении его реферата о жизни и деятельности К. Маркса. Осенью 1890 г. на чтении одного из рефератов познакомился с Р.Э. Классоном. С тех пор по просьбе Р.Э. Классона или его коллег-технологов регулярно переводил немецкую социал-демократическую литературу.

В ноябре 1890 г. из-за нервного переутомления уехал в Черниговскую губ., где предпринял неудачную попытку застрелиться. Вернулся в Петербург в апреле 1891 г., 1 мая по приглашению студентов-технологов побывал на «прологе демонстрации» — съездил на лодке на взморье, где слушал ораторов, а затем «обосновывал резолюцию» маевки. О дальнейшем ходе первомайской демонстрации, уже на суше, узнал через несколько дней от тех же технологов.

Сдав экзамены за 1-й курс, А.М. Воден уехал учиться в Берлинском университете. Затем отправился в Швейцарию, по дороге заехал к Р.Э. Классону во Франкфурт-на-Майне. По просьбе последнего пытался донести до П.Б. Аксельрода и Г.В. Плеханова, что «на золотой дождь из России эмигрантам нельзя рассчитывать, ибо там деньги нужны для работы на местах, а средства на издание за границей литературы для рабочих и на ее транспорт будут отпускаться лишь при тщательном контроле за целесообразностью их расходования». В Лозанне зарабатывал уроками математики (в т.ч. у А.А. Мотовиловой с дочками) на поездку в Лондон. В конце 1893 г., получив рекомендательное письмо Г.В. Плеханова к Ф. Энгельсу, уехал в Лондон.

Из собрания музея «Каторга и ссылка», фото 1893 г.

В мае 1894 г. А.М. Воден получил от Р.Э. Классона предостережение: в Россию в ближайшем будущем не являться, т.к. последний был вынужден при допросе в жандармском управлении С.-Петербурга дать о А.М. Водене некоторые показания. Например, в ноябре 1893 г.: «Потом я с удивлением услышал от Водена, русского студента, учившегося в Женеве, который от нечего делать посещал Плеханова, что тот будто принял наше отмалчиванье за согласие передать интеллигенции, что он нуждается в деньгах. Я думаю, что тут перепутал Воден, который на это, по своей болезненности и нервности, вполне способен. Больше ни я, ни Коробко Плеханова не видели, так что этот вопрос остался невыясненным». И 17 ноября того же года: «О месте пребывания Засулич я узнал от Водена, бывшего студента С.-Петербургского университета, живущего то в Женеве, то в Лозанне и посещавшего Мотовилову». (ф.102 ГАРФ)

В переписке Р.Э. Классона с родственниками А.М. Водена характеризовали как инфантильного персонажа: "Письмо без подписи и обозначения времени, начинающееся словами «Соничка, Вы, верно, предупреждены <...>», писано [А.А.] Мотовиловой к моей жене. Под словами «наш сын» подразумевается Воден, которого Мотовилова называла так в шутку. Воден вообще отличается многими физическими странностями и держит себя как маленький ребенок, почему и отношения к нему были всегда шутливые" (из показаний Р.Э. Классона в Жандармском управлении в январе 1894-го, ф. 102 ГАРФ).

Из воспоминаний С.Н. Мотовиловой: «Однажды летом, выйдя из отеля в Salvan [под Лозанной], где мы обедали, мы с удивлением увидели Водена, завернутого в какую-то зеленую шаль. Это были не шестидесятые, а девяностые годы, и тогда мужчины шали [уже] не носили. Оказалось, что шаль-то была не Водена, а Веры Засулич. Нам показалось возмутительным: как можно носить чужие вещи! Тогда мы, дети, не знали, конечно, зачем приезжал к нам в Salvan Воден, но уже потом я узнала, что он приезжал занять денег у мамы для Веры Засулич, которая должна была ехать в Россию, конечно, нелегально, а денег на дорогу не было» (ф. 786 отдела рукописей РГБ).

Вернулся на родину только в 1910 г., заболел нервным переутомлением и стал опять работоспособен лишь в 1919 г. В 1920-22 гг. был преподавателем школы 2-й ступени, в 1922 г. поступил на работу в Институт Маркса и Энгельса, где оставался до 1931 г. В 1927 г. опубликовал воспоминания "На заре «легального марксизма»".

Официальная биография. Воден, Алексей Михайлович (литературные псевдонимы «Alexis Nedow»* и др. — см. ниже), литератор-философ и переводчик. Род. 1 ноября 1870 г. в г. Трубчевске, Орловской губ. Детство провел в посаде Клинцы, Черниговской губ., где его отец был фабричным врачом. Под влиянием традиций известного революционера-семидесятника Н.К. Судзиловского (Русселя), двоюродного брата его матери, рано заинтересовался революционным движением. В Новгород-Северской гимназии, где он получил среднее образование, являлся библиотекарем нелегальной библиотеки, обслуживавшей учащихся, местную интеллигенцию и сельских учителей. Поддерживая переписку с Судзиловским, вступил через него в 1888 г. в сношения с Г.В. Плехановым, приветствовавшим его рано оформившиеся марксистские взгляды.

По окончании в 1889 г. гимназии, поступил в Петербургский ун-т. В Петербурге в течение 1889-91 г.г. поддерживал тесные отношения с П.Б. Струве, Д.В. Странденом, А.Н. Потресовым и др., а также с с.-д. группой технологов («брусневцами»). Прочел ряд рефератов по истории западно-европейского социализма и по истории русского революционного движения (по Туну и нелегальным первоисточникам); участвовал в первой маевке 1891 г., произнес одну из речей на похоронах Н.В. Шелгунова. В начале 1892 г. уехал за границу. Долго был близок к Г.В. Плеханову, В.И. Засулич и примыкавшим к ним т.т. Попытка Плеханова печататься в «Северном Вестнике» в 1893 г. была сделана через него; Плеханов читал ему в рукописи свою работу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», для которой им было сделано несколько выписок в Британском музее. Плеханов же направил В. в 1893 г. к Энгельсу, разговоры которого с ним изложены в его воспоминаниях в «Летописях Марксизма».

В 1897 г. и 1899 г. из Лондона был корреспондентом легальных марксистских ежемесячников «Новое Слово» и «Начало» (под псевдонимом «Скептик»). В Россию В. вернулся в 1910 (1909?) г.; через некоторое время заболел от крайнего переутомления нервным расстройством и стал работоспособен только в 1919 г.

Переводческая деятельность В. началась еще в студенческие его годы в Петербурге, когда он по поручению «брусневцев» сделал много переводов из немецкой с.-д. литературы. Позже он перевел труды: Пельмана — История античного социализма и коммунизма, Жореса — История Великой Французской революции, Вундта — Реализм критический и наивный, Риккерта — Границы естественно-научного образования понятий. Риккерту была посвящена и оригинальная работа В. — докторская диссертация «Zur Kritik der Traszendentalspsychologie», направленная против риккертианских построений.

В 1920-22 гг. В. был преподавателем школы 2-й ступени, а в 1922 г. он поступил на работу в Ин-т Маркса и Энгельса, где оставался до 1931 г. В этом ин-те он принимал весьма деятельное участие в подготовке к печати ряда сочинений Маркса и Энгельса (гл. обр. им подготовлены немецкое и русское издания диссертации Маркса) и их переписки. Для ин-та им переведен ряд работ Гегеля (Философия истории), Рикардо (Письма о цене золота), Домманже (Биография Консидерана), Марука и Кастиля (Июньские дни), дискуссия о праве на труд в 1848 г., Учредительный адрес и статуты первого Интернационала.

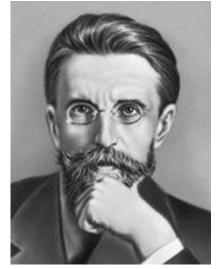
Nedow, как легко догадаться, – перевертыш от «Воден».

Кроме того, ему принадлежит много рецензий в «Летописях Марксизма», в «Печати и Революции» (за подписью «Лернер»), рецензии и статьи в «Под Знаменем Марксизма», статьи в журнале «Воинствующий материалист» (за подписью «Говоров»), в сборниках «На боевом посту», в Больш. сов. энциклопедии и Энциклопед. словаре «Гранат». — Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. М., 1933

Волков Алексей Васильевич (1886 — 1949). Происходил из крестьян-бедняков дер. Мшихино Можайского района Московской губернии. В 1903-м работал слесарем на заводе Гужона (теперь «Серп и молот»). В 1907-м был призван в армию и с 1910-го служил в железнодорожном батальоне под Варшавой. Механик-практик, в 1912-1933 (с четырехлетним перерывом из-за призыва на фронт) работал на «Электропередаче» (с 1918 г. был турбинным мастером, а затем избран освобожденным председателем заводского комитета, но в 1920-м вернулся на производство, что стало небывалым событием для тех лет!), затем с 1933-го — на Каширской станции (был переведен «на прорыв») и с 1936-го в Котломонтаже, в 1941-46 гг. — опять на «Электропередаче» (мастером механических мастерских). В 1946-м вышел на пенсию.

В феврале 1920-го Алексей Васильевич ремонтировал турбины, вышедшие из строя на «Электропередаче» по халатности распустившегося эксплуатационного персонала и по вине бездарного большевистского начальства. Председатель правления «Электропередачи» Г.М. Кржижановский тогда настоятельно попросил Р.Э. Классона приехать и организовать оный ремонт: «В феврале 1920 г., когда в результате технического и организационного разложения на станции вышли из строя два из трех турбогенераторов, Кржижановский предложил отцу организовать их ремонт. На замечание отца, что при последней, проведенной Кржижановским реорганизации руководства «Электропередачей» он, Классон, вообще был выведен из него, Кржижановский ответил, что это не будет иметь никакого значения. Если и последний турбогенератор выйдет из строя, то тогда никто не станет разбираться в таких [не существенных по сравнению с политическими последствиями прекращения электроснабжения Москвы] вопросах». (из черновых записей И.Р. Классона, ф. 9508 РГАЭ)

Воровский Вацлав Вацлавович (1871 — 1923). Профессиональный революционер. В 1913 г. служил на «Электропередаче», в 1914-м — в «Обществе электрического освещения 1886 г.» в Москве и Петербурге, в 1915-17 гг. — в российском отделении общества «Сименс и Шуккерт» в Петрограде, затем руководил его конторой в Стокгольме.

Принятый на «Электропередачу» на временную работу — организовать потребительское общество, В.В. Воровский писал в ноябре 1913-го В.Д. и В.М. Бонч-Бруевичам: «Дали мне на болоте квартиру из трех комнат, с ванной, мебелью, отоплением и освещением. Дали 100 целковых в месяц».

Гарденин, Борис Федорович (нелегальная фамилия: Марков, Владимир Андреевич). Род 11 февр. 1882 г. в с. Прони, Михайловск. у., Рязанск. губ. Сын ученого агронома [из дворян]. Учился в Уфимск. гимназии, из 7 класса должен был выйти из-за политической неблагонадежности. С начала 1901 г. входил в кружок самообразования в Уфимской гимназии. Вскоре вошел в с.-д. часть Уральск. союза с.-д. и с.-р. В 1902 г. вместе с братом Сергеем и А. Серебровским организовал печатание газ. «Уральский рабочий» и прокламаций, а также устроил паспортное бюро.

Группа, в которую входил Г., была в обостренных отношениях с верхушкой Уральск. союза и в конце 1902 г., наладив связи с Сибирск. с.-д. и «Южным рабочим», вышла из Союза, о чем 1 янв. 1903 г. выпустила объявление, напечатанное в собственной типографии. Группа приняла искровскую платформу.

Осенью 1903 г. последовал разгром Уфимск. ком-та. Г., призванный в это время на военную службу и отосланный в Киев в 5-й саперный батальон, был там арестован по предписанию из Уфы. Обвинялся в участии в убийстве Богдановича и в руководстве кружком учащихся. 10 мая 1904 г. освобожден из Киевск. гауптвахты под надз. военного начальства. Находясь в военной тюрьме, наладил связи среди солдат и по освобождении начал работать по созданию военной с.-д. организации, которая вскоре охватила ок. 400 чел.

В 1905 г. во время русско-японской войны назначен к отправке на фронт, но по постановлению орг-ции бежал и перебрался в Москву, где так же работал в военной орг-ции. В конце мая 1905 г. арестован под фамилией Криницкого Петра Тимофеевича на казачьем собрании на Ходынке и заключен в Таганск. тюрьму, откуда освобожден по амнистии 21 окт. 1905 г. Осенью 1905 г. работал в военной орг-ции в Москве, с конца дек. т. г. в Петербурге. В июле 1906 г. арестован под фамилией Маркова Владимира Андреевича и заключен в тюрьму.

Из собрания музея «Каторга и ссылка», фото 1907 г.

Судился Петербургск. военно-окружным судом вместе с А. Малоземовым и Ф. Гусаровым по делу военной орг-ции при Петербургск. ком-те (т. наз. дело «51-го»). В сент. 1907 г. приговорен к 4 г. каторги. Отбывал каторгу в Бутырках. С 1909 г. — в Александровск. централе. На поселении в 1911 г. в Усть-Куте, Киренск. у., Иркутской губ. В авг. 1912 г. бежал за границу, жил в Бельгии, работал в шахтах, затем в Брюсселе — электромонтером, участвовал в профдвижении. Осенью 1917 г. вернулся в Россию, жил в Уфе, работал в Бюро профсоюзов, затем по продснабжению. В 1919 г. вошел в РКП(б). Был мобилизован по партлинии на Тульск. фронт, а осенью т. г. — на Южный по снабжению армии.

В 1920 г. работал в Царицынск. Упродгубе, в 1921 г. — в Северокавказск. заготовительном центре. Демобилизован в дек. 1921 г. В то же время вышел из партии. Служил в Москве в ВСНХ и в Наркомвнешторге. С 1923 г. жил в Баку, работал в Азнефти; арестован там, лишен права проживания в Москве на 3 г. С 1928 г. переехал в Москву, работает по химпромышленности. — Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. М., 1933

Архивная справка: Из материалов архивного фонда Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области следует, что Горденин (Гарденин) Борис Федорович, 1882 года рождения, уроженец с. Прони Михайловского у. Рязанской губ, русский, гр-н СССР, беспартийный, со средним образованием, одинокий, в 1925 г. осужден к высылке на 3 года за меньшевистскую деятельность, до ареста — рабочий артели «Политкаторжанин», проживал в г. Ленинграде <...>, был арестован 15 февраля 1938 года УНКВД по Ленинградской обл.

Обвинялся в том, что «…являлся участником к/р эсеровской организации, по заданию которой готовился к совершению диверсионного акта на Кировском заводе…», т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 17, 58-8 и 58-11 УК РСФСР. Постановлением Особой тройки УНКВД ЛО от 8 июня 1938 года осужден к ВМН — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 18 июня 1938 года в гор. Ленинграде.

Определением Военного трибунала Ленинградского Военного округа от 21 января 1957 года постановление Особой тройки УНКВД ЛО от 8 июня 1938 года отменено, и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Горденин (Гарденин) Борис Федорович реабилитирован (основание: архивное дело № П-21773).

Гарденин, Сергей Федорович («Никифор», «Мирон»), сын ученого агронома [из дворян]. Род. 24 июня 1883 г. в с. Прони, Михайловск. у., Рязанской губ. В 1901 г. окончил Уфимск. гимназию. Учился в Военно-медицинской академии, затем в 1902-03 г.г. служил статистиком в Уфимск. губ. земской управе. В 1902 г. входил в Уральский союз с.-д. и с.-р. В конце того же года с братом Борисом и др. работал по организации типографии. Был в группе, которая вышла в янв. 1903 г. из Уральского союза и приняла платформу «Искры». В 1903 г. — активный член с.д. орг-ции в Уфе, член Уфимск. ком-та РСДРП. Руководил кружком интеллигентов-пропагандистов, вел пропаганду и был организатором кружков среди рабочих Уфимск. ж.-д. мастерских.

Арестован 19 сентября т.г. и привлечен к дознанию. 19 апр. 1904 г. освобожден под особ. надз. полиции. Выс. пов. 16 июня т.г. выслан на 3 г. в Вологодск. губ. В т.г. привлечен по второму делу об Уфимск. кружке учащихся, которое было прекращено Уфимск. губ. совещанием 13 сент. т.г. Водворен в Вел. Устюге. Отказался от уменьшения срока ссылки на 1/3. Находясь в ссылке, продолжал вести партийную работу, был одним из руководителей пропаганды в Устюжск. у. Организовал совместно с П. Грожаном нелегальную типографию в Великом Устюге, в которой было напечатано 5-6 написанных Г. прокламаций.

Из собрания музея «Каторга и ссылка», ориг. фото 1903 г.

11 февр. 1905 г. обыскан вместе с П. Грожаном, на их общей квартире найдена прокламация «Ко всем». Привлечен по 129 ст. угол. улож. Дело было внесено в Московск. суд. палату. В мае т.г. привлечен в числе др. при Вологодск. губ. жанд. управлении по 121 ст. угол. улож. 27 мая т. г. бежал из ссылки. Будучи на нелегальном положении, работал в Казани, как член Казанск. ком-та, а затем, с августа т.г., в Москве, как член Московск. Окружного ком-та I и II периода (авг.-дек. 1905 г.) и III периода (первая половина 1906 г.). Во время декаб. восстания [1905 г.] был организатором в Коломне. В 1906 г. работал в Орехово-Павловск. районе, в качестве ответств. организатора. Во 2й половине 1906 г. и в 1907 г. – член Московск. комитета РСДРП, ответств. организатор Пресне-Хамовнического, Замоскворецкого и Лефортовского р-нов. В конце сент. 1907 г. уехал в Петербург для подготовки побега осужденных по делу Петербургск. военной орг-ции. В начале окт. арестован на Финляндском вокзале по возвращении с явки ЦК в Териоках. 24 дек. т. г. освобожден из Крестов за недостатком улик. Уехал в Уфу, где легализовался и в течение 1908-1909 г.г. не принимал участия в партийной работе, поддерживая лишь связи с местными партийными кругами и рабочими Уфимск. ж.-д. мастерских.

В 1910 г. вновь принял участие в партийной работе. Осенью 1912 г. арестован за участие в выборах в Госуд. думу по рабочей курии и отбыл 2-месячное тюремное заключение в администрат. порядке вместе с Брюхановым и др. По освобождении работал по восстановлению Уфимск. с.-д. орг-ции, организовал в рабочем квартале Уфы филиал общественной библиотеки, под прикрытием которой вел партийную работу. Совершил объезд находящихся близ Уфы горных з-дов (Миньяр, Сим, Катав и др.) и связался с с.-д. фракцией Госуд. думы. В то же время организовал побег с поселения брата, Б. Гарденина. При активном участии Г. была подготовлена массовая рабочая демонстрация 1 мая 1913 г., хотя в конце апр. т. г. он был арестован и привлечен по 126 ст. угол. улож., Выездной сессией Казанск. судебной палаты присужден в дек. 1913 г. к 2 г. заключения в крепости. В февр. 1914 г. бежал за границу, в Брюссель, где принимал участие в эмигрантских с.-д. орг-циях. По объявлении войны занял пораженческую позицию и вел агитацию против добровольного участия эмигрантов и русского студенчества в иностр. армиях. После оккупации Бельгии немцами был арестован и посажен на гауптвахту.

Вел антивоенную пропаганду среди арестованных немецких солдат, в результате чего был заключен немецким военным командованием в Аахенскую каторжную тюрьму (вместе с Яковом Давтьяном и Иваном Поповым), где просидел в одиночке до 1916 г. Из Аахенской тюрьмы был отправлен в концентрационный лагерь в Гольцмюндене (ок. Ганновера). В лагере вел активную работу среди русских пленных и немецких солдат, был организатором библиотеки. В 1917 г. выступал среди пленных в защиту большевистской тактики. По возвращении из плена до 1920 г. работал в Наркомпросе РСФСР, будучи членом коллегии внешкольного отдела, участвовал в организации и проведении Первого всероссийского съезда по внешкольному образованию. Был инициатором и автором декрета о ликвидации неграмотности. В сент. 1920 г. командирован за границу, вначале как заведующий финансовым отделом Финляндского торгпредства, а с апр. 1922 г. работал в качестве уполномоченного Наркомвнешторга и торгпреда СССР в Швеции. В ноябре 1924 г. вернулся в СССР и вел ответственную работу в «Аркосе», Госбанке, Наркомторге и Наркомснабе РСФСР. В настоящее время работает в Госснабе. – Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. М., 1933

Из очерка Юрия Ергина «Подвижник» о Михаиле Ивановиче Обухове (1871-1943) (www.hrono.ru/text/2006/ergin04_06.html):

В самом Уфимском земстве еще до приезда М.И. Обухова в Уфу также работали члены РСДРП С.Ф. Гарденин и П.Н. Григорьев. Первый из них служил по найму в Уфимской губернской земской управе с 1910 года и стал автором двух сборников по школьной статистике. С.Ф. Гарденину удалось превратить сухие канцелярские отчеты в настоящие научные исследования, всесторонне отразившие школьную жизнь, ее нужды и потребности. Его и сменил на должности статистика земской управы М.И. Обухов, продолживший практику своего предшественника. Он составлял ежегодные отчеты по состоянию народного образования в губернии, в которых рассматривались важнейшие проблемы многонациональной начальной школы.

Понятно, что будучи в 1920-е годы за границей С.Ф. Гарденин выполнял циркуляры Наркомвнешторга, в частности, обеспечивал приток в страну иностранной валюты, участием в продаже драгоценностей, отобранных у «бывших» (см. очерк «Классонята»), или же зерна, отобранного у крестьян по т.н. «продналогу». Как раз когда он служил торгпредом СССР в Швеции, из страны, еще не оправившейся от жуткого голода 1922 г., вывозилось зерно: «В Петербурге в ближайшем будущем ожидается отправка крупных партий ржи в Германию, Финляндию и Швецию. Уполномоченному Госторга выдана лицензия на вывоз 4 000 тонн ржи [(0,25 млн. пуд.] в адрес сов. торгового представительства в Гельсингфорсе. Для экспорта 2 млн. пуд. [(32 000 тонн)] в Германию Севзапторг зафрахтовал 2 парохода. На днях закончена в Белоострове сдача 200 вагонов хлеба, отправляемого в Швецию [через Петербург]» («Дни» (Берлин), 1 февраля 1923 г.) С.Ф. Гарденин, после смерти В.И. Ульянова-Ленина и утраты влияния во властной верхушке Н.К. Крупской, с которой был знаком еще до октябрьского переворота 1917-го и вместе с ней работал в конце 1910-х – 1920-м в Наркомпросе, не мог уже занимать важные посты в советской партийно-бюрократической системе. Потому что он не переоформил свое прежнее членство в РСДРП на ВКП(б) и поэтому считался беспартийным («оберегая личную свободу, в партию официально не вступил»).

^{*} Эти сборники, отсутствующие в РГБ, имеют такие выходные данные:

Школьная статистика за 1910-1911 уч. год. Сост. Вологдин Б.П. и С.Ф. Гарденин. // Статистика народного образования в Уфимской губернии. Год III. Уфа: Изд. Уф. Губ. Управы, 1912.

Школьная статистика за 1911-1912 уч. год. Сост. С.Ф. Гарденин. // Статистика народного образования в Уфимской губернии. Год IV, вып. 1. Уфа: Изд. Уф. Губ. Управы, 1913.

Стокгольм (в центре С.Ф. Гарденин), 1923 г.

Но, возможно, именно это обстоятельство (нахождение вне партии) спасло от сталинских репрессий. Хотя его вполне могли бы привлечь к какому-нибудь громкому процессу как «белофинского шпиона и/или работавшего на буржуазную Швецию в ущерб интересам СССР». К счастью, С.Ф. Гарденин умер своей смертью в 1949-м и захоронен на Донском кладбище.

Гарденина, Мария Федоровна, по мужу Лесман, дочь ученого агронома из дворян. Род. в 1880 г. в с. Благословенном, Тульск. губ. В 1897 г. окончила Уфимск. женскую гимназию и два года проработала народной учительницей в г. Уфе. В 1900 г. поступила на курсы Лесгафта в Петербурге. В марте 1901 г. была арестована за участие в студенческих волнениях и, просидев 6 недель в Литовском замке, выслана на 4 г. под гласн. надз. полиции в Уфу.

Работала до 1902 г. в Уфимск. земстве, ездила на голод и эпидемию чумы, брюшного тифа и цынги в Мензелинск. у. в качестве сестры милосердия. Живя в Уфе, примыкала вначале к группе с.-р., а затем к группе ссыльных с.-д. (Крохмаль, Свидерский и др.).

По возвращении, в 1902 г., в Петербург вошла в студ. большевистскую орг-цию, работала по печатанию, хранению и распространению литературы. В 1903 г. – работала в Уфимской орг-ции. В 1905 г. принимала участие в работе боевой технической группы РСДРП(б), будучи связана с А.М. Игнатьевым, которому помогала в Петербурге и в Ах-Ярви, Кинивейск. окр. в Финляндии, где были склады оружия. Окончив курсы, занялась педагогической работой. В 1917 г. была заместительницей заведующей отделом детских столовых на Юго-западном фронте (сбор детей беженцев, организация для них общежитий, питания и школ). В настоящее время преподает в медицинском техникуме и на рабфаке в Ленинграде. — Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. М., 1933

М.Ф. Гарденина (из собрания музея «Каторга и ссылка», фото 1902 г.)

Старшая сестра Мария блестяще кончила гимназию [в Уфе] и имела особый дар преподавания. Поэтому с юных лет была буквально завалена уроками с неуспевающими детьми и первое время была главной материальной помощью в домашнем хозяйстве, и скопив немного денег, уехала в Петербург. Здесь она поступила на женские курсы известного левого профессора Лесгафта и вошла в крайне левые круги молодежи, исповедовавшей дикие и несбыточные мечты о переустройстве мира и общей, мировой революции. С этими идеями она вернулась в Уфу и заразила обоих моих старших братьев [Бориса и Сергея] и была первым звеном развала моей семьи.

Она довольно быстро поняла свою ошибку, перешла к религии и предалась теософии. Сошлась с кружком [теософки Елены] Блаватской и всеми ее приверженцами, одно время увлекалась отцом Иоанном Кронштадтским и даже очень интересовалась личностью Распутина, хотя никогда с ним не соприкасалась и не была знакома.

Кончила тем, что после сорока лет вышла замуж за еврея по фамилии Лесман и осталась жить в Петербурге. От своего мужа она имела дочь. Думаю, что она [(Мария)] погибла во время осады [немцами] Петербурга. До [первой мировой] войны она некоторое время жила у меня, пока я был холост, а затем была знакома с моей женой. — Из семейных воспоминаний М.Ф. Гарденина, Брюссель, 12 июля 1976 г.

Мария Федоровна вышла замуж в 42 г[ода] за В. Лесмана и имела дочь Елену [(Лёлю)], р. 1924 г., [когда] скончалась, не могу точно вспомнить. Это она [(Елена)] меня разыскала, через объявление в Парижской Газете «Русская Мысль». — Из письма Марины Михайловны Гардениной М.И. Классону от 10 марта 2011 г.

Елена (вторая слева) — дочь Марии Федоровны Гардениной и Владислава Антоновича Лесмана, Москва, 1999 г.

Гарденина Софья Робертовна, урожд. Классон (1892—1930). Старшая дочь Р.Э. Классона, получила юридическое образование.

В детстве была не очень тактична в отношении «бедных» родственников:

Вам кажется очень забавным, что Соничка швыряла калошей в tante Emilie и запирала ее на балконе. Нахалка, плохо воспитанная. <...> Я спрашивала Любу Пятницкую, где Соничка могла запереть grande tante Emilie, ведь балкона в [Мокрой] Бугурне [под Симбирском] не было. Она пишет, что инцидент этот помнит, но где он произошел, не знает. Но что Соничка была невыносима в это лето 1898 года. Вас еще на свете не было. Очень грубила tante Emilie. А они — Люба с Верочкой Пятницкой учились ведь в институте и только летом приезжали в Бугурну. А тут сад был громадный, яблок много. Они готовили себе смоквы и пастилы на зиму и клали их сушить на балкон, а Соничка, очевидно назло им, приходила с лейкой и поливала их смоквы и пастилы.

Люба пишет [из Парижа], теперь ей это смешно вспоминать, а тогда они на Соничку очень сердились. Вообще она важничала, в этом году должен был быть плохой урожай, и она (дочь богатого инженера) говорила: «Нам-то это все равно, придется только Вас жалеть». (из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону, ф. 9508 РГАЭ)

В первом браке (1915-21) была замужем за Валерианом Ивановичем Богомоловым, по вине последнего детей у них не было. Во втором браке, с Сергеем Федоровичем Гардениным, родила Наталью (1922), Андрея (1924) и Софью (1930). В 1918-20 гг. работала секретарем Отдела металла в ВСНХ, в 1920-м — во Внешторге, в 1921-м — в торгпредстве РСФСР в Финляндии. В 1922-24 гг. вместе с мужем С.Ф. Гардениным, торгпредом в Швеции, жила в Стокгольме.

Фото А.И. Гофмана (с подписью – «Рембрандт»!)

Отличалась выдающимися менеджерскими качествами:

Когда они жили в Выборге, и Соничке было <...> девятнадцать лет, она была так апломбиста, что Роберт Эдуардович говорил: «У Сони больше апломба, чем у моего коллеги, Петербургского директора Ульмана». Когда Соня в 1920 г. перешла из ВСНХ в Наркомвнешторг, то она сказала Красину: «Вам может меня рекомендовать такойто (деятель ВСНХ)». А он ответил: «Это не нужно, я знаю породу». Действительно, в Соне наиболее резко из всех нас, Geschwister'ов [(братьев и сестер)], сочетались способности и матери и отца. В частности Соня работала «быстро и хорошо». (из письма С.Н. Мотовиловой сестре в Лозанну, ф. 786 отдела рукописей РГБ)

С.Р. Гарденина умерла в Москве от родовой горячки в престижном советском роддоме имени Клары Цеткин (бывш. Морозовской богадельне), ее прах после кремации был захоронен на кладбище Донского монастыря:

Соня умерла в тридцать семь лет (в 1930 г.) в московской больнице им. Клары Цеткин — от послеродовой инфекции (еще не открыли пенициллин и другие антибиотики). Ее гимназическая подруга, врач Иловайская советовала Соне рожать дома и обещала, что сама ей поможет, но моей сестре не захотелось «разводить грязь» в тесной квартире (из двух маленьких комнат). (из черновых записей И.Р. Классона, ф. 9508 РГАЭ)

А В.П. Александрова сохранила такую газетную вырезку: «София Робертовна Гарденина (урож. Классон) безвременно скончалась после тяжелой болезни, о чем родные извещают родных и знакомых. Вынос тела из квартиры М. Дровяной пер., кв. 3, 11 мая в 2 ч. 30 м. Кремация в 5 ч. 30 м.».

Гельшерт Александра Егоровна, урожд. Мотовилова (1818—1880). Младшая дочь Егора Николаевича Мотовилова и Прасковьи Федосеевны Ахматовой. Вышла замуж за армейского капитана Федора Федоровича Гельшерта. Родила сыновей Александра (1839-?) и Дмитрия (1841-?). В селе Озимки Карсунского уезда Симбирской губ. ей принадлежало 2 100 десятин земли. О сватовстве Ф.Ф. Гельшерта к А.Е. Мотовиловой оставил живописные воспоминания Э.И. Стогов:

^{*} Сельцо Озимки находилось при одноименной речке между дорогой из г. Карсун в пригород Аргаш и почтовою дорогой в Пензу, в 50 верстах от Карсуна. Источник: Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. XXXIX. Симбирская губерния. Санкт-Петербург, 1863.

<...> Я Сашу очень любил, она вполне была добрая, кроткая и невинная сердцем девочка, тоже была привязана ко мне, часто говорила, что любит меня более всех своих братьев. Я дал слово покойникам устроить ее судьбу. Собирая подробные сведения о Гельшерте, я узнал, что это был простой, но совершенно добрый человек. Он был сын доктора, служил долго на Кавказе, имел много крестов и персидские на шее – Льва и Солнца. <...> Явился Гельшерт, расфранченный по-армейски, от каждой части тела пахло разными духами. <...> Капитан расцвел, целует руки и болтает. Оказалось, что они несколько раз виделись в монастырской церкви, но не говорили ни слова.

Саша после мне призналась, что она очень любила смотреть на него. Братьев на этот раз не было ни одного, траура мы никто не носили, откладывать свадьбу причин не было. Свадьба была такая же скромная, как моя. Как опекун, я сдал Гельшерту деньги Саши и имение. Впоследствии Гельшерт вышел золотой человек и сделал Сашу совершенно счастливою. Он считается честнейшим человеком в своем уезде, об этом мне говорил губернатор в 1848 году.

Гельшерт Анна Ивановна, урожд. Мотовилова (1867 – 1932). Дочь Ивана Егоровича и Луизы Францевны (урожд. Флориани) Мотовиловых, младшая сестра С.И. Классон.

Вышла замуж за мирового судью в Псковском суде Михаила Дмитриевича Гельшерта (1866 — 1932), т.е. за своего двоюродного племянника (внука Федора Федоровича Гельшерта и Александры Егоровны Мотовиловой). Тем самым закольцевала родословную Мотовиловых-Гельшертов. Родила Михаила (1897), Марию (1898), Надежду (1900) и Елену (1903).

Из Правительственного распоряжения: «Член с.-петербургского суда, действительный статский советник [М.Д.] Гельшерт назначен товарищем председателя с.-петербургского суда». («Новое время», 11 марта 1890 г.)

В 1906 г. при посредничестве Государственного крестьянского поземельного банка имение при селе Мокрая Бугурна Симбирской губернии и уезда (с 1 766 десятинами земли), принадлежавшее госпожам В.И. и М.И. Мотовиловым, С.И. Классон и А.И. Гельшерт, было продано за 280 900 рублей (ф. 592 Российского государственного исторического архива, оп. 3, д. 1897). Т.е. эту огромную сумму получили сестры Софья, Анна, Мария и Вера, совладелицы имения, наследованного от умершей в 1895-м их матери Луизы Францевны. Как А.И. Гельшерт распорядилась наследством, неизвестно.

Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону:

У тети Анюты было четверо детей: Миша (старший), Маша, Надя и Лена. Во время обеда Миша бегал вокруг стола и лупил всех по спинам. <...> В первых классах гимназии Миша был первым учеником, потом средним, а потом едва-едва кончил гимназию. Писал очень забавные стихи на всех семейных. [Р.Э.] Классон его устроил [работать] где-то возле Ярославля [на торфяных разработках]. Ему не понравилось. Никто ему не кланялся, а он привык, чтоб ему кланялись. Он ушел <...>.

Он два раза был женат. Со второй женой уехал куда-то вглубь России в деревню и стал сельским учителем [(в Калининской области)]. Было у него хозяйство, коровы, куры — все, что надо, и все мужики ему кланялись. <...> Что сталось с Мишей и Надей? Не знаю. Пропали без вести [во время войны], как Ваш брат. (ф. 9508 РГАЭ)

В другом письме С.Н. Мотовилова отмечала, что М.М. Гельшерт был богатым полтавским помещиком, выходит его мать правильно распорядилась наследством...

Мария Михайловна вышла замуж за некоего Григория Володина и родила ему в 1929-м сына Евгения, а в 1937-м — дочь Стеллу. Елена Михайловна вышла замуж за «колокольного дворянина» Александра Николаевича Игнатовича и родила ему в 1926-м дочь Елену (которая, став взрослой, пыталась собирать «материальную помощь» с киевских и московских родственников, а также с акад. А.В. Винтера).

Гельшерт Федор Федорович (1796 — 1881). Сын доктора. Служил на Кавказе в должности штаб-лекаря, дослужился до чина майора. В 1837-м посватался в Симбирске к Александре Егоровне (Георгиевне) Мотовиловой и получил на то согласие от ее зятя и опекуна Э.И. Стогова (ее родители незадолго до этого умерли). Гельшерты произвели на свет двоих сыновей — Александра (1839-?) и Дмитрия (1841-?). У последних в свою очередь родились (у Александра в браке с Александрой Павловной): Федор, Николай, Вера, Александра, Мария, Ольга; и (у Дмитрия в браке с Надеждой Никаноровной): Михаил, Федор.

Федор Дмитриевич в 1904 г. окончил Училище правоведения, был причислен к МВД. Похоже, погиб после октябрьского переворота, по крайней мере, в интернетовском списке выпускников «Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны, и смуты» его жизненный путь обозначен весьма лапидарно и заканчивается значком †. Его дочь Александра Федоровна (если она не дочь Федора Александровича), родившаяся в 1908-м, примерно с 1919 г. воспитывалась в детском доме (уже как сирота?) – как следует из запроса ее внучки Ольги в Центр Петербурговедения, 30 августа 2012 года. А его отец Дмитрий Федорович, похоже, тоже был по образованию юристом. В 1872-74 гг. он занимал должность судебного следователя 2-го участка Лужского уездного суда (с. Феофилова Пустынь), подчинявшегося Петербургскому окружному суду. В архиве Краснодарского края (бывшего ранее Екатеринодарской губ.), в фонде 482 сохранилось следующее письмо Д.Ф. Гельшерта (цитируется вместе с частью статьи О.В. Матвеева «Поляки в рядах кубанского нотариата», вышедшей в сб. «Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007):

В сентябре 1903 г. Екатеринодарский окружной суд слушал дело о несовместимых со служебным достоинством действиях А.П. Мазарека. Мазарек «по назначению его на эту должность дозволил себе весьма широко рекламировать об открытии им нотариальной конторы, не брезгуя помещением объявлений даже в магазинах, на вокзале, парикмахерских и т.д.». Незадолго до этого Председатель Екатеринодарского окружного суда получил следующее письмо:

«Милостивый Государь! Едучи из своего имения Кутаисской губернии, мне пришлось выходить на станции Невинномысская и Армавир и первое, что мне бросилось в глаза, — это плакаты, вывешенные в каждом из этих вокзалов, какого-то нотариуса Мазарек, открывшего около года тому назад нотариальную контору в Армавире.

Вернувшись в вагон, я завел разговор с пассажиром, вновь севшим из Армавира и оказавшимся местным крупным купцом Тер-Ованесовым; от этого купца я узнал, что этот Мазарек — поляк, при помощи всей польской колонии и в особенности при помощи своей жены и целой плеяды наёмных уличных маклеров зазывают клиентов, ходят по всем торговлям, просят обращаться в контору Мазарека, обещая почти даровую работу и вдобавок, еще лучше сделать, чем в другой конторе. Узнал я также, что Мазарек развесил плакаты в Почтовой конторе, в казначействе, по всем Армавирским гостиницам, кабакам и т.п., по всем улицам расклеены объявления и беспрерывно афишируется в Армавирском листке объявлений. <...> Пишу Вам, как своему коллеге, и надеюсь, что не замедлите и распорядитесь и уймете фантазию расходившегося пана по поводу мерзко-пакостной рекламы. Член 2-го отделения СПб окр. суда Д. Гельшерт».

А вот еще один «след» профессиональной деятельности Д.Ф. Гельшерта:

С именем [Игнатия Порфирьевича] Мануса был связан крах петербургской банкирской конторы Г.А. Никитина. 1 апреля 1900 г. к одному из судебных следователей явился владелец банкирской конторы Г.А. Никитин, и заявил о совершенной им, в результате неудачной биржевой игры, растрате чужих денег на сумму 200 тыс. руб.

Дело было поручено судебному следователю Петербургского окружного суда по важнейшим делам Зайцеву. На предварительном следствии выяснилось, что Никитин приобрел банкирскую контору в декабре 1897 г. у своего брата С.А. Никитина при вполне удовлетворительном балансе и с активом, превышавшем пассив почти на 15 815 руб. <...> Дело Никитина рассматривалось 28 ноября 1900 г. в Петербургском окружном суде под председательством Д.Ф. Гельшерта. Защитником выступал со стороны подсудимого присяжный поверенный Г.С. Аронсон. Обвиняемый Никитин спокойно рассказал о своей биржевой деятельности. По его словам всему виной стечение обстоятельств, которому в значительной степени способствовало его знакомство с Манусом. Его он знал мало, познакомился с ним только в 1899 г. По совету Мануса, бывшего тогда мелким биржевым спекулянтом, он принял крупных клиентов для онкольных счетов. Сам он решительно ничем не воспользовался от своей деятельности, а напротив сам стал жертвой, потеряв на биржевых операциях до 400 000 руб. (Лизунов П.В. «Великий Манус»: взлет и падение петербургского биржевого короля)

В Интернете висит биография потомка Гельшертов, с весьма печальным концом:

ГЕЛЬШЕРТ Николай Александрович (24.01.1880 - ...1920), ст. лейтенант (в чине «за отличие по службе» с 12.11.1915). Из дворян Симбирской губернии. Окончив Санкт-Петербургский университет и поступив юнкером на БФ (1903), участвовал в заграничном плавании на КР I ранга «Генералъ-Адмиралъ». В следующем году произведен в мичманы (с 13.12.1904) и определен на Балтийский флот.

В 1905-ом вахтенным начальником КР I ранга «Адмиралъ Корниловъ» совершил переход на Тихий океан, где потом был назначен в плавание по Японскому морю на ТР «Якутъ». В 1906-ом на бр. КР «Громобой» вернулся в Кронштадт. С 1906-ого по 1908 год — вахтенный начальник на посыльном судне (бывш. яхте-крейсере) «Алмазъ».

В чине лейтенанта (с 13.04.1908) в составе Гардемаринского отряда на ЛК «Цесаревичъ» участвовал в оказании помощи пострадавшим от жесточайшего землетрясения жителям средиземноморского города Мессина, за что впоследствии итальянским правительством был удостоен серебряной медали (1911).

В июле 1910-го переведен вахтенным начальником на ледокольный транспорт «Таймыръ», на котором совершил переход из Санкт-Петербурга во Владивосток, где в той же должности был переведен на однотипный «Вайгачъ». В 1911 г. назначен помощником начальника ГЭСЛО, с 1913-го одновременно исполнял обязанности ст. офицера «Вайгача». Принимал участие практически во всех видах гидрографических работ, а также в открытиях архипелага Северная Земля (Земля Николая II), пролива Вилькицкого (генерала Вилькицкого), островов Малый Таймыр, Старокадомского, Транзе, Жохова (Новопашенного) и в первом в истории Арктики сквозном переходе с востока на запад по трассе Северного Морского Пути (с зимовкой в районе мыса Челюскина). Переведенный в начале 1915 г. с частью команды на пароход «Эклипсъ», под руководством Отто Свердрупа (1854-1930) занимался поисками пропавших в Арктике русских исследователей Г.Я. Седова, В.А. Русанова и Г.Л. Брусилова, На Балтике командовал ЭМ «Разящій» (с 26.04.1917). После октябрьского переворота оставался в РККФ. Некоторое время исполнял обязанности командира ЭМ «Победитель», затем в апреле 1919-го был зачислен слушателем в Морскую академию. 25 ноября 1920 г. арестован органами ВЧК и по данным пражского «Морского журнала» (№138 за 1939 г.) расстрелян.

По дворянам Симбирской губернии Гельшертам имеются материалы в Российском государственном историческом архиве: фонд 1343 (Третий департамент Сената), оп. 51 — где сосредоточены Родословные книги и списки лиц, причисленных к дворянству за 1785-1917 гг. А в Государственном фонде Ульяновской обл. (ГАУО): ф. 434, оп. 1 — материалы иска А.Ф. Гельшерта к общине крестьян села Озимки. В том же ГАУО имеются материалы (ф. 108, оп. 47, д. 8924, л. 3-11) и об убийстве 27 марта 1917 г. пьяными солдатами А.Ф. Гельшерта:

В период после совершения Февральской революции прокуратура и следственный аппарат Симбирского окружного суда практически утратили контроль над правовой и политической ситуацией в губернии. То же самое можно сказать и о милиции, которая пришла на смену ликвидированным в ходе революции полиции жандармерии. Губернию наводнили бесчинствующие толпы солдат и мародеров, на которых практически не было никакой управы. Иллюстрирует происходящее дело дворянина А.Ф. Гельшерта. 27 марта 1917 г. по требованию толпы крестьян, намеревающейся ограбить и разорить имение А.Ф. Гельшерта, отставного офицера российского флота, начальник милиции Троицкой волости Карсунского уезда произвел в его доме обыск и изъял коллекцию незаряженных ружей. А.Ф. Гельшерт был сразу же арестован за «незаконное хранение оружия». В сопровождении сельского комиссара Шемуратова он был доставлен на станцию Инза для дальнейшей отправки для проведения следствия в Симбирск. На вокзале в зале ожидания один из крестьян в присутствии толпы разнузданных солдат бездоказательно назвал А.Ф. Гельшерта «немецким шпионом». Пожилой, заслуженный человек был выведен пьяными солдатами на перрон и забит до смерти. Следователь 3 участка Карсунского уезда Смоленский провел расследование, нашел виновных в подстрекательстве к убийству, завел по факту его убийства уголовное дело.

Однако прокурор окружного суда, не имея возможности в сложившихся условиях возбудить уголовное дело, был вынужден его закрыть. (Цитируется по статье С.И. Плохого «Правоохранительные органы губерний в борьбе с антигосударственной и воинской преступностью в годы первой русской революции и первой мировой войны»)

Сей жуткий сюжет подробнее и более беллетристически воспроизводится в статье Владимира Миронова «Страшная смерть буржуя» (hulpressa.ru/2012/03/15/strashnaya-smert-burzhuya).

Гофман Адольф Иванович (ок. 1865 — ?). Инженер, в начале 1900-х работал на старой Бакинской электростанции в самом городе. С 19 марта 1900 г. по совместительству фотографировал ход строительства «Биби-Эйбата» и Белогородской станции, электрических сетей. С 1903-го по 1906 год заведовал Биби-Эйбатской станцией, после Л.Б. Красина, ставшего помощником заведующего всеми сооружениями «Электрической силы» Р.Э. Классона. По неким причинам в 1906-м был заменен А.Б. Красиным.

Из воспоминаний И.Р. Классона:

«Электрической силе» очень повезло, что в числе ее инженеров с самого начала постройки обеих [бакинских] электростанций работал блестящий фотолюбитель Адольф Иванович Гофман. <...> В декабре 1922 г. я встретил Гофмана в Стокгольме в семье Гардениных. Он в 1915-17 гг. работал в стокгольмской конторе Русского электротехнического общества Сименс и Шуккерт, организованной ее директором Л.Б. Красиным для импорта в Россию из вражеской Германии деталей для ремонта и производства прожекторов и другого оборудования. Оставшегося в Стокгольме [после революции 1917-го] Гофмана принял на работу в торгпредство Сергей Федорович Гарденин: в его дельности, как подобранного Красиным, можно было не сомневаться. Здесь Адольф Иванович сделал лучший снимок [моей сестры] Сони [со «скромной подписью» — «Рембрандт»]. (ф. 9508 РГАЭ)

А.И. Гофман, Стокгольм, 1920-е

Грудинский Петр Григорьевич (1894 — не ранее 1986-го). В 1918 г. окончил Московское высшее техническое училище. В том же году начал работать в Бюро по проектированию электрических станций в Подмосковном угольном бассейне. Следом перешел в только что созданный Каширстрой. В начале 1920 г. был зачислен добровольцем в Красную Армию и стал служить в Военно-железнодорожном управлении, восстанавливать коммуникации, разрушенные за гражданскую войну. В начале 1921 г. вернулся в Каширстрой, затем попал в только что организованный проектный отдел «Электростроя» и участвовал в проектировании электрической части первых очередей Балахнинской в Нижнем Новгороде и Штеровской ГРЭС в Донбассе. В 1922-м перешел на работу в МОГЭС, где заведовал проектным отделом и был дежурным инженером на 1-й МГЭС. В 1926 г. занял пост зам начальника диспетчерской службы МОГЭС, в 1928-м стал главным диспетчером (до 1931 г.). Руководил техническим надзором Главэнерго.

Преподавал в МВТУ и МЭИ с 1922-го по 1957 г., являясь профессором по кафедре «Электрические станции». С 1929 г. — член Технического совета Главэнерго ВСНХ, а затем Министерства электростанций. Оставил живые впечатления о Р.Э. Классоне в своем, к сожалению «политически корректном» для советской власти и «видного энергетика» Г.М. Кржижановского, очерке «Фантастика в действии», подготовленном в сборник воспоминаний участников Комиссии ГОЭЛРО и строителей первых электростанций «Сделаем Россию электрической» (Госэнергоиздат, 1961): см. очерк «Жизнь после жизни».

Давидов Алексей Августович (1867 – 1940).

В 1891 г. окончил Петербургскую консерваторию по классу виолончели и по классу композиции, а также физико-математический факультет Петербургского университета. Служил в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, имел звание действительного статского советника. С конца 1890-х служил в Петербургском международном банке в качестве доверенного правления (в 1899 г. побывал в Баку вместе с Р.Э. Классоном для подготовки доклада правлению «Электрической Силы»), а в 1909 году возглавил петербургский Частный коммерческий банк. А.А. Давидов вместе с Р.Э. Классоном был соучредителем АО «Баилов-Сабунчинская электрическая дорога», которое так и не смогло реализовать свой проект.

«Указатель действующих в Империи акционерных предприятий» (под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова, 2-е изд., С.-Петербург, 1905) относил А.А. Давидова «лишь» к директорам АО рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии и Российского золотопромышленного общества и к членам правления Акционерного общества Русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске» (в последнем — вместе с бароном Н.Е. Врангелем). Согласно этому же «Указателю» Алексей Августович не входил в правление общества «Электрическая Сила» (акционером которого был Петербургский международный банк). В 1913-м петербургский Частный коммерческий банк стал вторым по доле участия в капитале акционером «Электропередачи».

Справочник «Весь Петроград на 1917 год», со слов самого же Алексея Августовича, сообщал: является Председателем правления Ораниенбаумской электрической ж.д., Директор правлений Общества железнодорожных ветвей и Общества Волго-Бугульминской ж.д.; Член правления О-ва электрич. освещения 1886 г.; Почетный блюститель Ксеньинского института.

По недостаточно подтвержденным документально данным Веб-журнала Григория Андреева (*I-flow.ru/?article&id=105*), А.А. Давидов:

Входил в правление «Общества электрического освещения 1886 г.» с 1908 (?) по 1915 год. С 1 июля 1915 по 22 февраля 1917 года — член Особого Правления «Общества электрического освещения 1886 г.» по выбору от акционеров. 16 февраля 1917 года подал заявление о выбытии из состава членов Особого Правления ОЭО 1886 г.

Соучредитель Общества «Электропередача» в 1913 году. Был крупнейший акционером Общества на сумму 5 млн. 296 тыс. рублей, Петербургскому Частному коммерческому банку принадлежали акции на сумму 620 тыс. 500 рублей. С 1916 (?) года — член Правления Общества «Электропередача». В марте 1917 года Временным правительством был утвержден членом Правления Общества «Электропередача» по выбору акционеров.

Из детских воспоминаний И.Р. Классона:

В каком году был обвал штукатурки с потолка, я не знаю, сам этот случай не помню, но помню, что Соня какое-то время ходила с повязкой на голове. После обвала родители обследовали оштукатуренный потолок во всей квартире и определили, как ненадежное, место слева от входа в кабинете отца. Это я запомнил, так как в то время в Баку приехал председатель или член правления «Электрической силы» Давидов (он был еще директором [Петербургского] Международного банка) [документами сие не подтверждается! — МК]. За обедом он сказал, что привез для меня подарок, но оставил его в кабинете. Мне велели пойти за ним, однако я быстро вернулся и сказал, что сверток лежит на столе в том месте кабинета, куда мне запрещено заходить. Мне все же позволили, в виде исключения, зайти в запретную зону и взять подарок: отец хорошо разбирался в теории вероятности и больших чисел. (ф. 9508 РГАЭ)

После большевистского переворота 1917-го А.А. Давидов эмигрировал в Германию.

Ефимов Павел Николаевич (1894 — после 1973-го). Старейший гидроторфист. Окончил Московский коммерческий институт в 1918-м. В 1914-18 гг. работал техником по механизации добычи торфа на «Электропередаче», в 1918-22 гг. заведовал разработками гидроторфа, в 1922-25 гг. служил главным инженером в Гидроторфе, в 1925-31 гг. — заведовал научно-опытной частью Гидроторфа в Госторфе.

П.Н. Ефимов с женой Зельмой Францевной, ≈1929 г.

До революции Кржижановский открыто не выступал против деятельности отца. Но за его спиной Кржижановский с двумя другими руководителями «Электропередачи» убеждали самого молодого «гидроторфиста» — тогда практиканта П.Н. Ефимова перейти на другую работу, т.к. он испортит свою карьеру, занимаясь безнадежным делом, на котором вдруг помешался отец. Ефимов их не послушался и в дальнейшем стал выдающимся специалистом в торфяной промышленности. (из черновых записей И.Р. Классона, ф. 9508 РГАЭ)

Припоминается случай, когда на опытное поле, где мы вдвоем с товарищем занимались в воскресный день приведением в порядок своих записей, пришли трое весьма почтенных работников «Электропередачи» и, несмотря на огромную разницу положений (мы были скромные, начинающие инженеры, а они — руководители крупнейшего предприятия), пользуясь тем, что мы одни, начали вести с нами «разговор по душам». Работа с гидроторфом, по их мнению, попахивает шарлатанством, наш патрон Р.Э. Классон, по меньшей мере, сумасшедший, а наша техническая репутация, после участия в таком деле, становилась весьма сомнительной. Однако такую «заботу о репутации» мы не оценили, к глубокому прискорбию наших посетителей. (Инж. П.Н. Ефимов. 25 лет Гидроторфа. // «За торфяную индустрию», 1940, №6)

В 1932-48 гг. П.Н. Ефимов — главный инженер Гипроторфа. В 1948-62 гг. работал доцентом, и.о. профессора Торфяного института.

Ефремов Андрей Николаевич (1876 — 1964). С 1897-го работал фельдшером «приемного покоя» на Раушской станции и сотрудником ее конторы. С 1918 г. — зам главврача и начальник административного отдела станции, позже входил в правление МОГЭС. С 1930 г. на административной работе в Энергоцентре, Средволгострое, Главгидроэнергострое, с 1941 г. — зам гл. врача ведомственных поликлиник.

Написал развернутый биографический очерк, где привел интересные человеческие штрихи, в сборник «Памяти Р.Э. Классона» (МОГЭС, 1926. Написал также первую биографию Р.Э. Классона (Гидроторф, кн. 2-я, ч. 1, М., 1927).

Желябужский Юрий Андреевич (1888 — 1955). Сын Марии Федоровны Желябужской (урожд. Юрковской, сценический псевдоним — Андреева) и действительного статского советника Андрея Алексеевича Желябужского, главного контролера Курской, Нижегородской и Закавказской железных дорог, пасынок Алексея Максимовича Пешкова-Горького, один из старейших деятелей русского и советского кино.

В 1920-м снял на «Электропередаче» документальный фильм по гидроторфу, который демонстрировался в Кремле в присутствии В.И. Ульянова-Ленина.

В настоящее время Управлением по делам Гидроторфа организован отдел пропаганды во главе с т. Желябужским, в распоряжении которого имеются пять лекторов, специально подготовленных для сопровождения картины объяснениями. Причем нами признается более чем желательным, чтобы в Московском районе картина демонстрировалась только с нашего ведома и с сопровождением наших лекторов, а при посылке в провинцию таковую обязательно сопровождал специально нами инструктированный лектор — из телефонограммы Гидроторфа управделами Совнаркома в январе 1921 г. (ф. 758 РГАЭ).

Как сообщал Ю.А. Желябужский в 1951-м в одной из публикаций о нем, фильм о гидроторфе был утрачен (?). С сайта Иноекино.ru:

Родился в Москве, в семье актрисы МХТ М. Андреевой. [Учился на кораблестроительном отделении Петроградского политехнического института. Окончил Высшую техническую школу.] Инженер по образованию, Юрий Желябужский начал свою кинематографическую деятельность в 1916 году сотрудником литературной части фирмы «Тиман и Рейн-гардт». В 1917 году он переходит на работу в качестве кинооператора. С 1919 года, не порывая с этой профессией, ставит картины. В период гражданской войны и в первые годы мирного строительства Желябужским было снято много научно-пропагандистских лент: «Гидроторф» и серия других фильмов по торфодобыче, фильм о нефтяной промышленности, учебный фильм «Что такое биология?» Параллельно им было поставлено значительное число игровых агиток: «Сон Тараса», «Чем ты был?», «Дети – цветы жизни», «Народ – сам кузнец своего счастья», «Домовой-агитатор».

Связанный с коллективом «Русь», Желябужский одновременно с работой в советских организациях участвует в постановке художественных фильмов этого коллектива: «Царевича Алексея», «Девьих гор», «Поликушки» и других. В 1923 г. Желябужский целиком переходит на работу в «Межрабпом-Русь» и на протяжении 1924-1930 годов ставит для этой организации и ее преемника «Межрабпомфилъма» около десяти художественно-игровых картин. Наибольшей популярностью у зрителя пользовались «Коллежский регистратор» (по повести Пушкина «Станционный смотритель») (1925) и комедия «Папиросница от Моссельпрома» (1924), по сценарию А. Файко и Ф. Оцепа.

Зайковский Иван Иванович (1878 — ?). Мастер-электрик, встретил Р.Э. Классона на Георгиевской электростанции в 1897 г. После отбытия воинской повинности вернулся уже на Раушскую станцию, но вскоре уехал в Баку, к Р.Э. Классону. В 1901-м перешел работать на электростанцию общества «Апшерон».

Я рад такому решению вопроса, потому что положение Зайковского у нас было совершенно ложное. Никто его терпеть не мог, и поручить ему какую-нибудь должность по эксплуатации было бы трудно. В последнее время он устанавливал телефонную сеть на Бейбате, и это он делал хорошо. (из Бакинского дневника Р.Э. Классона, ф. 9508 РГАЭ)

В 1909-м занимал пост Астраханского городского электротехника и вместе с Р.Э. Классоном участвовал в работе V Всероссийского электротехнического съезда. Через какое-то время перебрался в Москву, опять к Р.Э. Классону. На вечере памяти последнего в феврале 1926-го произнес, уже в качестве представителя Шатурской электростанции, весьма прочувствованную речь.

Заславский Давид Иосифович (1880-1965).*

^{*} Мы помещаем здесь некоторые штрихи из «линии жизни» сего беспринципного персонажа по нескольким обстоятельствам. Во-первых, наша родственница С.Н. Мотовилова была хорошо знакома с ним по своей деятельности в Киеве в конце 1910-х — начале 1920-х годов. А ранее читала его хлесткие фельетоны в «Киевской мысли» под псевдонимом Homunculus. Во-вторых, далее следила за его выступлениями уже в советской и не только печати. Ну и, в третьих, нам весьма интересно проследить весьма изощренное его «наведение тени на плетень» при обелении «Софьи Власьевны» и очернении «воинственного капиталистического режима» (на нескольких примерах).

Об этом ярком дореволюционном и советском журналисте в Интернете имеется множество публикаций, см. например:

Давид Иосифович Заславский (sites.google.com/site/triumphato/time-tracker/wikipedia/articles/triptihs/hebrean-triptih/zaslavsky);

Заславский Давид Иосифович (www.ww.ejwiki.org/wiki/Заславский,_Давид_Иосифович). Поэтому внесем «свои 5 рублей» (которые уже превратились в советские 5 копеек). На удаленных электронных ресурсах РГБ можно «листать» такие советские газеты как «Правда» и «Известия», а так же, уже в натуре, перелистывать «Летописи газетных статей». Но чтобы отследить все публикации Д. Заславского, на это нужно затратить не один неделю... Так что пусть дотошный читатель не обессудит.

Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону от 28 октября 1962 г. (ф. 9508 РГАЭ):

Недавно в News за 1956 год с интересом прочла о Плеханове. Это было столетие со дня его рождения. Статья очень толково и хорошо написана. Я удивлялась: кто так хорошо пишет? Оказалось, Заславский. Я, кажется, Вам рассказывала, как я с ним работала [в Киеве] в 1919 г., как я хлопотала о нем, когда он был арестован, у Затонского. Через два дня Заславский уже был выпущен. О работе с ним у меня сохранилось самое хорошее впечатление. Но его статья о Кусковой «Кура, которая хочет быть петухом» и его позорное выступление против Пастернака [«Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» (1958 г.)] сделали его для меня отвратительным.

Поскольку в Интернете не обнаруживается статьи Д. Заславского в американском журнале News, дадим ссылку на его же книгу «Плеханов», выпущенную еще в 1923 г. Скорее всего, издатель News, не имея возможности обратиться через «железный занавес» напрямую к автору, попросту «скапитализдил» текст из оной книги.

(litresp.ru/chitat/ru/3/zaslavskij-d/g-v-plehanov/1)

Обложка книги «Плеханов», «Радуга», Петроград-Москва, 1923

К сожалению, комментатору сего Приложения пока не удалось отыскать упомянутую статью Д. Заславского «против Е. Кусковой», по которой неизвестно ничего — ни даты публикации (в сентябре 1921 г., когда большевики разогнали Помгол?), ни конкретного СМИ (в киевском «Коммунисте»?). Однако в 1921 г. тов. Заславский переехал из Киева в Москву, а затем в Петроград, где занялся «еврейским вопросом». Как раз 19 октября 1922 г. Екатерина Кускова опубликовала в эмигрантской «Еврейской трибуне» статью «Кто они и как быть» об антисемитизме среди советской интеллигенции. Ее можно прочитать в конце книги Андрея Дикого «Евреи в России и в СССР. Русско-еврейский диалог» (file:///C:/Users/user/Desktop/iudei1.pdf). Из книги А.И. Солженицына «Двести лет вместе»:

Кускова напечатала статью в «Еврейской трибуне»: что антисемитизм в СССР — не выдумка, «что сейчас в России большевизм смешивается с еврейством — это не подлежит сомнению». Она встречала даже «высоко-культурных» евреев, «которые были подлинными антисемитами... нового "советского типа"». Врач-еврейка говорит: «Еврейские большевистские администраторы испортили мои прекрасные отношения с местным населением». Учительница: дети «орут, что я преподаю в еврейской школе», потому что «запрещено преподавать Закон Божий и выгнали батюшку», «в Наркомпросе — все евреи». В гимназических кружках («из радикальных семей») разговоры «о насилии евреев». «Молодёжь вообще гораздо более антисемитична, чем старшие», а те «на каждом шагу говорят... "показали они себя, помучили нас!"». «Всем этим – полна сейчас русская жизнь». – «На вопрос, кто же это они, эти антисемиты, — отвечаю: это самые широкие слои населения». Настолько широки эти слои, что «Политуправление разослало прокламацию, в которой разъясняет, почему в администрации так много евреев: "Когда российскому пролетариату понадобилась своя интеллигенция и полуинтеллигенция, кадры административных и технических работников, то неудивительно, что оппозиционно настроенное еврейство пошло ему навстречу... Пребывание евреев на административных постах новой России совершенно естественная и исторически неизбежная вещь, будь эта новая Россия кадетской, эсеровской или пролетарской".

[И если] на месте прежнего Ивана Петровича Иванова сидит теперь Арон Моисеевич Танкелевич, [то от] неприятных ощущений... следует "излечиться"». Защищая либеральную честь, Кускова парирует: да, «и в кадетской и в эсэровской России многие административные места были бы заняты евреями», но ведь «ни кадеты, ни эсэры... не запрещали бы в школах Закон Божий, не рубили бы головы». — Так вот, «перестаньте руками Танкелевича делать злое и мерзкое дело», призывает она, «не будет тогда и микробов антисемитизма».

Вполне возможно, что обиженный за своих сородичей тов. Заславский дал «достойный ответ» белоэмигрантке в какой-нибудь «Еврейской летописи». Но как С.Н. Мотовилова узнала об этой малозаметной публикации? Так ведь она в 1920-х служила в различных библиотечных учреждениях и имела доступ к самым разным книгам, журналам и газетам!

Зато в Интернете имеется эта довольно мерзкая публикация Д. Заславского «против Пастернака» (vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/PASTERNAK-58/PAST5.HTM), она была опубликована в «Правде» 26 октября 1958 г. Другие материалы «вокруг Пастернака» см. на том же ресурсе (vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/PASTERNAK-58/PAST0.HTM).

26 июля 1925 г. «Правда» опубликовала покаянное письмо 45-летнего Д. Заславского в редакцию, написанное в Ленинграде 20 июня (похоже, целый месяц ушел на согласование с партийной верхушкой – печатать или не печатать?!):

"В 1917-18 г.г. я был в правой меньшевистской печати одним из наиболее голосистых противников советской власти и большевиков. Вспоминать об этом времени мне тяжело и стыдно, но вспомнить необходимо, чтобы раз навсегда с этой полосой моей жизни покончить. Став на путь борьбы, я шел все дальше и спохватился только тогда, когда увидел, что залез глубоко в болото. Это было в начале 1920 г. на Украине. Письмом в редакцию киевского «Коммуниста» я признал свои ошибки и отказался от политической деятельности. <...>" (Это могло произойти, естественно, при большевиках, после февраля и до сентября 1919 г. или же после июня 1920 г., см. например тахрагк.com/community/14/content/3623947)

Действительно, «Н. Ленин» в 1917 г. посвятил не одну разоблачительную статью Милюковым, Данам и Заславским (см., например, на тех же электронных ресурсах РГБ газету «Рабочий» за 7 сентября 1917 г.).

После публикации «покаянного письма» в «Правде» «Софья Власьевна» милостиво разрешила Давиду Иосифовичу писать хвалебные репортажи о советской действительности и разоблачать «козни империалистов». Приведем лишь некоторые примеры начала его «верного прислужничества»:

- Всесоюзный съезд агрономов. Школа и жизнь (Репортаж из Ленинграда) / «Правда», 19.1.1926;
 - Дело эстонских шпионов. Фабрика шпионов / «Правда», 6.2.1926;
- Накануне / «Известия», 1.5.1926 (О вождях английской рабочей партии и о самих рабочих, для которых «1 мая может стать исходным днем великой революционной борьбы»);
- Борьба за экономию. Режим экономии (Репортаж из Ленинграда) / «Правда», 12.5.1926;
- Жажда забвения / «Известия», 16.5.1926 (О Болдуине и о печальном конце всеобщей забастовки английских трудящихся);
 - Петлюра / «Известия», 27.6.1926;
- Бочками сороковыми (Письмо из Ленинграда) / «Правда», 27.6.1926 («О том, как разорались и разодрались у нас писатели пролетарские и писатели просто советские»);
 - Черчилль, как таковой / «Известия», 27.6.1926;
 - Онкль Митяй и онкль Миняй / «Известия», 24.7.1926;
 - Дудочки или клеш? / «Правда», 28.7.1926;
 - Праздник Волховстроя / «Правда», 30.7.1926 г.;
- Турецкая плавучая выставка в Ленинграде. Стамбул в Ленинграде (Впечатления) / «Правда», 31.7.1926;
- Вторая германская рабочая делегация в Ленинграде. Красная присяга (Впечатления) / «Правда», 3.8.1926;
- «Исторические комнаты» [в Зимнем дворце-Эрмитаже] и советская общественность (Письмо из Ленинграда) / «Правда», 8.10.1926;
 - В шестой раз [«Броненосец Потемкин» в Германии] / «Известия», 14.10.1922;
- Полонез мертвых / «Известия», 31.10.1926 («Пилсудский стал в первые ряды полонеза мертвых»);
- Герои Маркизовой Лужи (На деле о гибели [парохода] «Буревестника» [и 66 пассажиров] / «Правда», 17.11.1926;

- К авариям на электростанциях Ленинграда. Готовьте смену! (Письмо из Ленинграда) / «Правда», 27.11.1926 [из материала следовало, что отказало 3 крупных дореволюционных турбогенератора по причине их полной изношенности, но в соседней информашке утверждалось, что одна из аварий случилась на совершенно новом брюнском турбогенераторе, недавно запущенном на электростанции «Красный Октябрь»!?];
- «Бука» в Чехословакии / «Известия», 30.11.1926 ("Буржуазия на Западе давно сделала из коммунистов «буку»");
 - «Свободная печать» / «Известия», 10.12.1926;
 - Чубаровское дело. Дети Лиговки (Из зала суда) / «Правда», 17.12.1926;
- Менелай из [германского социал-демократического] «Форвертса» / «Известия» 19.12.1926;
- Волховская гидростанция открыта. Первая / «Правда», 21.12.1926 [попутно Д. Заславский пнул давно национализированное Общество электрического освещения 1886 г.].

Ну и так далее...

29 января 1930 г. «Правда» опубликовала статью Д. Заславского «Аттракцион — сильно комический» («Белая печать о процессах реконструкции сельского хозяйства»):

Меньшевиков обвиняют в том, что они вот уже 12 лет уныло талдычат одно и то же и не замечают грандиозных социальных сдвигов, происходящих в СССР. Но вот летом 1928 г. в редакции «Социалистического Вестника» был чрезвычайный подъем настроения в связи с затруднениями в хлебозаготовках. [Петр] Гарви свою статью в августовском номере озаглавил: «На новом повороте». Он писал:

«Большевики снова капитулировали перед крестьянством... В лице упрямой крестьянской стихии большевизм столкнулся с железными законами политической экономии, со стихией капитализма, выразителем и носителем которой является крестьянство.

<...> Вторично за время своего господства большевики сделали попытку универсального подчинения производства, обмена и распределения единому хозяйственному плану. И вторично эта попытка потерпела крушение».

Отведем упрек, который сейчас может быть брошен меньшевику — будто не случайно не замечает он классов в крестьянстве и кулаками подменяет все население советской деревни. Нет, классы есть, но классовая борьба прекратилась. Вот картина советской деревни 1928 г. в кривом зеркале меньшевистского аттракциона:

«Бедняки, середняки и кулаки — все объединились в пассивном сопротивлении советской власти...» Советскую деревню характеризует «не социальное и политическое разделение крестьянства, а, наоборот, внутренняя его спайка».

Картина до того радостная для меньшевистского сердца, что была забыта обычная осторожность, и «Социалистический Вестник» снова пустился в пророчества. Вот меньшевистский прогноз на основании меньшевистского диагноза:

"Раскрепощение рынка не может остановиться на открытии деревенских базаров. Нэпманская буржуазия, это социальная «дробь», превращенная левым курсом в нуль, вновь обретет свою социальную значимость".

Новый поворот в советской политике, провозглашенный меньшевиками летом 1928 г. — это поворот к капитализму, «последний и решительный» поворот. Из-за рубежа ужасно умный Гарви приветственно махал ручкой нэпманской буржуазии, которой предстоит столь блестящий расцвет на «новом повороте».

Казалось бы, жестокая судьба столько раз била меньшевиков по голове, что раз навсегда они должны бы выбросить форму будущего времени из своего лексикона, раз навсегда отказаться от пророчеств. Но тянет неутолимая страстишка заглянуть в будущее, тянет и влечет к очередному конфузу. Радостное настроение владело меньшевиками вплоть до конца [1928] года, и в декабре [Арон] Югов писал в «Социалистическом Вестнике» с великолепным пренебрежением:

«К лету 1928 г. родилась еще одна утопическая идея: решено было активно вмешаться в процесс производства хлеба».

Почему же утопическая? А потому что «нужно увеличить посевную площадь под совхозами и колхозами по крайней мере в 3-3½ раза. Возможно ли это?»

Ну, ясно же, конечно же — невозможно. Вздор это, чепуха. И поэтому (снова это проклятое, роковое для меньшевиков будущее время!): «попытки в 3-4 года насадить в СССР, в стране мельчайшего сельского хозяйства, крупнейшие зерновые фабрики заранее обречены на провал».

О, мудрые кудесники, любимцы богов, заветов грядущего «социалистические вестники»! В те самые дни, когда меньшевики столь глубокомысленно провидели даль веков, в Праге собирался «съезд русских земледельцев», т.е. беглых русских помещиков, пригревшихся у [президента Чехословакии] Масарика за пазухой. Съезд назвал колхозное движение в СССР «фантастическими планами социализации», приветствовал кулацкий террор и выбросил 2 лозунга: «Бей коммунистов!» и «Пали коммунистов!». Орган «русских земледельцев», продолжающий старые помещичьи традиции в самой внешности журнала и в его имени — «Хозяин» пророчил вместе с меньшевиками скорое падение советской власти, против которой поднялось «все крестьянство».

Когда вступал на престол царь Николай II, либеральная буржуазия робко возмечтала о конституционных реформах, только возмечтала — даже просить не смея. Но последний самодержец российский ответил грубо и самонадеянно, что «самодержавие останется, как встарь, непоколебимо» и что разговоры о конституции, это — «бессмысленные мечтания». Николай II умом не отличался, но не умнее его специалист по крестьянским делам из эсеровских «Дней» Марков. Он обокрал коронованного неудачника. В статье «Пути сельского хозяйства» («Дни», 10 марта 1929 г.) он писал:

"Надеяться на то, что удастся перестроить на «социалистических» основаниях огромную часть индивидуальных крестьянских хозяйств — не бессмысленное ли это мечтание?"

Факты не смущали Маркова в начале 1929 г., но смутило поведение некоторых видных советских ученых-некоммунистов, в частности проф. Чаянова.

Как объяснить отступление этих ученых с прежних позиций защиты мелкого крестьянского хозяйства? Очень просто: все сошли с ума.

«В Москве хотят поставить экономические законы вверх ногами. Уже пробуют это делать при участии экономистов, изменивших свое мировоззрение. Все это отнюдь не свидетельствует о серьезности планов. Все это свидетельствует о каком-то помешательстве, о полной потере способности понимать самые элементарные вещи».*

^{*} Чаянов А.В. Краткий биографический очерк (www.ihst.ru/projects/sohist/papers/kab89ch.htm):

Роковую роль для А.В. Чаянова и его соратников сыграла дискуссия 1927 г. о дифференциации крестьянства. Объективно вопрос о классовом расслоении назрел. Куда оно идет? Интенсивно ли происходит расслоение? Происходит ли вымывание середняка? Представляет ли опасность кулак? Все эти вопросы имели важное практическое значение для судеб крестьянства, для страны в целом.

Картина величественная и жуткая: все сошли с ума, и только эсеровский экономист сохранил рассудок. Он ходит среди сумасшедших и изрекает: «индивидуальное крестьянское хозяйство останется непоколебимо, как встарь. Оставьте бессмысленные мечтания!» И только полковничьего мундира не хватает этому мудрецу для полного сходства с последним идиотом самодержавия.

В мае [1929 г.] вышел в свет №69 «Бюллетеня экономического кабинета проф. С.Н. Прокоповича». Это звучит очень гордо, но выглядит очень мизерно. Приблизительно раз в месяц выходит журнальчик в 16 маленьких страниц. Единственным сотрудником этого журнала состоит проф. Прокопович и, боимся, единственной читательницей — Е. Кускова. Весной 1929 г. проф. Прокопович с высоты своего профессорскиминистерского величия не разглядел такой малости, как колхозное движение. Он написал статью «Современное состояние сельского хозяйства и хлебный кризис».

В хлебном «кризисе» он [(проф. Прокопович)] винил исключительно генеральную линию партии, направленную против индивидуального крестьянского хозяйства. Вывод отсюда: реконструкция сельского хозяйства на коллективных началах несет гибель сельскому хозяйству, совершенно неизбежную.

«Неурожай заставит сделать решительное отступление от теперешней так называемой генеральной линии сельского хозяйства. Урожай затянет борьбу. Затруднения же с хлебом будут и в 1929-30 [хозяйственном] году, даже и при хорошем урожае».

Окончание примечания

Однако объективная научная полемика была подменена избиением несогласных с точкой зрения так называемых аграрников-марксистов, т. е. тех, кто группировался вокруг Л. Н. Крицмана и его окружения из Комакадемии.

А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева и других обвиняли в стремлении увековечить индивидуальное хозяйство. Но критики не замечали, насколько крестьянство уже втянуто кооперацией в систему социалистических отношений, что это уже было не то крестьянство, что в начале революции. Кооперация сочетала в себе такую степень личной заинтересованности населения и государственного интереса, которая давала возможность безболезненно и без ломки, медленно, но верно вводить крестьянина в социализм.

В 1928 г. последовали «оргвыводы: А.В. Чаянов покинул пост директора основанного им института сельскохозяйственной экономии, а сам институт был преобразован в НИИ крупного социалистического хозяйства, членом коллегии которого А.В. Чаянов был все же оставлен. «Грешников» вынудили к публичному признанию своих ошибок. Покатилась волна покаяний. С самокритикой выступили Н.П. Макаров, Н.Д. Кондратьев, А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов. <...> Знакомство с практикой работы совхозов и личное участие в разработке проектов организации совхозов (Пахта-Арал и Др.), а также первого в стране агроиндустриального комбината (Дигорского в Осетии) давали богатый материал для размышления о перспективах крупных социалистических предприятий. Своими размышлениями о принципах организации совхозов А.В. Чаянов делится на страницах ряда журналов, готовит к печати большую монографию «Организация крупного хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия», которая, однако, так и не вышла в свет.

Резкий поворот к такой новой, неожиданной проблеме, прямо противоположной тому, чем до сих пор занимался А.В. Чаянов, объясним. Он прекрасно понимал, что в складывающихся условиях с крестьянским хозяйством было покончено. Оно разрушалось на глазах. Коллективизация, с помощью которой создавался класс колхозного крестьянства, не соответствовала его представлениям о втягивании крестьян в социализм посредством естественного кооперирования. Он органически не мог участвовать в этой работе. Единственная область, где ему еще оставалась возможность применить свои знания и опыт на практике, это совхозное строительство. Но несмотря на прекрасно отработанную систему определения оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, страну захлестнула волна гигантомании. <...>

О колхозах и совхозах — ни слова. Их еще не существует для профессора. Но если в своей таинственной келье он может позволить себе роскошь игнорирования фактов, то замалчивание уже идущего грандиозного процесса реконструкции невмоготу ежедневной и еженедельной белогвардейской печати. Она поднимает отчаянный крик о том, что крестьянина советская власть насильственного загоняет в колхоз, что на этой почве происходит жестокая расправа с теми крестьянами, которые сопротивляются насильственной коллективизации. Однако в конце июня в «Днях» проскальзывает такое «письмо колхозника»:

«Мы думаем, что теперь все наши крестьяне перешли бы на артельные начала...».

Из письма совершенно очевидно, что речь идет о кулацком колхозе, в котором богатая верхушка села укрылась от советской власти и от своей же бедноты. Этот лжеколхоз заставляет редакцию «Дней» задуматься, нельзя ли и колхозы использовать против советской власти? Все тот же Марков иронически пророчествует:

"Нет сомнения, что осенью мы будем читать в казенных газетах отчеты «Гиганта» под заголовком: «Осенний экзамен совхозами выдержан»..."

Это — единственное пророчество белогвардейской печати, которое оправдалось, но иронический смех застывает. Не до смеха. Надежды на неурожай не оправдались. В сентябре «Дни» помещают статью под таким заголовком: «Почему Сталин не может одолеть кулака?».

Скорбной главой эсеровский публицист не предвидит, что вскоре тов. Сталиным будет поставлена как ближайшая очередная задача ликвидация кулачества как класса.

К концу лета 1929 г. белогвардейская печать уже не смеет писать о провале коллективизации, о фантастике планов и т.п. И только один дурак плетется в хвосте неудачливых пророков. Это некто Л. Кроль, в прошлом болтливый пошляк-адвокат, а ныне специалист по аграрному вопросу в кадетской печати. Как раз в то время, когда Советский Союз начинает покрываться сетью совхозов и колхозов, когда возникают районы сплошной коллективизации, он пишет в №6-7 журнала «Вольная Сибирь» (Прага) [(имеется в читальном зале Дома русского зарубежья им. Солженицына)]:

«Практически планы устройства в короткий срок всероссийской сети колхозов и совхозов неосуществимы... Потребуется коллективизировать минимум 9 млн. га. Каким образом совершится это чудо, никто из них (советских экономистов), конечно, не мог бы ответить... Самым сильным тормозом на пути коллективизации сельского хозяйства в СССР является недоверие крестьянских масс к новшествам... Процесс перевода мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в коллективистическое русло будет происходить крайне медленно. Все надежды коммунистов на чудесное развитие совхозов и колхозов можно рассматривать только как фантастическую утопию...».

Осенью 1929 г. это было уже не просто нелегальное пророчество, а полновесная глупость упрямого человека, не желающего видеть то, что у него прямо перед глазами. У Салтыкова тож один помещик-крепостник после объявления «воли» говорил одно:

- Не желаем-с.
- То есть в каком смысле? спрашивали его.
- Не в смысле, а просто не желаем-с.
- То есть покуда или вообще?

^{*} Лев Кроль после нелегального отъезда из Москвы выпустил в 1921 г. во Владивостоке книгу «За три года (Воспоминания, впечатления и встречи)» (militera.lib.ru/memo/0/pdf/russian/krol_la01.pdf). Все же Лев Афанасьевич был не адвокатом, а директором электростанции в Екатеринбурге, в 1905-м стал кадетом.

– Не покуда и не вообще-с... Не желаем-с.

Конечно, и сейчас в эмиграции есть много помещиков и всяких политиков и публицистов, которые на всякие разговоры о реконструкции сельского хозяйства в СССР отвечают «не желаем-с» и совершившегося «не признают». Но в «Социалистическом Вестнике» после долгого замалчивания, наконец, признали. Конечно, ни Гарви, ни Югов не покаялись в том, что в прошлом году наглупили пророчествами о «новом повороте» к капитализму и о «заранее обреченном на провал» плане коллективизации. Эти пророки молчали.

Выступила в октябре О. Доманевская с обширной статьей «Коллективизация советской деревни» (N20). Она пишет о «головокружительном росте колхозов», но тут же заклинает своих друзей «не поддаваться гипнозу больших чисел». Дело в том, что «рост колхозов исключительно внешний»! «Крестьянин-середняк под давлением часто не видит иного выхода, как перекраситься в защитный цвет и стать членом коллектива, хотя все его индивидуалистическое нутро бунтует и сопротивляется против этого». Этот «бунт» индивидуалистического нутра, выражающийся во вхождении в коллектив, сильно напоминает анекдотическую огромную, ростом в лошадь, пчелу, которая должна пролезть в обыкновенное отверстие улья.

– Как же она лезет? – спрашивают в анекдоте у рассказчика.

И он отвечает:

– Пищит, а лезет.

Так середняк под давлением «пищит и лезет» в колхоз. Что получается из этого? А получается, что никакой реконструкции на деле нет. Вся страна может быть коллективизирована, а коллективизации нет. Индивидуалистическое нутро продолжает бунтовать и в колхозе:

«Состоятельные слои крестьянства и в колхозах сохраняют преобладающее влияние, определяют их политику, а бедняки остаются в них эксплоатируемыми элементами... Это достаточно характеризует всю призрачность коллективистических успехов в советской деревне».

Опыт нескольких кулацких колхозов Доманевская распространила на весь грандиозный процесс коллективизации. *

Но именно на кулацком «нутре» и построены все расчеты меньшевиков на срыв коллективизации. Это та предпоследняя надежда (о последней ниже), которой питаются меньшевики. На ней строят они свое новейшее пророчество, и здесь попадая пальцем в небо. Ликвидация кулачества, недопущение кулака в колхозы разрушают меньшевистский расчет. Остается мистическая вера в «нутро», прирожденное, традиционное, неизменное нутро крестьянина-собственника. Этой верой питается вся белая эмиграция — от «марксистов»-меньшевиков до крепостников-помещиков.

Но у последних это выходит и проще, и лучше. Монархическое «Возрождение» так пишет об этом «нутре» крестьянина:

 $^{^*}$ Отрывок из статьи О. Доманевской «О колхозном строительстве» в «Социалистическом вестнике» №20 за 1929 г. можно прочитать на ресурсе

«Никакого психологического переворота в душе крестьянина не произошло. Спасаясь от неминуемой гибели под сень колхозов..., крестьянин повинуется лишь инстинкту самосохранения, но никакая сила не в состоянии вытравить из его души неудовлетворенную надежду своего хозяйства, своей лошади, своей коровы, своего куренка» (№1690 — [С. Таврогин. На крестьянском фронте // «Возрождение», 17 января 1930 г., diglib4.princeton.edu/historic/cgi-bin/historic?a=d&d=vozrozhdenie19300117-01.2.16&e=-----en-20--1--txt-txIN------]).

Крестьянин, как опора собственнических начал, подкачал. Остается питать веру в его «душу», в его «нутро». Доманевская, как «марксистка», верит в «нутро», а помещик [С. Таврогин] * из «Возрождения» — в «душу». В этом все глубокое различие между ними. В ноябре удостоил коллективизацию своим вниманием «Экономический кабинет проф. С.Н. Прокоповича». Статья в №73 так и называется «Коллективные хозяйства». Сначала профессор благоразумно соблюдает осторожность: «Будущее, конечно, принадлежит будущему, — говорит он, — о нем гадать не будем».

Что же касается настоящего, то нельзя отрицать громадного развития колхозов. Вопрос весь, однако, в том, кто идет в колхозы и как идет. Доманевская говорит, что идет и середняк, хотя и под давлением: пищит, а лезет. И на этом Доманевская строит свои отрадные надежды. Прокопович говорит, что середняк не идет, а под «угрозой» идет только бедняк, и на этом Прокопович строит свои отрадные надежды. Таким образом, хотя 2 столпа белогвардейской экономики утверждают противоположное, но в отрадных выводах сходятся. Советской власти все равно крышка — либо от середняцкого нутра, либо от бедняцкого бессилья. И так это отрадно, что Прокопович забывает самому себе поставленную заповедь и пророчит: «О длительности существования колхозов вообще не может быть и речи».

Тают бедняцкие колхозы, как снег под солнцем, а середняк, как за границей известно, в колхозы не идет. И сидит в своем экономическом кабинете умный Прокопович и радуется: какой он проницательный!

Выше читатель мог уже заметить, что в последнее время зарубежные публицисты стали по-новому характеризовать процесс массовой коллективизации. Доманевская по старинке говорит о «давлении», под которым крестьяне идут в колхозы. Но вот «Возрождение» пишет, что крестьяне «спасаются от неминуемой гибели под сенью колхозов». Значит, их не «загоняют», а они бегут под некую «спасительную сень».

[«]С. Таврогин» был псевдонимом журналиста и публициста Сергея Евгеньевича Евгеньева (1877-1931)!

Еще не привыкши к новой терминологии, «Возрождение» на другой же день, 1 января, писало в обзоре минувшего года: «По всей шири земли русской крестьяне загонялись в колхозы». [(см. Перспективы нового года — hdiglib4.princeton.edu/historic/cgi-bin/historic?a=d&d=vozrozhdenie19300101-01.2.2&e=-----en-20--1--txt-txIN------#)]

Эсэровские «Дни» уже стараются в сплошной коллективизации рассмотреть контуры некоего любезного сердцу их «крестьянского союза», и реконструкция сельского хозяйства — это уже не «помешательство», не «фантастика», а новая, видите ли, форма борьбы крестьянства с советской властью, и знаете, для чего едут 25 тыс. рабочих в колхозы? Для борьбы с неудержимой тягой крестьян в колхозы.

Ну, это ломаются шуты гороховые из «Дней». Нельзя же признать, что надежды на провал коллективизации провалились без надежд. В «Социалистическом Вестнике» осталась еще одна, последняя надежда (№24). [Эсер Давид] Далин исступленно смотрит на небо и молит у своего боженьки засухи: «Тем тяжелее будет кризис, тем глубже будет катастрофа, если на беду Кремля летняя погода будет не совсем благоприятна».

Коллективизация сельского хозяйства ошарашила белогвардейцев. Она выбила из их рук всякое «теоретическое» оружие. Она подрезала всякие надежды на сопротивление «крестьянина-собственника» социалистическому государству. Главное, она прямо на глазах вырывает почву из-под кулака, с которым связаны все контрреволюционные расчеты. Но тем сильнее исступление и бешенство в зарубежной белой печати. Давно она не переживала такого пароксизма лютой ненависти к советскому строю. Ликвидация кулачества сопровождается как класса явным контрреволюционной печати. Она бьет тревогу, чувствуя, что почва ускользает и под ее ногами. Она старается изо всех сил привлечь внимание иностранной буржуазии к тому, что происходит в Советском Союзе, она торопит империалистов, требует вмешательства – «пока не поздно».

В общем, тов. Заславский высокоталантливо и цинично отмазывал людоедский план сталинского массового загона людей в колхозы и не менее массовой высылки т.н. «кулаков», т.е. справных крестьян. За неимением в Интернете процитированных «меньшевистских статей» предлагаем ознакомиться с другими публикациями «белой печати о процессах реконструкции сельского хозяйства», например со следующими:

A. Марков. Кризис сельского хозяйства; С. Маслов. Способы борьбы; Из крестьянских писем (vtoraya-literatura.com/pdf/vestnik_krestyanskoy_rossii_14_1928_text.pdf).

Вместо хлеба — пули; Борьба колхозников; М. Личаченко. Революционная законность; П. Богданов. Ограбленная деревня; Г. Назимов. Россия и крестьянство (vtoraya-literatura.com/pdf/vestnik krestyanskoy rossii 38-39 1932 text.pdf).

Еще два номера «Вестника крестьянской России», за 1929 г., можно найти по ссылке (vtoraya-literatura.com/razdel_2047_str_1.html).

А вот и советские документы:

Коллективизация советской деревни (Предварительные итоги сплошных обследований 1928 и 1929 гг.) (istmat.info/node/22544);

О раскулачивании и коллективизации за 1930 год (istmat.info/node/30680).

11 мая 1932 г. «Правда» опубликовала статью Д. Заславского «Чертежи второй пятилетки [(1933-37 гг.)]», понятное дело, о преимуществах социалистического хозяйства:

Коридоры Колонного зала Дома союза, где заседает всесоюзная конференция по электрификации СССР, превращены в картинную галерею. На щитах развешаны картины Днепростроя; их много, больших и малых; они говорят о том, что художники включаются по-своему в работу по электрификации СССР, они говорят и о том, что художники пока чрезвычайно отстают от инженеров, техников и рабочих-ударников.

Дело не в том, что картины в большинстве своем плохи. Есть и хорошие. Дело в том, что нет ни одного «большого полотна», хотя на некоторые картины пошло немало текстильного материала. Художники не могли подняться до высокого, вдохновенного художественного обобщения. Отстает не только изобразительное искусство, которое все же пришло на конференцию. Отстает и литература, отстает и музыка.

Казалось бы, впрочем, что искусству и нечего делать на этой конференции, очень деловой, очень деловитой, даже суховатой. Здесь на трибуне выступают только инженеры и экономисты. Здесь неуместно прозвучала бы всякая патетическая или лирическая фраза. Здесь к минимуму сведена парадная, красочная часть всех собраний и совещаний — ее в сущности даже и не было. Звучат тут только цифры, и изобразительное искусство представлено только чертежами и диаграммами. Но вот к этому и должны были бы прислушаться художники и поэты: сухие цифры складываются в богатейшую поэму, и скупые линии диаграмм красочны, как картины.

Конференция составляет чертежи 2-й пятилетки и генплана электрификации. Это – первые эскизы. Они будут подвергнуты более детальной разработке на многих последующих конференциях. Пока лишь общие контуры. К 1937 г. – 22 млн. квт [суммарной установленной мощности электростанций, по факту на конец 1937 г. – 8,2 млн. квт], к 1942 г. – 62 млн. [по факту на конец 1942 г. – 7,2 млн. квт]. Первый гигантский шаг оставляет за собой все европейские страны, второй – Америку.

Чертежи надо «уметь читать». Стало быть, надо уметь и рассказать чертеж. И когда инженер И.Г. Александров рассказывает простыми словами чертеж размещения станций по Союзу, его, как зачарованный, слушает зал, в котором сидят почти исключительно специалисты. Тов. Александрову привелось недавно встретиться с бывшими русскими инженерами-строителями, засевшими в Латвии. Они жаловались на скуку. Глаз строителя в Европе упирается в стены, воздвигнутые границами. Нет простора для мысли и вдохновения. Числа ходят по стране мизерными субъектами, коротенькими фигурами. А тов. Александров рассказывал о том, как гигантские станции в миллионы квт цепью располагаются по всему Союзу, как расцветают Сибирь и среднеазиатские республики, как открываются новые богатства в тех областях, которые совсем недавно считались белыми местами на картах электрификации, потому что не были разведаны богатейшие источники скрытой в недрах энергии.

Просторы есть и в Америке. Но не только в физических просторах дело. В рассказе тов. Вейца об электрификации в САСШ предстали перед слушателями такие же, как в Латвии, жалобы инженеров. Американским строителям тоже «скучно». Экономика скулит там и ощущает просторы прерий, как стены тюрьмы. Инженер, который стал бы рассказывать с трибуны в Нью-Йорке о том, что можно разместить сотни новых станций в САСШ, встретил бы насмешку и вражду. Такой инженер в САСШ невозможен. [В 1990 г. мощность электростанций в СССР составит около 345 млн. квт, в САСШ-США — 735 млн.]

Чертежи в САСШ — это только техника или же только коммерция спекулянтского характера. Дух строительного энтузиазма навсегда отлетел от этих чертежей. Они мертвы. Если в САСШ составляются чертежи электрификации, их рассматривают только капиталисты и директора концернов и банкиры. У нас шеф электрификации — комсомол. Комсомольский бюллетень ежедневно встречает делегатов конференции. По чертежам электрификации рабочая молодежь читает чертежи социалистического общества.

Тов. М. Рубинитейн говорил об электрификации промышленности. Значительную часть своего доклада он посвятил проблеме электромотора, индивидуального электрического привода к станку. Проблема — чисто теоретическая во всякой капиталистической стране. Чертеж, доступный только специалисту. На конференции электрификации СССР из простых, как будто сухих слов и терминов в докладе художника — плановика-экономиста встала картина завода, как он будет выглядеть через несколько лет: без леса трансмиссий и валов, с обилием воздуха и света, с рациональным размещением станков, завод-лаборатория, как писал о нем Ленин. Электросварка, которой предстоит завоевать господство во 2-й пятилетке — это не только техническое достижение, а и окончательное уничтожение типа рабочего-«глухаря», созданного капитализмом. Электрификация — это не только сооружение станций гидроэлектрических, теплоэлектрических. Это преобразование всей промышленности, всех орудий производства. Это — новый быт, соответствующий новым, социалистическим отношениям в производстве.

Все это будет, будет — это подлинно музыка будущего, которая, однако, вполне реальна, потому что она есть и музыка настоящего. Нас отделяет в электрификации еще очень большое расстояние от САСШ, об этом тоже очень отчетливо говорят диаграммы. Но эти же диаграммы в докладе тов. Флаксермана убедительно говорят и об относительности пространства. Все зависит от того, с какой скоростью преодолевать это пространство. Дореволюционная Россия двигалась со скоростью улитки. Советский союз двигается со скоростью локомотива революционной истории. Расход электроэнергии на душу населения у нас еще незначителен в сравнении с САСШ. Но вот удельный расход топлива на квт у нас уже почти такой, как в САСШ [???]. Этим мы обязаны только своим собственным успехам в овладении техникой. Коэффициент использования мощности электроустановок только в Канаде больше, чем у нас, да и то там понижается.

Электрическая сеть в САСШ несравненно гуще, чем у нас. У нас только первые ее петли завязываются. Но вот современная вязальщица на трибуне конференции — инженер Колпакова. Капиталистическая ветхозаветная буржуазия знала только один род вязанья для женщины — чулков, рукавичек, нагрудничков для малых ребят или набрюшников для старух. Тов. Колпакова вяжет ЕВС — единую высоковольтную сеть. Она выступает с докладом на пленуме всесоюзной конференции, она очень серьезна и деловита, и только невзначай скользнет в уголках рта еще нестертая возрастом и важностью задачи веселая комсомольская улыбка. Она намечает проект ЕВС в СССР.

И в этой области мы догоним САСШ, потому что у нас перед ними огромное преимущество: единый стандартный вольтаж. Там сколько компаний, столько и вольтажей, единое хозяйство невозможно, растрачивается зря уйма энергии. У нас хозяин один.*

^{*} Из книги «Крест Чубайса», вышедшей в 2008-м (т.е. после развала СССР и ликвидации РАО «ЕЭС»):

Единая энергетическая система России — совершенно не единая. Все ее единство заканчивается гдето между Читой и Хабаровском, между которыми никакое электричество не перетекает. То есть Дальний Восток и остальная Россия электрически между собой не сообщаются. Линия электропередачи напряжением 220 киловольт длиной в три тысячи километров между ними есть. Но линия фактически мертва. Потому что по такой линии невозможно передать необходимые мощности на такое расстояние. Для ее синхронизации требуется линия с существенно более высоким напряжением, а это огромные деньги. Поэтому на подстанции в Могоче «ЕЭС» перестает быть единой и распадается на две: единая система Дальнего Востока от Читы до Приморья и единая система всей остальной страны к западу от Могочи. Так что единой системой энергетические системы России называются для красоты, буква «Е» лишняя. А назвали энергомонополию «ЕЭС», потому что, во-первых, это красиво и, во-вторых, три буквы лучше, чем две. Представьте себе название РАО «ЭС России».

Доклады на пленуме — это отдельная часть грандиозного художественного «большого полотна». Пока это лишь чертеж, даже только эскиз чертежа. Но экономика социалистического общества уже встает в линиях этого эскиза внешними своими чертами. Любопытно, что уже сейчас в сравнительных диаграммах почти исчезли всякие промежуточные ступени в виде европейских стран, и мало говорится об Англии, Германии, совсем не упоминается Франция. Не то что бы мы опередили их в технике, но состязание с ними уже потеряло интерес для авторов чертежей. Тут вопрос решен. Остались на диаграммах только САСШ и СССР.

Но САСШ пятятся назад в испуге перед забастовавшими производительными силами. Капиталистический мир не способен на творчество. Электрификация достигла в этом мире большого размаха, но на электрификацию «всей страны» буржуазия не способна. Не по коню седок. Задачу электрификации всей страны в интересах всех трудящихся может выполнить только советская власть, только социалистическое общество.

Чем закончилась эпопея «с ускоренным развитием электроэнергетики», в рамках индустриализации в 1933-37 гг., см. неутешительную Докладную записку зам председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова (suindustria.livejournal.com/54374.html). А вот что происходило с электричеством в быту, из письма киевской Алины Антоновны Мотовиловой без даты, предположительно зима 1938 г., родственникам в Лозанну (ф. 786 отдела рукописей РГБ):

Дорогие мои Верусенька и Николай Алексеевич.

<...> Теперь спешу успокоить Вас, что ничего опасного у меня нет. Сделалось просто кровоизлияние в левый глаз, от которого я не совсем ослепла, но вижу наполовину хуже чем правым. Произошло это оттого, что я от скуки вздумала починить Сонину рваную шубу, которую она почти не снимает, стоя целыми днями за покупками. А тут у нас закрыли электричество для экономии энергии. Я думала, что это только у нас в Киеве так делается – потому что мы живем в индустриальном районе, потому что другие улицы, даже большинство, не освещены как всегда. Но оказывается, что и в других городах то же самое делается.

Окончание примечания

Да и что предосудительного в том, что совсем не единая энергосистема называется единой? Называли же партию коммунистической без коммунизма, и никто не чувствовал в том подвоха. Ну стремятся себе люди к коммунизму и стремятся. Хотят, чтобы все об этом знали. Как показал кому партбилет, так сразу и стало понятно: этот человек стремится к коммунизму, вот и в партию соответствующую вступил.

Из статьи «Энергетическое объединение» в «Эксперте» (12.2012 г. – dveuk.ru/press/2/2012-12-10 .htm): ОЭС Востока сегодня, по сути, состоит только из энергосистем Хабаровского края, Амурской области и Приморья. На остальной территории Дальнего Востока энергоснабжение осуществляется в изолированных системах, где стоимость электроэнергии, выработанной на устаревших дизельгенераторах, превышает 30 рублей за киловатт-час [в 2018 г. базовый тариф на Дальнем Востоке будет снижен до 4,3 руб./кВт-ч, за счет обложения данью потребителей в Европейской части РФ neftegaz.ru/news/view/166898-Pravitelstvo-RF-ustanovilo-bazovyj-uroven-tarifov-na-elektroenergiyu-na-Dalnem-Vostoke-v-2018-g]. При этом даже в таком усеченном виде дальневосточная объединенная энергосистема не имеет связи с единой электрической сетью остальной части страны. Стык ОЭС Востока и ОЭС Сибири – подстанции 220 кВ «Могоча» и «Хани» в Забайкальском крае. С востока к ним подходят две воздушные линии электропередачи 220 кВ, протянутые вдоль Транссиба и БАМа. С запада электроэнергия идет от сибирских электростанций. Но состыковаться эти два потока электроэнергии не могут, поскольку у них разные частоты. В итоге в Забайкалье, например, мощности электростанций не хватает для того, чтобы запитать новые горнометаллургические предприятия, а в Амурской области гидроэнергетики вынуждены вхолостую пропускать воду – потребности этого региона в мощности не превышают 1,5 ГВт, в то время как установленная мощность электростанций Амурской области составляет почти 4 ГВт.

Словом, я хотела воспользоваться этим моментом entre chien et loup [(между собакой и волком)], когда Соня давала свой урок английского и в шубе не нуждалась, чтобы живенько починить ее изъяны.

И вот на другой день сделалось это кровоизлияние. Да еще неизвестно, от того ли. Я вообще себя плохо чувствую от этих ужасных морозов. Ведь собственно и удар-то у меня в прошлом году сделался от сильных морозов. Летом я значительно поправилась, а теперь опять сильно волочу ногу и вообще плохо себя чувствую, потому что не гуляю из-за сильных морозов. Кроме того, из-за отсутствия электричества и лифт не ходит, а мы живем на пятом этаже. Не решаемся даже и профессора позвать, из-за отсутствия света и электричества, и вот сижу и скучаю. А чинки набралось столько, что до лета хватит. Сидеть же сложа руки совсем не могу: засыпаю.

Читать тоже днем нельзя, а свет зажигается только-только в 10 час ночи. Писать мне тоже не разрешают. <...>

В 1935 г. на страницах «Правды» разгорелась дискуссия между Д. Заславским и самим М. Горьким по поводу планировавшейся издательством «Академия» публикации романа Достоевского «Бесы». Сначала «без лести преданный» Давид Иосифович 20 января выступил под рубрикой «Заметки читателя» с репликой «Литературная гниль», где объявил, что этот роман стал «знаменем политической реакции». А после письмапротеста М. Горького, опубликованного 24 января, Д. Заславский на следующий же день тиснул реплику «По поводу замечаний М. Горького»:

«Достоевского запрещают!» взвизгивает, словам ПО Горького, белоэмигрантская печать. Как всегда врет эта печать. Ни одного слова нет в моей статье о «Бесах» о запрещении Достоевского, как и вообще никогда советская печать не писала о запрещении Достоевского. Напротив, в моей статье совершенно ясно сказано, что даже пасквильные романы Достоевского и Лескова допустимы в полных собраниях сочинений и никакой «нелегальщины» в советских условиях они не представляли и не представляют. Не о том идет речь в моей статье – запрещать ли «Бесы», а исключительно и единственно о том, надо ли отбирать из всех произведений Достоевского именно роман «Бесы» предпочтительно перед всеми его романами, надо ли усиленно рекомендовать его вниманию советского читателя, подсовывать с той явно лживой мотивировкой, какую приводит «Литературная газета» и от какой она не отказалась и до сих пор. <...>

Все же «Академия» опубликовала «Бесов» (wiki.istmat.info/миф:не изданный достоевский).

Накануне войны Д. Заславский опубликовал материал «Пророки и плановики» («Правда», 22.2.1941), содержание которого «Газетная летопись» разъяснила так — «о буржуазной экономической науке и о [блестящем] планировании народного хозяйства в СССР» (приводим без «лирических отступлений в древнюю историю»):

<...> Любимец капиталистических богов, пророк буржуазии Генри Форд заканчивает свою книжку «Сегодня и завтра» словами: «Никто не может ничего сказать о будущем. Не будем о нем заботиться». Тем не менее сам Форд старается планировать будущее своих заводов, весьма заботясь о том, чтобы прибыль росла, а не уменьшалась. Потребность предвидения присуща всякому хозяину — будь это фермер на клочке земли или министр финансов крупного государства. Весь вопрос в возможностях планирования и его горизонте. <...>

Современная капиталистическая буржуазия так же нуждается в предвидении, как и античные рабовладельцы. Однако плащ пророка и ряса жреца устарели. Изменились коренным образом условия производства, наука и техника.

«При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов и политические фигуры, порожденные этой борьбой, не могут иметь между собою больше общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил» (Маркс). Что касается пророка Самуила, то роль его, как и других пророков, полностью перешла к буржуазным экономистам, к ученым мужам капиталистического мира, профессорам университетов и академий.

Они — люди науки. Ежедневно печать доставляет им тысячи фактов, установленных со всей точностью современного знания. В их распоряжении библиотеки, превосходящие по богатству во много раз знаменитое Александрийское книгохранилище. Они совершают поездки с научной целью по разным странам. Они устраивают съезды и конференции. Они стоят во главе институтов, на которые буржуазия затрачивает миллионы.

Они изучают не потроха животных, а статистические сводки, биржевые бюллетени, конъюнктурные показатели. Как на метеорологических станциях, ученыестатистики ежедневно, а то и по нескольку раз в день записывают вихревое движение цен на рынках. В капиталистическом мире царит спекуляция. Буржуазные экономисты изучают ее игру, но чем больше изучают, тем меньше понимают. Они не более сильны в искусстве предвидения, чем [древнегреческий жрец и прорицатель] Калхас. Пожалуй, Калхас был сильнее. Мир был тогда меньше. Спекуляция и международная конкуренция не были так всевластны. Экономическая погода была более устойчивой. Знание природы помогало разобраться в видах на урожай.

Теперь среди анархии капиталистического производства буржуазные экономисты бродят как слепые. <...> [Ho] они обязаны пророчествовать по своей профессии. И они это делают. Хитрый Калхас [из оперетты «Прекрасная Елена»] Оффенбаха занимает кафедры политической экономии во всех университетах капиталистического мира. Он предсказывает процветание этому миру, его незыблемость. <...>

Никогда жрецы и пророки древнего мира, все вместе взятые, не терпели такого оглушительного провала, как современные пророки буржуазной политической экономии. Истории капиталистических стран с любовью копаются в далеком прошлом, но неохотно оглядываются на свой вчерашний день. В свободную минуту человечество будет весело смеяться, когда пред ним предстанет деятельность буржуазных ученых-экономистов после первой империалистической войны. Что это было! Съезды за съездами, конференции за конференциями, высокие пирамиды книг и брошюр, наилучшего устройства капиталистической вагоны проектов международной экономики. Все это теперь забыто, выметено как сор, погребено в архивах. А ведь это были пророчества, претендующие на глубокомыслие, на ученую солидность. Вторая империалистическая война — это злой и уничтожающий ответ на всю болтовню о процветании капитализма, об уничтожении безработицы и нищеты, о прогрессе человечества, о творческом духе частной собственности.

Жрецы буржуазной политической экономии предвидели и видели то, чего не могло быть и не было. Они не рассмотрели того нового и замечательного, что рождалось на их глазах. Они не заметили СССР. Они не заинтересовались тем, что должно было захватить всякого честного исследователя экономических явлений: научное планирование социалистического хозяйства. В мире впервые появился подлинный плановик. Предвидение встало на почву точного знания. Ученое жречество было устранено в советской стране наравне со всякими другими видами суеверия, обмана и шарлатанства.

Советское общество движется вперед в пространстве, освещенном яркими лучами сталинских пятилеток.

Ослепленная этими лучами, буржуазная экономическая наука крепко зажмурила глаза из инстинкта самосохранения. И в этом состоянии она авторитетно и высокомерно, с наглостью опереточного Калхаса стала вещать о неизбежном провале советского планирования. Она не видела успехов советского хозяйства и поэтому заявляла: этих успехов нет.

Хорошо известна юмористика провалившихся предсказаний буржуазной экономики о советских пятилетках. В своем объемистом труде о советском хозяйстве Сидней и Беатриса Уэбб иронически отзываются об этих пророчествах, но тщательно классифицируют их. Наиболее любопытна «школа» абстрактных экономистов. Они отказываются от всякого суждения о советском планировании, потому что такое планирование «логически невозможно». Если же оно все-таки существует наперекор ученой буржуазной логике, то тем хуже для него. Не стоит им интересоваться.

Это очень утешительно для кабинетных пророков. Но этим никак не могут утешиться политики буржуазии. Те, кто пытался по «логике» игнорировать победу советского планового социалистического хозяйства, набили себе пребольшую шишку на границах СССР. Поэтому капиталистическая печать, не в пример буржуазным экономистам, с уважением, со страхом и со злобой относится к советскому планированию. Нечего и говорить о трудящихся в капиталистических странах. Они с глубочайшим интересом и восхищением относятся к советским планам и изучают их как документы социалистических побед.

Буржуазные профессора-экономисты большей частью безнадежны. Некогда ослица пророка Валаама открыла свои глаза, увидела мир и заговорила по-человечески. Это библейское чудо не угрожает ученым ослам, на которых выезжает буржуазия. Они слепы от рождения, по профессии и по призванию.

Тов. Сталин назвал твердолобых «жрецов» буржуазной науки ископаемыми средневекового периода. Непогребенные мертвецы, они обращают к новому миру свои невидящие очи. Миллионы трудящихся и честных интеллигентов во всех странах земного шара с интересом и волнением слушали доклад [зам председателя Совнаркома СССР, председателя Госплана] тов. Вознесенского [на XVIII Всесоюзной партийной конференции] об исторических работах 1941 года [(«Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год»)].

Тип советского планового работника вырос вместе с ростом социалистического общества. Его создавала в длительной борьбе партия большевиков. Его творцом является тов. Сталин, сообщивший советскому социалистическому планированию черты новаторства и революционности в науке, точного изучения жизни, непреклонной воли к построению коммунизма, служения народу.

Советская власть приступила к планированию с первого же дня своего возникновения. Планирование — это жизненная необходимость социалистического общества. Но советская власть не располагала тогда своими плановиками. В плановых органах было немало чуждых социализму людей. Среди них были вредители, агенты буржуазии, меньшевики и полуменьшевики. Если некоторые и не вредительствовали сознательно, то работали с неверием в дело, со страхом перед смелыми большевистскими замыслами.

^{*} БСЭ так отзывалась о трудах супругов Вебб/Уэбб про Советский Союз (publ.lib.ru/ARCHIVES/V/VEBB_Sidney,_VEBB_Beatisa/_Vebb_S.,_Vebb_B..html#001):

В 1932 В. посетили СССР и в 1935 издали книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?» (т. 1-2, русский перевод 1937), написанную в объективных и дружественных тонах. Героизму советских людей посвящена книга С. Вебба «Правда о Советской России» (1942).

На указанном ресурсе первая книга доступна для скачивания.

Партия большевиков воспитала своих мастеров, строителей-чертежников, переводящих в рабочие чертежи директивы партии и правительства. Честные иностранные наблюдатели с изумлением останавливаются перед советским Госпланом. Для этого нового слова нет соответствующего перевода в словарях иностранных языков. Его так и называют «Gosplan». Потому что только в советской стране, в социалистическом обществе возможно планирование всего народного хозяйства.

Вся советская страна знакомилась с докладом тов. Вознесенского. В нем много цифр, он весь построен на цифрах. Но кто назвал бы их сухими! Доклад показал, что и в цифре народнохозяйственного плана может быть заключен волнующий своей силой образ. Наша прекрасная родина встает из госплановских цифр во всем своем очаровании, мы видим ее будущее. Оно не скрыто во мгле грядущих годов. Оно открывается перед нами, волнуя своими величественными перспективами. Мы ясно различаем путь, ведущий к вершинам коммунизма. И мы с гордостью сознаем, что нет никакого гадания, нет никакого пророчества в стройных архитектурных линиях государственного плана. Точное научное знание — в его основе, гениальное сталинское предвидение. В этом его творческий дух, подымающий советский народ на героические труды, на большевистскую борьбу.*

А вот разоблачительный «новогодний фельетон» Д. Заславского в «Правде» за 1 января 1958 г.:

О том, что было; о том, что есть; о том, что будет

Новогодний вечер располагает к размышлениям исторического порядка, к сравнению века нынешнего с веком минувшим, к историческим параллелям и аналогиям. Оглядываешься назад, в глубь веков, пытаешься заглянуть в будущее... Пройдемся мысленно по вехам, отмечающим полувека.

^{*} Как известно, советский народ так и не дошел до вершин коммунизма, споткнувшись еще на стадии «развитого социализма». И здесь не помогло даже пресловутое «социалистическое планирование» производства всего и вся. О том, что происходило на XVIII Всесоюзной партийной конференции, можно узнать по ссылке (libmonster.ru/m/articles/view/ЯРКАЯ-ВЕХА-В-ИСТОРИИ-ВКП-6). А прочитать сам же доклад тов. Вознесенского — в газете «Сталинец» (file:///C:/Users/user/Desktop/23-25-fevralya-1941-goda_opt.pdf).

Мы здесь дадим фрагмент выступления на этой конференции секретаря МК ВКП(б) тов. Черноусова, напечатанное аккурат рядом с яркой статьей Д. Заславского и диссонирующее с благоглупостями последнего типа «нет никакого гадания, нет никакого пророчества в стройных архитектурных линиях государственного плана. Точное научное знание — в его основе, гениальное сталинское предвидение»:

<...> Система Мосэнерго в Наркомате электростанций является одной из самых напряженных систем, которая на протяжении ряда лет не удовлетворяет потребности промышленности в электроэнергии. Больше того, мы имеем огромную диспропорцию между ростом промышленности и увеличением мощностей электростанций. В 1941-1942 гг. в промышленность Москвы и Московской области будет вложено много сотен миллионов рублей на строительство новых фабрик и на дальнейшее расширение существующих. Это потребует дополнительно многих тысяч киловатт[часов] электроэнергии. Между тем ввод новых мощностей электростанций крайне отстает.

В результате разрыва между мощностью электростанций и потребностью в электроэнергии система Мосэнерго работает без всякого резерва, и в течение нескольких лет в осенне-зимний период вводится утреннее и вечернее лимитирование отпуска электроэнергии на несколько сот тысяч киловатт[-часов]. Нет нужды доказывать, что при этих условиях вся система работает неустойчиво, и это сказывается на нормальной работе предприятий.

Следует также отметить отставание в развитии высоковольтных сетей Мосэнерго.

Как же так? Ведь «точное научное знание» вроде бы способно рассчитать потребности Мосэнерго в финансировании, оборудовании, материалах, рабочей силе, и т.д. и т.п. — для полного соответствия намеченному партией и правительством развитию промышленности в данном регионе. И почему-то все никак не получается (аж с 1920-х)? Может быть, стоит «сменить в сем борделе пожилых девочек, пусть и членов ВКП(б) с такого-то года, более молодыми кадрами» (сюжет известного антисоветского анекдота)?

Сто лет назад капитализм неограниченно, самодержавно властвует над земным шаром. В этом мире, где буржуазия — полновластный хозяин, ручьями льется кровь, гремят орудия, не прекращаются войны. Капиталистический порядок полон беспорядка и анархии. Англия — ведущая капиталистическая держава. Она — владычица морей. Ей подвластны крупнейшие колонии в значительной части Азии и Африки. В Индии английские войска свирепо подавляют крестьянские восстания. Офицеры британской армии привязывают героических борцов за независимость Индии к жерлам пушек, и огонь разрывает в клочья человеческие тела. Русский художник Верещагин увековечил эту позорную картину «просвещенного» варварства.

Между капиталистическими странами идет бешеная грызня за раздел мира. Англия, Франция, царская Россия жестоко расправляются с крестьянскими революционными восстаниями в Китае и заставляют беспомощное китайское правительство подписать унизительные, неравноправные договоры. В центре Европы Франция, Италия и Австрия сцепились в кровавой схватке. В Пруссии «железный канцлер» Бисмарк провозглашает доктрину «железа и крови», на развалинах Германской конфедерации подготовляет создание милитаристической Германской империи. Войны всюду. Капитализм не может существовать без них. Народы терпят неимоверные лишения. Рабочий класс, прогрессивные и общественные силы стремятся к миру, но они не могут преградить путь военным авантюрам.

Императоры и короли не считаются с волей народа. В двух больших странах еще сильны остатки феодализма. Рабовладельческий строй доживает последние годы в США и в царской России. Он мешает буржуазному развитию этих стран, и в них назревает революция. В США она разрешается гражданской войной между южными и штатами. царской Poccuu нарастает северными волна крестьянского революционного движения. Идеологам буржуазии капиталистический порядок кажется незыблемым. Церковь и профессора политической экономии приписывают ему вечности и божественного всемогущества. Положительный герой буржуазных романов – преуспевающий капиталист.

Но уже прокатились громовые раскаты революций 1848 года и прозвучали вещие слова: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». И в молчаливом покое библиотеки Британского музея Карл Маркс работает над «Капиталом». Он создает глубоко научное, теоретическое обоснование неизбежной гибели капитализма, буржуазного общества и победы социализма, коммунистического общества.

1908

Пятьдесят лет назад. Капитализм по-прежнему властвует над всей землей, но он вступил в свою последнюю, империалистическую стадию. Участившиеся экономические кризисы говорят о все более глубоком загнивании капитализма.

Грызня между капиталистическими странами стала еще сильнее. США вырвались вперед, на первое место. За второе место отчаянно борются Англия и Германия. Англия больше не владычица морей. Ее колониальная империя еще велика и могуча, но в ней уже обнаруживаются глубокие трещины, угрожающие распаду. Франция отстает. Ее хозяева чувствуют свою слабость.

Ожесточенная борьба за передел колоний, за передел мира заводит буржуазное общество на край пропасти. Правительства не могут и не хотят найти мирные пути для разрешения спорных вопросов. Господствует политика «с позиции силы», образуются противостоящие друг другу военно-империалистические блоки. Миролюбивые народы и прогрессивные общественные силы не могут преградить войне ее кровавое шествие.

Уже вспыхивает военный пожар на Балканах. Мировая война стоит на пороге. Но вместе с ней в глубинах народных масс назревает социалистическая революция.

Не залечив ран, полученных в неудачной войне с Японией, царизм готовится принять участие в общей мировой схватке. Но революция 1905 г., героическое выступление рабочего класса, вооруженные выступления рабочих и крестьян под руководством партии большевиков находят отклики в народных массах всех стран. Они будят национально-революционное движение в Азии. Они поднимают миллионы китайских рабочих и крестьян на борьбу за независимость своей великой страны.

В библиотеке Британского музея, там же, где Маркс работал над «Капиталом», В.И. Ленин продолжает его труд. Он вооружает пролетариат революционной философией коммунизма, обосновывает в многочисленных работах теорию и практику социалистической революции, беспощадно разоблачает ревизионистов всякого толка, предсказывает великую будущность свободному Китаю. Большевики в России использовали опыт 1905 г., опыт «генеральной репетиции» социалистической революции. Под руководством Ленина крепла и закалялась в боях героическая партия коммунистов.

1958

Прошло еще 50 лет. Миновали две мировые войны. Запутавшись в собственных противоречиях, капитализм вышел из этих войн с огромным и смертельным поражением. Пора безраздельной власти буржуазии над миром миновала. Великая Октябрьская социалистическая революции [через моря человеческой крови] положила ей конец и открыла новую эпоху в развитии человечества — эпоху торжества социализма, торжества бессмертных идей коммунизма.

Уже свыше трети всего населения вырвано из цепей капиталистического рабства. Вслед за Советским Союзом и другие страны, в их числе 600-миллионный Китай, успешно идут вперед, создают новое общество, общество без капиталистов и помещиков, без эксплуатации человека человеком. Оправдалось научное предвидение Маркса, Энгельса и Ленина [(уже без Сталина)].

В могучем движении народы колониальных стран один за другим подымаются против своих империалистических поработителей и наносят глубочайшие удары по всей капиталистической системе, завоевывая в революционной борьбе независимость. Капитализм делает отчаянные и безнадежные попытки восстановить то, что было и что безвозвратно ушло. Буржуазные правительства упрямо держатся за обанкротившуюся политику «с позиции силы». Они воскрешают «доктрину» железа и крови — «доктрину», которая создала германский фашизм и навлекла страшную катастрофу на немецкий народ. Они создают военные блоки и агрессивные группировки против [миролюбивых] Советского Союза и стран социализма, против освободившихся от иностранного ига стран Азии и Африки.

Капитализм готовит новую войну под шум и лживые крики о мнимой «коммунистической угрозе». Буржуазные правительства не прекращают междоусобной грызни хищников. США вместе с Англией грабят у своего союзника — Франции ее колонии, и в то же время США вытесняют Англию из ее владений в Азии и Африке.

В капиталистической атмосфере резко пахнет нефтью. Братья-разбойники Рокфеллеры направляют внешнюю политику США. Для того, чтобы еще больше били фонтаны могущественного концерна «Стандарт ойл», Рокфеллерам нужны моря человеческой крови. Нет владыки, кроме Рокфеллеров, и Даллес — их покорный слуга — такова заповедь американского империализма.

Капиталисты готовят третью мировую войну, разжигают гонку вооружений, замышляют преступление, равного которому нет в истории человечества. Но капитализм уже не всевластен, как прежде. Социализм создал новые силы, более могущественные, они способны преградить путь мировой войне. Заодно с лагерем социализма — миролюбивые народы всего мира. А это почти все человечество.

Империализм в попытках продлить свое существование не брезгует никакими средствами. Его руководители утратили всякое чувство реальности. Они живут в мире грязных иллюзий. Они строят свои нелепые расчеты на ожидании раскола в социалистическом лагере и его распада. И так как реальность не дает никаких оснований для этого [не считая восстаний против советских ставленников в ГДР в 1953-м и в Венгрии в 1956-м, подавленных советскими танками, а еще будет «Пражская весна» в 1968-м], они пытаются диверсиями, заговорами, угрозами войны, бесчестным обманом создать такой раскол.

Это безнадежно. Империалисты терпят поражение. 1957 год — год 40-летия Октября, год величественной демонстрации нерушимого единства и сплоченности социалистического мира. Исторические документы наших дней — Декларация и Манифест мира рабочих и коммунистических партий наносят решительный удар по замыслам капитализма.

Социалистический строй крепнет с каждым годом. Его преимущество перед миром капитализма очевидно. Завоевав первенство в области науки и техники, опередив многие капиталистические страны, Советский Союз успешно решает задачу догнать и перегнать США по производству продукции на душу населения. Компартия Советского Союза направляет усилия к тому, чтобы эта задача была решена в исторически короткие сроки [рабочие, забастовавшие в Новочеркасске в 1962-м и расстрелянные советскими войсками, оказались слишком нетерпеливыми?!]. Советский народ глубоко верит, что так и будет. Какие бы провокации ни готовил империализм в ближайшие годы, победа социализма будет обеспечена.

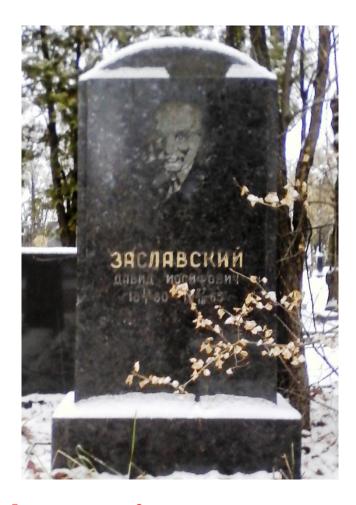
2008?

Пройдет еще 50 лет. И к нам уже сейчас, в новогодний вечер 1958 г., из грядущего доносится голос всемирной радиостанции «Дружба народов». Диктор сообщает с островов Самоа в Тихом океане:

"Недавно здесь в местное управление народного хозяйства явился последний капиталист мира некий Рокфеллер, правнук некогда знаменитых нефтяных королей. Он заявил, что не может дальше содержать последний частнособственнический нефтяной промысел; что он окончательно прогорел в «соревновании» с социализмом и передает свое владение социалистическому обществу. Рокфеллер просил взамен предоставить ему 5 акров земли для индивидуального огорода. Сохраняя свое принципиально враждебное отношение к социализму, Рокфеллер намерен заняться выращиванием капусты, спаржи и помидоров исключительно частным образом.

Управление народным хозяйством удовлетворило просьбу последнего отпрыска династии Рокфеллеров и выдало ему мотыгу из архивного фонда. Нефтяной промысел с его допотопным оборудованием решено передать в музей материальной культуры отживших общественных формаций. Состоялась первая школьная экскурсия в новый музей".

Как известно, «ненаучный фантаст» Д. Заславский сел в большую историческую лужу, вместе со своими вождями — К. Марксом, Ф. Энгельсом и Лениным-Сталиным. Теперь необходимо зафиксировать следы катастрофических последствий 70-летнего правления большевиков на одной шестой части земной суши и не только на оной...

Но в Москве музея Ленина-подарков Сталину уже нет, остался только небольшой музей «отживших общественных формаций», сиречь Музей современной истории России, разместившийся в бывшем Английском клубе и периодически проводящий тематические выставки. Имеются в нем и постоянные экспозиции, например «Становление советской государственности (сентябрь 1917 — март 1918 года). М. Классон сподобился побывать в конце 2010-го на выставке по случаю 90-летия ГОЭЛРО и увидел там зачем-то выставленный в витрине блокнот с серебряной крышкой, который подарили Р.Э. Классону сотрудники Охтинских пороховых заводов в 1897 г. при его увольнении с оного. После закрытия выставки смог сфотографировать сей блокнот, а также получил сканы некоторых исторических фотографий с дедом на них. За что гран мерси сотрудникам музея.

За все про все Д. Заславский удостоится 2 орденов Ленина, заметных некрологов в советской печати, например в «Правде» от 28.3.1965 и «Литературной газете» от 30.3.1965, и почетного места на Новодевичьем кладбище.

Зауэр Николай Иванович (ок. 1875 г. — ?). Окончил Петербургский технологический институт в 1897 г. Заведовал Раушской станцией в 1906-15 гг. Автор вертикальной топки и архитектурного проекта поселка «Электропередачи». Вскоре после немецкого погрома в мае 1915-го, когда делегация толпы в поисках «спрятанных немцев» продефилировала через машзал и котельные Раушской станции, вынужден был перебраться в Петроград. Здесь продолжил работу в том же «Обществе 1886 г.» В 1917-м эмигрировал в Германию, а затем в Данию и Финляндию, где занимался разработкой торфа гидравлическим способом.

К сожалению, в Интернете нет фото этого знакомого Р.Э. Классона. Возможно, оное удастся обнаружить в следующих документах в Российском государственном историческом архиве:

Шифр: Ф. 1102 Оп. 2 Д. 339.

Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде (коллекция)

Зауэр Николай Иванович, инженер-технолог. Личные и имущественные документы Н.И. Зауэра. Крайние даты: 2 февраля 1884 — 31 декабря 1915

Шифр: Ф. 1102 Оп. 2 Д. 340.

Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде (коллекция)

Зауэр Николай Иванович, инженер-технолог. Патенты и свидетельства на привилегию Н.И. Зауэру на нефтяную топку для котлов.

Крайние даты: 12 октября 1912 – 28 августа 1917

В ф. 758 РГАЭ хранится письмо Р.Э. Классона своему знакомому за июль 1921 г.:

Многоуважаемый Николай Иванович. Я получил копию доклада [служащего Цуторфа] г. Герцинберга относительно Ваших торфяных работ в Финляндии. Доклад послан через советскую миссию, другими словами, через мою дочь [Софью]. Если г. Герцинберг мог послать доклад, то точно так же и Вы могли бы сообщить о том, что у Вас делается нового <...>. <...> Мы собираемся заказать краны за границей, так как здесь их изготовить совершенно невозможно. <...> Вероятно, Вы видели проект крана, составленный Германом Красиным, он удивительно изящен и легок, и по этому образцу надо строить все краны. Правда, у нас только один пеньевой кран, но при малопнистом болоте этого, вероятно, будет достаточно. Мы, так же как и Вы, стремимся облегчить вес торфососа, и на днях мой сын [Иван] приступает к опытам с моделью 1920 года, чертеж которой Вы вероятно видели. <...> Я рассчитываю в сентябре поехать в Берлин и тогда повидаюсь с Вами <...>.

Когда И.Р. Классон составлял «Указатель имен» для книги М.О. Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон», то он упустил из виду, что у Николая Ивановича был брат Федор, который тоже служил на Раушской станции (на Всероссийском электротехническом съезде в конце 1899-го — начале 1900-го он зарегистрировался как еще Электротехник на заводе бывш. Вейхельт, через год — как Помощник заведующего станцией Общества электрического освещения в Москве, в конце же 1910-го — начале 1911-го уже заведовал станцией Общества в С.-Петербурге на Обводном канале) и который тоже эмигрировал после большевистского переворота и занимался за границей торфодобычей:

Многоуважаемый и дорогой Роберт Эдуардович. Спасибо за письмо Ваше из Риги. Вы напрасно думаете, что Прибалтийские страны — «картофельные страны» и что гидроторф в них не привьется. Под Дерптом уже приступлено к постройке торфяной Районной Электрической Станции, и со строителем этой станции Вы познакомились, когда возвращались с Татьяной Робертовной из Германии на пароходе. О второй торфяной Районной Электрической Станции, как Вам известно, мечтают в Риге. <...> Все будет зависеть от успешности гидроторфяной кампании предстоящего лета в Германии. Прилагаю при сем для Вашего сведения две параллельные сметы <...>. Смета с торфяными прессами составлена мною на основании данных, полученных мною от Топливного комитета в Ревеле. (из письма Ф.И. Зауэра из Ревеля Р.Э. Классону в Москву в феврале 1922-го, ф. 758 РГАЭ)

А в «Сведениях об окончивших полный курс» в увесистом фолианте «Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I» (СПб., 1903) обнаруживается еще один брат Николая Ивановича:

Зауэр Лев Иванович, инженер-технолог, окончил механическое отделение в 1898 г. В 1901 г. занимался в электротехническом институте в Карлсруэ. В настоящее время (т.е. в 1903-м) служит в техническом отделе Общества «Сименс и Гальске» в С.-Петербурге. Зауэр Федор Иванович, инженер-технолог, окончил механическое отделение в 1896 г. В 1898 г. занимался в электротехническом институте, в Германии; с 1899 г. был электротехником на электромеханическом заводе, бывшем К.А. Вейхельт, в Москве; в настоящее время (т.е. в 1903-м) состоит инженером Московского Отделения Общества Электрического освещения.

Камай Вера Ивановна, урожд. Мотовилова (1875 — 1944). Двенадцатый, последний ребенок Ивана Егоровича (Георгиевича) и Луизы Францевны Мотовиловых, младшая сестра С.И. Классон. В 1906 г. при посредничестве Государственного крестьянского поземельного банка имение при селе Мокрая Бугурна Симбирской губернии и уезда (с 1766 десятинами земли), принадлежавшее госпожам В.И. и М.И.Мотовиловым, С.И. Классон и А.И. Гельшерт, было продано за 280 900 рублей (ф. 592 Российского государственного исторического архива, оп. 3, д. 1897). Т.е. эту огромную сумму получили сестры Софья, Анна, Мария и Вера, совладелицы имения, наследованного от умершей в 1895-м их матери Луизы Францевны. Как распорядилась своим состоянием В.И. Мотовилова, неизвестно. Вышла замуж за Соломона Львовича Камая (1886-1910) и родила ему дочь Нину (≈1910). Последняя в 1937-м родила сына Николая от Николая Ивановича Гоголева (1905-1941), мать и сын в советское время носили фамилию Мотовиловых.

Из писем С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону:

<...> Она [(тетя Соня)] была самая энергичная в семье и всегда на себя брала все семейные истории. Она взяла из [Смольного] института Маню и Веру, перевела их в гимназию Стоюниной, кажется. <...> Я не знаю, почему тетя Соня так заботливо и нежно относилась к тете Мане и к тете Вере. Они учились в Смольном институте. Но однажды на уроке истории тетя Вера вместо «драгонады» сказала «драгунады». Учитель засмеялся и сказал: «Это вы верно о драгунах думаете». Тетя Вера была дико обидчива, она не перенесла этого оскорбления. Тетя Соня сейчас же взяла их из института и отдала в частную гимназию, и они обе жили у тети Сони.

<...> Тетя Вера сошлась с каким-то евреем. Пожениться они не могли. Он вскоре умер. У нее от него дочка Нина. При царской власти она не могла называться Мотовиловой, так как была незаконной, а при советской власти она стала Мотовиловой. Она тоже с кем-то сошлась, и у нее сын Коля Мотовилов (ф. 9508 РГАЭ).

Каменецкий Марк Оскарович (1903 — 1960). Окончил Ленинградский политех в 1930 г., защитил диссертацию на ученую степень кандидата технических наук в 1949-м. Работал в Северо-Западном отделении Теплоэнергопроекта, Лаборатории им. Смурова, Севзапэлектромонтаже. С 1936 г. стал публиковать популярные статьи и труды по истории русской электротехники, в том же году занялся и темой «Р.Э. Классон». В 1960-м сдал в Ленинградское отделение Госэнергоиздата рукопись книги, редактором которой после его смерти стал И.Р. Классон.

В Приложении "Документы, публикации и письма И.Р. Классона «во внешний мир» и из оного" приведены весьма содержательные письма М.О. Каменецкого последнему.

Кирпичников Виктор Дмитриевич (1881 — 1937). Родился в Тутаеве Ярославской губ. в семье уральского казака. Позднее семья переехала в Кинешму Костромской губ. В 1900 г. окончил гимназию во Владимире, поступил в Петербургский технологический институт. Каникулы проводил в Кинешме, где еще в 1896 г. возглавил небольшой политический кружок на местном химическом заводе, позднее стал организатором местной ячейки РСДРП. В 1902-1904 гг. участвовал в студенческом движении в Петербурге, в 1902 г. был арестован на три месяца за противоправительственную деятельность.

В 1905 г. женился на Ванде Густавовне (ее девичья фамилия пока не установлена, в 1906 г. у них родился сын Юрий, в будущем — инженер-электрик «Мосэнерго»), был избран в члены Бюро РСДРП и в том же году делегирован Кинешемской организацией на 4-й (объединительный) съезд РСДРП в Стокгольме, где выступал под псевдонимом Андрианов, поддерживал линию В.И. Ульянова-Ленина. В связи с многочисленными арестами в конце 1906 г. в Кинешме больше там не показывался и вообще «прекратил заниматься политикой, а решил посвятить себя технике».

В 1903-06 гг. работал практикантом в обществе «Электрическая сила» в Баку. Считался вторым, после А.В. Винтера, выдающимся инженером из практикантов Р.Э. Классона. Технологический институт окончил в 1907-м, с этого времени на Раушской станции – инженер, помощник заведующего, с 1916 г. — заведующий, сменил Н.И. Зауэра (проектировал и вел переустройство станции с увеличением ее мощности с 32 000 до 80 000 л.с.). В 1912-14 гг. руководил проектированием «Электропередачи».

<...> Февральскую революцию, как и большинство работников станции, Виктор Дмитриевич принял с энтузиазмом. На одном большом собрании инженеров в помещении Политехнического музея, наряду с другими докладчиками, он выступил с докладом о необходимости интенсификации труда для поднятия промышленности.

Октябрьскую революцию он встретил несколько настороженно — боялся, что производство может сильно пострадать, если во главе предприятий будут поставлены недостаточно подготовленные к этому партийные работники. Это ярко выразилось в его поведении, когда в октябре на станцию пришел назначенный партией в качестве ответственного за ее работу большевик Михаил Степанович Радин.

Вместо Р.Э. Классона для переговоров [почему-то] вышел В.Д. Кирпичников. Когда ему М.С. Радин сообщил о его назначении и потребовал ключи от кабинета, Виктор Дмитриевич в довольно резкой форме сказал, что как заведующий станцией отвечает за ее работу он. При этом вел себя столь вызывающе, что сопровождавшие М.С. Радина молодые вооруженные рабочие, среди которых находились и латыши, хотели взять Виктора Дмитриевича в штыки. М.С. Радин остановил их, а Виктору Дмитриевичу посоветовал не упорствовать и уйти. <...> О вызывающем поведении Виктора Дмитриевича Михаил Степанович сообщил мне лично, прибавив при этом, что тогда он, несомненно, спас Виктору Дмитриевичу жизнь, остановив вооруженных рабочих. (из воспоминаний инженера Ф.А. Рязанова, ф. 9592 РГАЭ)

С 1918 г. В.Д. Кирпичников был членом электротехнического совета Главного комитета государственных сооружений ВСНХ и одним из руководителей Бюро по проектированию ГРЭС на торфе (разработал проекты Шатурской ГРЭС, Волго-Донского канала, Подольского цементного завода, рудника «Карл»). Соизобретатель, вместе с Р.Э. Классоном, гидравлического способа добычи торфа и механизации его сушки.

Правда, В.Д. Кирпичников удостоился в связи с этим неприязненного отзыва партийного начальника И.И. Радченко:

Я очень опасаюсь, чтобы и в России это дело [гидроторфа] не свелось к одному грюндерству, тогда как оно все же кое-что может дать. В заботах получить это «кое-что» я и высказываюсь против поездки [за границу] именно Кирпичникова, который равнодушен ко всему на свете кроме наживы и спорта. Я не высказывался против поездки Классона, наоборот все делалось для того, чтобы поездка его осуществилась. Кирпичников — не изобретатель, изобретатель — Классон. Кирпичников — рядовой исполнитель и компаньон. Доверия к нему ни технического, ни политического у меня нет, поэтому я и не мог подать голос за его поездку. (из письма В.И. Ульянову-Ленину в июне 1921-го, ф. 9455 РГАЭ)

Что касается замечания И.И. Радченко об увлечении В.Д. Кирпичникова спортом, то он действительно играл в теннис, хоккей с мячом, волейбол, настольный теннис, бильярд, шахматы, занимался стрельбой и одно время даже увлекался боксом, собирая у себя на квартире любителей-боксеров.

По доносу одного не совсем нормального юноши вся боксерская секция вместе с В.Д. Кирпичниковым в 1920-м была арестована ГПУ, но после хлопот Р.Э. Классона и его партийных начальников вскоре всех отпустили «без каких-либо последствий».

В 1920-24 гг. В.Д. Кирпичников служил зам ответственного руководителя Гидроторфа, был членом его Совета, участвовал вместе с Р.Э. Классоном в подготовке материалов к докладу ГОЭЛРО по Центральному району. В 1922-30 гг. входил в правление МОГЭС.

В 1924 г. развелся с первой женой и вскоре женился на Люции Ивановне Краузе (с дочкой Люцией Карловной 1912 г. рожд.). Л.И. Краузе умерла во время первого ареста мужа:

Люция Карловна сообщила мне, что <...> в конце 1930 г. [его жену] Люцию Ивановну продержали около десяти дней на Лубянке, причем В.Д. показывали, как ее водили на допрос с конвойным и как она на допросе плакала. Это был один из приемов заставить В.Д. писать про себя, как про вредителя. Рассказала она и о том, что вскоре после смерти [своей матери] Л.И., которую она переживала столь тяжело, что никто при ней не считал возможным упоминать об умершей, за ней приехал следователь и привез ее на Лубянку. Там предложили ей сообщить В.Д. о смерти Л.И. С ней сделался сильнейший припадок. Все очень перепугались, и ее отнесли в закрытую машину и в бессознательном состоянии внесли в квартиру, где она очнулась только через несколько часов (из воспоминаний Ф.А. Рязанова).

На вечере памяти Р.Э. Классона в феврале 1926-го В.Д. Кирпичников произнес развернутую речь о совместной работе со своим шефом, с техническими и человеческими подробностями. 29 сентября 1930 г. был арестован, а 15 июня 1931 г. за «вредительство в торфяной промышленности и в МОГЭСе, участие в контрреволюционной организации» коллегией ОГПУ СССР приговорен к расстрелу с заменой его на 10 лет заключения. Содержался в особом конструкторском бюро («шарашке») в Бобриках (с 1934 г. – Сталиногорск, с 1961 г. – Новомосковск) Тульской обл. и участвовал в сооружении местной электростанции. 18 октября 1931 г. «дело МОГЭС» было пересмотрено с указанием – считать вынесенную ранее меру наказания «условной».

Ф.А. Рязанов оставил живописные воспоминания о своем шефе, в том числе о подпольных контактах во время их пребывания по «делу МОГЭС» на Лубянке. В то же время уголовные дела на В.Д. Кирпичникова до сих пор не доступны исследователям (№П-62877 за 1930 г. и №П-54817 за 1937 г., хранящиеся в ГАРФ, и за неизвестным нам номером за 1931 г., хранящееся в Центральном архиве ФСБ) и могут выдаваться лишь родственникам (которых давно нет в живых) или по их доверенности...

После освобождения в декабре 1931 г. В.Д. Кирпичников работал инженером технического отдела Мосэнерго. 7 февраля 1933 г. приговор был отменен коллегией ОГПУ. В январе 1933 г. был назначен начальником теплоэлектроцентрали на Березниковском химкомбинате в Пермской обл., успешно наладил работу ее импортного оборудования, за что нарком тяжелой промышленности Г.К. (Серго) Орджоникидзе наградил его в том же году «черным с красным лимузином Бьюик», квартирой в Москве и орденом Ленина. В 1934 г. возглавил организованное по его предложению бюро «Турбокотелстрой» Наркомтяжпрома СССР.

После самоубийства Г.К. (Серго) Орджоникидзе и повторного ареста 16 марта 1937 г. был 31 августа 1937 г. утвержден по сталинским спискам к «1-й категории», т.е. приговорен к расстрелу. Расстрелян 14 сентября, тело (или же пепел после кремации) зарыто в могиле №1 (с циничной табличкой «Могила невостребованных прахов») на Донском кладбище в Москве. В фальшивом свидетельстве о смерти, выданном Фрунзенским ЗАГС Москвы, указано: «умер 18 октября 1940 г.», графы «причина и место смерти» не заполнены.

В ответ на ходатайство «о скорейшем и внимательном пересмотре дела» его брат Сергей Дмитриевич Кирпичников получил из Главной военной прокуратуры циничнопренебрежительный ответ от 18 декабря 1940 г.: «виновность вашего брата Кирпичникова В.Д. доказана и, поэтому, дело его пересматриваться не будет». В.Д. Кирпичников был реабилитирован после развенчания Н.С. Хрущевым культа личности И.В. Джугашвили-Сталина.

Его сын Юрий, после ареста в 1937-м жены по фамилии Эйхеман (которая побывала в сталинских лагерях, среди многочисленных списков жертв политического террора, составленных обществом «Мемориал», такой фамилии, правда, не значится), хотя и остался на свободе, но больше так и не женился и потомков не оставил... А очнувшаяся после обморока на Лубянке Люция (Лидия) Карловна, похоже, тоже счастливо избежала лагерей. В 1939-м она закончила МИПиДИ (Московский институт прикладного и декоративного искусства), вышла замуж за некоего Клименкова и стала работать скульптором «малых фарфоровых форм» (т.е. готовила образцы для массового тиражирования фарфорового ширпотреба)... Другие источники указывают, что в 1948 г. Л.К. Клименкова-Краузе окончила также Московский художественный институт им. Сурикова.

Классон Анна Гавриловна, урожд. Позигун (1912 — 1969). Родилась в селе Костромка Екатеринославской губ. в семье крепких крестьян Гавриила Тарасовича и Евдокии Васильевны (урожд. Чирченко) Позигун, которую «Софья Власьевна» раскулачила при коллективизации. Е.В. Позигун умерла в 1932-м, а Г.Т. Позигун, после отбытия срока в УхтаПечлаге (в начале 1934-го, судя по письму дочери Анне одного освободившегося из оного лагеря, он еще пребывал в нем), был выслан в Казахстан и в 1950-м работал бухгалтером в совхозе «Рассвет» Семипалатинской обл.

Анна (слева), с подругой (Алисой?)

Анна Гавриловна — вторая жена И.Р. Классона (первый его брак на М.И. Лисовской оказался бездетным). Познакомилась с ним, работая машинисткой в управлении АЦГЭСсетьстроя, т.е. организации, прокладывавшей линию электропередачи к/от Аджарис-Цкальской ГЭС (Батуми), в 1938 г. После длительного «почтового романа» (1939-1940) переехала к мужу в Москву в 1940 г., родила двоих сыновей — Андрея (1944) и Михаила (1948).

А.Г. Классон после поздней диагностики и резекции рака груди через некоторое время получила метастазы в пищевод, которые советская медицина диагностировала на уже неоперабельной стадии (на самом деле, после того как больная грохнулась на пол в квартире, потеряв сознание, и попала в больницу, эскулапы вскрыли грудную клетку и тут же зашили, через несколько дней она в этой же больнице скончалась).

Когда у моей жены Анны Гавриловны очень поздно обнаружили рак грудной железы, я сказал [старому доктору, замечательному врачу терапевту Максиму Абрамовичу] Бурштейну, что не понимаю, почему врачи, у которых по поводу ревматизма и тому подобного она бывала, не обнаружили опухоли раньше. Он смог ответить лишь за себя: у своих пациенток, по какому поводу они ни обращались бы, всегда ощупывает молочные железы и в двух случаях весьма своевременно обнаружил опухоли.

<...> Анне Гавриловне сначала не повезло в том, что когда у нее только еще начиналась опухоль молочной железы, нашим участковым врачом в поликлинике была молодой врач Севригина, которая сама вообще не обследовала молочные железы у пациенток. И просто не обратила внимания на жалобы жены, что у нее покалывает под мышкой. В 1955 г. она даже прошла стандартное обследование после направления по поводу [якобы] ревматизма в Цхалтубо.

Но этот курорт был ей уже противопоказан, как сказали позже онкологи. До операции [резекции] молочной железы в 1956 г. ни один врач никогда не предостерегал ее, как и других пациентов, об опасности чрезмерного солнечного загара. (из воспоминаний И.Р. Классона, ф. 9508 РГАЭ)

А.Г. Классон похоронена в колумбарии Немецкого кладбища в Москве.

Захоронение А.Г. Классон в стене Немецкого кладбища

Классон Анна Карловна, урожд. Вебер (≈1842-43 – 1918). Мать Р.Э. Классона, родила также дочерей Иоганну (1864) и Эллу-Марию (1871). Дочь дрезденского фабриканта, до замужества учила в Киеве, в качестве гувернантки, господских детей французскому и немецкому. После смерти мужа Э.Э. Классона в 1875-м через некоторое время вышла за некоего Ахонина. Имела властный характер и предпринимательские наклонности.

Вчера я получила от Роберта письмо [из Петербурга]; он пишет, между прочим, что татап сильно озлоблена против меня. Она заявляет, что если я затею с ней процесс, то она выкинет какой-то фокус, благодаря которому мы все лишимся наследства. Это, конечно, «слова, слова» и кроме того этим я мало интересуюсь по... да, впрочем, и остальным тоже (из письма Эллы Эдуардовны мужу Петру Павловичу, без даты, скорее всего – до 1897 г.).

Еще весной [1879 г.], когда было решено, что моя семья на эту зиму в Киев не переедет, я подумывала на этот последний гимназический год поступить в пансион, чтобы не отвлекаться от занятий ничем посторонним. К тому же и в семье Анны Карловны начались недоразумения между нею и подросшей Иоганной (из воспоминаний Эмилии Альбертовны Коротневой, урожд. Эберг, 1864-1929, чья семья какое-то время снимала квартиру в доме Анны Карловны, ф. 136 отдела рукописей РГБ).

По-русски Анна Карловна говорить так и не научилась.

Классон Евгения Николаевна (1875 — 1952). Вторая жена Р.Э. Классона (урожд. Сомчевская, в первом браке Виноградова), детей у них не было. Их давний, фактический брак (с 1908-го) был зарегистрирован в ЗАГСе лишь в 1925-м. Интересно, что справочник «Вся Москва на 1927 год» давал такую информацию:

КЛАССОН Евг. Ник. Садовническая ул., 11, кв. 5. Тлф. 2-62-50 доб. 106.

Возможно, что вдова, из уважения к заслугам покойного мужа, какое-то время жила в большой служебной квартире, но наверняка «с подселением».

В молодости некоторое время пела в опере Зимина в Москве. В 1920-х руководила самодеятельной оперной студией, с преимущественно детским репертуаром, «ставила голоса». С 1926-го, после смерти Р.Э. Классона, стала получать за его заслуги персональную пенсию в 225 руб. Тем не менее, в 1946-47 гг. хлопотала перед советским государством об увеличении этой, ставшей, по-видимому, полунищенской, пенсии (до 1 января 1945 г. получала 300 руб./мес., после — 500 рублей). После двукратного обращения в 1946-47 гг. к зам председателя Совета министров В.М. Скрябину-Молотову получила увеличенную до 800 руб. пенсию.

Е.Н. Классон в сценическом костюме (фрагмент фото)

В 1945-м с Е.Н. Классон случился инсульт (уже второй, а первый произошел еще в 1927-м? — см. воспоминания И.Р. Классона о некоей свойственнице, останавливавшейся у него в Берлине по пути из Карловых Вар в Москву), после чего ей пришлось отказаться от заработков, когда она «ставила голоса» начинающим певицам, используя служившее ей полвека пианино. Собственно, это печальное обстоятельство и послужило поводом обратиться к властям об увеличении полунищенской «персональной пенсии». Закат жизни провела с третьим мужем — писателем-юмористом Георгием Александровичем Ландау, на восемь лет моложе ее. Была похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище, рядом со вторым мужем — Р.Э. Классоном.

Классон Екатерина Робертовна (1901 — 1980). Младшая дочь Р.Э. Классона, художник и искусствовед. С 1919 г. училась в I ГСХМ у А.В. Шевченко и на историко-филологическом ф-те I МГУ; в 1920-23 — во Вхутемасе у А.Д. Древина и И.А. Удальцовой. Диплом не защищала. С 1926 — в оргбюро, с 1929 — секретарь «Цеха живописцев».

Екатерина – художник, ≈1926 год

Тяжко пережив ликвидацию «Цеха» — крушение ее главного дела, уничтожила все свои картины, в т.ч. «Мать с ребенком», «Оплакивание поэта», «Женский портрет» (репрод., см. Советское искусство, 1927, №2; Красная нива, 1927, №6; Печать и революция, 1927), высоко оцененные в прессе. В Союзе художников не состояла. В 1930-х занималась оформительскими работами. В дальнейшем переводила статьи о французских художниках. Например, в 1972-м издательство «Искусство» в переводе Е.Р. Классон и Л.Д. Липман выпустило книгу «Поль Сезанн. Переписка. Воспоминания современников».

Жила в гражданском браке с Валентином Яковлевичем Парнахом (наст. фам. Парнох, 1891—1951) — поэтом, журналистом, балетмейстером, хореографом, танцором, выступавшим на эстрадах Парижа, Мадрида, Берлина, Москвы, организовавшим первый в России джаз-оркестр (задолго до Л.О. Утесова). Перед началом Первой мировой войны, напечатав в Петербурге несколько стихотворений, он уехал в Палестину, затем перебрался в Париж и стал студентом Сорбонны.

Во Франции вышли сборники стихов, отразившие его увлечение футуризмом и сюрреализмом: «Самум» (1919), «Набережная» (1919, на французском языке), «Словодвиг. Слово-динамо» (1920, на русском и французском языках) с иллюстрациями Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, а для книги «Карабкается акробат» (1922) портрет В.Я. Парнаха нарисовал Пабло Пикассо. И, наконец, он перевел антивоенный роман «Огонь» («Le Feu»), который Анри Барбюс написал в 1916 году.

В 1936-м Екатерина Робертовна родила сына Александра. Согласно ее завещанию последний не забрал ее прах из крематория, чтобы «не разводить хозяйство» — могилку, оградку, памятник, цветочки. В то же время прах В.Я. Парнаха, умершего в 1951-м, и его сестры Е.Я. Тараховской (ум. в 1968 г.) находится в колумбарии Новодевичьего кладбища (секция №100). Здесь вполне могла бы уместиться и урна с прахом Е.Р. Классон.

Художническая деятельность Е.Р. Классон приведена на сайте «Масловка — городок художников» (www.maslovka.org/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1284), а также в публикациях: Игнатий Хвойник. Три выставки // «Советское искусство», №2, 1927; «Красная нива», №6, 6 февраля 1927 г., 1927; Федоров-Давыдов. Художественная жизнь Москвы // «Печать и революция», 1927, Книга третья, апрель-май.

На пенсии

Колумбарий Новодевичьего кладбища (секция №100)

Классон Иван Робертович (1899 — 1991). Старший сын Р.Э. Классона. В марте 1917-го закончил 3-е московское реальное училище им. Анатолия Шелапутина. Летом этого же года заболел туберкулезом в начальной стадии и провел зиму 1917/18 года по предписанию врачей в Ялте. В марте 1918 г. вернулся в Москву и стал готовиться к приемному экзамену в Московское Высшее Техническое Училище. Осенью 1918 г. выдержал приемный экзамен и был принят в МВТУ. В 1919-22 гг. работал на гидроторфе «Электропередачи» и Каширской ГРЭС.

В нежном возрасте

По просьбе отца в 1922 г. В.И. Ульянов-Ленин разрешил И.Р. Классону выехать за границу для получения высшего образования. Стал вольнослушателем Берлинской высшей технической школы, а в 1924-м — ее действительным студентом. После смерти отца в 1926-м, по постановлению СНК РСФСР, Правление МОГЭС платило И.Р. Классону стипендию в 200 инвалютных руб./мес. Из-за болезней в 1928 и 1929 годах учение задержалось, окончил Высшую школу, по специальности «электротехника», лишь в 1930 г.

В 1930 г. И.Р. Классон вернулся в Москву и поступил в МОГЭС. Работал на монтаже и наладке оборудования Каширской ГРЭС, сначала руководителем электротехнической группы технического отдела, а затем прорабом нового щита управления. После окончания его монтажа уволился «по собственному желанию, с разрешения администрации». В 1932 г. — в Московском отделении Средволгостроя, проектировал электрификацию совхозов Средволгостроя и временной тепловой станции на строительстве Камской ГЭС. В 1934 г. Средволгострой был реорганизован в Гидростройпроект, а последний в 1935 г. — в трест Гидроэнергопроект (Гидэп).

В 1937 г. перешел с проектных работ на пуско-наладочные в электрической части гидростанций. Бюро пуско-наладочных работ (БПНР) вело также работы по организации эксплуатации и подготовке гидростанций к сдаче в промышленную эксплуатацию. В 1937-40 гг. работал в выездных бригадах БПНР на НиваГЭС II, Аджарис-Цкальской ГЭС (в Грузии), Комсомольской ГЭС Чирчикского каскада, 2-й очереди Кондопожской ГЭС — большей частью руководителем бригад. Был экспертом в правительственных комиссиях по обследованию канала Москва — Волга в 1939 г. и приемке Аджарис-Цкальской ГЭС в промышленную эксплуатацию в 1939/40 году.

С 1941 г. работал в бригаде БПНР на Тавакской ГЭС Чирчикского каскада, с началом войны был переведен в филиал Ленгидэпа в Перми, в 1942-м — в БПНР эвакуированного в Курган Гидроэнергопроекта. В августе 1942 г. откомандирован в Москву и снова был на пуско-наладочных работах: в 1943 г. на Юрюзанской временной тепловой станции, в 1943/44 г. при восстановлении Баксанской ГЭС и Докшукинской ТЭЦ, в 1946 и 1947 гг. при восстановлении Свирской и Днепровской ГЭС. В 1943 г. назначен и.о. начальника БПНР, а в 1945 г. — его начальником. В 1945 г. в Гидэпе на базе БПНР было создано Управление автоматики, телемеханики и пуско-наладочных работ (УАПНР). Был и.о. главного инженера, а с 1946 г. главным инженером УАПНР, вскоре при реорганизации треста в институт Гидроэнергопроект ставшего его отделением — ОАТН.

В 1955 г. И.Р. Классон был переведен в технический отдел Гидэпа, где работал главным специалистом до ухода на пенсию в 1959 г. В 1950-70-х подрабатывал переводами и реферированием статей по электроэнергетике на английском, немецком и французском языках, а также редактировал и существенно дополнил книгу М.О. Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон» после смерти автора (вышла в Госэнергоиздате в 1963 г.).

Первый брак (1926-1940) с Марией Ивановной Лисовской (родилась в 1888 г. в Петербурге) оказался бездетным. В браке с А.Г Позигун-Классон произвел на свет двоих сыновей — Андрея (1944) и Михаила (1948). И.Р. Классон похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве, рядом с отцом и мачехой Е.Н. Классон.

И.Р. Классон оставил бесхитростные черновые записи о своем детстве, родителях, знакомых. Наиболее ярко деловая, организованная и в то же время заботливая натура его проявилась в письмах невесте, а затем жене Анне Гавриловне. В то же время через три десятка лет после брака с «украинской крестьянкой» А.Г. Позигун написал своей киевской родственнице С.Н. Мотовиловой такие грустные строки:

Я веду очень уединенную жизнь: жена сама ни с кем почти не встречается, не хочет, чтобы я кого-нибудь звал к себе, даже попрекает меня, что я хожу на выставки (а я считаю, что это как раз моя заслуга, что я в последнее время, начиная с октября [1960-го], был на нескольких выставках, я Вам писал). Недавно я с сыновьями (жена не пошла, хотя я взял билет и для нее, правда, не предупредив) смотрел английский фильм «Банковый билет в миллион фунтов [стерлингов]» по Марку Твену. Так она меня до сих пор попрекает этим! Правда, я ко всем этим утрировкам давно привык, не «переживаю» их, но все же это мешает.

Уже пожилой И.Р. Классон на Новодевичьем кладбище у могилы отца

Классон Любовь Петровна, урожд. Фомичева (1901 – 1987). Жена П.Р. Классона. Отец – Петр Иванович Фомичев, окончил Одесское мореходное училище по специальности штурмана дальнего плавания. Работал капитаном в Волжском пароходстве, затем в Петербурге на пожарном пароходе «Закат». Дружил с мореплавателем Г.Я. Седовым. В 1914-м ушел добровольцем на войну, где был тяжело ранен, и умер в 1920-м, в возрасте 46 лет. Мать — Александра Васильевна (девичью фамилию установить не удалось), до октябрьского переворота была домашней хозяйкой, после него преподавала в Ликбезе. Умерла после эвакуации в августе 1942-го в Ярославле от «общего истощения» (было ей 60 лет).

Хранящийся в РГАЭ аттестат (ф. 9508) гласит, что «дочь губернского секретаря» Л.П. Фомичева в мае 1917-го окончила курс семи общих классов в Петроградской женской гимназии имени принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской и имела право «получить от Министерства Народного Просвещения, не подвергаясь особому испытанию, свидетельство на звание Домашней Учительницы тех предметов, по которым она оказала хорошие успехи».

С родителями

Согласно приказу №2 по штабу 7-й армии от 15 ноября 1918 г. «в именном списке личного состава штаба значится письмоводитель оперативного отделения Фомичева Л.П.» А в именном списке личного состава административного управления того же штаба была указана журналистка канцелярии Фомичева Любовь Петровна, уволенная со службы 14 февраля 1920 г. по семейным обстоятельствам. 7-я армия, как известно, действовала в составе Северного фронта, воевала с эстонцами, финнами, белогвардейцами Юденича.

У Л.П. Фомичевой и П.Р. Классона в 1934-м родилась дочь Маргарита. В 1950-е Любовь Петровна работала в должности архивариуса-библиотекаря на Севастопольской ГРЭС-1 в пос. Инкерман. В 1983 г. ее персональная пенсия местного значения («за заслуги умершего мужа») была увеличена до 75 рублей.

Классон Павел Робертович (1904 – 1942). Младший сын Р.Э. Классона.

Родился на Рижском взморье, на даче. С.И. Мотовилова в конце 1890-х — начале 1900-х на лето нанимала для семьи дачу в Ассерне или Карлсбаде (ныне соответственно Асари и Пумпури) на Рижском взморье. Рабочий стаж до отъезда за границу в 1925-м — «несколько месяцев работы в одной авторемонтной мастерской в Москве». Проработал год практикантом на заводах Сименса-Шуккерта под Берлином. После смерти отца стал получать (как и его старший брат Иван) от МОГЭС ежемесячную стипендию в 200 инвалютных руб. В 1926-м поступил на машиностроительный факультет Инженерной школы в Констанце (на берегу Боденского озера) в Германии, в 1930-м выучился на инженера-механика и турбиниста. После чего проходил годичную стажировку на Турбостроительном заводе фирмы Браун Бовери и К° в Бадене в Швейцарии.

В 1932 г. вернулся в СССР, при получении паспорта зачем-то записался «немцем», работал на Балтийском заводе в Ленинграде, здесь же женился на Л.П. Фомичевой (в 1934-м появилась на свет дочь Маргарита). Затем перешел в Научно-исследовательский котлотурбинный институт (теперь ЦКТИ), где работал в паротурбинном секторе в должности инженера-исследователя. В феврале 1938-го Управление НКВД по Ленинградской обл. решило, что П.Р. Классон «достаточно изобличается в том, что он проводит националистическую к.р. агитацию и занимается сбором шпионских сведений в пользу одного из иностранных государств» и арестовало его.

Под угрозой «мер физического воздействия», т.е. пыток, П.Р. Классон вынужден был оговорить себя в том, что он был якобы арестован немецкой полицией за шпионаж в пользу СССР, а затем завербован оной для последующего шпионажа в пользу Германии.

По «немецкой операции», проведенной НКВД в 1937—1938 гг., как известно, было осуждено свыше 55 тыс. человек, из которых 42 тыс. приговорили к расстрелу.

В июле 1939-го ленинградские чекисты «сшили дело»: «На основании изложенного обвиняется Классон Павел Робертович <...> в том, что является антисоветски настроенным человеком и крайне подозрительным по шпионажу в пользу Германии, т.е. в пр. пр. ст. ст. 58-10 ч.1 и 58-6 УК РСФСР» и послали его для окончательного рассмотрения и утверждения на Особое совещание НКВД в Москву.

Однако в октябре того же года дело было отправлено обратно в Ленинград на доследование. В результате П.Р. Классон по приговору Особого совещания в феврале 1940-го получил «лишь» три года за «антисоветские высказывания». Уголовное архивное дело на П.Р. Классона до сих пор хранится в Управлении ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. После освобождения работал, будучи пораженным в гражданских правах, в Луге (больше 100 км от Ленинграда).

Из ответного письма И.Р. Классона инженеру В.И. Константинову от 25 апреля 1968 г.:

В марте 1938 г. он был арестован и приговорен к 10 годам по 58-й статье. Но затем, по его заявлению, дело было пересмотрено, и Павла приговорили к трем годам за «антисоветские высказывания». Он говорил мне в 1941 г. после освобождения, что одним из ставившихся ему в вину «высказываний» было: «мюнхенское пиво лучше ленинградского» и т.п. (ф. 9508 РГАЭ)

(Инж. В.И. Константинов в своем письме сообщал, что он вместе с П.Р. Классоном в 1921-23 гг. учился в Московском Практическом Электротехническом Институте.)

В архиве Информационного центра УВД по Астраханской области имеются сведения о том, что Классон Павел Робертович, 1904 г.р., был выслан с семьей (жена — Любовь Петровна, 1901 г.р. и дочь Маргарита, 1934 г.р.) из села Сокрутовка Владимирского [(ныне Ахтубинского)] района Астраханской области в Восточный Казахстан на спецпоселение на основании указа Президиума Верховного совета [СССР] от 28.08.1941 г. Семья Классон реабилитирована в 1996 году. (ф. 9508 РГАЭ)

Затем со сборного пункта Наркомата обороны СССР в Восточно-Казахстанской обл. П.Р. Классон в 1941 г. был направлен в составе «рабочей колонны немцев» на Алтай. В 1942-м был в трудовом лагере на Урале. В ноябре 1942-го его «рабочую колонну» направили в очередной лагерь, под прикрытием «очередного призыва в Красную Армию», погиб через несколько дней по криминальным, по-видимому, обстоятельствам. 2 ноября 1942 г. чиркнул такую, как потом оказалось, последнюю записку жене:

Дорогая Любочка! Вчера получил повестку, призывают снова в Красную Армию. Сегодня вероятно будет отправка. Куда — не знаю, напишу с дороги (продукты велели взять на 10 дней) или с места. Какие будут условия, я еще не знаю, буду ли работать по специальности или нет, какое будет питание и т.д. Твой Полик. (ф. 9508 РГАЭ)

По официальной, фальшивой версии пропал без вести на фронте в июле 1944-го.

В 1962-м вдова получила справку о реабилитации мужа:

Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 28 сентября 1962 г. постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 19 февраля 1940 года в отношении Классон Павла Робертовича рожд. 1904 г. отменено и дело производством прекращено. Гр. Классон П.Р. по настоящему делу считается реабилитированным. На момент ареста работал и.о. научного сотрудника в НИИ №4. (ф. 9508 РГАЭ)

Классон Роберт Эдуардович (1868 — 1926). Сын Эдуарда Эрнестовича и Анны Карловны (урожд. Вебер) Классонов. Родился в Киеве, где с 1876-го по 1886-й учился в 1-й классической гимназии. Окончив гимназию с серебряной медалью, в том же году поступил по конкурсу на механическое отделение Технологического института в С.-Петербурге.

В 1891-м с отличием окончил институт в звании инженера-технолога и уехал во Франкфурт-на-Майне работать в технической конторе Вильяма Линдлея. В том же году женился на Софье Ивановне Мотовиловой. В 1893-м вернулся в Петербург, где поступил на казенный Охтинский пороховой завод в должности начальника мастерской. При допросах в 1893-94 гг., в рамках расследования "Дела о рассылке из С.Петербурга прокламаций, озаглавленных «15 апреля 1891 г.», по поводу демонстрации при похоронах писателя Шелгунова", на вопрос «народность» ответил — «немец».

<...> В 1892 г. по обыску в Москве у студента Технолога Бруснева было, между прочим, обнаружено письмо Классона из Цюриха, в котором между прочим говорилось о присылке каких-то книг, значении динамитных взрывов, происходивших во Франции, и т.д. С Июня 1891 г. по 8 Мая 1893 г. Артур Роберт Эдуардов Классон проживал за границей.

<...> В 1893 г. по возвращении из-за границы Классон поступил служить на Охтенский пороховой завод и привлекался в том же году в качестве обвиняемого по делу о распространении воззваний по поводу беспорядков, происшедших на похоронах писателя Шелгунова. Не отрицая своего знакомства с эмигрантами Плехановым, Верой Засулич и Аксельродом, Классон показал, что встреча его с названными лицами произошла во время путешествия его в Швейцарии, носила случайный характер и не обуславливалась никакими противоправительственными побуждениями. <...>

Расследованием не было добыто, однако, данных, указывающих на то, чтобы сношения Классона с Плехановым, Засулич и Аксельродом обуславливались целями противоправительственной пропаганды, что посещение им эмигрантов было вызвано любопытством — являются не опровергнутыми, ввиду отсутствия указаний на активное участие Классона в деле преступной пропаганды.

Артур Роберт Классон был отдан, впредь до окончания дела, под особый надзор полиции в С-Петербурге.

Молодой Роберт Классон (в белом картузе) на Охтенском пороховом заводе, 1893 год

Произведенное при С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении дознание по обвинению Инженер-Технолога Роберта Артура Эдуардова Классона в государственном преступлении, по соглашению Г.г. Министров Внутренних Дел и Юстиции, дальнейшим производством прекращено с учреждением за ним негласного надзора полиции <...>.

После обысков, произведенных 12 Августа 1896 г. в квартире помощника присяжного поверенного Бауэра, по поводу вновь образовавшейся группы преступного сообщества, именующего себя «Социал-демократами» и «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», было установлено наблюдение. 14 Августа на квартиру явился Роберт Артур Классон. Вследствие сего Классон был подвергнут обыску как лично, так и по месту жительства (дом 26 по Панфиловой ул., Охтенского участка). Так как обыски эти были безрезультатны, то Классон оставлен был на свободе <...>.

15 Января 1897 г. за №467 Департамент уведомил Действительного Статского Советника Небол[ь]сина, на его запрос, что определение инженер-технолога Роберта Классона преподавателем по электротехнике на специальных курсах для рабочих представляется нежелательным. (ф. 102 ГАРФ)

В 1897-м Р.Э. Классон уволился с Охтинского порохового завода и поступил в акционерное «Общество электрического освещения 1886 г.». В том же году переехал в Москву, на должность старшего техника московского отделения «Общества 1886 г.» В 1898-м на него было возложено управление всеми московскими станциями Общества. В 1900-м недавно образованное акционерное общество «Электрическая сила» пригласило Классона строить электростанции в Баку, для электрификации местных нефтяных промыслов, в должности директора.

В рабочем кабинете, Москва, 1899 г.

В 1906-м после «революционных выступлений пролетариата» вынужден был (отказавшись уволить «смутьянов») уехать из Баку и вернулся в Москву. Занял здесь должность регионального директора «Общества 1886 г.». В 1912-м инициировал создание акционерного общества «Электропередача» и сооружение одноименной электростанции в Московской губернии, под Богородском (теперь Ногинск), на торфе. В 1920-м участвовал деятельности комиссии ГОЭЛРО, руководя работами по проектированию электростанций в Центральном промышленном районе. В результате стал видным российским электротехником (электроэнергетиком), внедрившим в промышленных масштабах мощные по тем временам паровые турбины, трехфазный ток, линии электропередачи высокого по тем временам напряжения, освоившим параллельную работу агрегатов и электростанций на трехфазном токе, наладившим гидравлическую добычу торфа и механизацию его сушки (последнее – вместе с В.Д. Кирпичниковым). Является, по сути, основоположником российской промышленной электроэнергетики (на трехфазном токе). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Его именем названа тепловая станция в Электрогорске Московской обл. (бывш. «Электропередача»).

Классон, Роберт Эдуардович (1868-1926), крупный инженер-энергетик, специалист по гидроторфу. В 1891 окончил Петербургский технологический ин-т. В 1891-93 работал по электротехнике в Германии. В 1893-97 — в Петербурге на Охтенских пороховых заводах. Еще будучи студентом, участвовал с Брусневым, Красиным, Крупской в первых марксистских кружках.

В 1893-95 был участником собиравшегося у него на квартире петербургского кружка марксистов, в к-рый входили: Ленин, Крупская, Потресов, Струве и др. Вскоре отошел от политической деятельности, всецело посвятив себя электротехнике. В 1900-1904 К. вместе с Л.Б. Красиным построил в Баку электрическую станцию акц. об-ва «Электросила», в 1905 вынужден был уйти с поста директора этого общества вследствие отказа применить репрессивные меры к забастовавшим рабочим.

С 1906 до Великой Октябрьской пролетарской революции, а затем при Советской власти до 1926 — директор 1-й Моск. электростанции; в 1922-26 — член правления МОГЭС. К. построил впервые в России: трехфазную установку на Охте в 1894, районные станции в Баку, районную станцию на торфе Электропередача (см.), ныне ГЭС им. Классона. К. совместно с Кирпичниковым изобрел гидравлический способ добычи торфа, гидроторф (см.); с осени 1920 благодаря поддержке Ленина этот способ добычи торфа начал быстро развиваться, создавая твердую базу для работы районных электроцентралей на торфе. Эти централи являются главными потребителями гидроторфа.

Большая советская энциклопедия, т. 32. М., 1936

Классон Софья Ивановна, урожд. Мотовилова (1863 – 1912).

Шестой ребенок Ивана Егоровича и Луизы Францевны (урожд. Флориани) Мотовиловых, родилась в селе Цыльна Симбирской губернии и уезда, из дворян. В 1880 г. поступила в частный пансион Констан в Москве, но курса не окончила. Затем держала экзамен в С.-Петербургской шестой гимназии с целью поступить на педагогические курсы, на каковые и была зачислена в 1884 г. (с ее слов, а в аттестате указан 1885-й), где окончила курс со званием домашней наставницы в 1888-м (с ее слов, а в аттестат год окончания по каким-то причинам впечатан не был). Из письма С.Н. Мотовиловой сестре Вере в Лозанну (ф. 786 отдела рукописей РГБ):

<...> Ульянов пишет, что ты утверждаешь — тетя Соня была тяжелого характера. Я бы такого не сказала. Она гостила у нас при папе в Ишеевке и затем целую зиму провела у нас в Симбирске, после папиной смерти, чтоб мама не оставалась одна. В молодости она была веселой, бодрой, остроумной. Конечно, самая выдающаяся из всех сестер Мотовиловых (семьи Ивана Егоровича), а папа — самый выдающийся из всех братьев. Я это раньше не понимала, а теперь понимаю: тетя Соня была всегда готова делать все для своих близких. Когда сошел с ума дядя Саша и убил кого-то, тетя Соня поехала распутывать всю эту историю. Когда вышла какая-то дурацкая история у тети Веры в [Смольном] институте, тетя Соня взяла оттуда и т. Маню и т. Веру, и они жили у нее в Петербурге до окончания гимназии.

Когда умер [наш] папа, она бросает свое учение, своего жениха Классона и целую зиму живет в Симбирске, чтоб маме не было одиноко. Нет, она была и умная и интеллигентная и очень хороший, благородный человек. Но когда она вышла замуж за Классона, она как-то вся погасла. Они не подходили друг к другу.

Софья Ивановна — первая жена Р.Э. Классона, родила ему Софью (1892), Татьяну (1896), Ивана (1899), Екатерину (1901) и Павла (1904). Зарегистрировала с Р.Э. Классоном свой брак в ЗАГСе Франкфурта-на-Майне в 1891-м, а в 1892-м обвенчалась с ним в Русской Православной церкви в Висбадене. В 1903-м, узнав об изменах мужа «с его сотрудницей и с женой нефтепромышленника», уехала вместе с детьми (и еще не родившимся Павлом в утробе) из Баку. Затем периодически лечилась в Германии, Италии и Швейцарии от головных болей. Из воспоминаний сына Ивана:

Лето 1906-го мы жили на даче в Териоках, точнее в Келомяках, в Финляндии. <...> К нам приезжал отец и однажды обсуждал с мамой газетную публикацию, как группа кутивших офицеров приказала высечь женщину, презрительно о них отозвавшуюся.

Однажды нам стало известно, что в Териоках черносотенец убил члена Государственной думы, сторонника аграрной реформы кадета Герценштейна. Мамина подруга Елена Ивановна Климчицкая однажды везла в Петербург отпечатанное Выборгское воззвание (вероятно, часть тиража), но не рискнула сразу ехать с ним (или со всем тиражом) и спрятала его на время у нас на даче, потом еще заезжала.

Москва, 1888 год?

В 1906 г. при посредничестве Государственного крестьянского поземельного банка имение при селе Мокрая Бугурна Симбирской губернии и уезда (с 1 766 десятинами земли), принадлежавшее госпожам В.И. и М.И. Мотовиловым, С.И. Классон и А.И. Гельшерт, было продано за 280 900 рублей (ф. 592 Российского государственного исторического архива, оп. 3, д. 1897). Т.е. эту огромную сумму получили сестры Софья, Анна, Мария и Вера, совладелицы имения, наследованного от умершей в 1895-м их матери Луизы Францевны. С.И. Классон на свою долю построила дачу под Выборгом (дальнейшая судьба ее, после смерти владелицы, неизвестна, хотя можно с большой долей уверенности предположить, что она была разрушена до основания в советскофинскую зимнюю войну 1939/40 года или же растащена еще раньше — как бесхозная).

Подруга С.И. Мотовиловой-Классон – Елена Ивановна Климчицкая, С.-Петербург

В начале 1912-го из-за сильных головных болей С.И. Мотовилову привезли из санатория в Берне и поместили в частную лечебницу (по-видимому, доктора Фрея) в Петербурге, где она вскоре умерла, по сути, от «разбитого сердца». Похоронена на Волковском (Волковом) кладбище в Петербурге (могила не сохранилась — администрация толкнула «бесхоз» под захоронение богатого петербуржца?).

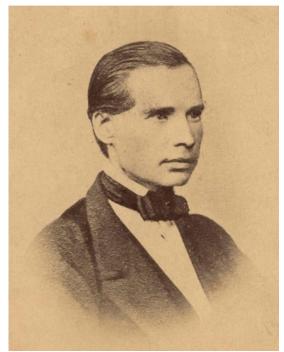
В конце 1909-го, по-видимому из-за нездоровья, С.И. Классон утратила заграничный паспорт, и в мае 1910-го ей был выдан вид на жительство в России:

Дело «По циркулярам об утрате разными лицами заграничных паспортов» за 1910 г.

<u>Донесение из Канцелярии Московского Генерал-губернатора, Иностранный отделот 15 Мая 1910 г.</u>

Жене инженер-технолога Софии Ивановой Классон, по представлении копии с явочного прошения об утрате заграничного паспорта, полученного 2 Октября 1909 г. из Канцелярии Московского Генерал-Губернатора за №10611, выдан 11 сего Мая ее вид на жительство в России. ГАРФ, ф. 102

Классон Эдуард Эрнестович, вариант — Эристович (1829 — 1875). Отец Р.Э. Классона. В 1846-м Эдуард поступил в аптеку провизора Константина Рейнсона в Ней-Суббате, по сдаче экзамена за гимназический курс при Рижской мужской гимназии в 1848-м получил соответствующее свидетельство. В 1848-1852 годах он работал в аптеке провизора Гелхаара в Лемзале*. В 1850-м сдал экзамены комиссии при медицинском факультете Императорского Дерптского университета и стал его студентом (?), в связи с этим в 1852 году был исключен из приписных к имению Понемун Поневежского уезда Ковенской губернии**.

Единственное фото Эдуарда Классона (находится в семье Александровых)

^{*} Нынешний Лимбажи в Латвии. От Лемзалле до Дерпта было не менее 200-250 км «по грунтовкам»!

Дерпт с 1893 г. носит имя эстонского города Тарту, после третьего раздела Речи Посполитой в составе Российской империи в 1795 г. была образована Ковенская губерния, Ковно с 1917 г. носит название литовского Каунаса, Поневеж – Паневежиса.

[«]Студент Eduard Klassohn» не числится в фундаментальном справочнике «Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat», Dorpat, 1889 (*dlib.rsl.ru/viewer/01004461602#?page=1*). Выходит, он посещал в свободное время лекции «без отрыва от производства»?

Последний сюжет требует дополнительного исторического исследования: по каким обстоятельствам Эдуард, родившийся в Якобштадском уезде Курляндской губернии, в 1850-м (во время проведения 9-й народной переписи, или ревизии), т.е. в двадцать один год, был приписан к имению, находившемуся в Поневежском уезде Ковенской губернии? Понятно, что основной причиной тут были, по всей видимости, житейские перемещения его отца Эрнеста. По формулярному списку от 1859 г., хранящемуся в Центральном государственном историческом архиве Украины (ф. 707), Эдуард числил себя происходящим из мещан (по-видимому, в это сословие трансформировались в т.ч. и люди «вольного состояния»). С другой стороны, мещане проживали, прежде всего, в городах, а не в сельской местности. Но, вполне вероятно, он мог заниматься каким-либо ремеслом и в богатом имении, а также работать в нем по найму, например, быть управляющим.

К сожалению, отмеченные выше документы не указывают, какое ремесло было у его отца Эрнеста или какие должности он занимал.

В 1852-м Эдуард получил в Императорском Дерптском университете свидетельство на звание аптекарского помощника. А в 1854 году советом университета был удостоен звания провизора. В начале 1855-го он уволился со службы по прошению, а в конце года получил ученую степень магистра фармации.

Магистерскую диссертацию Эдуард написал на немецком языке (на нем преподавали в университете, допускалось также писать труды и на латыни). Ее название гласило: «Über das fünffach Schwefelantimon und seine Verbindung mit Schwefelnatrium» («О 5-валентной сернистой сурьме и ее соединении с сернистым натрием»).

В 1855-м Эдуард Классон, уже имея ученую степень магистра фармации, переехал из Дерпта в Киев и в декабре этого года определился по найму в лаборанты Киевской казенной аптеки. А в следующем году ему было дозволено посещать лекции на медицинском факультете Императорского университета св. Владимира в качестве вольного слушателя. В 1857-м Эдуард Эрнестович в память о Крымской войне 1853-1856 годов получил бронзовую медаль на Андреевской ленте. В 1858-м был произведен в чин титулярного советника, а через несколько лет получил уже чин коллежского асессора (8-й класс табели о рангах). То есть считался, скорее всего, вполне благонадежным чиновником.

В 1860-м «лекарь Классон» был определен по найму в должность ассистента при терапевтическом отделении Киевского военного госпиталя, сроком на один год с годовым окладом 250 руб. Об этом свидетельствуют документы Центрального государственного исторического архива Украины (ф. 707).

В январе 1861 г. последовало письмо попечителя Киевского учебного округа Н.И. Пирогова, после ходатайства Медицинского факультета в Совет Университета св. Владимира, в Министерство народного просвещения с изложением приведенных в ходатайстве аргументов и с «покорнейшей просьбой разрешить оставить Лекаря Классона, по найму, еще на один год ассистентом Терапевтической Госпитальной Клиники военного Госпиталя с уплатою ему за год 350 руб. сереб. из суммы собираемой за слушание лекций». Со всем этим в феврале того же года согласился товарищ Министра народного просвещения Е.П. Муханов.

«Благополучный чиновник» не чуждался отстаивания насущных интересов общества. Об этом впервые становится известно из публицистической статьи писателя Николая Лескова «Вопрос о народном здоровье и интересы врачебного сословия в России», помещенной в т. VII журнала «Время» за 1862 год.

В ней он анализировал публикации в киевском еженедельнике «Современная Медицина», в частности, и статью Э. Классона:

Из статей, написанных самими врачами в «Современной Медицине», видно, что прежде всего нужно, чтобы врач был врачом, не делаясь чиновником, нужно, чтобы врача полюбил народ. <...> Наконец, нужно подвергнуть немедленному пересмотру аптечный устав, представляющий ряд беспрерывных стеснений: увеличивать число аптек нельзя; лекарства непомерно дороги. Аптекарская такса — самая несообразная из всех такс, с которыми не могут еще у нас расстаться. Компетентные люди давно указывали на бесчисленные ее недостатки, и наконец в августе месяце прошедшего года медицинским советом издана новая такса, которая, по напечатанному отзыву магистра фармации Э. Классона, «служит новым доказательством, что у нас важные вопросы решаются людьми, мало знакомыми с предметом».

Г. Классон говорит: «Рассмотрев таксу с начала до конца, я не нашел ни одного параграфа, из которого можно бы видеть удовлетворительное решение задачи. При назначении новых цен составители руководствовались совершенным произволом: дешевые средства получили высокие цены, другие, стоимость которых выше, должны быть продаваемы дешевле, при третьих назначены две или три различные цены, так что нельзя знать, которою должно руководствоваться при назначении цен на лекарства».

В статье магистра фармации Классона приведено несколько доказательств совершенной негодности новой аптекарской таксы. А между тем какой поднимается гвалт, когда кто-то начнет хлопотать о новой аптеке. Нам нечего указывать, какими путями может правительство оказать свое содействие тому, чтобы народ не смотрел на врачей как на чиновников, чтобы аптек было столько, сколько их нужно и сколько их может существовать; тогда не нужна будет и аптечная такса, имеющая смысл только при монополии.

Э.Э. Классон выступал не только на страницах «Современной медицине», но и на заседаниях Общества Киевских врачей, членом которого являлся с 1861 года. В 1863 г. Э.Э. Классон женился на Анне Карловне Вебер, дочери дрезденского фабриканта, работавшей до этого в России гувернанткой — она учила господских детей немецкому и французскому языкам. В 1864 г. у них появилась на свет дочь Иоганна, в 1868-м — сын Роберт, в 1871-м — дочь Элла.

У Эдуарда Эрнестовича было слабое сердце, отчего он и умер в 46 лет. Роберт потом отмечал, что почти совсем не помнил своего отца, поскольку он осиротел в 7 лет.

Классон Эрнест (? — ?). Дед Р.Э. Классона. «Человек вольного состояния», происходил из шведов. Жил в Курляндской губернии, вполне возможно, что и его шведские предки испокон веков пребывали в Курляндии, которой сначала владела Швеция, а потом Россия.

Клобуков Лев Петрович (1866 — ?). Потомственный дворянин, сын отставного поручика, земского начальника Носовского уезда Черниговской губернии. По окончании шести классов Киевского реального училище в 1885 г. приехал в Петербург с целью окончить здесь 7-й класс, для чего поступил в частное заведение. Но так как оно по своей программе не имело ничего общего с избранной им специальностью технолога, то вышел оттуда через полгода и уехал в Киев держать экзамен на правах экстерна. Получив требуемое свидетельство, в 1886 г. поступил в С.-Петербургский технологический институт, откуда был отчислен в 1888 г. «за малоуспешность в науках», но затем принят обратно.

Л.П. Клобуков обратил на себя внимание полиции в 1890 г., когда она получила сведения о том, что он имел обширный круг знакомств среди учащейся молодежи, заведовал в Киеве какою-то кассой и занимался сбором денег на неопределенные цели.

В апреле 1890 г. выслал из Киева в Петербург на имя студента Технологического института Шевлягина посылку с переводом выдержек из нелегальных статей Кеннана о ссыльных для распространения их среди учащейся молодежи.

В 1891 и 1892 гг. Л.П. Клобуков вновь был замечен в сношениях с лицами, неблагонадежными в политическом отношении, в т.ч. с Николаем Алюшкевичем, Александром Ивановым и Владимиром Якиманским, привлеченными к дознанию по делу о революционных кружках, организованных среди петербургских рабочих. В 1893 г. всетаки окончил институт и служил в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Содержался под стражей с августа по ноябрь 1893 г. по делу "О рассылке из С.Петербурга прокламаций, озаглавленных «15 апреля 91 г.» по поводу демонстрации при похоронах писателя Шелгунова". Дал по этому делу (в т.ч. по своим связям с Р.Э. Классоном и Я.П. Коробко) «подробные и откровенные показания, свидетельствовавшие о полном его раскаянии». В итоге Л.П. Клобуков был «подчинен [гласному] надзору полиции на два года в избранном месте жительства [(Нижнем Новгороде)], кроме [обеих] столиц» (ф. 102 ГАРФ).

Коробко Яков Петрович (1864—1922). Сын чиновника, из дворян Курской губернии. По окончании Роменского реального училища в 1883-м пробыл дополнительный год в Киевском реальном училище, где окончил курс в 1884-м. Служил на заводе Александра Невского в С.-Петербурге (отделении петрозаводского чугунно-пушечного Александровского завода). В 1886-м поступил в Петербургский технологический институт, который окончил в 1892-м, т.е. на год позже Р.Э. Классона, с которым они какое-то время вместе снимали комнату. В 1890 г. был подчинен наблюдению полиции, после перехвата письма Л.П. Клобукова из Киева, адресованного на его имя в Петербург. В 1891 г. проходил преддипломную практику в мастерских Грязе-Царицынской железной дороги.

Из документов Департамента Полиции:

По сведениям С. Петербургского Градоначальника, сообщенным в 1893 г., инженертехнолог Яков Коробко представляется личностью крайне вредного направления.
Занимался рассылкою революционных изданий в провинциальные кружки. Состоя
членом Южно-Русского Землячества, был одним из его главных деятелей и <...>
вербовал в члены этого Землячества личностей с противоправительственным
направлением. <...> В 1893 г. инженер Яков Коробко был привлечен к дознанию по делу о
рассылке воззваний по поводу демонстрации на похоронах писателя Шелгунова
(Клобуков, Румянцев, Классон и др.). Ввиду показаний Клобукова у Коробко был
произведен обыск, но ничего предосудительного обнаружено не было. Дознанием
Коробко изобличался в том, что <...> в 1892 г., посетив вместе с Классоном
проживающих в Швейцарии русских эмигрантов Плеханова, Веру Засулич, Аксельрода и
др., вел с ними беседы о положении революционной агитации в России.

Расследованиями не добыто, однако, данных, указывающих на то, чтобы сношения Коробко с Плехановым, Засулич и Аксельродом обусловливались целями противоправительственной пропаганды, объяснения же Коробко и Классона, что посещение ими эмигрантов было вызвано любопытством, являются не опровергнутыми, ввиду отсутствия указаний на активное участие Коробко в деле преступной пропаганды. По соглашению Г.г. Министров Внутренних Дел и Юстиции дознание в отношении Коробко дальнейшим производство прекращено, с учреждением за ним негласного надзора полиции. (ф. 102 ГАРФ)

Студент Я.П. Коробко

С 1892-го по 1905-й Я.П. Коробко работал на чугунно-литейном и Путиловском заводах (ныне Металлический), затем мастером, начальником технического отдела на Александровском механическом и даже директором Вагоностроительного завода. В то же время, как указано в разделе «Сведения об окончивших полный курс» увесистого фолианта «Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I» (СПб., 1903), в 1903-м Яков Петрович состоял начальником технической конторы при правлении Харьковских заводов Русского паровозостроительного и механического общества.

В 1907-10 гг. Я.П. Коробко уже служил начальником железнодорожных мастерских в Конотопе, председателем профессионального общества торгово-промышленных служащих при Петровском заводе Екатеринославской губернии.

Инженер Я.П. Коробко

Из писем Э.Э. Классон-Александровой сестре Я.П. Коробко Марии Петровне в 1903-м: «Роберт писал мне, что Яков Петрович женился на особе в новом стиле, с художественной закваской, и что она очень мила. Они три дня втроем ездили на велосипедах по Островам [в Петербурге], и он [(Роберт)] остался очень доволен. <...> Роберт писал мне, что жена Яков Петровича поступила на сцену».

В 1911-17 гг. Я.П. Коробко служил директором Харьковского паровозного завода, вступал в острые конфликты с рабочими, которых большевики перманентно склоняли к забастовкам. В январе 1912-го зачинщики забастовки завязали сношения с Брянскими анархистами, на предмет директора (о чем он был предупрежден Харьковским Губернским Жандармским Управлением), но последние, к счастью, на это не пошли.

В 1917-22 гг. служил главным инженером Мариупольских металлургических заводов (и в 1922-м по совместительству и по протекции Р.Э. Классона — инженером при Управлении Гидроторфа). При этом он остался без жены Веры Викторовны, которая пожелала жить одиноко за границей, а не с мужем и дочерью под большевиками. Вернувшись в Мариуполь из командировки в Москву, умер от сыпного тифа.

Я.П. Коробко был, по-видимому, единственным близким другом Р.Э. Классона, они поддерживали регулярные отношения и при царе (иногда закатывались вместе в Петербурге на Острова), и при большевиках. В письмах С.Н. Мотовиловой встречаются свидетельства того, что ее корреспондент И.Р. Классон переписывался с дочерью Я.П. Коробко Натальей Яковлевной, устроившейся после войны 1941-45 гг. на жительство в Киеве, по протекции знакомого Р.Э. Классона — академика АН УССР Леонида Николаевича Яснопольского, женатого первым браком на сестре Я.П. Коробко — Екатерине Петровне.

Красин Александр Борисович (1876 — 1909). Сын Надворного Советника. Окончил Промышленное училище в Иркутске и поступил в Петербургский технологический институт в 1895 г., но на IV курсе перешел в Харьковский технологический институт, который окончил в 1901 г. Еще студентом и тотчас по окончании института работал в Баку в акционерном обществе «Электрическая сила» на Биби-Эйбатской станции под руководством Р.Э. Классона и своего старшего брата Л.Б. Красина.

А.Б. Красин участвовал в эксплуатации и впоследствии в расширении Биби-Эйбатской станции, а в 1905 г. стал заведующим Белогородской станции. В конце 1906 г., при увольнении администраторов во главе с Р.Э. Классоном, из-за их несогласия с полицейскими методами преследования немецкими хозяевами бастовавших рабочих, в обществе «Электрическая сила», А.Б. Красин перешел на службу в Богословский горный округ на Урале. Занимал там должность главного электротехника и, кроме того, заведовал паровым хозяйством. Составил проект электрификации металлургического производства при высоком напряжении, с утилизацией доменных газов в качестве топлива. Но этот проект так и не был осуществлен.

Поэтому он вскоре перешел в «Общество электрического освещения 1886 г.» в Москве, где занял должность заведующего кабельным отделом при Раушской станции. В 1909-м из-за меланхолического взгляда на жизнь свел с нею счеты (поводом послужила «несчастная любовь», по сведениям его брата Германа). Роберт Эдуардович по этому печальному случаю опубликовал в Бюллетене общества электротехников (№26 от 25 сентября 1909 г.) весьма трогательный некролог (см. «Труды Р.Э. Классона»).

А.Б. Красин

Красин Герман Борисович (1871 — 1947). Сын Надворного Советника. В первый год своего пребывания в Петербургском технологическом институте (1888 г.) вступил в марксистский кружок М.И. Бруснева, а после разгрома его входил в кружок под руководством С.И. Радченко. В 1891-м был исключен из ПТИ, без права поступления в другие российские высшие учебные заведения, за участие в демонстрации по поводу похорон радикального писателя и публициста Н.В. Шелгунова. Тем не менее, закончил ПТИ в 1895-м. Вплоть до 1917-го состоял под надзором полиции.

Выдающийся изобретатель и конструктор. В 1919-20 гг. служил зам. Председателя правления Электротреста, в 1920-22 гг. возглавлял Совет Гидроторфа, в 1922-26 гг. конструировал торфодобывающие машины (но не для гидравлического способа). В 1920-х участвовал в строительстве Шатурской ГРЭС и предложил для нее ряд оригинальных металлических конструкций, в т.ч. перекрытие котельной и топливоподачу — с подачей узкоколейных (750 мм) вагонеток с торфом, из штабелей на месте добычи, по эстакаде прямо к бункерам котлов.

Г.Б. Красин

Г.Б. Красин много работал над механизацией погрузки и разгрузки торфа и сконструировал оригинальную штабелевочную машину, забрасывающую торф из вагонеток в высокие штабеля резервного склада при станции. Особенно были интересны предложенные Г.Б. Красиным изящные опоры для Шатурской электропередачи 110 кВ; эти П-образные опоры состояли из двух легких металлических стоек, соединенных траверсой, и оттяжек. В 1930-х занимал должность главного инженера строительства Дворца Советов (на месте взорванного большевиками храма Христа Спасителя).

На вечере памяти Р.Э. Классона в феврале 1926-го произнес проникновенную речь о том, как они шли вместе с покойным к одной цели (механизации добычи торфа), но разными путями.

Публикации Г.Б. Красина, имеющиеся в РГБ:

- 1) Сооружение Юрьево-Тейковской железной дороги. Проект моста через р. Нерль отв. 99 саж. верста 50, пик. №487 + 22, 60. Пояснительная записка. Об-во Московск. Ярославско-Архангельской ж.д., М., ценз. 1898;
- 2) Металлический виадук пролетом 3 x 13.00 + 2 7.00 саж. системы инж. Г.Б. Красина. Предварительный проект перехода через р. Ситик. Спб., типо-лит. «Энергия», 1908 (на обл.: Контора инженерных работ и изобретений инж. В.С. Королева и Г.Б. Красина);
- 3) Красин Герман Борисович и Перчихин Исаак Григорьевич. Новейшие автоматически регулирующиеся водоочистительные аппараты «Струя» собственной системы. М., типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и K° , 1914;
- 4) Ближайшие перспективы реконструкции промышленности. Сообщение, заслушанное на Высших курсах по организации капитального строительства в феврале м-це 1929 г. М., Гостехиздат, [1929].

Красин Леонид Борисович (1870 — 1926). Сын Надворного Советника. В 1887 г. окончил курс в Тюменском реальном училище и в том же году поступил в Петербургский технологический институт. В 1890-м вошел в антиправительственную группу М.И. Бруснева. В марте 1890-го был исключен за участие в студенческих беспорядках, но в августе того же года был вновь принят в институт.

В апреле 1891 г. был исключен из института и выслан из столицы, без права поступления в другие российские высшие учебные заведения, за участие в демонстрации по поводу похорон радикального писателя и публициста Н.В. Шелгунова. Отбывал ссылку в Нижнем Новгороде.

При обыске 25 апреля 1892 г. по делу «О московском революционном кружке» у М.И. Бруснева было обнаружено (или позже перехвачено при наблюдении за квартирой) письмо Л.Б. Красина. Он извещал М.И. Бруснева о высылке статей Каутского и приглашал его побывать в Нижнем Новгороде в течение мая. В 1897-м возобновил учебу в Харьковском технологическом институте (как и в Петербурге — на химическом отделении), который окончил в 1900-м. В 1900-04 гг. служил в АО «Электрическая сила» (Петербург), вместе с Р.Э. Классоном строил и затем эксплуатировал в Баку электростанции, был заведующим Биби-Эйбатской станции, помощником заведующего всеми электрическими сооружениями Р.Э. Классона. Одновременно, будучи социал-демократом — искровцем, участвовал в создании подпольной типографии, входил в Бакинскую искровскую группу «лошади» (организация транспорта и распространение нелегальной литературы), руководил Боевой технической группой при ЦК РСДРП.

Я припоминаю, с каким чувством в темной фотографической комнате «Электрической силы», в Баку, я проявлял в 1903 году первый манифест избранного на втором съезде [РСДРП] Центрального комитета, присланный мне в Баку на фотографической светочувствительной пленке.

Этот способ был выбран, чтобы при случайном провале письма содержимое его никоим образом не могло сделаться известным жандармам. Проявленная пленка послужила для нашей типографии тем первым оригиналом, с которого был сделан набор, и через несколько дней десятки тысяч экземпляров этого манифеста уже перевозились в разные части страны нашим транспортным органом. (Из сборника воспоминаний "Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья", 1928)

В Баку Л.Б. Красин заболел малярией, поэтому то ли весной, то ли летом 1904-го уехал в Центральную Россию, раньше своего коллеги Р.Э. Классона. Работал в Орехово-Зуеве на электростанции Саввы Морозова, а затем в Петербурге в «Обществе электрического освещения 1886 г.», возглавляя местные кабельные сети.

К сожалению, советские историки совсем не использовали ценные для документирования биографии Леонида Борисовича материалы Департамента полиции МВД, поэтому даже обстоятельства и даты его переездов из Баку в Москву и в Орехово-Зуево не могут быть пока установлены достаточно точно:

Весной 1904 г. по решению ЦК [РСДРП(б)] Красин переехал из Баку поближе к Москве — в Орехово-Зуево, где стал работать в качестве строителя и заведующего станцией на предприятиях Саввы Морозова. (Р. Карпова. Л.Б. Красин — советский дипломат. М., 1962)

Летом 1904 г. Леонид Борисович покинул Баку, по рекомендации А.М. Горького переехал в Орехово-Зуево. Савва Морозов поручил ему модернизацию электростанции на своей фабрике (В.Б. Зарницкий, Л.И. Трофимова. Советской страны дипломат. М., 1968).

По весне [1904 г.] <...>, он покинул Баку. Вместе с ним в центр перебралось и семейство [(Л.В. Миловидова с детьми)], разом ставшее многочисленным. Он обосновался в Орехове-Зуеве. Прекрасно: до Москвы — рукой подать. <...> Еще находясь в Баку, он зимой взял отпуск и приехал на несколько дней в Москву. Здесь в Электрическом и политехническом обществе был объявлен доклад о бакинских электрических установках. <...> Савва Морозов предложил Красину стать строителем и заведующим электрической станцией на своей фабрике в Орехове-Зуеве (Б. Кремнев. Красин. М., 1968).

Из воспоминаний Николая Павловича Козеренко:

Приблизительно к середине 1904 года мне и Красину по различным причинам оказалось почти невозможным оставаться дольше в Баку. Рабочее движение развивалось здесь очень бурно, с частыми открытыми выступлениями, а так как я, по старой памяти, числился в списках поднадзорных, то поэтому после каждого выступления рабочих, а иногда перед выступлением, меня на всякий случай аресто[вы]вали. Пока дело сходило более или менее благополучно, но, конечно, рассчитывать на это и в будущем было рискованно и для меня, а тем более для типографии. У Красина с этой стороны было благополучно, но он еще в 1903 году был кооптирован в ЦК, и потому дальнейшее пребывание его в Баку вызывало немало неудобств. Мы поэтому летом 1904 года почти одновременно уехали из Баку: я — в Киев, он — в Москву.

После ареста в Куоккале, заключения в Выборгской тюрьме, освобождения в 1908-м и разрыва отношений с РСДРП в 1909-м Л.Б. Красин четыре года работал в Берлине инженером электротехнической фирмы «Сименс-Гальске».

Начальник Московского охранного отделения доносил 12 апреля 1912 г.:

Из С.-Петербурга прибыл на жительство инженер-технолог Леонид Борисов Красин, <...> за ним мною, согласно циркуляра Департамента Полиции от 30 Июня 1911 г. за №104524, учреждено наружное наблюдение, коим отмечено, что он, посещая по службе магазин электротехнических принадлежностей «АО Сименс-Гальске», имеет сношения с <...> Директором Общества электрического освещения инженертехнологом Робертом Эдуардовым Классоном. (ф. 102 ГАРФ)

В 1912-17 гг. Л.Б. Красин служил директором-распорядителем администрации по делам Русского акционерного общества «Сименс-Шуккерт» (такое название оно получило после слияния двух берлинских фирм), сначала в Москве, а с 1913-го – в Петербурге. В Первую мировую войну создал в Стокгольме контору по закупке у Сименса в Берлине и отправке в Россию (на чьи деньги?) деталей для сборки машин и аппаратов, в т.ч. прожекторов и других военных изделий, на петроградском заводе динамомашин фирмы «Сименс-Шуккерт» (ныне «Электросила»). Российским историкам необходимо установить, насколько согласованы были действия Л.Б. Красина с деятельностью спецотдела «Стокгольм» в Берлине по бесплатному экспорту немецких товаров в Россию через фирму А.Л. Гельфанда-Парвуса и Я.С. Фюрстенберга-Ганецкого в Копенгагене для масштабной финансовой поддержки «большевистской революции» и насколько этот экспорт служил прикрытием для отмывания огромных немецких денег, шедших большевикам. По крайней мере, шведский историк и автор книги «Русская почта. Русские революционеры в Скандинавии в 1906-17 гг.» Ханс Бьёркегрен, много лет проработавший в архивах, утверждал:

После начала Первой мировой войны все русские границы в Европе, конечно, закрыли, кроме шведско-финской. Из-за этого Ленин и другие стали использовать в своих целях скандинавскую территорию. В Дании, Швеции, Норвегии стали организовывать достаточно сложную сеть контрабанды и подпольной почты между континентом и Россией. Уже в первые недели войны приехали с этой целью несколько русских революционеров, например Александр Шляпников, Александра Коллонтай, Вацлав Воровский. В каждой скандинавской столице они создали свои центры, где действовали с помощью местных социал-демократов.

При таком центре в Копенгагене работали, особенно с «отмыванием» так называемого «немецкого золота», Александр Гельфанд-Парвус и особый друг Ленина польский большевик Яков Ганецкий-Фюрстенберг. В Копенгагене тоже работали друзья Троцкого — Урицкий и Григорий Чудновский.

В Стокгольме действовали на разных этапах такие большевики, как Шляпников, Николай Бухарин, Воровский, Юрий Ларин и Карл Радек. <...> В Стокгольме в это время были банки, бизнесы, и тут жили такие люди как Парвус, Ганецкий, Воровский, Красин — просто преступники, контрабандисты.

А авторы документального фильма «Кто заплатил Ленину? Скрытая история» на основании архивных документов констатировали:

В Стокгольм Парвус приезжал из Копенгагена два-три раза в месяц, чтобы лично руководить делами. Среди постоянных агентов Парвуса были известные большевики — Леонид Красин и Ваилав Воровский, которые одновременно входили в ближний круг Ленина. Красина Парвус устроил в немецкую фирму «Сименс-Шуккерт» управляющим петроградского филиала. Для Воровского Парвус учреждает в Стокгольме бюро той Таким образом, между Стокгольмом и Петроградом фирмы. налаживаются «коммерческие связи». Через каталоги предлагаемых агентами Парвуса передается секретная информация, написанная невидимыми чернилами, в том числе указания Ленина из Цюриха. Но главной задачей этих фирм явилась прокрутка денег, которые Парвус получал из Германии для партийной кассы большевиков. Зачастую это были фиктивные кредиты под сделки, которые практически никогда не осуществлялись.

Одновременно Л.Б. Красин организовал строительство порохового завода во Владимирской губернии. Став директором-распорядителем этого предприятия, пригласил туда А.В. Винтера, заведовавшего в 1912-15 гг. сооружением «Электропередачи» под Богородском. В середине 1917-го отослал за границу свою жену Любовь Васильевну и дочерей Екатерину, Людмилу и Любовь.

Из письма Л.Б. Красина жене от 1-8 ноября ст. стиля:

Большое мне утешение в эти дни дает сознание, что вы все вне этих трудных дней и событий. Хоть и в счастье жить всем вместе, но в такие времена и разлуке будешь рад, только бы сознавать вас в безопасности.

Не приняв изначально Октябрьский переворот, в самом конце 1917-го все же пошел на службу к большевикам и стал занимать ответственные должности в России и за границей. В феврале 1926-го прислал из Парижа теплые воспоминания о своем покойном коллеге-инженере Р.Э. Классоне (см. Приложение «Памяти Р.Э. Классона»).

В ноябре того же 1926-го Л.Б. Красин умер в Лондоне от белокровия.

Крестен Фердинанд Леопольдович (?— 1907), директор-распорядитель «Общества электрического освещения 1886 г.» В 1896 г. в этой должности оформил купчую с Александровским коммерческим училищем на участок земли между Раушской наб. и Садовниками под сооружение промышленной электростанции трехфазного тока. А пятнадцатью годами ранее, в 1881-м, в числе трех специалистов представлял российскую электротехнику, будучи помощником профессора Дмитрия Александровича Лачинова, на Международной выставке по электричеству и Международном конгрессе электриков в Париже. Был активным автором журнала «Электричество» и «действительным членом» VI (электротехнического) отдела Императорского Русского технического общества. Документальных следов общения Ф.Л. Крестена и Р.Э. Классона пока не найдено.

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872 – 1959).

Глеб Максимилианович Кржижановский родился 11 января 1872 года. Его отцом был ссыльный студент, обрусевший поляк Максимилиан Кржижановский. Мать звали Эльвира. Она происходила из Поволжских немцев и жила в Оренбурге, куда однажды красавец студент приехал по каким-то своим делам.

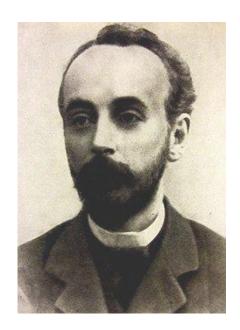
На одной из улиц города он увидел немецкую аптеку Розенберга, а в ней девушку, дочь аптекаря. Он сразу понял: это она — та самая, единственная. К его великому счастью, она ответила ему взаимностью.

Когда родители Эльвиры обнаружили, что их дочь беременна — они выгнали ее из дома, и молодым пришлось уехать из Оренбурга. Денег им хватило только добраться до Самары, где спустя несколько месяцев и родился их первенец. Мальчик был хиленький, маленький, но главная проблема была в другом: он был незаконнорожденный — его отец не мог жениться на его матери, потому что уже был женат.

Кроме того, в мальчике не было ни капли русской крови — поляк по отцу, немец по матери. Ну куда с такими данными в то время? Будущее младшего Кржижановского было действительно незавидным. Чтобы хоть как-то узаконить положение сына, отец называется его Крестным и дает ему свою фамилию. Постепенно жизнь начала налаживаться, и вскоре у Глеба появилась младшая сестренка Антонина... (Елена Филатова. Глеб Кржижановский // «Самарские судьбы», №11, 2011)

Сей отрывок из биографического очерка о Г.М. Кржижановском мы привели не для того, чтобы радостно сообщить о его рождении вне брака, а токмо предупредить возможное недоумение читателя — тоже незаконнорожденная, но родная сестра Глеба — Антонина (будущая жена В.В. Старкова, см. ниже) носила до замужества фамилию матери Розенберг.

Г.М. Кржижановский окончил Петербургский технологический институт (химическое отделение) в 1894 году, поэтому инженером-энергетиком он все-таки не был, несмотря на утверждения советского официоза (который почему-то поддерживается и в послесоветской России). В 1907-09 гг. работал монтером, инженером кабельной сети «Общества электрического освещения 1886 г.» в Петербурге, начальником этой сети на Васильевском острове (под руководством заведующего всеми кабельными сетями Общества Л.Б. Красина). То есть на должность, которую должен был бы занимать профессиональный инженер-энергетик, он попал по протекции своего знакомого по антиправительственной деятельности.

Глеб Кржижановский с сестрой Антониной, 1882 г.

В 1910-12 гг. Г.М. Кржижановский заведовал московской кабельной сетью Общества, попросившись на эту должность, ставшую вакантной после самоубийства А.Б. Красина, уже у регионального директора Общества по Москве Р.Э. Классона (который оказывал поддержку знакомым «революционерам»):

СПб, 11 XI 09. Глубокоуважаемый Роберт Эдуардович! Сегодня имел решительный разговор с Э.Р. [Ульманом], прося его разрешить мне переехать в Москву. Теперь все дело в Ваших руках. Э.Р. дал принципиальное согласие и обещал в этом смысле переговорить с г. Брюнигом. Он обещал даже написать Вам лично письмо с ходатайством за меня. Дорогой Роберт Эдуардович: простите мои «шатания» и поддержите! Подробности разговора узнаете от В.В. [Старкова]. Преданный вам Г. Кржижановский.

Однако Елена Филатова (автор материала в журнале «Самарские судьбы»), проведя основательные розыски в провинциальных архивах, до Москвы почему-то не доехала, поэтому написала такую хрень (некритично использовав советские публикации?):

В 1910 году Кржижановскому поручают новое важное дело и переводят в Москву заведовать кабельной сетью города. Его задача — соединить электростанции города в единую электрическую сеть, и Кржижановский блестяще справляется с ней! Его карьера начинает набирать обороты. В 1912 году его назначают директором строительства новой станции, которую назвали «Электропередача». И с этой задачей он справится успешно!..

При этом инициатор строительства «Электропередачи», региональный директор «Общества электрического освещения 1886 г.» Р.Э. Классон в публикации Елены Филатовой вообще не был упомянут!

Пришлось отправить провинциальным господам некоторые разъяснения (с обширными цитатами, конечно). И что же получил автор сих очерков в ответ, в качестве «средства защиты своего мундира» что ли? Даже не знаю, как классифицировать его... В общем, пусть это письмо останется на совести руководства журнала «Самарские судьбы»:

Уважаемый г-н Классон! Ваше письмо рассмотрено на редколлегии, оно сочтено несправедливым и оскорбительным в адрес героя нашего очерка Г.М. Кржижановского, являющегося одним из самых почитаемых в городе самарцев. Его имя носит локомотивное депо Куйбышевской железной дороги.

В Самаре гордятся музеем Кржижановского. Поэтому его [(ваше письмо)] единогласно решено не публиковать. В случае размещения Вами оскорбительной информации про проект «Самарские судьбы», журнал или главного редактора В.А. Добрусина наш юрист немедленно обратится в суд с иском. Генеральный директор О.Л. ДРАНКИНА

На самом деле, Г.М. Кржижановский с 1912-го работал на «Электропередаче» лишь прокуристом (доверенным), вел переговоры с фабрикантами и другими будущими потребителями электроэнергии, а также собирал справки относительно предполагаемых к разработке торфяных болот в Московско-Тверском Управлении Земледелия и Государственных Имуществ. То есть электростанций он не строил, несмотря на подобные утверждения уже послесоветских СМИ. Г.М. Кржижановский и И.И. Радченко приняли на работу В.В. Воровского, С.Я. Аллилуева, П.Г. Смидовича и других большевиков. После увольнения с началом войны в 1914-м немца Э.Г. Буссе Г.М. Кржижановский стал коммерческим директором «Электропередачи».

С 1918-го Г.М. Кржижановский — председатель правления и дирекции «Электропередачи», периодически то отстранял Р.Э. Классона от управления станцией (когда дела обстояли более или менее благополучно), то привлекал (когда под его неквалифицированным руководством было запорото несколько турбин). В 1920-м привлек его для работы над планом ГОЭЛРО.

Из черновой записи И.Р. Классона:

Отец как-то вспоминал, что Радченко всегда третировал Гидроторф, но лично к нему относился хорошо и много раз оказывал помощь, а Кржижановский наоборот, после признания гидроторфа Лениным в 1920 г., [уже] не действовал против Гидроторфа, но зато не было такой гадости, которую Кржижановский не сделал бы лично отцу (ф. 9508 РГАЭ).

В 1926-м, после смерти Р.Э. Классона, Г.М. Кржижановский занял его служебный кабинет, а затем и весь второй этаж офиса МОГЭС на Садовнической ул., дом 30.

В ноябре 1930 г., после завершения процесса Промпартии (как показывал «вредитель» проф. Л.К. Рамзин, «за исключением сельского хозяйства, почти все секции Госплана СССР и директораты ВСНХ СССР были охвачены [контрреволюционным Инженерным] центром»), Г.М. Кржижановский будет снят с поста председателя Госплана СССР, зато «отличится» обобщающим докладом о «вредительстве в энергетике»:

Товарищи, вчера наши газеты обошла следующая телеграмма из Харькова:

«Промышленность Донецкого бассейна испытывает острый недостаток в электроэнергии. В последнее время уделяется исключительное внимание обеспечению Донбасса электрической энергией. Но все строительство электростанций в Донбассе проходит недопустимо медленно.

В настоящее время первая и вторая очереди Штеровской электростанции дают только 32 тыс. киловатт, несмотря на то, что турбины могут давать 64 тыс. киловатт. Вторая очередь Штеровской электростанции, которая должна была быть пущена еще 1 июля 1930 г., до сих пор не действует. Турбины установлены, но с установкой котлов запаздывают на 6 месяцев, и вследствие этого турбины обречены на бездействие. Не лучше положение и со строительством третьей очереди Штеровки. Эта часть строительства также не будет закончена к сроку (1 апреля 1931 г.). Строительство Зуевской электростанции остро нуждается в материалах и рабочей силе. Если в ближайшее время не будут приняты меры к снабжению стройматериалами, строительство будет сорвано. С оборудованием положение крайне тревожное. Повторится, очевидно, штеровская история: турбины установят, но их нельзя будет использовать из-за отсутствия котлов.

Строительство первой очереди электростанции Донсода [(Северо-Донецкой ТЭЦ)] закончено, однако пуск ее задерживается из-за аварии турбогенератора, который теперь ремонтируется. Для постройки второй очереди турбины и котлы начинают поступать, но электрооборудование не заказано Энергостроем до настоящего времени. Всесоюзное Электрообъединение сообщает, что основное электрооборудование для электростанции будет готово не ранее 1932 г., а станция должна быть пущена к 1 августа 1931 г. Строительство испытывает большой недостаток в цементе, лесе, кирпиче, а также в рабочей силе.

В Каменском пуск первой очереди электростанции при заводе им. Дзержинского тоже по всей вероятности будет задержан несвоевременной доставкой котлов. Строительство стройматериалами не обеспечено. Темпы работ неудовлетворительны.

В дискуссии на заседании президиума ВСНХ отмечалась крайняя неупорядоченность энергетического хозяйства Донбасса. Электростанции Донбасса беспризорны, за ними никто не смотрит. Хозяйственники относятся к энергохозяйству как к подсобному предприятию, и в результате этого в энергохозяйстве имеются тысячи неполадок, неувязок, перебоев. На заседании отмечалось, что потребители энергии новых электростанций не подготовлены к приему тока».

Если бы мы читали подобного рода сообщения, не зная нынешних вредительских документов, то пожалуй мы пришли бы к выводу, что перед нами обычная характеристика наших неполадок, нашей хозяйственной расхлябанности. Приходится констатировать, что у нас плановый режим хозяйства, охватывающий огромную страну, сильно прихрамывает еще в важнейшем энергетическом районе. Однако, вчитываясь в показания наших вредителей, мы видим, что перед нами не простая хозяйственная расхлябанность. Здесь налицо определенные ставки и достижения наших классовых врагов. Невольно вспоминается одно из многочисленных показаний Ларичева, предупреждающего, что несмотря на вскрытие вредительских дел и вредительских организаций, потребуется еще весьма большая работа для того, чтобы изжить то зло, которое посеяно вредителями.

Разрешите, товарищи, не ограничиваться цитатами из тех показаний вредителей [(в рамках процесса Промпартии)], которые находятся в настоящее время в наших руках, и ради экономии нашего времени прибегать к некоторой сводке показаний и к сокращенному изложению их. Должен признаться, что изучение этих документов — не легкое дело. Невольно охватывает при этом чувство отвращения. Однако это совершенно необходимо. Ведь недаром нынешние пленники пролетарской власти утверждают, что еще вчера мы были их пленниками.

Рамзин горделиво заявляет, что он и его товарищи чувствовали почти неограниченную свободу планирования. Ларичев утверждает, что Госплан — штаб экономической политики — был превращен ими в штаб вредительской политики. Верно ли это? Во всяком случае, несомненен тот факт, что в самой непосредственной близости к нам работали наши заклятые враги.

Уже много лет тому назад я утверждал, что наша работа планирования отнюдь не просто кабинетное занятие, не просто смелая попытка, опираясь на научные истины и социализма, и целых серий точных наук, охватить экономику огромной страны и воплотить идеи плана в опыте миллионов трудящихся. Я утверждал, что для того, чтобы такое воплощение имело место, необходимо вести жестокую борьбу за план. Но, товарищи, я все же не думал, что придется работать в условиях такого прорыва нашего фронта. Вероятно, эту ошибку мою разделяло большинство хозяйственников. Факт остается фактом. Эти враги утверждают, что держали наш штаб в плену.

Я утверждаю, что, несмотря на прорывы нашего строительства, несмотря на наш урон в бою, забрать нас в плен врагам нашим оказалось не по плечу.

Цель моего доклада — проследить вместе с вами методы и приемы борьбы вредителей и сделать отсюда надлежащие выводы для борьбы в грядущем. А ведь никто из нас не сомневается, что перед нами еще суровый путь борьбы, суровый путь дальнейших испытаний. Говоря о вредительстве в энергетике, на первый план приходится поставить показания двух лиц — Рамзина, который так прямо и пишет, что держал в своих руках общее руководство вредительством в энергетике, и Ларичева, его главного помощника, весьма не поскупившегося на свои показания.

Фигура Рамзина вероятно достаточно известна присутствующим. Он умел импонировать и диапазоном своих технических знаний, и умелой защитой своих положений. Он играл немалую роль и в Государственной комиссии по электрификации.

Рамзин обрисовывает свою организацию, как организацию весьма конспиративно составленную. Она была образована по системе обособленных цепочных связей, приуроченных к определенным отраслям народного хозяйства. Эти цепочки не знали друг друга. Контакт происходил только через верховные звенья. Даже в одной и той же цепочке высшее звено не имело непосредственного контакта с звеньями периферии.

По глазомеру Рамзина выходит, что центр состоял из 40-50 человек. Непосредственно к этому центру примыкало 400-500 человек. Если эти показания правильны, то выходит, что штаб вредителей по численности примерно соответствовал прежнему Госплану. Вчитываясь в показания, приходишь к выводу, что «цепочки» Рамзина отличались выдержанной дисциплиной.

Пару слов относительно тактической платформы вредителей. Она поражает своим фашистским цинизмом. В одном из своих показаний Рамзин признается в своей близости к фашизму. Тактика вредителей вместе с тем была умело приспособлена к действительности, диалектически из нее вытекала.

характеризует Рамзин общую ситуацию: «Начавшийся восстановительного периода успешный ход реконструкции страны, быстро растущее экономического состояния и соввласти укрепление ее делали совершенно безнадежными расчеты на контрреволюционный переворот внутренними силами, путем крестьянских или военных восстаний, а вместе с тем сильно уменьшали шансы на благоприятный результат интервенции, ибо параллельно с ростом экономической мощи Союза росла и его военная мощь, а следовательно и сопротивляемость интервенции. Поэтому центр изменил свою тактику и пришел к выводу о необходимости активного ускорения контрреволюционного переворота путем искусственного ухудшения экономической жизни Союза, т.е. стал на путь вредительства. Характер и методы последнего менялись в связи с общей ситуацией».

Рамзин по своему положению хорошо был знаком с важнейшими документами, характеризующими жизнь советского хозяйства. Он отдавал себе отчет, как мы видим, в жизнеспособности этого организма и пришел к определенному выводу, что только насильственная смерть может задушить ростки этого могучего организма.

В начале своей работы вредители напрягали усилия, чтобы всячески вовлечь нас в сторону минималистских установок. Но уже с 1928 г. сделан был радикальный поворот на максималистские ставки, что было связано с особой тактикой «омертвения капитала», вовлечения большевиков в грандиозное долговременное строительство, плоды которого, по расчетам вредителей, могли выпасть на долю лишь тех, кто сменит большевиков.

В одном месте он прямо показывает, что успех их тактики минималистских ставок превосходно иллюстрируется первой «куцей» пятилеткой Госплана. Выходит так, что мудрецы-вредители уже в 1926 г. знали о недостаточности тех темпов, которые намечались в первой пятилетке. Нет никаких сомнений, что специалистамвредителям удавалось злостно скрывать от нас истинные масштабы наших технических ресурсов. Они тормозили наш подъем как по металлу, так и по энергетике.

Но нет никаких сомнений, что только в длительном опыте социалистического строительства возможно было узнать те действительные величины хозяйственных ускорений, которые до поры до времени еще никому не могли быть известны. И в частности можно показать, что как раз по линии электроэнергетики ставки первой пятилетки почти целиком вошли в пятилетку последующую и что главная наша беда не в том, что эти ставки малы, а в том, что и они до сих пор еще не реализуются в нашей строительной практике.

Во всяком случае, следует признать, что недостаточное знание наших особых шансов социалистической реконструкции облегчало работу вредителей в сторону минимализма. Теперь они пишут, что, вступивши в прямые связи с интервентами, они порадели в сторону строительства «ва-банк» ради пользы своих хозяев из парижского Торгпрома. Вот как пишет по этому поводу Рамзин:

«Наконец примерно в 1928 г. с появлением надежд на близость контрреволюционного переворота более широко применяется метод вредительства путем длительного омертвения капиталов, вкладываемых в строительство, т.е. вкладывание народных средств в сооружения с длительными строительными периодами или же в предприятия, которые по наличию других необходимых факторов можно использовать лишь в более далеком будущем и таким образом ненужных или бесполезных для данного момента.

Такой метод омертвения капиталов и использования их с низкой эффективностью отрывал капитальные средства, сокращал масштабы эффективного строительства и темп экономического развития страны, а 2) за счет сокращения, потребностей, благодаря удовлетворения текущих отрыву средств малоэффективное данный момент строительство, увеличивал наследство для нового правительства, вызывая в то же время рост недовольства широких масс населения».

По-профессорски гладко, но не достаточно. Причина поворота тактики вредителей – в фактической победе генеральной линии партии. Именно проведение этой генеральной линии обеспечило такие фактические темпы хозяйственного подъема, что ставки на минимализм не могли рассчитывать ни на самомалейший успех. И Ларичев и Рамзин пишут, что уже с последнего топливного съезда они стали защищать линию правильной технической политики. Кому шла на пользу эта правильная техническая политика? Ведь интервенция на их глазах откладывалась с 1928 на 1929, с 1929 на 1930 и с 1930 на 1931 гг. Уже шли разговоры о возможности отодвижки интервенции на дальнейшие сроки. А Рамзину и Ларичеву, как видим, приходилось защищать уже правильную техническую политику, которая в таких условиях уже целыми годами шла на пользу работы большевиков. Не все гладко выходит у госп. профессора, когда он утверждает то, что он забрал своих противников в плен.

Итак, у вредителей были свои минималисты, свои максималисты и свои двурушники. Читая их показания, мы видим, как при проведении минималистских установок они рассчитывали на правооппортунистическое крыло коммунистов. Неверие в силы рабочего класса было конечно естественным мостом между вредителями и право-оппортунистами.

Максималистские ставки особо теплый прием могли встретить конечно в лагере «леваков». Однако по слабости этого крыла на особый успех рассчитывать не приходилось. В своих показаниях Рамзин признается, что тактика максимализма не могла проводиться с той последовательностью, с какой проводились минималистские установки. Говоря о подготовке к топливной конференции, он упоминает об одном собрании, на котором обсуждался вопрос о максимальном раздувании программы, но так, чтобы экономисты не разгадали. [«В связи с предстоящей топливной конференцией и новыми директивами ЦК Промпартии — пишет Рамзин, — обсуждались возможности максимальной цифры наметок топливного плана, которые бы не вызвали явных возражений и оспаривания со стороны экономистов».]

Видите, какое державное презрение к техникам-коммунистам. Эти верхушки технической буржуазной интеллигенции могут допустить мысль, что марксисты могут быть еще туда-сюда экономистами, но они никак не могут примириться с мыслью, что и в области техники им приходится считаться с особыми приемами диалектического материализма. Крупный техник-коммунист для них совершенно невероятное событие. А между тем можно было бы прочесть целый специальный доклад на тему о «буржуазной технической мысли» проф. Рамзина и ему подобных.

Фигура Осадчего в свете его нынешних показаний выявляется как фигура типового двурушника. Этот самый Осадчий при своем недавнем возвращении из-за границы, узнавши от меня об аресте вредителей, с глубоким чувством заявил мне, что при таких условиях самая жизнь для него теряет свою ценность, не хочется-де жить на свете, когда так много кругом подлецов...

Пойдем однако по следам фактической работы вредителей и соответственно заданиям нашей темы сосредоточим свое внимание на вредительстве по линии топлива и по линии электрификации. Ведь эти два крыла — эксплуатация тепловой и эксплуатация электрической энергии — как раз составляют два основных крыла энергетики. Топливо — хлеб и промышленность. Читая документы, видишь, какие гигантские усилия прилагали вредители, чтобы лишить нас этого насущного хлеба. Пользуясь признаниями вредителей, мы можем прежде всего установить некоторые основные точки зрения на топливную политику.

И Рамзин и Ларичев пишут, что они немало постарались для оттеснения местного топлива на задний план. Учитывая, что начало военных действий может парализовать работу нашего Донбасса, они отмечают громадное оборонное значение торфа, подмосковного угля и Кузбасса. Прав ли был однако Комитет по химизации в своих нападках на Госплан, защищавший необходимость дальнейшей усиленной работы и в Донецком бассейне и в Кузбассе, т.е. в направлении форсирования добычи топлива дальнего привоза? С какой бы осторожностью к нынешним показаниям Рамзина и K° мы ни относились, учитывая их положение, мы должны считать, что вряд ли они станут ныне извращать в этих показаниях основные технические установки.

В показании Ларичева от 3/XI 1930 г. читаем: «Мероприятиями по развитию местных топлив должна была бы быть ослаблена зависимость этих районов от привозных топлив и созданы на местах топливные базы мобилизационного значения. Однако, даже при самых благоприятных условиях и максимальных размерах развития местных топлив, эти районы все-таки должны иметь привозное топливо, и без надежной и мощной транспортной связи с Донбассом и Кузбассом были бы как в нормальных условиях, так и в особенности в период военных действий поставлены в тяжелые условия топливоснабжения.

Поэтому под флагом полемики о политике местных топлив велась особо чреватая своими последствиями вредительская деятельность транспортной группы, сводящаяся к тому, чтобы отвлечь внимание от вопросов усиления и развития транспортной связи между Донбассом и Кузбассом и основными промышленными центрами страны».

Исходя из таких соображений относительно роли нефти, донецкого и кузнецкого углей, и Рамзин и Ларичев подчеркивают важность правильного разрешения вопроса о транспортных связях в направлении от центра на Донбасс и от центра на Кузбасс. Это не мешает им одновременно утверждать, что, раздувая принципиальный спор о сверх-магистрализации этих направлений, они мешали рационализации топливного дела. Нам, конечно, известно, как поисками лучшего, маневрированием различными вариантами умеют пользоваться вредители в своих классовых целях, но в этих показаниях Ларичева и Рамзина проглядывает и нечто другое. Весьма возможно, что с их точки зрения выходило, что большевики не в силах будут осуществить те великие сверхмагистрали и на юг и на восток, которые защищались еще в плане ГОЭЛРО.

В те времена Рамзин был сторонником такой магистрализации, впервые защищавшейся его учителем проф. Гриневецким. Но и в те времена не все было благополучно у того же проф. Рамзина по части основных идей энергетики и, скажем, по оценке роли электрификации в судьбах топливного хозяйства. Он всегда перегибал палку в сторону самостийности топливного хозяйства, и в отчетах VIII съезда электротехников товарищи могут найти справки относительно той борьбы, которую мне пришлось вести с ним в этом отношении. В профессорском лагере и до сих пор еще очень много лиц, относящихся с обывательским презрением к трактовке основных вопросов электроэнергетики.

Каким же образом тормозили вредители наши работы по утилизации местного топлива? Начнем с торфа. Рамзин утверждает, что кроме запоздания разведок и подготовки болот главная ставка была на торможение фрезерного способа. Он вместе с тем свидетельствует, что в пределах пятилетки надо было поставить ставку на добычу 50 млн. тонн, а не 15 млн. тонн. Как же дело обстоит в действительности? Отметим прежде всего, что наша нынешняя добыча торфа превосходит довоенную добычу (около 1,5 млн. тонн) примерно в пять раз.

Общая наша отсталость по разведке естественных топливных ресурсов широко известна. Несомненно также, что если бы наши научно-исследовательские органы, в том числе и Теплотехнический институт, надлежащим образом поработали над проблемами получения и сжигания фрезерного торфа, дело это вероятно более заметно подвинулось бы вперед. Но фактически все же, как об этом вы можете получить справки в Торфяном институте, для того, чтобы фрезерный способ стал преобладающим, придется еще весьма много поработать. Еще в 1919 г. я утверждал, что торф будет иметь для нас то же значение, какое уголь имел для Англии.

Пятерной подъем торфодобычи по сравнению с довоенным уровнем явился в значительной степени результатом такой оценки значения торфа, но ставку на 30 млн. тонн добычи к концу пятилетки мы сделали не по указке Рамзина, а на последнем топливном съезде, на котором мы к работникам по торфу и работникам по подмосковному углю шли самым широким образом навстречу, ограничивая ставки их топливной добычи предельными, по максимуму их фактических добывных возможностей, цифрами. Сложные химические методы обработки торфа и Рамзин и Ларичев в своих показаниях и ныне считают вредительскими. Однако свое ограничение торфодобыча находит не там, где указывает Рамзин [Это между прочих иллюстрация ограниченности кругозора господ вредителей].

Дело в том, что нынешние методы механизации торфодобычи и сушки торфа требуют громадного количества рабочей силы. Дело в том, что торфяное оборудование наталкивается на лимиты по металлу и машиностроению, и в этих направлениях придется как раз нажать, чтобы довести торфодобычу до того уровня, который необходим для нашего центра и северо-запада и необходим, в особенности на случай военных осложнений. Следует ли отсюда, что то разложение, которое вносили и Рамзин и ему подобные в ряды работников по торфу, имеет малое значение? Конечно нет. Работа на нашем топливном фронте нуждается в великом энтузиазме, и громадной сосредоточенности энергии, и вредители знали, какое зло они сеют.

В чем заключалось вредительство по подмосковному углю? По характеристике Рамзина выходит, что центр тяжести вредительства в данном случае в отвлечении от постановки элементарных задач добычи этого угля в максимальном количестве для топливных целей, в постановке сложных химических проблем. Несомненно, что главная трудность популяризации подмосковного угля — это умелые методы сжигания его и подготовка потребителей.

Припомните, что еще немногие годы тому назад наши железные дороги наотрез отказывались принимать этот уголь и что вообще широким потребителям его можно было навязывать только насильно. Вскрыть угледобычу подмосковного угля можно было только практикой больших электростанций на этом угле, по какой дороге мы и пошли. Торможение развития Каширской электростанции и в частности та волокита, которую создавал Рамзин в работах Теплотехнического института по применению правильных методов сжигания этого угля в пылевидном состоянии, конечно наносили тяжелые удары по развертыванию Подмосковного бассейна.

Конечно все это свидетельствует не только о наших ошибках, но и о слабости наших кадров. Но все это необходимо учитывать, считаясь со всей ситуацией прошлых лет, которая позволяла не только вредительски попридерживать угледобычу Подмосковного бассейна, но и вырвать 655 тыс. тонн нефти из бронированных ее запасов и вредительски пустить эту нефть в оборот, мешая менее благородным видам топлива, которая позволяла раздувать в 1925 г. заминку по сбыту кузнецкого угля, сокращая работу Прокопьевских копей и допуская сдачу Киселевских копей Кузнецкого бассейна английским концессионерам. За всем тем следует признать, что Рамзину и компании удавалось втирать нам очки как раз при трактовке тех достижений по сжиганию подмосковного угля, которыми будто бы был силен Теплотехнический институт в своей помощи работе Каширской станции.

Однако особо разительными успехами по линии вредительства могут вероятно похвастаться вредители-нефтяники. Еще совсем в недавнее время мы считали наше нефтяное хозяйство особо передовым, представляли его себе каким-то положительным оазисом по сдвигам технической реконструкции. Разве не факт, что электрификация нефтяных районов была почти 100-процентная? Факт.

Разве не факт, что старозаветный тартальный способ был заменен насосным в сравнительно быстрый срок и что объединенная работа нефтяных скважин по сравнению с прошлым, представляла огромный шаг вперед по технической и экономической эффективности? Уже в 1926/27 хозяйственном году нефтедобыча перевалила за довоенную черту и шла вперед в таких темпах, которые были неведомы нашему нефтяному прошлому. И тем не менее оказывается, что здесь-то и было самое поганое вредительское гнездо, представлявшее мощную организацию от своего верховного научно-технического совета до низовых производственных ячеек включительно.

Приходится признать, что именно здесь вредители организационно оказывались особенно сильными и нанесли стране особо существенный вред. Ларичев в своих показаниях утверждает, что они как бы представляли государство в государстве и что целый ряд лет издевательски относились к самым плановым наметкам, нагло устраиваясь по-своему.

«Именно в нефтяной промышленности, — пишет Ларичев в своем показании от 23-24 июня 1930 г., — наиболее трудно было добиться составления планов вообще и тем более их выполнения.

Специалисты-нефтяники, в руках которых было сосредоточено руководство всеми важнейшими отраслями нефтяного дела, особенно московские работники, представляли из себя весьма сплоченную группу, не допускавшую проникновения в их среду нежелательных им элементов.

Они имели очень сильное влияние на руководителей нефтяных трестов и ВСНХ... Они по существу не считались ни с какими утверждениями планов и практически держали в своих руках направление всего нефтяного хозяйства».

Позвольте отметить кстати, что в первые годы восстановительного периода значение наших планов было весьма относительно. Плановый охват хозяйства долгие годы реализовался только по частям. Разрыв между планом и исполнением никого не удивлял, настолько это было обычным явлением. Но как раз в эти годы весь упор вредителей, как об этом мы читаем в их показаниях, был направлен в сторону оперативных действий. А когда от оперативных действий они перешли к тактике планового вредительства, они сами же должны были признаться, что им быстро пришлось столкнуться с огромным противодействием партии.

По показаниям Ларичева видно, что вредительству в области нефти помогало одно специфическое обстоятельство. Всем вам известно, как быстро растут наши потребности и как каждый год при составлении контрольных цифр происходит урезка назначений по так называемым «бюджетным соображениям». В таких случаях работники оперативного ведомства не особенно заботятся о таких рентабельных отраслях, как, скажем, нефтяное хозяйство Гораздо выгоднее закрепить назначение на более слабый пункт программы, а там-де — в последней инстанции «ошибки» ставок для таких выгодных отраслей, как нефть, все равно ликвиднут. В своих показаниях Ларичев обрисовывает перед нами, какие выгоды создавались для вредителей при такой системе действий. Первоначальные заявки с мест в ВСНХ предварительно смело урезывались. Поэтому они между прочим всегда поступали и в чрезмерно раздутом виде. Затем начинались поправки и поправки к поправкам. Создавалась такая неразбериха цифр, которая как раз и была нужна вредителям. Немало этому помогала и сложность нефтяного хозяйства.

Здесь переплетаются в единое целое и вопросы предварительных разведок, и объем программы бурения, и вопросы добычи, и вопросы переработки, и специфические вопросы транспорта нефти, и сложные вопросы ее складского хозяйства, Точно так же можно было морочить голову якобы борьбой против хищнических методов добычи и использования нефти: смотрите-де, как вредительствовали в этом направлении англичане в Америке. Прибавьте сюда, что геология нефти представляет не только науку, но и некоторое искусство. Причем и среди геологов оказалось немало вредителей. Вся эта шайка уже давно была в контакте с Нобелями и Детердингами, этими опытными мастерами борьбы в стиле специфических приемов загнивающего капитализма.

Ныне Рамзин обстоятельно повествует, как и каким скопом они обрабатывали ответственных советских работников, поясняя, что «основные директивные линии сводились здесь к замедлению нефтеразведок, нефтедобычи и бурения, к задержке развития крекинга, к замедлению развития нефтеналивного флота и к задержке подготовки к транспорту и использованию парафинистого мазута». Он подчеркивал, что злостно была выдвинута установка «на бензиновые тракторы с применением крекинг-бензина или крекинг-керосина вместо радикальной ставки на тяжелое нефтетопливо, и получили согласие и поддержку... Как следствие этой установки получилась необходимость явно неосуществимой и невыгодной постройки более 100 крекингов и расширения нефтедобычи до 42 млн. тонн, с громадными... капитальными затратами — более 500 млн. руб., и при больших ежегодных перерасходах тоже около 500 млн. руб. в год» (показание от 29/ХІ 1930 г.).

Нефтяная цепочка была особенно солидно организована. Но когда Рамзин утверждает, что им удавалось «обработать» и академика Губкина, т.е. человека, в этой области обладающего большим именем, то это следует понимать лишь в том смысле, что господам-вредителям удавалось оттирать т. Губкина от таких позиций в работе, на которые он имел полное право рассчитывать.

Ныне Рамзин утверждает, что по ставкам нефтяной пятилетки наглядно виден переход от минимализма к максимализму, от 22 млн. тонн к 42 млн. тонн годичной добычи. Он не знает, что в настоящее время вместо ставки в 42 млн. тонн намечена ставка в 46 млн. тонн — на этот раз уже вне всяких директив со стороны рамзинской компании. Он подчеркивает, что 42 млн. ставка — фикция, а недавняя экспертиза большого коллектива нынешних работников по нефти авторитетно поддерживала ставку в 46 млн. тонн.

В чем же тут дело? Легко показать, что «максимализм» в области нефтяного хозяйства и быстрая смена вышеотмеченных наметок нефтедобычи — прямой результат того революционного переворота, который на наших глазах совершается в области сельского хозяйства. Если к этому техническому и социальному перевороту решающего значения прибавить наши потребности в области авто и авиа и вообще по всей линии применения двигателей внутреннего сгорания, то причина смены нефтяных вех становится совершенно ясной. Причина — в наличности того нового ускорения по всему хозяйственному фронту, которое предвидел Владимир Ильич и о котором он говорил, что масштабы его «нам даже и не снятся». Эти масштабы не могли сниться даже таким колоссам, как Владимир Ильич, и их будто бы провидел такой пигмей, как Рамзин. Конечно это не так. «Они думают двигать — они сами движимы».

Вот когда Рамзин показывает, что нам давали ложные геологические справки и по району Эмбы, и по Баку, и по Грозному, — тут ему и книги в руки. Но уже докладывая пятилетку на съезде, я отмечал эти недуги по отсталости геологических разведок в области топливных ресурсов и частью в области нефти. Теперь, по-видимому, и американские эксперты не оспаривают, что потенциально мы обладаем богатейшими в мире нефтяными недрами. Мы повысили ставку с 5 млн. тонн нефтедобычи из новых районов до нормы свыше 15 млн. тонн. Реализация этой ставки — прямая производная от возможности нашего большевистского нажима в этом направлении. Не мешает подчеркнуть, что по показаниям Ларичева и Рамзина дальнейшее развитие постройки нефтепроводов является неотложным делом. Нефтепровод на Москву является, по их мнению, сомнительным, продуктопроводы следует сооружать после некоторых опытов в этом направлении. Искривление направления нефтепроводов на Батум и на Туапсе вместо Поти и Новороссийска злонамеренно достигнуто вредителями.

Но всякий знающий историю вопроса должен будет признать, что самую идею строительства нефтепроводов приходилось отстаивать с бою и в частности при большом противодействии вредительских групп НКПС и НКФина.

Не останавливаясь на других разрывах в области нефтяного хозяйства, как например на разрывах между размерами нефтедобычи и нефтепереработки, и отметив довольно-таки противоречивые показания Рамзина о наших ставках на крекинг-процесс, охарактеризуем вкратце работу вредителей в области угледобычи.

Роль Донецкого бассейна и основы технической политики в Донбассе довольно широко развиты еще в плане ГОЭЛРО. В то время Рамзин по-видимому еще не был изменником, и, разрабатывая эти вопросы, я пользовался и его работами, и работами всей группы теплотехников, примыкавших в свое время к проф. Киршу, который заблаговременно умер до своей вероятной измены.

В свете нынешних показаний вредителей мы можем, прежде всего, утверждать, что основы технической политики в Донбассе были намечены еще тогда совершенно правильно. Колоссальная роль электрификации в деле подъема Донбасса, быть может, нуждалась в еще большем подчеркивании. Вредители по углю — Рамзин и Ларичев — ведут свою работу преемственно еще от Рабиновича и Федоровича.

Следует подчеркнуть, что успешности этой работы весьма помогал разрыв между работой оперативной и работой планирования, наличность «средостения», как выражается Ларичев, между Госпланом и ВСНХ. В одном из своих показаний он прямо так и пишет, что вот-де дело доходило до того, что в ВСНХ издавались приказы, чтобы в стены Госплана поступали материалы не непосредственно от производственных центров, а уже после предварительной обработки их Топливным управлением. Таким образом, если это Топливное управление оказывалось в руках вредителей, то работа Госплана являлась уже парализованной.

Это показание Ларичева чрезвычайно важно, потому что оно свидетельствует о невозможности рационализировать работу планирования, сосредоточивая внимание на работе одного Госплана СССР и не охватывая всей системы планирования, долженствующей представлять централизованное целое. Отсюда уже один шаг до того основного положения по рационализации энергетики, по которому наличность единого и мощного энергоцентра является основной и решающей предпосылкой. Я невольно вспоминаю при этом свой совместный провал с т. Куйбышевым при выступлении на эту тему в одном специальном заседании президиума ВСНХ — мы, конечно, не отдавали себе тогда отчета, что против нас действовали сплоченные силы вредителей.

Вредитель Чарновский показывает, что после шахтинского процесса вредителям главный упор пришлось сделать не на топливо, а на металл. Не так это выходит по тому подробному жизнеописанию Донбасса, которое дает Ларичев. Здесь целый ряд последовательных этапов. Дело началось с неправильной разбивки Донецких шахт на категорию действующих и консервированных. Правильность этой разбивки могли установить только такие знатоки фактического положения вещей, какими были Рабинович и Федорович, а они-то уже конечно постарались обрекать на консервацию то, что как раз было наиболее жизнеспособно.

Затем следовал довольно длительный срок, когда наши планы были сами по себе, а подлинная производственная и строительная деятельность — сама по себе. Этот разрыв между планом и оперативной деятельностью Ларичев прослеживает и устанавливает и на позднейшее время.

В 1925/26 [хозяйственном] г., говорит он, был составлен первый перспективный план донецкой угледобычи, и если бы он был выполнен, то в значительной мере предотвратил бы ту напряженность на топливном фронте, какую мы испытываем в настоящее время. План имел в виду сооружение 30 новых крупнейших шахт и специальную программу по реконструкции старых шахт. И та и другая программы были преуменьшены. Истинные добывные возможности Донбасса были скрыты от нас. Но как обстояло дело и с этой программой? Уже в следующем году в программе крупного шахтного строительства вместо 30 шахт стояло только уже 24. Затем постепенно это число снижалось до 17 и наконец, до 13 шахт, да и эти 13 шахт оказались весьма плохо обоснованными и по предварительным геологическим разведкам, и по проектам, и по всей организации строительства на местах.

Фактический ход строительства был настолько затруднен, что сжатие программы весьма легко было аргументировать самыми разнообразными «объективными причинами». Оперативная ненадежность механизма была настолько велика, что Ларичев мог позволить себе роскошь прямых нападок на ВСНХ за забвение крупного шахтного строительства, отделываясь в постановлениях высших инстанций такого рода поправками, которые оставляли воз на месте.

Теперь задним числом нам превосходно видно, как жестоко приходится расплачиваться за все и всяческие элементы бюрократизации планирования и как непростительна доверчивость даже по отношению, казалось, к старым и испытанным работникам. Но маскировка была превосходной. Рамзин пишет, что вредители нарочно устраивали дискуссии, внешне разбиваясь якобы на враждебные фракции. [В показании от 29/IX 1930 г. Рамзин пишет, что ЦК промпартии «не предпринимал решительных мер против междуусобицы... полагая, что публичные дискуссии членов организации будут лучше способствовать маскировке активных работников».] Они могли себе позволить эту роскошь, потому что располагали большинством научно-технических советов.

Невольно вспоминаю при этом о своих попытках доказать неправильность установок на длительные четырех-, пятилетние сроки крупного шахтного строительства. Исходя из общих соображений относительно сдвигов и потенций современной техники, я настаивал на том, что такое строительство следует ограничить максимум тремя годами, но каждый раз возражали экспертыспециалисты. Получалось действительно как бы положение порочного круга. Вот как об этом пишет Рамзин, снабжая свое показание подзаголовком: «Сокрытие вредительства».

«Прежде всего члены промпартии... усиленно доказывали им, что отдельные факты нельзя приписать вредительству, а надо объяснить техническими ошибками, неизбежными в деловом деле, или даже доказывали полную целесообразность деланного. Указания ОГПУ отдельным хозяйственникам на обнаруженные факты вредительского или подозрительного характера обычно хозяйственниками на отзыв и экспертизу своим инженерам, которые или состояли членами промпартии и потому покрывали вредителей или же делали то же самое из чувства корпоративной «этики». Таким образом, создавался заколдованный круг, препятствующий обнаружению вредительства, экспертами вредительским действиям промпартии являлись обычно ее же члены».

И все же я думаю, что такими показаниями лидеры вредителей как бы стараются «набить себе цену» и преувеличивают те возможности, которыми они располагали.

Не надо забывать, что минимализм ставок являлся завуалированным самими особенностями, особенностями наших хозяйственных темпов.

Пятилетка, утвержденная Съездом советов, намечала для Донбасса такое строительство в течение пяти лет, которое соответствует сорока довоенным годам. Это восьмерное ускорение во времени оказалось минималистским, но сама необычность этого ускорения — вот что мешало нам опережать мыслью действительность, и вредителям только удавалось здесь использовать положение.

Ныне Рамзин и К° с торжеством отмечают, что фактически наша нынешняя топливная пятилетка почти в два раза превосходит ставки оптимального варианта пятилетки. Пусть будет так. Мы никогда не были фетишистами количественных ставок. Мы всегда стояли за перевыполнение наших планов. Но если Рамзин думает таким образом показать, что наша пятилетка, столь отставшая в своем энергетическом разрезе, являлась орудием «промпартии», то почему же с такой опаской смотрят на эту «вредительскую» пятилетку наши классовые враги? Позвольте не верить нынешним заверениям лидеров вредителей, что уже в 1927 г. они смогли полностью предвосхитить те правильные ставки наших планов, которые мы намечаем в 1930 г. Свежо предание, а верится с трудом.

Не следует забывать также, что при оценке количественных ставок плана, охватывающего на ряд лет сложнейшие величины народного хозяйства в его целом, количественные ставки такого плана нельзя отрывать от качественных ставок, от охвата глубокого и целостного, от замысла социалистической реконструкции хозяйства в целом. Мы охотно согласимся с тем, что учиться такому планированию нам придется еще целыми годами, что решающей величиной здесь будет сам опыт миллионов трудящихся, но идти в учебу к Рамзину и К° в этом деле нам не приходилось и не придется.

Вопрос о работе Донецкого бассейна в настоящее время широко освещен работой комиссии т. Молотова. Создание нового механизированного социалистического Донбасса связано с вопросом энергетики в двух направлениях: механизация угледобычи есть прежде всего прямая производная электрификации Донбасса, — это во-первых; вовторых — она находится в прямой зависимости от характера организации живого труда. Ныне в Донбасс направлены большие кадры комсомольцев. Было бы чрезвычайно важно, чтобы комсомольцы, с своей стороны, помогли поскорее покончить с сезонным характером работы в Донбассе. В энергетическом сердце нашей индустриализации надо изгнать пережитки прежней деревни. Ровная кривая угледобычи Донбасса — один из важнейших показателей нормального состояния нашего индустриального подъема.

И Рамзин и Ларичев — в особенности — свидетельствуют, какими вредительскими являлись установки в Донбассе на мелкие и средние шахты. Здесь беда не только в малой эффективности работы такими шахтами, главная беда в том, что таким путем отвлекалось внимание от решающих позиций крупного шахтного нового строительства. Решительный курс на последнее означает решительный курс и на своевременные геологические разведки, и на широкую механизацию, и на мощное электроснабжение, и на подъем квалификаций рабочей армии. Здесь своеобразное единство, которое могло бы быть хорошо подкреплено и целой серией работ научно-исследовательского характера. Конечно, огромную роль мог бы здесь сыграть Теплотехнический институт. Нам, очевидно, не удалось овладеть работой этого учреждения. Но попытки были. Вот что по этому поводу пишет Ларичев:

«Неоднократно в моем присутствии Г.М. Кржижановский... указывал Рамзину на необходимость создать из Теплотехнического института государственную организацию с широкими задачами и масштабом работ, а не проводить «деляческую» политику. Но эти указания Рамзин отводил разного рода «практическими» соображениями, а по существу эта «деляческая» политика была следствием вредительского направления деятельности Теплотехнического института. После подобных разговоров Рамзин высказывал опасения, что Г.М. Кржижановский может раскусить проводимую им политику, и принимался усиленно афишировать какуюнибудь из работ Теплотехнического института как его «достижение», отвлекая внимание от общего направления работ Института».

Такого мощного по оборудованию теплотехнического центра, каким является Теплотехнический институт, нет и за границей. О невозможности организовать такой центр при условии частного хозяйства распространяться не приходится. Тем более досадно, что это мощное орудие не пущено вовсю. Но возражая в свое время против «коммерческой» постановки дела в работе Института, я допускал, что до поры до времени, при нашей организационной расхлябанности, можно было с этим мириться. Здесь очевидно большая ошибка.

Вторая ошибка — неумение создать мощный союз энергетиков на основах слияния электротехнического и теплотехнического крыльев энергетики. Дело остановилось на полдороге. Двурушник Осадчий в своих показаниях ныне обрисовывает свою причастность к диверсионистской деятельности и поясняет, как механизм Централизованное вредителям. централизованности помогал начало, пронизывающее естественным образом электроэнергетику, всю вредители использовали во вред социалистическому строительству. Если «диспетчеры» электроэнергетики будут их орудием, они могут наносить из одного центра колоссальные удары. Но от этого никуда не уйдешь. Все построение социализма основано на центростремительных силах. Осадчий ошибается, если думает, что союз электротехников и теплотехников шел по его вредительской линии. Вот что пишет по этому поводу Ларичев:

«Должен отметить, что Рамзин с целью обеспечить руководящее влияние вредительской организации Теплотехнического института на направление работ в области теплотехники и избежать постороннего контроля упорно отказывался и отклонял предложения об объединении работ Теплотехнического и Электротехнического съездов и их бюро. На этом особенно настаивал Г.М. Кржижановский... и лишь под его давлением был создан Всесоюзный энергетический комитет (ВЭК), избранный на последнем объединенном съезде теплотехников и электротехников.

Но поскольку в его состав вошли те же лица, члены вредительской организации, работа ВЭК'а не была развернута в нужном направлении» (показания Ларичева от 23 сентября 1930 г.). В виду важности этого вопроса мы вернемся еще к нему в конце доклада. Наше централизованное социалистическое хозяйство мы строим на базе электроэнергетики. Казалось бы, что ленинский план электрификации создавал нам здесь особо прочную позицию. Нынешние показания вредителей свидетельствуют, что именно в виду важности этой базы фактически здесь все позиции приходилось брать с бою, в особенности в период социалистической реконструкции, в период после 1927 г.

Приходится признать, что наша главная беда в том, что мы недооценили те сдвиги, которые должны были сделать сами в себе, в своей настороженности, в своей оценке как общей ситуации, так и работников при наступлении этого переломного момента. Каким образом вредителям удалось нанести глубочайший удар именно в этом деле, которое мы старались защитить всеми своими силами? Именно на вышеотмеченной базе, именно в том направлении, теми методами, которые Рамзин удачно характеризует, как «методы насыщения противоречий действительности до предела».

Весь фарватер восстановительного процесса по своим стихийным устремлениям был против плановой электрификации. Отстаивая ставки этой электрификации, приходилось наталкиваться на громадное сопротивление. Электрификация и экономическое районирование фактически были не в чести у таких лидеров этого времени, какими являлись тт. Каменев и Сокольников. Это несмотря на то, что план электрификации всеми признавался ленинским планом, как об этом пишет теперь и вредитель Горев. Пишет черным по белому:

«Вредительская работа в области плана.

Начиная с 1923 г. доля средств, отпускавшихся по бюджету на электрификацию, не отвечала важности этой отрасли хозяйства и объему работ, необходимых для того, чтобы сделать электрификацию ведущим звеном всего плана народного хозяйства, как это требовалось наивысшими достижениями техники современной индустриализации.

Эта вредительская диспропорция проводилась из года в год в комиссиях по контрольным цифрам ВСНХ и Госплана, инспирировавшихся работавшими в них вредительскими элементами» (показание от 20 октября 1930 г.).

И далее устанавливает:

«Таким образом, совокупными усилиями вредительских элементов Донугля и плановых органов ленинский план электрификации Донбасса был сорван: из этого плана в ежегодные планы просочилась только Штеровская станция. Однако и эта станция строилась вредительским темпом, что и привело к кризису в электроснабжении Донбасса. Проводившиеся под давлением недостатка энергии поправки к плану — развитие мощности рудничных станций (Донсода и другие — шли по линии генеральной установки бывших владельцев на развитие собственных рудничных станций».

Проследив назначение фактических ассигнований на дело электрификации из года в год, посмотрев кадры, мы можем легко убедиться, как много препятствий стояло на пути. Отсюда некоторая привычка считаться с неполадками в области электрификации, как с естественными результатами всестороннего сопротивления инерции восстановительного процесса. А дело было, оказывается, не только в этом. Дело было в прямой и подлой измене таких лиц, какими являлись, с одной стороны, Горев, бывший в свое время работником Петроградского комитета партии, и Осадчий – обвинитель по шахтинскому процессу – с другой.

Цепочка была создана на славу: прочное гнездо в Госплане, в ЦЭС, в Главэлектро, в Техническом управлении ВСНХ, в Электроимпорте. Вредители доходили до такой наглости, что оборудование для одной станции делили между десятками фирм, чем автоматически предрешалась явная некомплектность такого оборудования. И все это увенчивалось специальной диверсионистской организацией.

Рамзин с академической уравновешенностью вещает о том, что одна из линий вредительства в энергетике — растягивание строительства станций во времени и высокая их стоимость. Вместо 300 руб. стоимости за установленный киловатт — 400-500 руб., вместо постройки в годичный-полуторагодичный срок — постройка в 3-4 года. Вместо стандарта европейского на съем пара с единицы поверхности паровых котлов и такого же стандарта кубатуры зданий электростанций — наши доморощенные нормы.

Как будто бы честным техникам и экономистам, работавшим в области энергетики, не были известны эти стандарты, а были известны только рамзинской компании. Как будто бы из года в год не велась борьба за упорядочение нашего крупного строительства, за резкое снижение строительных индексов. Наша беда заключалась в том, что мы приписывали и дефекты строительства и дефекты стандартизации естественной слабости наших кадров, естественным трудностям грандиозного строительства в совершенно необычайной организационной и социальной обстановке. Лазутчики вражеского стана ловко использовали эту обстановку, «насыщая ее противоречиями до отказа».

Ныне Горев и работник ВСНХ Каменецкий обстоятельно рассказывают нам, каким образом им удавалось срывать электрификацию Урала, Донбасса, московского и ленинградского центров. Не приходится распространяться об особом оборонном значении Урала и о роли его электрификации. Как же это вышло, что оказалось возможным временно снять Кизеловскую станцию из рубрики районных станций и задержать на год строительство Челябинской станции, как об этом свидетельствует тот же Горев?

Первоначальная ячейка Кизеловской станции — не что иное, как прежняя Ораниенбаумская станция, своевременно эвакуированная на Урал. Технической экспертизой была установлена чрезвычайная дефектность гражданских сооружений этой станции для ее дальнейшего расширения с небольшой первичной мощности — всего в 6 000 кВт. Имея в виду удесятерение этой мощности, мы как бы делали ставку на «прикупку коровы к подойнику». Одновременно на Урале, как и в горнопромышленном юге, со значительным опережением шло развитие больших фабрично-заводских электростанций. Ссылаясь на это, Гореву не трудно было убедить нас в необходимости поисков другого места для новой районной централи в этой части Урала, так как, по общему правилу, переделка старья нередко обходится дороже, чем новое строительство. Также нетрудно было раскритиковать первоначальный технический проект Челябинской станции. Ведь мы все еще так далеки от стандарта в этом деле.

Все это лишний раз показывает, как трудно вскрывать в технике нити вредительства, когда опытные специалисты жонглируют поисками лучших вариантов, да еще тщательно замаскировывая свое вредительство искусственными дискуссиями. Вспоминаю, — и уральские работники это могут подтвердить, — что волокита с Челябинской станцией была сравнительно быстро разгадана нами, и ныне Гореву приходится все же признаться, что как раз эта станция является одной из немногих, имеющих возможность сравнительно не запоздать со сроками своего строительства.

Что помогало вредительству по электростроительству в Донецком бассейне? Какие факты устанавливаются нынешними показаниями вредителей? Оказывается, что Белокалитвенская станция была снята с постройки вследствие ложных показаний геологов. Затяжка работы Штеровской станции осуществлялась большим коллективом работников центра и Украины по самым разнообразным линиям.

Тут и затяжка с проектами, и отчаянная канитель с проработкой вопросов, связанных с сжиганием антрацитового штыба, и неправильные заказы за границей как аппаратов по сжиганию пылевидного топлива, так и агрегатов котельной и машинной аппаратуры. Гришинская и Лисичанская станции, намеченные еще по плану ГОЭЛРО, были сняты вообще под предлогом новых ставок в энергетике.

В самом деле, в перспективе мы себе представляем работу государственных электрических сетей опирающейся не только на районные электроцентрали, так сказать, чистого назначения, но и на всевозможные электропромышленные комбинаты. Идея эта совершенно правильна, но, опираясь на нее, вредители могли ловко проводить строительство обособленных станций на шахтах, рудниках и заводах, лишь внешним образом прикрываясь производственным комбинированием этих станций. А заказчикам из Торгпрома это было конечно на руку — укреплялось их частное хозяйство. Вот как пишет по поводу работ в Донбассе Горев:

«В отношении Донбасса мною лично проводились в президиуме Госплана и комиссии т. Рыкова нижеследующие вредительские установки:

- а) Ограничение мощности Штеровской станции 110 тыс. кВт путем заказа для ее третьей очереди 2 турбин по 22 тыс. кВт, а не по 44 тыс. кВт, как это было принято президиумом Госплана и СТО. Это предложение мотивировалось недостачей конденсационной воды в реке Миус и неправильной оценкой потребности и мощности прочих станций.
- б) Установка против приступа к постройке Зуевской станции в 1928/29 г., мотивированная возможностью снабжения Донбасса от Днепра в начале 1932 г. Против этой установки в комиссии т. Рыкова зимой 1928/29 г. было принято постановление о немедленном приступе к постройке Зуевской станции» (показание от 20 октября 1930 г.).

Вредителям удалось значительно затормозить проведение ленинского плана электрификации. Здесь можно было бы показать, каким образом как раз по этой линии приходила им на помощь право-оппортуинстическая установка, всегда скептически оценивавшая позиции плановой электрификации. Для нашей цели однако достаточно лишь приведенных справок, тем более, что серьезность положения с электроснабжением в решающих индустриальных центрах — общеизвестный факт.

Как же в последнем счете мы расцениваем наше нынешнее положение? Достигли ли своей цели вредители? Удалось ли им сорвать план ГОЭЛРО? Приведу вам для этой цели те справки, которые получены мною от нынешнего председателя секции по электрификации Госплана т. Вагранского.

По плану ГОЭЛРО намечалось сооружение в 10-летний срок, начиная с 1921 г., районных станций на общую установленную мощность 1½ млн. кВт. На худой конец предвиделось, что постройка этих станций может затянуться на 15 лет. Действующих электростанций общего пользования в 1921 г. было около 250 тыс. установленных кВт. Итак, общая мощность районных электростанций в лучшем случае должна была бы быть по этому плану в 1931 г. размером 1 750 тыс. кВт.

Количественные ставки намечались в плане ГОЭЛРО лишь ориентировочно. Округляя расчет этого плана, мы можем сказать, что по нему примерно к концу 1931 г. установленная мощность электростанций должна была составить около 2 млн. кВт. На самом деле на 1 января 1931 г. она будет около 1 300 тыс. кВт. Как раз в 1930 г. мы сделали особенно крупный шаг вперед в этом строительстве, присоединив свыше 350 тыс. квт новой мощности, хотя и недовыполнив всей программы. На будущий год мы рассчитываем более чем удвоить этот годичный прирост. В таком случае уже в будущем году мы значительно перевыполним план ГОЭЛРО.

И, тем не менее, по темпам мы отстаем: наша индустриализация опережает нашу электрификацию. Желательные для вредителей разрывы между подразделениями промышленности — налицо. Но радоваться им не придется. При прочих равных условиях соединенная мощность электростанций общего пользования и фабрично-заводских станций, вновь пускаемых в оборот нашего хозяйства, в 1931 г. должна составить свыше 1 млн. кВт. Это, товарищи, уже размер мощности, соответствующий масштабам электростроительства наиболее передовой индустриальной страны — САСШ. Вопреки вредительским прорывам фронта нашей энергетики — такой решающий итог нашей предшествующей работы на этом фронте. Какой штаб мог подготовить этот итог — вредительский или пролетарский? Я утверждаю — пролетарский.

Вредители рассчитывали, что 1930 г. будет наиболее кризисным. В виду особого значения дефицитов по электроснабжению их надо пристально изучать. По предварительным подсчетам, эти дефициты таковы (в расчете на максимум 1931 г.): по Москве — 81 тыс. кВт, по Ленинграду — 46 тыс. кВт, по Приднепровью — 44 тыс. кВт, по Уралу — 26 тыс. кВт, по Сталинграду — 14 тыс. кВт, по Баку — 8 тыс. кВт.

Насколько верны эти подсчеты? Здесь, прежде всего, следует отметить, что мы еще совершенно не на высоте ни по рационализации выработки электрической энергии, ни по рационализации ее потребления. Позволительно сомневаться и в том, что все крупные фабрично-заводские станции, находящиеся в непосредственной близости с районными электроцентралями, уже объединены в единый электрический котел.

Огромные потери электрических сетей, частота аварий в них — все это говорит за то, что перед нами новые возможности экономии. Наши электростанции, вопреки расхлябанности нашего энергохозяйства, по числу часов использования установленных мощностей являются наиболее передовыми. В частности, введение непрерывной производственной работы покончило у нас с провалами праздничных дней и выровняло нагрузку наших электрических станций в совершенно небывалых в мировой практике размерах. Однако главные завоевания в рационализации потребления электрической энергии еще впереди.

Эти завоевания, между прочим, связаны и с нашей работой в области теплофикации. Вредители вели отчаянную борьбу против теплофикации. Это им удавалось тем в большей мере, что в наших решающих объединениях, в МОГЭС и в Электротоке, были свои вредительские гнезда. Тов. Танер-Танненбаум может доложить о бедах теплофикации с особой подробностью. Однако и здесь вредителям приходится признаться, что бороться против установок на теплофикацию они не могли: они сводили свою борьбу к борьбе против сроков и масштабов теплофикации. На последнем съезде по теплофикации я бросал представителям МОГЭС прямые обвинения в заторможении московской теплофикации, но я себе объяснял позицию некоторых работников МОГЭС заскорузлой установкой на чистую электротехнику. Век живи — век учись.

Вот, товарищи, в кратких чертах общая характеристика вредительских линий по энергетике.

Вы, товарищи, видели, как вредители использовали те разрывы в нашем плановом хозяйстве, которые были ему присущи по общим условиям нашего строительства. Вы видели, как они использовали разрывы между планом и выполнением плана, между работой плановых органов и оперативных органов, как они противопоставляли слабости наших собственных кадров свои сплоченные силы. Вредительству в области энергетики способствовал, прежде всего, рассыпной фронт самой энергетики.

Можно показать, что вредители вели многолетнюю борьбу против единого и цельного здания энергетики. В этой борьбе они опирались не только на инерцию восстановительного процесса, но на правооппортунистические элементы, всегда недооценивавшие значение энергетики. А между тем еще в 1919 г. в своей брошюре «Основные задачи электрификации России» я писал по этому вопросу нижеследующее:

«Необходимо сделать немедленные шаги по подъему профессионального электротехнического образования.

Распыление профессионального союза электротехников в профсоюзе металлистов явно не целесообразно. Перед союзом электротехников — свои громадные задачи, свое обширное поле действий. Надо втянуть в этот пролетарский союз и квалифицированных электротехников-специалистов. Деятельное сотрудничество с пролетариатом не замедлит сказаться надлежащим сдвигом в их психологии. Но даже и при самом бережном обращении с нашими немногими специалистами-электротехниками в дальнейших обширных электротехнических работах нам вероятно не обойтись без того или иного контакта с лучшими мировыми авторитетами в области этой науки...

Наши техники до сих пор еще не перестают оглядываться в сторону частной инициативы и спасительных начал капиталистической конференции... Жребий брошен; мы — за баррикадами, в разгаре неслыханной борьбы за наше, за мировое право раз навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком...

Карманным интересам рыцарей наживы, слепой игре стихий на капиталистическом рынке, системе выжимания пота из миллионов трудящихся, хищническому попранию интересов грядущих поколений, трагической капитуляции науки перед биржей — пролетариат должен и сумеет противопоставить всепроникающий разумный план объединенного хозяйства народа, правильную и систематическую экономию в расходе живых сил, заботливый уход за достоянием природных сокровищ, действенное проведение разума науки в жизнь. И в этой гигантской работе он не преминет решительно опереться на наиболее эффективное орудие XX века — электрическую энергию».

Спустя 11 лет я не нахожу нужным внести сюда какие-либо поправки. Я убежден, что именно в этом направлений пойдет наше дальнейшее энергостроительство. В эффективности своих планов вредители просчитались. Будущее за нас, а не за них. Мы как раз на новом этапе и по линии планирования и по линии электрификации. Время кабинетных работ по планированию миновало. Растут огромные силы нового пролетарского актива. Развертывается в небывалых формах социалистическая организация труда, крепнет социалистическое соревнование, развивается встречный промфинплан, переплетается работа городских и деревенских активов, словом, поднимается огромная рать в миллионы голов действительных организаторов социалистического производства. На почве планового режима хозяйства создаются небывалые предпосылки и для всего нашего энергетического строительства и в частности для всей электроэнергетики.

Теперь уже всему миру ясно, что мы перевыполняем нашу пятилетку, что она является, вопреки усилиям вредителей, нашей грозной силой.

Товарищи, раскрытие вредительского заговора показывает нам, как с нами боролись отравленным оружием испытанные кадры техников. Но вопреки их усилиям в нашем хозяйственном строительстве нам удалось завершить этап, несомненно, исторического значения. Так вешки — те исторические силы, которые стоят за нас.

Я вспоминаю, товарищи, как накануне перехода от военной полосы революции к мирной передышке Владимир Ильич расценивал достижения прошлого. Он говорил, что наши победы на военном фронте таковы, что уже нет в мире таких сил, которые могли бы вычеркнуть их со скрижалей истории, что в них мы имеем уже нечто неотъемлемое.

Какие бы прорывы на фронте нашего хозяйства ни были совершены усилиями вредителей, вопреки им проделанная положительная работа настолько велика, что в свою очередь представляет наше неотъемлемое завоевание. Нет такой вражеской рати, которая могла бы стереть со скрижалей истории и эти завоевания.

Г. Кржижановский. Вредительство в энергетике. Доклад на заседании секции техники Комакадемии 19/XI 1930 г. // «Плановое хозяйство», №10-11 за 1930 г.

Г.М. Кржижановский не только отличился докладами «о вредительстве в энергетике», но и «развитием энергетической науки» в правильном идеологическом ключе. Например, он выступил в №23-24 журнала «Электричество» за 1931 г. со статьей «Учение Фарадея в свете классовой борьбы и строительства социализма в СССР»!

Кристиани Иоганна (Анна) Эдуардовна, урожд. Классон (1864—позже середины 1930-х). Старшая сестра Р.Э. Классона. Окончила медицинский факультет Женевского университета, вышла замуж за итальянца Гектора Кристиани, закончившего то же учебное заведение. Он стал профессором медицины и возглавил университетский Институт гигиены. Жили соответственно в Женеве, имели домик и небольшой сад в ее предместьях. Их дочь Лили вышла замуж за швейцарца Артюса, сотрудника Бюро труда тогдашней Лиги наций. У них в свою очередь родились дочери Попи и Жаки и сын Жан-Жак. Во время своей учебы в Германии в 1920-х у тети Иоганны бывали в гостях И.Р. и П.Р. Классоны.

Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону:

<...> Кончу о Вашей тете Кристиани. Совсем она на своего брата [Роберта] не похожа. Воплощение мещанства, и ведь история с сыром тоже верх мещанства — угодить швейцарской публике и не упасть в глазах лакеев какого-то café. Да, приблизительно тогда, когда и Соничка родилась, и у Кристиани должно было что-то родиться. Они вызвали маму в Женеву. Мама прогостила там неделю или больше.

Роды были очень трудные, она обожала своего мужа, ей казалось, что она умирает, и она упрашивала маму в случае ее смерти выйти замуж за ее мужа, не интересуясь тем, нравится ли он маме или нет. Но, по-моему, она тогда ничего не родила.

Я была с мамой у Кристиани осенью 1894 года и на Пасху 1895. Детей тогда у них не было. <...> На Пасху мы с мамой поехали в Женеву, где была русская церковь, и я хотела быть к заутрене. Остановились в гостинице, а вечером зашли к Кристиани. Он уже был, кажется, назначен профессором, и она все хвасталась, как улучшаются их материальные дела. Наконец с гордостью сказала: «Поглядите, что у нас завтра к обеду». Позвала прислугу, и та принесла утку. Ну, мама выразила полный восторг, как они хорошо стали жить. Затем они спросили, когда мы завтра уезжаем, и, узнав, что после обеда, тоскливо переглянулись и пригласили нас к обеду. Тогда Анна Эдуардовна позвала прислугу и сказала ей: «Утку завтра не жарить, а купить просто мяса».

И.Э. Кристиани с мужем и внучками (фото И.Р. Классона, 1920-е)

Мы с мамой [(Алиной Антоновной)] вовсе не portees sur la bouche [(предаемся еде, гурманы)], и вообще утка не представляла для нас чего-то особенного. Бабушка Валерия Францевна, правда в России, присылала нам из своего имения целые ящики битой птицы, больше всего индеек. Ну а это — мелкое мещанство Вашей тети. Маираssant описывал такие французские мещанские семьи. (ф. 9508 РГАЭ)

«История с сыром» была такой: Р.Э. Классон, будучи с сестрой в каком-то швейцарском кафе, заказал сыр на закуску, а в Швейцарии, мол, было принято заказывать его только после обеда! В результате Иоганна Эдуардовна, как утверждала С.Н. Мотовилова, поссорилась с братом на много лет!!

И.Э. Кристиани умерла не ранее середины 1930-х:

По приезде [в 1932-м] в СССР я написал из Москвы или Ленинграда открытки с приветами немецким инженерам у Сименса, а также писал моей тетке в Женеву и еще нескольким лицам. Я получал ответы и тщательно сохранял всю получаемую мною корреспонденцию, не уничтожая ни одного письма или открытки с тем, чтобы я мог всегда доказать — в корреспонденции не содержится ничего предосудительного. Все письма и открытки, полученные мною из-за границы после моего возвращения в Советский Союз, были взяты у меня при обыске 4/III 38 г. — Из показаний «немецкого шпиона» П.Р. Классона от конца марта 1939 г.

Крупская Надежда Константиновна (1869 – 1939).

Дворянка, дочь Коллежского Асессора Константина Игнатьевича Крупского, служившего по судебному ведомству и поддерживавшего поляков во время их восстания в 1863-64 гг., окончила в Петербурге гимназию княгини Оболенской, затем получила диплом домашней наставницы. В 1891-96 гг. работала учительницей воскресной Технической школы для рабочих на Шлиссельбургском проспекте, в Варгунинской женской школе, а также служила в Главном управлении казенных железных дорог Министерства путей сообщения.

Фото из альбома С.И. Мотовиловой-Классон

В 1894-95 гг. посещала «марксистский салон» в квартире Р.Э. Классона на Большой Охте, где познакомилась со своим будущим мужем В.И. Ульяновым-Лениным. Привлекалась к дознанию по делу о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Содержалась под стражей в Доме предварительного заключения с августа по сентябрь 1896 г., после чего была отдана под особый надзор полиции, а затем в октябре того же года вновь была заключена под стражу — до марта 1897 г. Основанием к сему послужили агентурные сведения, указывавшие на сношения Крупской с руководителями «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (Сергей Гофман, Михаил Леман и другие) и на участие ее в пропаганде среди рабочих.

Из справки Департамента полиции за апрель 1897 г.: "Показаниями обвиняемых [рабочих] Бугоркова и Щеглова Крупская изобличается в том, что состоя учительницею Варгунинской женской школы, была посредницею в сношениях рабочих с интеллигенцией и, после ареста [прежнего руководителя кружка] Стратановича, рекомендовала Сергея Гофмана («Куй железо») в качестве руководителя кружком [рабочих на фабрике Семенникова] Щеглова. Бугорков показывал, что, по словам Щеглова, Крупская «энергично действует в смысле пропаганды среди рабочих», а по словам Рудакова, «является представительницей от интеллигенции за Невской заставой, имеет знакомства среди рабочих, устраивает кружки и назначает руководителями их – знакомых ей интеллигентов". (ф. 102 ГАРФ)

В 1903-м, находясь с мужем в эмиграции (в Мюнхене), Н.К. Крупская отправила в адрес своих знакомых по подпольной деятельности просьбу В.И. Ульянова-Ленина к Р.Э. Классону, работавшему в Баку: «оказать денежную поддержку делу и, может быть, собрать солидную сумму единовременно».

<u>Из «Воспоминаний» члена ЦК конституционно-демократической партии Ариадны</u> Владимировны Тырковой-Вильямс (сюжет относится к 1904 году):

Я была все еще больна и решила ехать полечиться в Швейцарию. В Женеве я разыскала свою старую школьную подругу Надю Крупскую, теперь Ульянову. Я ее после их ссылки в Минусинск не видела, но была совершенно уверена, что она будет так же рада видеть меня, как я ее. И не ошиблась.

Жили они в Каружке, как называли русские это предместье Женевы, жили несравненно теснее, суровее, чем Струве. В небольшой квартирке не было мягкой мебели, только деревянные стулья и некрашеные столы. Хозяйство вела Надина мать. Теперь у нее уже не было прислуги, как всегда бывало в Петербурге. Она и Надя встретили меня так же ласково, как встречали на Знаменской или на даче в Окуловке. Мне было очень приятно опять побыть около них. Партийная рознь еще не провела между мной и Надей неприступной черты, хотя я, благодаря моему судебному процессу и бегству, была уже публично зачислена в лагерь либералов, да и внутренне была либералкой.

А Надя целиком отдавалась работе в партии с.-д., где Ленин осторожно, упорно отвоевывал себе место вождя. Он был редактором «Искры», он отколол фракцию большевиков, за что подвергался жестокому обстрелу своих вчерашних товарищей, меньшевиков. Они надрывались, доказывая, что Ленин на съезде сплутовал, что на самом деле не он, а они в большинстве. Эта семейная полемика волновала социалистов, забавляла либералов, вызывала длинные рассуждения за чайным столом Струве. Как один из основателей с.-д. партии он знал лично всех ее более видных членов. Для него их талмудические споры, их разногласия на съездах были понятны, были все еще близки. Они его, по старой памяти, продолжали волновать.

Я раньше Ленина не встречала и не читала. Меня он интересовал прежде всего как Надин муж. Невысокий, кажется ниже ее, приземистый, широкое скуластое лицо, глубоко запрятанные небольшие глаза. Невзрачный человек. Только лоб сократовский, выпуклый. Не наружностью он ее пленил. А пленил крепко. Я сразу почувствовала, что там, за дверью, из-за которой изредка доносился бумажный шорох, сидит хозяин, что вокруг него вращается жизнь и дочери, и матери. Когда он вышел к обеду, некрасивое лицо Нади просияло, похорошело. Девической застенчивой влюбленностью засветились ее небольшие голубые глаза. Она была им поглощена, утопала, растворялась в нем, хотя у нее самой был свой очень определенный характер, своя личность, несходная с ним. Ленин не подавил ее, он вобрал ее в себя. Надя, с ее мягким любящим сердцем, оставалась сама собой.

Но в муже она нашла воплощение своей мечты. Не она ли первая признала в нем вождя? Признала и с тех пор стала его неутомимой, преданной сотрудницей. Помогала ему собирать ядро единомышленников, из которых он в 1917 г. сковал коммунистическую партию, фундамент беспощадной советской власти. В 1904 г., когда я встретила Ленина в Женеве, кто мог предугадать в нем будущего железного диктатора? Это был один из эмигрантских журналистов, которому удалось, вопреки Центральному комитету своей партии, захватить партийную газету «Искра».

Уже тогда в революционных кругах знали, что Ленин властолюбив, в средствах неразборчив. Но особенного интереса ни он, ни его партия не возбуждали. С.-р., особенно после убийства Плеве, заставляли гораздо больше о себе говорить, чем с.-д. Заговорщики окружены таинственным ореолом, они волнуют воображение. С.-д. были скучными начетчиками. Пока они не пришли к власти, они отрицали террор. Их тактика воздействия на массы казалась утопичной. Их диалектика мертвой.

После ужина Надя попросила мужа проводить меня до трамвая, так как я не знала Женевы. Он снял с вешалки потрепанную кепку, какие носили только рабочие, и пошел со мной. Дорогой он стал дразнить меня моим либерализмом, моей буржуазностью. Я в долгу не осталась, напала на марксистов за их непонимание человеческой природы, за их аракчеевское желание загнать всех в казарму.

Ленин был зубастый спорщик и не давал мне спуску, тем более что мои слова его задевали, злили. Его улыбка – он улыбался, не разжимая губ, только монгольские глаза слегка щурились – становилась все язвительнее. В глазах замелькало острое, недоброе выражение. Я вспомнила как мой брат [Аркадий, проведший 20 лет на каторге и в ссылке за участие в подготовке убийства Александра II], вернувшись из Сибири, рассказывал, что в Минусинске ссыльный Ленин держал себя совсем не потоварищески. Он грубо подчеркивал, что прежние ссыльные, народовольцы, это никому не нужное старье, что будущее принадлежит им, с.-д. Его пренебрежение к старым ссыльным, к их традициям особенно сказалось, когда пришлось отвечать перед местной полицией за бегство одного из ссыльных. Обычно вся колония помогала беглецу, но делала это так, чтобы полиция не могла наказать тех, кто давал ему деньги или сапоги. Ленин с этим не считался и из-за пары ботинок подвел ссыльного, которого за содействие к побегу, да еще и неудачному, посадили в тюрьму на два месяца. Ссыльные потребовали Ленина на товарищеский суд. Он пришел, но только для того, чтобы сказать, что их суда он не признает и на их мнение плюет. Мой брат с обычным своим юмором описывал эту бурю в ссыльном муравейнике, но в конце уже серьезно прибавил:

– Злой человек этот Ленин. И глаза у него волчьи, злые.

Воспоминание о рассказе брата подстрекнуло меня, и я еще задорнее стала дразнить Надиного мужа, не подозревая в нем будущего самодержца всея России. А он, когда трамвай уже показался, неожиданно дернул головой и, глядя мне прямо в глаза, с кривой усмешкой сказал:

- Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать.
- Я засмеялась. Тогда это звучало как нелепая шутка.
- Нет. Я вам в руки не дамся.
- Это мы посмотрим.

На этом мы расстались. Могло ли мне прийти в голову, что этот доктринер, последователь не им выдуманной безобразной теории, одержимый бесом властолюбия, а может быть, и многими другими бесами, уже носил в своей холодной душе страшные замыслы повального истребления инакомыслящих. Он многое планировал заранее. Возможно, что свою главную опору, Чека, он уже тогда вынашивал.

В августе 1923-го Н.К. Крупская опубликовала в «Правде» статью «О классовом приеме в ВУЗы», вызвавшую сильное недовольство И.В. Джугашвили-Сталина. В этой статье Н.К. Крупская на примере сына Р.Э. Классона Ивана критиковала запрет на прием в высшие учебные заведения детей буржуазных интеллигентов («нетрудовых элементов»). После этого эксцесса якобы было дано указание: впредь статьи Н.К. Крупской в партийных изданиях (т.е. практически во всей прессе) присылать на предварительный просмотр И.В. Джугашвили-Сталину.

^{*} Сия публикация даже удостоилась критической «передовицы» в берлинском «Руле» за 5.09. 1923 г.: «Классовый прием»

[«]Одно дело — делать все, чтобы открыть доступ в ВУЗы детям рабочих и крестьян, другое — создавать из образования привилегию, культивировать дворянство навыворот». Эти слова взяты нами не из «белогвардейской газеты», не из эмигрантского листка, а из официального органа коммунистической партии, и принадлежат они перу товарища Крупской, одной из вдохновительниц и руководительниц коммунистического просвещения Сов. России. А слова-то сказаны настоящие! «Привилегия из образования» и «дворянство навыворот» — это лучшая характеристика того безобразия, которое творится под флагом классового приема в высшую советскую школу. В ВУЗы и Рабфаки должны приниматься лица коммунистического и пролетарского происхождения.

О классовом приеме в ВУЗы

Правильная линия классового приема в ВУЗы извращается. Суть дела в реорганизации ВУЗов, а не в бюрократизме в деле классового приема.

Старая власть закрывала двери учебных заведений для рабочих и крестьян. Высшие учебные заведения предназначались, главным образом, для детей дворян, капиталистов, чиновников, интеллигенции. Советская власть широко открыла двери всех учебных заведений для трудящихся.

Так как сын какого-нибудь инженера стоит в несравненно более выгодных условиях в отношении подготовки, чем сын рабочего или крестьянина, то равный доступ в ВУЗы для них означал бы на деле привилегию для первого. Под видом равенства на деле существовало бы самое вопиющее неравенство, существовала бы старая привилегия.

Окончание примечания

Это начало «классового приема» воплотилось в целом ряде инструкций и правил, устанавливающих привилегии и льготы для нового «дворянства».

Конечно, больше всего преимуществ имеют, так сказать, столбовые дворяне — записанные коммунисты и комсомольцы. Они предпочтительно перед другими получают командировки в высшие учебные заведения, и приемные комиссии дают им доступ к образованию «вне очереди». Потом идут люди пролетарского происхождения (т.н. рабочие и крестьяне), члены производственных профсоюзов и, наконец, на последнем месте парии — интеллигенция и буржуазия. Одним словом, целая табель о рангах.

Можно себе представить, какие узоры вышиваются при советских нравах на фоне этой табели!

Протекция коммунистических сановников, не всегда бескорыстная, взяточничество во всех видах и формах — все это пышным цветом расцвело на почве классового приема. Некоторое слабое представление о последствиях нынешней системы дают воспоминания о том времени, когда введено было для евреев процентное ограничение при приеме в высшую школу. Но тогда, при известном культурном и морально-общественном уровне старой бюрократии, не происходило такого издевательства и такого нравственного распутства, какие создает на почве привилегий коммунистическая демагогия, особенно в соединении с НЭПом. До таких явных, возмутительных несправедливостей никогда не доходило самодержавие в самые суровые периоды борьбы с евреями и «кухаркиными детьми».

Госпожа Крупская в цитированной выше статье приводит несколько примеров. Имеют ли право дети сестры милосердия на поступление в Рабфак? Оказывается, что нет. Хотя сестры несут тяжелый труд по уходу за больными, связанный даже с физической работой, но т.к. эта профессия причисляется к разряду интеллигентных и, как таковая, занесена в определенный разряд инструкции, то «довольно — перед их детьми захлопывается дверь Рабфака. Желающий выслужиться демагог, — говорит далее г-жа Крупская, — еще измывается: Вот няня — это трудовой элемент, а сестра — это советская служащая. Никак, никак невозможно дать вашему сыну командировку».

Или другой случай, опять-таки приводимый в статье г-жи Крупской. Талантливый юноша, сын инженера, честно служащего много лет советской власти, не допускается ни в один ВУЗ: нетрудовой, де, элемент. Даже такую тупицу как г-жа Крупская, которая, конечно, стоит за правильность идеи классового приема, смутили эти случаи, с которыми она, по-видимому, столкнулась в личной практике. Но, по существу, весь классовый прием — сплошь такой случай и издевательство. Когда в числе привилегированных «крестьян и рабочих» фигурируют дети красных директоров, членов правления синдикатов — всех этих представителей новой коммунистической буржуазии, когда сыновья нэпманов легко попадают в двери высшей школы, и за бортом ее остаются люди без средств и протекции, то это и в «трудовых» массах начинает вызывать определенное настроение. На днях в печати появилось известие о том, что съезд профсоюзов Сибири, организации близкой к коммунистической, постановил ходатайствовать об отмене привилегий по образованию для коммунистов. Очень характерное постановление.

Товарищ Крупская видит причину всех нелепостей в бюрократизме, формализме и демагогии, которые «затемняют» совершенно правильно взятую линию. Она, по-видимому, не догадывается, что альфа и омега этой правильной линии была и есть [коммунистическая] демагогия, во имя которой разрушаются и опрокидываются великие общечеловеческие культурные ценности, как право на образование без различия классов. Демагогия — не случайный признак этой системы, а самый фундамент ее. Теперь на этом фундаменте уже укрепилось то коммунистическое дворянство «навыворот», о привилегиях которой так неосторожно обмолвилась руководительница коммунистического просвещения.

Вот почему советская власть поступает совершенно правильно, когда принимает ряд мер, чтобы облегчить прием в ВУЗы детям рабочих и крестьян, создает рабфаки и т.д. Привилегия для рабочих и крестьян при поступлении — дело простой справедливости. Но всякую, самую хорошую идею можно извратить, внеся в нее мертвый бюрократизм, превратив ее в объект демагогии. Например, трудовой элемент сестра милосердия или не трудовой, имеют право ее дети на поступление в рабфак? Если судить с точки зрения здравого смысла, то сестра милосердия — элемент трудовой. Она несет тяжелый труд по уходу за больными, связанный и с физической усталостью — подумать только о бессонных ночах у постели больного — связанный с постоянной трепкой нервов. Если бы решение вопроса зависело от красноармейцев, несомненно, сестры милосердия отнесены были бы к трудовому элементу.

Но бездушный формализм не вникает в суть дела, сестры милосердия считаются по такому-то разряду, и довольно — перед их детьми захлопывается дверь рабфака. А желающий выслужиться демагог еще измывается: «вот, няня — это трудовой элемент, а сестра — это советская служащая, никак, никак невозможно дать вашему сыну командировку». Разве так можно? Или, талантливый юноша. Сын инженера. Каждодневно слышит разговоры о машинах, с детства изучил конструкции машин, бредит авиацией. Отец оказывает крупные услуги советской власти, работает по 12-14 часов в сутки. Сына не допускают ни в один ВУЗ: нетрудовой элемент. Разве это дело? Разве в Советской России можно швыряться талантами!

Одно дело — делать все, чтобы открыть доступ в ВУЗы детям рабочих и крестьян, другое — создавать из образования привилегию, культивировать дворянство навыворот. Формализм и демагогия затемняют совершенно правильно взятую линию. Демагогия на почве классового приема в ВУЗы отодвигает на задний план, затемняет еще другое, чрезвычайно важное полезное. Классовый прием — это одна сторона. Другая сторона, не менее важная, это содержание работы самих ВУЗов. Что будет толку из классового приема слушателей, если содержание университетского преподавания, вся работа в ВУЗе будут поставлены так, что пребывание в ВУЗе будет воспитывать из сына рабочего и крестьянина не строителя новой жизни, а спеца старого типа?

Если поступившие в ВУЗ рабочие и крестьяне в результате занятий выходят плохенькими интеллигентами, стоит ли весь огород городить. Классовый прием классовым приемом, а классовый характер программ занятий — другое, не менее важное. Умная буржуазия не закрывает формально двери ВУЗов перед трудящимися, она знает, что при капиталистическом строе очень немногие трудовые элементы попадут в ВУЗ. Зато она тщательно заботится о том, чтобы содержание преподавания в ВУЗах было таково, чтобы всякий студент превратился в усердного слугу капитализма, и переделывает попавшие в ВУЗы трудовые элементы в нужных для себя слуг. Нужно в этом отношении держаться образа действий либеральной буржуазии, у ней учиться: нельзя нервничать по поводу каждого попавшего в ВУЗ сына инженера. Если преподавание в ВУЗах будет поставлено как следует, каждый студент будет воспитываться в коммунистическом духе, будет выходить из ВУЗа верным слугой пролетариата. И тогда что за беда, если в вуз будет попадать известный процент интеллигенции. ВУЗ превратит сыновей инженеров, врачей, профессоров в верных слуг пролетариата. Разве это так плохо.

До этого, конечно, очень далеко. Организовать классовый прием куда легче, чем реорганизовать всю работу ВУЗов, влить в них новый дух. Что же делать? С одной стороны, изгнать демагогию и бюрократизм в деле классового приема, с другой – неустанно работать над реорганизацией ВУЗов. («Правда», 15 августа 1923 г.)

Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону:

Вы и Ваш брат должны были поступить в вуз, и Вас и Вашего брата не приняли. Ваш брат даже одно время был шофером? Не приняли Вас, потому что вы были дети интеллигента. <...> Классон написал об этом, т.е. о Вас, Крупской. Надежда Константиновна была очень возмущена и послала статью в «Правду». Что у нас, мол, те же нравы как в царской России, где были особые привилегированные заведения (как пажеский корпус, лицей и пр.), куда принимали только детей из определенных семей, ну и теперь у нас — то же самое. Статья эта вызвала восторг за границей. Ее всюду перепечатали и писали, что вот, мол, до чего у них дошло, сама Крупская возмущается. После этого вышел приказ (очевидно от Сталина?), чтобы статьи Крупской проходили какую-то цензуру, как статьи простых смертны. (ф. 9508 РГАЭ)

В феврале 1926-го Н.К. Крупская выступила с проникновенной речью на вечере памяти Р.Э. Классона (см. одноименное Приложение).

См. также «Славная родословная. Моя Крупская» (www.proza.ru/2011/12/10/1888).

Кудряшов Михаил Васильевич (1893 – не ранее 1967-го). Член ВКП(б) с 1918-го. Член правления «Электропередачи», член президиума Московского губернского профсоюза металлистов. В феврале 1920-го после ремонта турбин, вышедших из строя на халатности эксплуатационного персонала «Электропередаче» ПО И большевистского начальства (в т.ч. председателя правления Г.М. Кржижановского), М.В. Кудряшов, не только как член правления «Электропередачи», но и как член президиума Московского губернского союза металлистов, по просьбе Р.Э. Классона выехал на станцию и навел порядок в административных и профсоюзных делах. В 1922-31 гг. служил заместителем председателя, председателем правления МОГЭС (после назначения в 1929м прежнего председателя К.П. Ловина на должность начальника Челябтракторстроя). Во времена сталинского террора, получив уже зрелым человеком образование инженера, то занимал директорские должности, то снимался с оных. Тем не менее избежал репрессий и работал директором Всесоюзного теплотехнического института (1936-38), инженеромдиспетчером, начальником отдела Гидроэнергостроя до 1961 года.

Ленер Эрнест Алексеевич (ок. 1872 — ?). Австриец, д-р химии. С ноября 1900 г., будучи инженером акционерного общества «Электрическая Сила» (Петербург), созданного для строительства электростанций на бакинских нефтепромыслах, и помощником Р.Э. Классона в Баку, стал его близким товарищем по работе и на досуге — учил Роберта Эдуардовича ездить верхом на лошади. Позже добывал нефть в Румынии и Мексике.

В свою очередь познакомился с великой русской литературой:

Про товарища отца — Ленера, австрийца, прожившего в России, причем только в Баку, лишь несколько лет, и помнившего Щедрина — «реформа кончал, помпадур сажал» — я Вам, помнится, уже писал. В 1920-х годах в Берлине у него было собрание сочинений Щедрина. Очевидно, влияние писателей-демократов в царской России еще в начале XX века было очень сильно. (из письма И.Р. Классона С.Н. Мотовиловой, ф. 9508 РГАЭ)

В 1920-х Э.А. Ленер занимал должность директора Petroleumgesellschaft в Берлине, крупнейшего нефтяного предприятия в Германии, тесно связанного с крупными химическими предприятиями, ездил в Аргентину. Зимой 1923/24 г. был в советской России, вел переговоры в ВСНХ (или в НКВТ?) о постройке на немецкие деньги в России заводов для низкотемпературной перегонки в нефтепродукты и кокс «активированного» по способу Гидроторфа торфа. Переговоры эти ни к чему конкретному так и не привели. Во время своей учебы в Германии в 1920-х у Э.А. Ленера бывали в гостях И.Р. и П.Р. Классоны.

Э.А. Ленер и Р.Э. Классон в Баку (фрагмент любительского фото)

Лесгафт Петр Францевич (1837 — 1909). Основоположник научной системы физического образования и врачебно-педагогического контроля в физической культуре в России, педагог, анатом, врач. С 1868 г. — профессор Казанского университета, с 1886 г. — профессор Петербургского университета. В 1881 г. по инициативе Лесгафта были открыты курсы преподавателей гимнастики и фехтования для армии. В 1893 г. основал Биологическую лабораторию, в 1896 г. добился открытия при ней Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования (Высших курсов Лесгафта).

Поступив после окончания педагогических курсов на курсы Лесгафта, под влиянием идей последнего С.И. Мотовилова-Классон рассталась с корсетом:

Лесгафт очень любил тетю Соню и пригласил ее приехать погостить к нему летом. Тетя Соня тоже очень увлекалась Лесгафтом, сняла корсет и очень негодовала, что [моя сестра] Зина его носит. Летом тетя Соня поехала, кажется, на месяц в имение к Лесгафту. Но, с моей теперешней точки зрения, поступила бесцеремонно — поехала к нему не одна (приглашали ее одну), а взяла с собой тетю Веру и тетю Маню (ужасных скучняшек) и свою очень безличную подругу Иванову. Лесгафт, сам яркий, терпеть не мог безличных людей, Иванову возненавидел и называл ее «бледноноской». (из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону, ф. 9508 РГАЭ)

Петр Францевич Лесгафт

«Бледноноска» Мария Тимофеевна Иванова (из альбома С.И. Мотовиловой-Классон)

Лесгафт Эмилий Францевич (1870 – 1922), географ и педагог. Племянник П.Ф. Лесгафта. Окончил Петербургский университет (1892). С 1894 г. работал в Главной геофизической обсерватории по морской гидрологии и метеорологии. С 1907 г. читал лекции по географии в высших учебных заведениях Петербурга и преподавал в гимназиях.

«Бывший лаборант-консерватор при Санкт-Петербургском университете <...> Эмилий Лесгафт своей преступной деятельностью и сношениями давно обратил внимание вверенного мне Отделения, именно: при наблюдении за деятельностью привлеченного впоследствии к дознаниям за государственные преступления <...> студента Технологического Института Роберта Классона <...> были установлены их близкие сношения с Эмилием Лесгафтом.

Кроме того неоднократно было замечено, что Лесгафт, участвуя на ежегодных студенческих чаепитиях, 8 февраля, произносит на этих собраниях речи тенденциозного характера. Ввиду замеченного вредного воздействия его на учеников воскресных школ, в которых Лесгафт состоял преподавателем, распоряжением Департамента полиции от 7 Ноября 1896 года преподавание в означенных школах ему было воспрещено», — из донесения в Департамент Полиции шефа Отделения Санкт-Петербургского градоначальника по охранению общественной безопасности и порядка в столице, 5 марта 1903 г. (ф. 102 ГАРФ)

Линдлей Вильям Хирлейн (1853 — 1917). Английский инженер, сын тоже английского гражданского инженера Вильяма Линдлея (1808-1900), работавшего в Европе (в основном в Гамбурге). Отец канализовал Франкфурт-на-Майне, Дюссельдорф и множество других городов Германии и остальной Европы. Из «Местной летописи» газеты «Каспий» от 15 августа 1900 г.: «Известно, что представитель Линдлея госп. Шоль продолжает нивелировку самуро-бакинского водопровода. Недавно он писал городскому голове — имею честь известить, что такого-то числа июля скончался отец Линдлея, 93 лет от роду».

А сын в 1890-х и 1900-х руководил технической конторой во Франкфурте-на-Майне по водоснабжению и канализации сточных вод. Участвовал в работах испытательной комиссии при Электротехнической выставке во Франкфурте в 1891 г., привлек к этим работам, в качестве ассистента, своего сотрудника Роберта Классона, только что окончившего С.-Петербургский технологический институт, и тем самым задал вектор деятельности последнего на всю жизнь.

По воспоминаниям И.Р. Классона, именно более опытная в жизни жена Софья Ивановна настояла на том, чтобы Роберт Эдуардович немедленно принял приглашение англичанина — дабы избежать его возможного ареста в Петербурге («за политику»). А оказия возникла в связи с тем, что В. Линдлей просил директора (ректора) Технологического института (как мы уже упоминали, им тогда был заслуженный профессор Николай Павлович Ильин, лишь 30 августа 1891 г. перемещенный с этой должности на пост члена совета Министра Народного Просвещения) рекомендовать ему одного из оканчивающих студентов, который хорошо бы знал немецкий язык.

Англичанин, чья контора выполняла работы и в России, намеревался научиться русскому языку у своего молодого сотрудника. Это намерение по разным причинам реализовать не удалось. Зато одного высказывания шефа о том, что для инженера обязательно знание английского языка, было достаточным, чтобы Р.Э. Классон тогда же, во Франкфурте начал его изучать. А затем всю жизнь — следить за американскими и немецкими журналами, и самому неоднократно в них публиковаться. Правда, художественную литературу на английском он все-таки не читал. У В. Линдлея Р.Э. Классон выполнял проектные работы по водоснабжению и канализации сточных вод городов, в том числе проект насосной станции канализации для немецкого Мангейма.

В. Линдлей требовал от молодых инженеров, чтобы у них всегда при себе был карандаш — на тот случай, если бы потребовалось записать вдруг возникший вопрос или данные. И эти инженеры однажды подшутили над своим патроном при посещении бани. Когда они оказались нагишом, его вдруг спросили — а где же ваш карандаш? После чего показали изумленному шефу, что они-то все при карандашах, заложенных за уши!

Единственное фото В. Линдлея-сына (в центре), Баку, 1902 г.

Когда В. Линдлей узнал в 1891-м, что его сотрудник женился, он сейчас же удвоил ему жалованье. Умный шеф понимал, что назначение мужа — зарабатывать, а жены — рожать детей и обеспечивать семейный уют. А в начале 1900-х пути Р.Э. Классона и бывшего его шефа еще раз пересеклись — на этот раз в Баку, где последний проектировал водоснабжение и канализацию города. Их инженерное общение по поводу сложностей с очисткой от водорослей морской воды, забираемой на технологические нужды электростанций, отражено несколькими строчками в Бакинском дневнике.

Московский фельетон

<...> Все помнят, конечно, как оглушающе благотворно подействовала сообщенная московскому urbi et orbi [(городу и миру)] весть, что «знаменитый» Линдлей любезно соглашается дать Москве воду. И точно, московский обыватель не мог не оглушиться. Он слышал, что Линдлей _ известная заграничная штучка, [(дипломированный)], s.g.d.g. [(sans garantie du gouvernement, без правительственной гарантии – о патентуемом предмете)] – магическая для россиянина формула. Линдлей работал в Гамбурге, Эльберфельде, Франкфурте, Лондоне, Варшаве, Петербурге. Во Франкфурте он, впрочем, действовал не один, а с инженером Гордоном. В Лондоне он тоже лишь «участвовал» в работах.

В Петербурге его [канализационный] проект встретил существенные возражения со стороны Технического общества. Помнится, что сильно воевал против него и известный Зарубин, а кончилось тем, что проект был возвращен Линдлею для переделки.*

^{*} По крайней мере, в заседании петербургской Думы 18 января 1886 г. было решено поручить подготовительной комиссии по изысканию системы для отвода городских нечистот из С.-Петербурга дать заключение и внести в Думу, к 1 октября того же года, доклад собственно о канализации Петербурга по проекту инж. Линдлея, а все другие вопросы о лучшем способе удаления нечистот из города передать в Управу. Забавно, что еще в апреле 1890 г. в перечне нерешенных дел Думы значилось: «По проекту канализации инж. Линдлея». Сей проект оценивался аж в 10 млн. рублей! В том же году Московская городская дума порешила выпустить займы на устройство водопровода и канализации (первый проект предполагалось реализовать уже без госп. Линдлея).

Продолжение примечания

Писатель, изобретатель-самоучка, математик, землемер, соредактор «Петербургского листка» Павел Алексеевич Зарубин (1816-1886) в год своей смерти все же успел напечатать «рацпредложение»: «Научное разрешение вопроса об ассенизации СПб. по проекту Линдлея» (брошюра, 1886 г.).

В следующий раз госп. Линдлей был упомянут в столичной печати через 5 лет:

Сегодня [(4 мая)], в 2 часа дня, в зале Городской Думы, гласными Д.Д. Соколовым и А.Р. Гешвендом сделано было сообщение по проекту Линдлея, об устройстве в столице канализации для спуска нечистот. <...> Гласный Соколов в пространном сообщении, длившемся более часа времени, ознакомил гласных с историей вопроса о канализации и с главными основаниями предложенной инженером Линдлеем системы удаления нечистот. Вопрос этот давно уже возбуждался в Городской Думе и только в 1874 г. сделался предметом серьезной разработки в особой городской комиссии.

В 1875 г., из всех существующих систем, комиссия отдала предпочтение сплавной системе, и в том же году было поручено разработать проект канализации специалисту Доминикану, который однако умер и не успел окончить данного ему поручения. Тогда комиссия обратилась к английскому инженеру Линдлею. Труд Линдлея, оконченный в 1879 г. и доставленный в Петербург в 1880 г., в переводе [с немецкого] на английский язык, был издан в 1883 г. [на русском языке. Речь шла об объемистом докладе из 5 частей: Водостоки столичного города С.-Петербурга: проект на устройство водостоков на пространство между р. Большой Невой и Обводным каналом по поручению С.-Петербургской Городской Думы/ Гор. Комис. по изысканию сист. для отвода нечистот из С.-Петерб.; сост. В. Линдлей; чл. комиссии И.И. Домонтович и др.] Комиссия, состав которой был обновлен в 1886 г., представила свой доклад Думе в 1888 г., именно доклад о введении канализации по системе Линдлея.

Затем Д.Д. Соколов разъяснил главную цель канализации и основания системы Линдлея, с демонстрациями на выставленных в зале планах и моделях труб и каналов. Канализация по системе Линдлея, кроме непосредственной ее цели отвода нечистот, послужит еще средством удаления дождевой воды, а также и для урегулирования [уровня] почвенных вод. Для соблюдения возможной чистоты и опрятности каналов эти последние, по проекту Линдлея, должны промываться невской водой. <...> («Новое время», 5 мая 1891 г.)

На следующий год:

Заседание Думы

«> Заседание окончилось рассмотрением доклада и.д. городского головы [Н.Н. Медведева] по проекту Линдлея о канализации С.-Петербурга. Сделав краткое изложение хода дела, составитель доклада находит, что нельзя сомневаться в необходимости заменить существующий [ассенизационный] способ очистки городских нечистот более совершенною системою, но едва ли настоящее время пригодно для обсуждения проекта инженера Линдлея, требующего на осуществление его в течение 10 лет займа в 20 милл. руб. <...> Большинство гласных высказалось за то, что рассмотрение проекта Линдлея следует представить Думе в новом ее составе [(т.е. после выборов в марте 1893 г. и реализации в Петербурге нового Городового положения)].
(«Новое время», 15 октября 1892 г.)

И еще через год:

В первой половине июля приедет в Петербург инж. В.Г. Линдлей, он должен принять участие в совещании инженеров по предположенному устройству канализации Петербурга. Госп. Линдлей заведует канализацией гор. Варшавы («Новое время», 3 июля 1893 г.). Однако дальнейших сообщений не последовало...

Наконец, в 1897-м В. Линдлей все-таки появился в Северной Пальмире:

Канализация Петербурга

Вопрос о канализации Петербурга не нов. Еще в 1882 г. в городскую Думу поступил проект сточной канализации госп. Линдлея. Как и следовало ожидать, тогда этот проект заинтересовал все столичное общество. О нем заговорили газеты, его обсуждали в ученых Обществах. <...>Со дня подачи в Думу госп. Линдлеем проекта прошло уже 15 лет. О нем совсем забыли и, вероятно, это обстоятельство побудило госп. Линдлея приехать вновь в Петербург, на 3-й водопроводный съезд, чтобы напомнить городскому общественному управлению о своем проекте. Доклад госп. Линдлея состоялся вчера, 22-го Марта, в заседании съезда. Послушать его собрались не только члены съезда, но и многие из гг. гласных, во главе с городским Головою. Подробно говорить об этом докладе — значит, повторять старое. Госп. Линдлей проектирует проложить по всему городу подземные трубы для сточной канализации, причем сток всех нечистот он намерен направить в Невскую губу. Когда госп. Линдлей окончил, председатель, выразив ему благодарность за сообщение, предложил членам съезда высказаться по поводу доклада.

Повторяю: «сколько помнится»; но за точность этого воспоминания не поручусь. Насчет Варшавы мы будем говорить дальше.

Во всяком разе, Линдлей — крупная заграничная известность. Беда в том только, что на долю злополучных москвичей выпал не настоящий Линдлей, а — так сказать, мельхиоровый или апплике! У «известного» Линдлея-отца имеется несколько малоизвестных сыновей; одним-то из них и предполагается осчастливить Москву, так как сам старик болен, и если приедет в Москву, то лишь на короткое время, «для представительности», а работать он не может.

Вот какие недоразумения бывают на свете! Всему виной роскошные водопроводные сооружения в Варшаве, прельстившие московских делегатов, которые ездили за границу искать [библейских] Моисеев для источения воды в жаждущей Москве. Красота, а не здания! Москвичи руками даже всплеснули и «удивительно» рты раскрыли... Положим, строил эти дворцы не Линдлей, а берлинский архитектор Геман, но где же до таких мелочей добираться!

Кто строил водопровод в Варшаве?.. Линдлей... Подавай нам Линдлея!.. А то и в голову не приходит, чтобы спросить: «который?» Ввиду столь беспардонного увлечения москвичей расскажу им быль, не сказку, о варшавском водопроводе.

Началось там это дело в семидесятых годах. Обольщенные заграничными подвигами Линдлея (отца), варшавяне пригласили его к себе. Он в тринадцать дней, ни больше ни меньше, «изучил» всю местность и составил проект. Местные техники тогда же нашли этот проект «неудачным», но в ушах варшавян звучали отрадные уверения, что стоит только взять Линдлея и через два года, в 1881 году, «Варшава уже будет пользоваться главнейшими благодеяниями нового устройства»...

Был заключен такого рода контракт (делаю выдержки из лежащего передо мною печатного экземпляра):

1881 г. 11-го июля гражданский инженер Вильям Гирлейн Линдлей, от имени отца своего Вильяма Линдлея, заключил формальный контракт по устройству канализации и водоснабжению в г. Варшаве (следуют обязательства...).

Для выполнения всех этих обязательств по надзору Вильям Линдлей и сын, или один из них, будут приезжать в Варшаву по крайней мере 3 раза в год и оставаться столько времени, сколько то будет ими признано нужным... Линдлеи, как главные инженеры, получают [на двоих] вознаграждение по 20 тысяч рублей в год и 3 проц. с суммы произведенных работ... Город обязывается платить 12 тысяч инженерам, заступающим место Линдлеев; обязывается заготовить 8 комнат светлых, с окнами на север и прилично меблированных; обязывается содержать такое число чертежников и пр., какое будет признано необходимо Линдлеем для успешного хода работ и т.д. и т.д.

Окончание примечания

Доклад велся на французском языке, возражать надо было тоже на французском языке. Быть может это обстоятельство и было камнем преткновения, почему оппонентов докладчику явилось весьма мало. А.П. Веретенников высказал опасение что, в случае наводнения, нечистоты пойдут из труб назад и легко могут затопить подвалы. На это госп. Линдлей возразил, что бывающие в Петербурге наводнения он имел в виду. По его системе, высшая точка уровня труб будет в низменной части, которая подвержена наводнениям, и, в случае если произойдет наводнение, можно будет закрыть особыми кранами сообщение канализационных труб затопленной части города с остальными, чем и будет предотвращено залитие подвалов нечистотами.

А.П. Веретенников восстал так же против спуска нечистот в море, находя, что в случае западного ветра, когда течение даже и в Невской губе совершенно прекращается, нечистоты могут вместе с морской водой пойти в город. Госп. Линдлей и против этого опасения привел свои технические соображения, которые у него приняты в расчет при составлении проекта. <...>

Заключивши этот, весьма осмотрительный (со стороны Линдлеев) контракт, варшавяне сели у Вислы и стали ждать воды. Но проходили годы, а «благодеяний нового устройства» все еще не было видно. Приезжала в позапрошлом году министерская комиссия из Петербурга; она нашла, что работы идут крайне медленно, хотя штат служащих «непомерно велик», и предсказала, что к сроку работы кончены не будут... Предсказание оправдалось. Срок истекает 11-го июля [1886 года], а до благодеяний далеко еще, как до звезды небесной. Сделано ровно столько, что бросить начатое уже нельзя, а откуда взять денег на продолжение — неизвестно...

Между тем Линдлеи получили уже больше 8 тысяч за проект, да 100 тысяч за 5 лет работы; предстоит им получить еще 60 тысяч (3 проц. с двухмиллионной стоимости, если, по грехам варшавян, эти 2 миллиона не подрастут: на то они — «сметные» миллионы), да еще по 20 тысяч в год, смотря по тому, насколько затянется работа...

В общем, выходит, что для получения «благодеяний» придется истратить еще миллионов десять, и водоснабжение на каждого жителя обойдется в 41 руб., вместо «обещанных» 22½ руб. Как видите, перспектива более чем печальная. <...> К.

«Новое время», 21 июня 1886 г.

Московский фельетон

<...> В окрестностях Москвы происходит бег на крупный «водопроводный приз». Бегает, с русскими поддужными, иностранец Линдлей, один, без соперников.

В иных московских газетах появились недавно предварительные рекламы этому бегу, видимо почерпнутые из одного и того же источника. Источник старательно умалчивал, какой именно Линдлей приехал в Москву: «знаменитый» и кончено, этого оказалось достаточно. Настоящий Линдлей по старости лет отказался уже от всякой работы, а к нам приехал Линдлей-сын, состоявший в последнее время при отце, а теперь выступающий самостоятельно, за счет знаменитого отцовского имени.

За свои прогулки по Москве и ее окрестностям госп. Линдлей-сын получает, кроме путевых расходов, по 180 руб. в сутки, т.е. по 8 руб. в любой час, даже и тогда, когда госп. Линдлей спит. Деньги хорошие, и госп. Линдлей основательно расчел, что ему можно теперь продолжить контракт с Варшавой всего на один год, предоставивши остальную работу местным инженерам, а самому перебраться в Москву. Таких московских «суточных» не получал еще ни один инженер во вселенной. Так как госп. Линдлей русского языка не знает, то к нему приставили двух адъютантов.

<...> Дума знает только то, что ей докладывает городской голова, а эти словесные доклады нельзя назвать обстоятельными. Вчера госп. Алексеев заявил, что Линдлей (неизвестно который) приехал, осматривал и даст соображения, и что условия, выработанные раньше, все будут выполнены.

Тут есть маленькое увлечение, которое полезно отметить зараньше. Познакомившись с русскими исследованиями наших вод, госп. Линдлей нашел, что добывать всю воду из Мытищ и из-под почвы будет трудно, а гораздо проще воспользоваться водой Москвы-реки. Оно и понятно. Отец Линдлея все свои водопроводы строил из рек и Варшаву тоже хочет снабдить из Вислы; естественно, что и сыну это кажется сподручнее. Поэтому он, когда его повезли в Мытищи, долго там не задержался и Клязьмой не занялся (все, дескать, уже подробно исследовано русскими инженерами), а махнул прямо на Москву-реку и облюбовал ее...

Между тем, в прежних условиях Думы обязательно было вести воду не речную, которая плоха, а мытищенскую, или из других местностей, но непременно подпочвенную и качеством не хуже мытищенской. Теперь, следовательно, одно из двух: или госп. Линдлей не возьмется за непосильную задачу, или в угоду ему будут изменены прежние обязательные условия, что станет, конечно, в разрез вчерашнему заявлению головы.

«Новое время», 5 июля 1886 г.

Московский фельетон

<...> Излюбленный [городским] головою [Алексеевым] Линдлей нашел нелестную себе оценку не только в газетных фельетонах, но и в ученых, обстоятельных статьях «Журнала министерства путей сообщения» и «Вестника Русского технического общества». Сделалось неоспоримо известно, что Линдлей-сын ошибочно подставлен вместо Линдлея-отца. Доказано, что подставной Линдлей потерпел неудачу со своей канализацией в Петербурге. Корреспонденции из Варшавы свидетельствуют, что варшавский водопровод попал в кабалу к Линдлею и его служащим-иностранцам; одна всасывающая труба в Варшаве обошлась уже городу вшестеро дороже против «сметы». Очевидно стало, что такая же участь грозит Москве и что Линдлей имеет в виду «существенно» изменить условия, поставленные Думой для московского водопровода...

Мудрено ли, что против Линдлея теперь заговорили уже не три и не пять голосов, а целых тридцать, что гласные опомнились от «головокружения» и внимательно слушают теперь тех, кого они готовы были гнать из залы два-три месяца назад... Большинством всего пяти голосов (37 против 32) одолел в настоящую минуту Линдлей. <...> Большинством 37 голосов против 32-х Дума решила заплатить Линдлею 10 тысяч за предварительный проект [(кроме того он получил за «командировку» в Москву 3 тысячи рублей)]... Победа Пирра. Смысл этого решения понятен. Несчастный приговор 2 мая написан пером и его не вырубить топором. Теперь остается воспользоваться предварительным проектом серьезно разобрать «отступления». Будут ли они «существенны» или нет, от решения этого вопроса зависит вся судьба водопроводного дела, а с нею вместе – направление водопроводных труб и городских денег.

«Новое время», 26 июля 1886 г.

Московский фельетон

<...> В Москву пожаловал из Бельгии новый инженер госп. Верстратен (или Ферстратен, можно произносить и так, и этак). Он приглашен городским головою [госп. Алексеевым], за три тысячи рублей, для ознакомления с Москвой, как видите, по сравнению с Линдлеем, курс на иностранных инженеров у нас значительно пал.

Верстратену и предполагается поручить составление проекта водоснабжения, так как Линдлей «не оправдал возложенных на него надежд». Госп. Верстратен заведут брюссельским водопроводом, который по старости лет не уступит московскому.

К.

«Новое время», 30 августа 1886 г.

^{*}По приговору московской Думы от 2 мая городскому голове Алексееву было поручено пригласить инж. Линдлея для разработки проекта. В соответствии с сим приговором Дума не имела права передавать оный проект на обсуждение технических и ученых обществ, а могла лишь рассматривать «существенные отступления» в проекте, сделанные госп. Линдлеем противу ее условий, и обсуждать его финансовые стороны. Нельзя было также объявить конкурс проектов, чтобы выбрать самый достойный!

Московский фельетон

<...> А воды в Москве как тогда не было, так и теперь нет, зато «проектов» имеется много. Прежние фазисы несчастного водоснабжения вы знаете. Мы остановились на Линдлее, который дал «предварительную записку», ценою в десять тысяч рублей, а после Линдлея перед нами выступил госп. Верстратен, проект которого тоже стоит десять тысяч.

Этот проект городской голова, председательствующий в водяной комиссии, отдал на обсуждение нескольких русских инженеров — похвальный подвиг со стороны госп. Алексеева, который до сих пор так презрительно относился к русской инженерной науке. Из приглашенных отозвались гг. Титов и Красовский. Обширный печатный отзыв госп. Титова о записках Линдлея и Верстратена лежит передо мной и я вкратце познакомлю с ним читателей.

<...> Не менее печально отзывается госп. Титов и о Линдлее. То же незнание местных условий, догадки наудачу, фантастические цифры и стремление заручиться поскорее контрактом от города, а потом уже действовать «на ура» — вот основные черты всех иностранных проектов. <...>

К.

«Новое время», 7 февраля 1887 г.

Водное дело в Баку

<...> После того как Управа провалила всех явившихся на торги по устройству Куро-Бакинского водопровода, был выдвинут вперед Самуро-Бакинский водопровод, и тогда понадобился специалист для составления проектов Самуро-Бакинского водопровода и проч. Из трех лиц, изъявивших желание принять на себя эту работу, Управа остановилась на госп. Линдлее, и в заседании комиссии водоснабжения, состоявшемся в начале июня, члены комиссии из разных курортов телеграммами на имя Управы подали свои голоса за избранника Управы, госп. Линдлея.

Наконец, прибыл к нам Линдлей. Радости и ликованию не было конца, нашего спасителя чуть не на руках носили и, торжествуя, повезли его на Самуру. Окруженный своими техниками и сопровождаемый представителем Управы, госп. Линдлей по дороге к Самуру в Мюшкюрском участке, Кубинского уезда, где все живущие, со включением сюда и домашних животных, заражены малярийною заразою, нашел родники, которые обратили на себя взоры этого исследователя. Он, приступив к наружному осмотру этой местности, пришел к убеждению, что здесь у подошвы Шахдага находятся неиссякаемые источники подпочвенной родниковой воды, которой совершенно достаточно для гор. Баку.

Набрав в бутылочки этой чистой, прозрачной как хрусталь, родниковой воды кара-су (остаток от чалтычных полей), Линдлей вернулся в Баку, где скоро составил записку о снабжении города подпочвенною родниковою водою, доказывая вместе с тем, неосуществимость Самуро-Бакинского водопровода, и предложил произвести исследование чрез пробное бурение, причем определил размер расходов на такую пробу около 150 тыс. руб.

Доклад Управы и комиссии по водоснабжению об ассигновании этих 150 тыс. руб. вызвал в [Бакинской] Думе целую бурю. Некоторые из членов комиссии заявили, что они в первый раз слышат об этом докладе, и тут же торжественно отказались от звания члена. Линдлей, махнув рукой на неблагодарное общественное управление, вернулся на родину, взяв за свои труды около 10 тыс. руб. <...> «Каспий», 7 июля 1900 г.

<u>Из «Местной летописи» газеты «Каспий» за 3 сентября 1900 г.</u>

В одном из последних заседаний комиссии по водоснабжению было доложено, что нивелировка до Самура почти окончена, поэтому комиссия постановила, препроводив нивелировку госп. Линдлею, просить его представить проекты Самуро-Бакинский и Куро-Бакинский к 1 сентября. Ныне от госп. Линдлея получен ответ, что он, по случаю болезни, до конца осени составить этих проектов не может.

При этом нужно прибавить, что присланные сюда госп. Линдлеем инженер и прочие [работники] продолжают получать от города вознаграждение, хотя они уже окончили нивелировку, и, вероятно, будут получать до составления проектов.

В комиссии по водоснабжению

В заседании комиссии по водоснабжению 22 марта было прочитано письмо инженера Линдлея, касающееся водопроводного дела в Баку, написанное им в конце прошлого февраля [(1901 г.)] из г. Варшавы.

В 1899 г. член Управы и делопроизводитель комиссии по водоснабжению госп. Смоленский был командирован в Одессу на Водопроводный съезд, откуда он съездил в г. Варшаву, где, познакомившись с госп. Линдлеем и ознакомив его с положением водопроводного дела в г. Баку, предложил принять на себя труд по составлению проекта бакинского водопровода.

По возвращении госп. Смоленского и докладе о предложении госп. Линдлею комиссия по водоснабжению, согласившись на принятие этого предложения, просила госп. Линдлея приехать в гор. Баку и осмотреть реки Самур и Куру и местность близ урочища Кусаров. Госп. Линдлей написал проект договора на составление проектов канализации г. Баку и водопроводов Самуро-Бакинского и Куро-Бакинского и на исследование, чрез пробное бурение, подпочвенной воды. Проект этот Думою не был принят, но, несмотря на это, комиссия по водоснабжению, куда входил и весь состав Управы, выдала госп. Линдлею ¼ выговоренной им себе по проекту договора вознаграждение в размере 9 тыс. руб. и, приняв на службу городу избранных Линдлеем служащих и образовав особое водопроводное бюро, приступила к нивелировке по направлению к Самуру для составления Самуро-Бакинского водопровода. <...>

В сентябре прошлого года комиссия по водоснабжению <...> предложила госп. Линдлею приехать в г. Баку для окончания дела, но он, отговариваясь то болезнью, то смертью своего отца, отсрочивал приезд. Наконец, в начале января сего года комиссия предложила Линдлею приехать к 1 февраля в г. Баку и покончить с городом.

Благодаря такому настоянию комиссии госп. Линдлей написал городскому Голове письмо, которое и подлежало обсуждению комиссии. В этом письме своем Линдлей обвиняет город и в частности комиссию в том, что он [вынужденно] ограничил число избранных им для работ лиц и своевременно не выписал нужных для этих работ [нивелировочных] инструментов. Но особенно госп. Линдлей недоволен тем, что город до сих пор не принял его проекта договора, напирая на свое первое письмо из Варшавы, где будто изложены были его условия, которые приняты городским Головой [Н.А. фондер Нонне]*. <...> «Каспий», 24 марта 1901 г.

^{*} В феврале 1901 г. Н.А. фон-дер Нонне подал в отставку по болезни, и его выборную должность «заступил» М.А. Белявский.

К водной эпопее

<...> О приезде и изысканиях Линдлея распространяться не будем, хотя Дума отвергла его новый проект на изыскание подпочвенной воды, но комиссия по водоснабжению, чтобы еще крепче связать город с ним, выдала ему веред 9 тыс. руб., в счет платы за составление проекта Самурского водопровода, и приняла на службу избранных им специалистов на изыскания на Самуре. Работы на Самуре по настоящее время сопровождаются параллельно с работами на подпочвенную воду. Видно, что госп. Линдлей еще не расстался с мыслью произвести пробное бурение на 150 тыс. рублей.

Он так уверен в своем авторитете и такого нелестного мнения о нашем общественном управлении, что в одном из заседаний комиссии по водоснабжению не стесняясь сказал: «когда больной приглашает врача, он обязан исполнять предписание его, вы больны и пригласили меня, так и исполняйте, что я вам предлагаю». <...>

«Каспий», 28 марта 1901 г.

<u>Из «Местной летописи» газеты «Каспий» за 29 марта 1901 г.</u>

Вопреки ожиданиям городской Управы и комиссии по водоснабжению от инженера Линдлея получена телеграмма, в которой он извещает, что не приедет в Баку, но что его представитель госп. Шолль везет «инструкции», данные последнему в руководство для дальнейших «изысканий» по составлению проекта Самуро-Бакинского водопровода. Утешительное сообщение!..

Комиссии по водоснабжению вновь предоставляется ограничиваться запросами к госп. Шоллю о положении работ по изысканиям, ответы на которые по-прежнему будут получаться via Баку — Москва — Берлин — Франкфурт-на-Майне — Одесса — Батум — Баку!!

В комиссии по водоснабжению

В заседании комиссии по водоснабжению, 19 апреля, <...> председательствующий доложил заключение городского юрисконсульта о нарушении инженером Линдлеем договора с городом. В первом своем заключении госп. Куклин нашел, что между городом и Линдлеем существует договор, который обязателен для обеих сторон. Тогда комиссия постановила предложить госп. Куклину высказаться, существует ли этот договор и в настоящее время, когда госп. Линдлей к сроку, им назначенному к 1 апреля с.г., не только не составил проектов Самуро-Бакинского и Кура-Бакинского водопроводов, но даже не окончил изыскания. На это городской юрисконсульт теперь отвечает, что действительно госп. Линдлей нарушил договор. <...>

«Каспий», 21 апреля 1901 г.

Еще о подпочвенной воде инженера Линдлея

<...> Прошел 1900-й, наступил 1901 год. Миновал назначенный самим Линдлеем срок представления проектов в марте этого года, но сам он не явился и проектов не представил. Появился же он, наконец, в Баку после того, как ему было послано от водопроводной комиссии нечто вроде ультиматума.

12-го мая состоялось публичное заседание водопроводной комиссии, на котором госп. Линдлей и сделал свой доклад [(а дней через десять представил его перевод и объяснение по пунктам письма комиссии, посланного ему во Франкфурт)].

<...> Я, со своей стороны, прослушав речь госп. Линдлея, вынес очень странное впечатление. Прежде всего, о представлении проектов [Куро-Бакинского и Самуро-Бакинского] водопроводов не было вовсе и речи, а о Самуре и водопроводе из него даже и вовсе не упоминалось, как будто вопроса о нем никогда не было поднято. Прием со стороны Линдлея очень странный, чтобы не сказать больше, но, во всяком случае, очень смелый. <...>

Что меня поразило в речи госп. Линдлея, так это то, что в ней я не нашел ничего нового, против того, что им было уже сказано раньше в заседании комиссии 4 ноября 1899 г. <...> — скорее даже в ней было сказано меньше, а между тем после того прошло полтора года, и городских сумм израсходовано на какие-то изыскания 55 000 рублей.

- <...> В чем же выразился результат полуторагодовых изысканий госп. Линдлея, вернее сказать, целой свиты его инженеров [(оплачиваемых городом)]? Мы услышали в новых выражениях то, что слышали еще полтора года тому назад.
- <...> Он только одно и сказал, что открытые им источники [подпочвенных вод] (уж будто бы вы их открыли, госп. Линдлей!) дают 30 миллионов ведер воды [в год], т.е. в десять раз больше, чем нужно г. Баку. Но разве же на одном этом можно основывать постройку 25-миллионного водопровода? Разве так может говорить инженер, называющий себя знатоком водопроводного дела? Разве госп. Линдлей не знает, что видимый дебит источников есть величина крайне сомнительная, непостоянная, изменяющаяся по годам и даже по временам года? Что если даже этот дебит и кажется постоянным в течение нескольких лет, то это вовсе не значит, что он останется таким же и тогда, когда начнется эксплоатация этих источников? <...>

Но может быть госп. Линдлей основательно исследовал предлагаемые им источники? Позволю себе в этом усумниться, как, впрочем, сомневаются и все в Баку. Прежде всего госп. Линдлей имел слишком мало времени для решения подобного вопроса, как дебит указанных им источников, а во-вторых, он сам ни слова не говорил о ходе работ своих и своих инженеров, по этому вопросу.

Указание же на 30 миллионов ведер слишком голословно и бездоказательно. Мы даже не знаем, сколько определений [(замеров текущего дебита)] было сделано, в какое время и каким образом они производились. <...>

В своем докладе водопроводной комиссии 4 ноября 1899 г. госп. Линдлей говорит: «Но если бы предположения относительно грунтовых вод оказались ошибочными, то громадное количество воды могут доставить те же речки, о которых упомянуто выше», т.е. Вельвели-чай, Кара-чай, Ах-чай, Кубинка, Алпанка и Кусар-чай.

Против подобного заявления я решительно протестую. Все эти речки сплошь и рядом летом пересыхают, т.к. вода из них вся разбирается для орошения полей. И эта поливка начинается с ранней весны и оканчивается поздней осенью, так что вода из этих речек не берется только в немногие зимние месяцы. Где же это громадное количество воды, о котором так положительно говорит госп. Линдлей? Его вовсе нет. Г-ну Линдлею, вероятно, неизвестно, что в иные малоснежные годы этого «громадного количества воды» даже не хватает на орошение полей. <...>

Вообще все то, что говорит госп. Линдлей об источниках и речках, как результатах осмотра их в его поездку после 20 октября 1899 г., не заслуживает внимания. Госп. Линдлей упустил из виду самое пустое обстоятельство, а именно, что он ездил осенью, когда на орошение полей требуется, сравнительно, уже ничтожное количество воды. Едва ли это извинительно, а во всяком случае странно.

Горный инженер А. Сорокин **«Каспий», 25 мая 1901 г.** 4, 7, 8, 9, 15, 16, 18, 21 июня госп. Линдлей со своими инженерами давал объяснения на заседании комиссии по водоснабжению, иногда даже раздражался на упреки ее членов и пускал тогда в оборот термин «инсинуации»...

После долгих дебатов <...> комиссия постановила: внести в Думу доклад о продолжении изыскания на Самуре и на подпочвенную воду, испросив 30-40 тыс. руб. [(а в итоге могло бы потребоваться и все 500 тыс. руб.)] на буровые работы по изысканию подпочвенной воды в местности, указываемой инж. Линдлеем, и с тем, чтобы доложить Думе о результатах бурения; затем поручить инж. Линдлею составить проекты водопровода из рек Самур и Кура и канализации [(за 35 тыс. руб., позже Дума увеличила эту сумму до 40 тыс. руб., но лишь после утверждения сих проектов технико-строительным комитетом Министерства внутренних дел)].

В последующих комментариях, опубликованных в «Каспии», кроме цифры в 0, 5 милл. руб. потребных на буровые работы, появилась и цифра возможной стоимости водопровода, в следующем сомнении автора— а потянет ли Баку такой грандиозный проект в 18 милл. рублей?

<u>Эскизы</u>

Еще инж. Линдлей!!!

Инженер Линдлей оказывается истинным наказанием божиим для Баку. Он предъявил еще одно требование, и на этот раз настолько неосновательное, что прямо удивляешься, каким образом могут ему приходить в голову такие требования.

Как известно, по условию за составление проекта водопровода и канализации он получает с города 35 тыс. руб., причем изыскания на месте производятся за счет города. Изыскания теперь закончены, и Линдлею теперь остается взять добытый материал и составить нужные проекты.

Но вот в Управу является уже новый уполномоченный Линдлея — госп. Штренг и заявляет:

— Госп. Линдлей требует, чтобы город назначил до 6 тыс. руб. на уплату жалованья чертежникам, которые будут наносить на план добытые данные. Если это требование не будет исполнено, то и проектов город не получит.

Но за что же тогда госп. Линдлей получит с города 35 тыс. руб.? Изыскания сделал город за свой счет, он даже уполномоченному Линдлея платил жалованье. Теперь, если город еще составит Линдлею и план, то какая же еще работа останется ему самому? Т.е., как же собственно работа оплачивается теми 35-ю тысячами, которые получит Линдлей?

Ему остается взять линейку и провести черту на плане от Самура до Баку. Но и эту черту и нужные к ней вычисления он может поручить провести «своим» служащим, получающим содержание от города. По нашему простому разумению, раз люди получают содержание от города, то и на службе они находятся не у Линдлея, а у города. Значит, и план и все прочее будет составлено не Линдлеем для города, городом для Линдлея.

Отсюда получается следующее: город для Линдлея произвел изыскания, город составит для него план и проект, а Линдлей получит за это 35 тыс. рублей! Вполне заслуженное вознаграждение! Более удобно зарабатывать свой хлеб едва ли возможно. Впрочем, Линдлею вообще везет. Он, что называется, родился в рубашке. Имя знаменитого отца дало ему заказы без труда с его стороны. Говорят, что Линдлей-отец был человек добросовестный, а поэтому заказчики с Линдлеем-сыном подробных условий не заключают, что и дает ему возможность относиться ко всем заказчикам самым бесцеремонным образом.

В сущности именно это случилось и с Бакинской думой. Привез член Управы Смоленский Линдлея из Одессы, с водопроводного съезда, и заявил:

– Вот вам знаменитый Линдлей!

Имя Линдлея слышал всякий, а поэтому [водопроводная] комиссия, нисколько не задумываясь, тотчас выдала «знаменитости» 9 тыс. рублей. А как только деньги были получены, так и пошло: Линдлей предъявляет к городу массу требований, одно дороже другого, а сам ничего для города не делает.

У гласных [Думы] возникает сомнение:

– Полно! Знаменитость ли это? Разве знаменитости так поступают?

На это сомнение ответил гласный Бенкендорф. Он пришел в Думу с словарем Брокгауза [и Ефрона] и прочитал, что знаменитостью был Линдлей-отец, а мы имеем дело с Линдлеем-сыном, никакой величины из себя не представляющим. Известие ценное, но, к сожалению, запоздалое. Дума была уже в руках у Линдлея, и освободиться было трудно. Так оно тянется и до сих пор. Город уже израсходовал до 70 тыс. руб., а уверенности в том, что проект будет, до сих пор нет. Проект может быть, а может и не быть. <...>

«Каспий», 10 апреля 1902 г.

В комиссии по водоснабжению

Объявив заседание [20 августа] открытым, председатель водопроводной комиссии прочел доклад Управы экстренному заседанию Думы. Согласно этого доклада Управа просит Думу: 1) ассигновать в распоряжение комиссии 9 000 руб. для уплаты госп. Линдлею, согласно договора, в счет причитающихся ему 35 000 руб. за составление двух проектов водопроводов: с Самура и Куры; 2) ассигновать 10 000 руб. в распоряжение комиссии для разъездных расходов госп. Линдлея; 3) в виду того, что Дума 21 мая ассигновала 10 000 руб. в распоряжение комиссии на уплату жалованья служащим водопроводного бюро, из коих израсходовано 7 000 руб., 3 000 же руб. израсходовано на бактериологические исследования, а теперь является необходимым уплатить жалованье служащим бюро, ассигновать для этой цели 1 500 руб. и 1 000 руб. — на бактериологию; 4) на подробную перепись г. Баку по домам и квартирам ассигновать 10 000 руб.; 5) кроме того, необходима ассигновка в 20 000 руб. на новые изыскания родниковой воды в горной части местности, где имеются родники в большом количестве, и по нижнему течению реки Самур.

<...> По первому пункту доклада комиссия высказывается в утвердительном смысле, по второму же — комиссия решает ходатайствовать перед Думой об ассигновании 10 000 руб. в распоряжение комиссии с тем, чтоб расходы и по 3-му пункту производились из этой же суммы.

По поводу 4-го пункта госп. Линдлей говорит [(его слова переводятся с французского)], что первое, о чем просили Управу его помощники 4 года тому назад — это статистические данные квартир, т.к. прежде, чем приступить к составлению проекта водопровода, необходимо иметь полную картину населения города. <...> Вопрос ставится на баллотировку. За утвердительное решение высказывается 5 человек, против — 4. По пункту 5 высказываются предположения, что расход будет непроизводительным, т.к. правительство не разрешило провести воду, которая необходима населению соседних с родниками селений.

^{*} Как станет известно в сентябре того же года, в связи с предстоявшим в октябре выходом новой газеты «Баку», под псевдонимом «Фантом» (а так же и «Монгол») ранее писал сотрудник «Каспия» А.И. Матюшенский, которого и переманит к себе «Баку».

При этом госп. Ирецкий напоминает, что город уже израсходовал массу денег и времени на изыскания инженера Конради, а правительством в проведении в гор. Баку найденной воды отказано. Госп. Линдлей говорит, что найденные им родники нельзя сравнивать с родниками [обнаруженными] Конради, т.к. первые обслуживают только 4 маленькие селения, а воды в них столько, что ее хватит на 2 таких города как Баку.

Председательствующий заявляет, к 15 января [1903 г.] будут представлены госп. Линдлеем речные проекты, и было бы желательно, чтобы к этому времени приготовлены были и родниковые проекты.

Госп. Линдлей. Я все слышу про интересы населения деревень. Я думаю, что нахожусь среди представителей города, которые должны были бы говорить только об интересах города. Сравнение 4-х маленьких деревень с гор. Баку кажется мне странным, тем более что воды хватит и для первых. Для этого потребуется от города необходимый расход в несколько десятков тысяч рублей.

Госп. Бенкендорф. Никто не думает здесь защищать интересы деревень (sic!), но когда нам предлагают расходовать большие суммы денег, то мы хотим знать — на что? Результаты, полученные по отношению источника Шолар, недостаточны.

Госп. Линдлей. Мне поручено составить 2 проекта: на Куру и Самур. На Куре результаты получились плачевные, из Самура же вы получите теплую воду, которую нужно будет гнать за 200 верст. Сам Бог дал вам по дороге хорошую воду (Шолар), натуральные фильтры, а вы отказываетесь от этого божьего дара. Если бы даже можно было предположить, что Шах-даг когда-нибудь иссякнет, то и тогда нужно воспользоваться родниковой водой.

<...> На вопрос, откуда бралась вода из реки Самур для химических исследований, госп. Линдлей говорит, что в разных местах, в 12 верстах выше и ниже того места, где предполагается брать воду. Наверху вода хуже, по мере течения она очищается, но результаты все же нехорошие – после фильтровки оказалось 800 колоний бактерий на квадратный дюйм. По верхнему проекту вода пойдет в город самотеком, причем сооружения будут дорогие, нижнее же направление [(по пути следования которого находятся родники)] — дешевое. Верхнее представляет много технических затруднений.

Госп. Линдлей. В виду негодности куринской воды предлагаю сделать городу, вместо проекта на Куру, проект на Шолар, хотя большая часть работ по первому мною уже сделана.

Госп. Ирецкий. На 20 000 руб. нельзя будет определить количество воды в Шоларе.

Госп. Линдлей. Несмотря на запрещение Думы мною сделано по этому вопросу коечто. Я уверен, что будущие работы, в связи с уже выполненными, будут достаточны для финансирования водопровода, но я надеюсь, что водопровод не придется финансировать, а город сам будет его строить.

Голосование этого вопроса дает следующие результаты: «за» высказывается 4, «против» — 3, «условно», если не пройдет вопрос о верхнем направлении, один. <...>

«Бакинские известия», 21 августа 1902 г.

Экстренное заседание Думы (20 августа)

Заседание открылось в 7½ часов вечера при наличности 22 гласных и продолжались при 28-ми. В думской зале масса посторонней публики. По прочтении доклада Управы об ассигновании 165 тыс. рублей на изыскания родниковой воды начинаются прения по отдельным пунктам. Дума единогласно разрешает ассигновку в 9 000 руб. для уплаты госп. Линдлею, согласно договора в счет причитающихся ему 35 000 рублей.

Несмотря на энергичные протесты гласных Гасан бека Меликова и Ирецкого Дума постановила ассигновать 10 000 руб. в распоряжение водопроводной комиссии на расходы по поездкам госп. Линдлея, на уплату служащим водопроводного бюро жалованья, на производство бактериологических исследований и др., с тем чтобы комиссия уплачивала деньги по проверенным счетам.

<...> Инженер Линдлей извиняется, что ему приходится в третий раз говорить о подпочвенной воде, но его положение похоже на положение врача, которого больной просит прописать опий, когда ему необходима хина. «Если бы я вам не указал на подпочвенную воду, дарованную вам Богом, и на естественные фильтры, то я считал бы себя преступником, за вашу ошибку отвечу и перед будущими поколениями. Указанные мною родники дают постоянное количество воды в 7 миллионов ведер [в месяц], и это количество может быть увеличено. Температура родниковой воды постоянно холодная, жесткость ее, чем выше [родник], тем меньше. Что же касается опасений, что вследствие сейсмических явлений дорогие сооружения могут пострадать, то я должен вас поставить в известность, что по пути, по которому должен проходить водопровод на Куру, находится масса грязевых вулканов, а потому местность эта более подлежит землетрясениям».

<...> Ставятся на открытую баллотировку следующие вопросы: 1) ассигновать ли из запасного капитала [Баку] сумму в пределах 135 000 руб. для изыскания верхних источников и 2) ассигновать ли 18 000 на нижние изыскания?

Дума громадным большинством голосов решает оба вопроса утвердительно и просит городского Голову [А.И. Новикова] поехать в Тифлис для поддержания ходатайства перед госп. главноначальствующим о позаимствовании этих денег из запасного капитала. Решение Думы встречено громкими рукоплесканиями.

«Бакинские известия», 22 августа 1902 г.

Эскизы

Думская баталия

Итак, кампания городского Головы [А.И. Новикова] против водопровода, т.е., виноват, против речной воды, увенчалась успехом. Дума [20 августа] решила производить изыскания на подпочвенную воду и тем продлила предварительные работы на ...

Но насколько продлила, это трудно сказать. Линдлей говорит, что на год, до июля будущего года^{*}, а гласные Ирецкий и Бенкендорф утверждают, что на изыскания вообще потребуется 5-10 лет, причем даже и после этого нельзя быть уверенным, что водопровод вполне и навсегда обеспечен водой.

Я лично думаю, что на изыскания уйдет не больше 2 лет и уж ни в каком [случае] не больше трех. <...> Если же утверждать, что на изыскания уйдет более трех лет, то только в силу уверенности, что на подпочвенной воде мы строить водопровод не будем.

^{*} Инженер Линдлей [20 августа, в Думе] произносит довольно продолжительную речь (на французском языке, переданную А.И. Новиковым по-русски), указывает, что тщательное исследование источников [(родников над руслом р. Шоллар)] дают ему возможность утверждать, что дебет их величина постоянная, как и температура. Источники вышележащие дают лучшую воду, чем низшие, так что смело можно утверждать, что, перехватив их еще выше, город получит еще лучшую воду, не нуждающуюся ни в фильтрации, ни в водоподъемных сооружениях. Многие города Западной Европы как Франкфурт, Париж и другие идут на все жертвы, чтобы получить родниковую воду. Что же касается геологических переворотов [(разломов)], которые будто бы делают рискованным проведение самотечного водопровода на Самур и источники, то эти перевороты еще более опасны и Куринскому водопроводу, идущему мимо грязевых вулканов. — «Каспий», 22 августа 1902 г.

<...> Те, которые, больше знакомы с этим вопросом, чем городской Голова, решившийся так легкомысленно затянуть вопрос на 2-3 года, помнят и знают, что года 1½-2 назад весьма подробно рассматривался вопрос о глубине залегания подпочвенных источников. Рассматривали тогда этот вопрос специалисты-геологи и, по некоторым признакам, пришли к выводу, что вода может залегать на значительной глубине, измеряемой сотнями саженей.

Правда, и городской Голова и Линдлей и мысли не допускают о такой глубине, но, вопервых, они оба в этом не компетентны, а во-вторых, даже и в самом докладе Линдлея мы находим данные, говорящие о том, что глубокое залегание вод возможно. Он говорит, что выше источников, именно там, где он предполагает вести разведочное бурение, имеются пласты гравия, уходящие далеко вглубь.

- <...> С такой глубины мы не можем брать воду, и, следовательно, и в таком случае водопровод на подпочвенной воде строить не будем.
- <...> Иначе говоря, случится следующее: Линдлей будет бурить, в течение двух лет добурится до таких глубин, с которых брать воду нельзя, и тогда вопрос о подпочвенной воде сам собой канет в Лету. Потеряем мы, таким образом, два года и 200 тыс. рублей денег. Но Линдлей заявил, что он, как английский бульдог: что попадет ему в зубы, того он не выпустит. <...>

Против этого не приходится спорить, Линдлей, действительно, крепко держится за возможность доить бакинцев. А потому весьма возможно, что в конце бурения он придумает еще какую-нибудь штуку, откроет еще где-нибудь кристально чистую воду и попросит Думу продолжить ассигнование. И тогда бурение и прочие манипуляции по разработке запасного капитала [Думы] продолжатся до конца полномочий настоящего состава этой Думы, т.е. те три года, которые я выше допустил, как максимум оттяжки <...>

«Каспий», 22 августа 1902 г.

Хроника

В дополнение к сообщению нашему о ходатайстве, через директора канцелярии главноначальствующего на Кавказе [генерал-адъютанта князя Г.С. Голицына], городского Головы А.И. Новикова о разрешении ему представиться, вместе с госп. Линдлеем, для личного доклада о разрешении займа 184 тыс. руб. из запасного капитала города, на исследования Шоларских родников, госп. директор канцелярии телеграммой уведомил, что городской Голова и госп. Линдлей будут приняты князем главноначальствующим 22 сентября на ст. Баладжары.

«Бакинские известия», 13 сентября 1902 г.

<u>Хроника</u>

22-го сентября на ст. Баладжары Закавказской ж.д. главноначальствующему генерал-адъютанту князю Г.С. Голицыну представлялись: бакинский городской Голова А.И. Новиков и инженер Линдлей, для личного доклада о заимствовании 182 тыс. руб. из запасного капитала на изыскания Шоларских родников для снабжения г. Баку водой.

Его сиятельство князь главноначальствующий, ознакомившись со всеми обстоятельствами этого вопроса, высказался, что прежде разрешения займа необходимо точно выяснить права на воду и землю, откуда родники эти берут начало, одновременно выяснить, пользуются ли водой родников местное население для орошения полей и, в утвердительном случае, какое количество необходимо воды для сельско-хозяйственных нужд населения.

Во исполнение этого предложения городской Голова вчера приступил к собиранию точных сведений: кому принадлежат на праве собственности родники, равно земли, откуда они берут свое начало, жители каких селений пользуются этой водой для орошения полей, садов и других нужд, и в чьем вообще фактическом ведении состоят эти земли.

Прибавим от себя, что Шоларские родники берут свое начало в казенных лесных дачах Кубинского лесничества, а водой этих родников пользуется население нескольких деревень, как для питья, так и орошения полей и садов.

«Бакинские известия», 24 сентября 1902 г.

В «защиту» инженера Линдлея

В новогоднем нумере «Бакинских Известий» помещено письмо городского Головы А.И. Новикова коим он возражает против заметки, помещенной в той же газете от 31 декабря, под заглавием «Гонорар госп. Линдлея». Собственно говоря, в этой заметке, состоящей всего из трех с половиной строк, ничего против Линдлея не говорилось, а сказано лишь, что город уплатил ему за 3 года 145 356 руб. 11 коп. Госп. Новиков ничего против этой цифры, несомненно, верной до последней копейки и, как видно, точно высчитанной служащим из канцелярии его, Новикова, по официальным документам, не возражает.

Ему кажется, что репортер газеты, сказав, что эти деньги выданы госп. Линдлею, тем самым хотел бросить тень на европейскую знаменитость, каковою признан инженер Линдлей и госп. Новиковым. Между тем как Линдлей за трехлетнюю свою работу для города получил всего 18 тыс. руб., а все остальное израсходовано городом на содержание водопроводного бюро, ничего общего с Линдлеем не имеющего. Из этих слов госп. Новикова выходит, что Линдлей, благодетель города, далеко не получил того вознаграждения, какое ему, знаменитости, следовало бы получить от г. Баку, что город платит водопроводному бюро сам, и это Линдлея не касается.

Но так ли это и не слишком ли, по обыкновению своему, увлекается наш городской Голова, выступая в защиту госп. Линдлея? Ответом на это может служить историческая справка об отношениях города Баку к инженеру Линдлею со дня появления его на бакинском горизонте по настоящее время.

После неудачных торгов в конце 1898 г. на постройку Кура-Бакинского водопровода комиссия по водоснабжению вместе с Управою (они тогда составляли нераздельное целое, т.к. член Управы госп. Смоленский продолжал оставаться делопроизводителем комиссии) решили поискать другой способ водоснабжения города и для этого командировали госп. Смоленского в г. Одессу на съезд водопроводный. Там он познакомился с госп. Линдлеем и предложил ему принять под свое покровительство г. Баку и сделать новые изыскания на реке Самуре.

Госп. Смоленский вернулся, и вскоре потом было получено от Линдлея письмо с предложением условий. На это был послан ответ, подписанный бывшим городским Головою Фон-дер-Нонне, с предложением приехать в Баку. После долгих ожиданий приехал госп. Линдлей, окруженный штатом своих инженеров.

Торжественный прием и поездка на место и не менее торжественное заседание комиссии, где госп. Линдлей расписывал, как он направит Самур к г. Баку, привели многих в восторг. На возражение кое-каких неверующих госп. Линдлей ответил с пафосом: «вы больны, а я врач, больной беспрекословно должен исполнять требования врача!». Управа и комиссия были очарованы и решили на словах выдать Линдлею за его будущую работу 9 тыс. руб. и открыть в Баку водопроводное бюро, которое будет состоять из назначенных Линдлеем специалистов.

Дума отпустила на эти новые работы 70 тыс. рублей. Госп. Линдлей уехал во Франкфурт на Майне, обещав покончить предварительные изыскания к известному сроку, а затем составить проекты Самуро-Бакинского, Кура-Бакинского водопроводов и канализации города. Нужно заметить, что госп. Линдлей по возвращении с Самура предложил Думе произвести изыскания на подпочвенную воду, но Дума эти предложения не приняла.

Назначенный Линдлеем срок изыскания прошел, Линдлей обещания своего приехать в Баку не исполнил, служащие его в водопроводном бюро куда-то ездили, где-то как-то жили и уклонялись дать представителям города отчет, но аккуратно получали содержание. Наконец, комиссия стала бомбардировать госп. Линдлея своими телеграммами о приезде. Одна телеграмма от Линдлея извещала, что он приедет через неделю, а через неделю получалась другая, что он было выехал, но по болезни жены вернулся назад. Словом, переболели все в семействе Линдлея по очереди, и он поэтому откладывал свою поездку. А штат его служащих в Баку все продолжал получать жалованье, и никто не знал, что они там и как делают.

Обновленная комиссия по водоснабжению решила покончить с знаменитостью, но это оказалось не так легко: никакого договора с Линдлеем не было заключено, а специалисты-юристы уверяли, что если на письмо Линдлея с условием был послан ответ приехать, то этим самым город обязался пред госп. Линдлеем исполнить его условия.

Наконец приехал госп. Линдлей в мае 1901 года. Пока он поехал на Самур, проверял работы, восхищался прозрачными холодными струями родника Шолар, часть членов комиссии и гласные Думы разъехались по разным курортам, а оставшиеся заключили с ним новый договор, в силу которого Линдлей обещался покончить предварительные изыскания к 1 апреля [1902 г.], а проекты Самурский, Куринский и канализации города представить к 1 октября [1902 года].

Тогда госп. Линдлей представил новую смету на продолжение работ на 60 тыс. рублей. Оказалось, что из прежних 70 тыс. руб. осталось только 25 тыс. руб., поэтому с трудом собранная Дума утвердила договор и доассигновала еще 35 тыс. рублей.

К 1 апреля [1902 г.] Линдлей, устранив своего управляющего Шоля, назначил на его инженера – Штренга, который объявил место предварительные изыскания еще не кончены, и Линдлей поручил ему, если город не согласится продолжать изыскания, собрать все собранные данные и уехать к нему во Франкфурт. 5 апреля комиссия по водоснабжению. Постановила водопроводное бюро и жалованья служащим Линдлея не давать и предложить ему согласно договору приехать в Баку для обозрения работ и приступить к составлению проектов. Тогда снова пошли болеть члены семейства Линдлея и лишили его тогда возможности приехать в Баку. В это время городскою Головою сделался А.И. Новиков, и Линдлей [в августе 1902 г.] приехал в Баку, где встретил со стороны своих поклонников все тот же ласковый прием. Загипнотизированная комиссия под председательством госп. Новикова отсрочила срок изысканий до 1 июля и представления проектов до 15 января 1903 года. Мало того, комиссия разрешила кредит в 150 тыс. руб. на изыскание подпочвенной воды.

Госп. Линдлей уехал в полной уверенности, что ему теперь никто прекословить не будет. К 1 июля изыскания не [были] окончены, но служащие Линдлея в водопроводном бюро продолжали получать жалование. Наконец, в прошлом декабре кто-то из членов комиссии сделал заявление о том, на каком основании служащие Линдлея продолжают получать жалованье?

И вследствие этого заявления комиссия по водоснабжению, в нарушение постановления Думы, решила продолжать выдавать жалованье служащим Линдлея еще до 15 января, когда должны быть представлены обещанные Линдлеем проекты.

Теперь срок представления Линдлеем проектов не за горами, но А.И. Новиков собирается выехать в С.-Петербург 14 января, т.е. накануне истечения окончательного срока Линдлея. Будут ли готовы проекты? А затем — кто получал или, вернее, по чьей вине от города получались столь громадные суммы? М.

«Каспий», 6 января 1903 г.

Из «Местной летописи» газеты «Каспий» за 19 февраля 1903 г.

Городской Голова Новиков получил телеграмму из Франкфурта от инженера Линдлея, который, по обыкновению, указывает на свою болезнь и говорит, что Куринский проект очень труден по причине многочисленных вариантов и на его составление потребуется еще 8 недель работ приблизительно. Точно определить срок окончания работ, пишет госп. Линдлей, невозможно, потому что выполнение их может потребовать значительных изменений, поэтому он не может выслать и части проекта. В заключение он просит госп. Новикова «сохранить к нему доверие, что его поддерживает, и он сделает все возможное». Утешительно!?

<u>Из «Хроники» газеты «Бакинские известия» за 8 января 1904 г.</u>

Представитель госп. Линдлея инж. Ф.Р. Дюргам просит городского Голову [А.И. Новикова] сделать представление о выдаче ему свидетельства на ношение оружия. Госп Линдлей, его товарищи и вообще весь состав [водопроводного] бюро, как известно, в настоящее время находятся на месте изысканий [(на Гильских высотах)].

В качестве ассистента к себе представители инж. Линдлея предлагают городскому Голове пригласить молодого инженера Эдуарда Линдлея, окончившего курс в Кембридже. Ассистент должен быть приглашен для производства таксировки.

Следом Эдуард Линдлей был утвержден комиссией по водоснабженик нивелировщиком без жалованья, согласно представлению Уильяма Линдлея.

В **«Бакинских известиях» от 5 февраля 1904 г.** Александр Новиков опубликовал очередную главу из «Записок о городском самоуправлении» — XXVI. Вода и канализация.

<u>Арабески</u>

Водопроводный король Линдлей I соизволил прислать в вассальное Бакинское городское управление обширный указ, коим подтверждает все свои прежние указы и требует пунктуального выполнения вассальных обязательств. «Указ» можно бы обойти молчанием в виду его крайне плохого языка и отсутствия серьезной мотивировки. Но в нем есть нечто новое и весьма пикантное.

Опираясь на донесения своих уполномоченных гг. Пфиффера и Дюргама, Линдлей авторитетно заявляет:

– Французское общество бурения ведет работы [на Гильских высотах по изысканию подпочвенных вод] крайне медленно, проявляет полную неподготовленность к ним, а потому я нахожу, что так дело идти далее не может и требую изменения принятого порядка.

Сказано сильно, сердито, но не совсем основательно.

^{*} Поездка Бакинского Головы была связана, в том числе, с попыткой получить одобрение «властей предержащих» на изъятие из запасного капитала города искомых 150 тыс. рублей.

Что Французское общество бурения ведет работы медленно и неумело – вне спора и сомнения. Что расходы на бурение, достигшие солидной суммы – 13 тыс. руб., не оправдываются количеством выполненных работ – так же бесспорно.

Но причем же здесь муниципалитет, комиссии, городские инженеры? Ведь линдлеевским контрактом все эти инстанции связаны по рукам и ногам, устранены от активного участия в водопроводно-изыскательном деле и превращены в безличных исполнителей чужой воли, капризов, неосновательных и убыточных требований.

Когда возник вопрос о сдаче с подряда буровых работ [на Гильских высотах], направляющая роль находилась в руках гг. Пфиффера и Дюргама. С ними совещались, их выслушивали, им предоставили право выбора буровой фирмы, и заключение договора с Французским обществом — результат их мудрых указаний и советов.

<...> В договоре [Бакинской Управы] с Французским обществом есть пункт, обязывающий городское управление заплатить за все проектное количество работ даже и в том случае, если договор будет нарушен почему-либо раньше их окончания. Предельная норма бурения — 250 сажен. До сих пор на протяжении почти трех месяцев сделано буровых 21 сажень, остается сделать 229 сажен.

Следовательно, если бы городское управление выполнило «указ» Линдлея и расторгнуло контракт, то ему пришлось бы заплатить или, что одно и то же, выбросить на ветер 12 595 руб., считая по 55 руб. за сажень.

<...> О «деловитости» уполномоченных Линдлея можно судить по следующему факту. Буровые работы начаты почти три месяца назад, а заявление о недоброкачественности работ сделано гг. Пфиффером и Дюргамом во второй половине апреля... Не странно ли это и не наводит ли это на критические размышления, сомнения, подозрения? Два с половиной месяца все шло гладко и одобрялось молчанием линдлеевских уполномоченных, а на третий месяц все превратилось в плохое, негодное, нецелесообразное... <...> Дон-Диего [(Е.А. Бондаренко)]

«Каспий», 1 мая 1904 г.

<u>Из книги Александра Новикова «Записки городского Головы», 1905 г.</u>*

В этом же заседании в [Бакинской городской] Думе говорилось о больном вопросе — о воде. Войти в детали, ознакомиться достаточно, чтобы иметь свое мнение — в несколько дней было нельзя, тем более что мнений было весьма много и весьма разноречивых. Главные две группы были: линдлеевцы и антилиндлеевцы.

Линдлей — англичанин, имеющий очень большую контору в Франкфурте-на-Майне. Его специальность, как и его отца, водоснабжение и канализация. Отец его энциклопедическим словарем, а потому и всеми бакинцами, признавался знаменитостью. Сам же Линдлей имел и горячих сторонников весьма, надо сказать, немногочисленных, и врагов непримиримых и составлявших, по-видимому, большинство Думы. К врагам принадлежала редакция «Каспия», в лице гласных, Топчибашева и тестя его Гасан-бека Меликова.

Г. Меликова я прежде тоже знал по газетам, как гласного, не пропускавшего ни одного думского вопроса, чтобы не поговорить, притом всегда нападая на Управу или кого-либо из ее агентов. Он часто не стеснялся обвинять агентов Управы и в кражах, причем обвинения оказывались мало обоснованными, а иногда и просто клеветническими. Его девизом было: «под суд». Так вот эти господа были самыми ярыми антилиндлеевцами. А так как в их руках был «Каспий», т.е. вся бакинская пресса, то естественно, что против Линдлея было и общественное мнение.

^{* «}Записки городского Головы» А.И. Новикова впервые были опубликованы в журнале «Образование», начиная с сентября 1904 г., и «Бакинские известия» перепечатывали пространные выдержки из них.

Двадцать пять лет назад бакинская Дума начала искать воды. Тогда же была образована многочисленная думская водопроводная исполнительная комиссия, и все это время Баку к воде не приблизилось. Естественно было пасть духом.

Местное население пьет колодезную воду, во-первых, полусоленую, такую, что непривычному человеку и в рот ее брать противно, во-вторых, необычайно жесткую, в-третьих — и это худшее — с несчетным числом бактерий. Отсутствие канализации большого города, очевидно, все более и более ухудшает эту воду.

Стали искать воду в разных родниках и ничего не нашли подходящего: или вода была нехороша, или воды было мало, или наконец ее, по местным условиям, нельзя было взять, как нужную для населения ближайших деревень, которым, кроме питьевой воды, нужна еще большая масса воды для орошения полей, только при этом условии удобных для сельского хозяйства.

Денег израсходовано было много, а толку все не было. Наконец, пришлось, во что бы то ни стало, изыскивать источники водоснабжения. Пробовали привозить воду на судах, морем из Волги, из Куры. Вода была дорога, а иногда, вместо пресной, вода приходила соленой. Наконец, устроили городской опреснитель для добывания пресной воды из морской. Опреснитель не пошел, вода была слишком дорога. Черев короткое время заключили договор с берлинской фирмой Артура Коппеля о постановке в Баку нового опреснителя по системе русского инженера Ягна.

Этот опреснитель и действовал при моем приезде в Баку. Вода стоила ¾ копейки за ведро, летом была тепла и мало освежала, и притом страдала присутствием меди, правда, в весьма малых, хотя и вовсе нетерпимых количествах. Медь зависела от недостатков самого опреснителя, железо — оттого, что городская сеть никуда не годилась и была внутри покрыта ржавым налетом. Иногда вода выходила совсем красною. На городских будках фильтров не было.

Естественно, что население роптало и требовало, прежде всего, воды.

Один из моих товарищей по управе, член управы В.С. Смоленский, года три перед моим приездом, ездил на водопроводный съезд, кажется, в Одессу и там познакомился и увлекся Линдлеем. Он его пригласил в Баку. Кончилось тем, что Дума поручила Линдлею разработать два проекта одновременно, оба на разную воду: из Куры и из Самура. Делая свои исследования и ознакомившись с местностью, Линдлей пришел к заключению, что для Баку неподходяща по разным причинам ни Куринская, ни Самурская вода, а что нужна вода родниковая или подпочвенная — результат таяния вечных снегов Шах-Дага. Раз он пришел к этому заключению, он это говорит бакинцам.

– Бросьте, мол, ваши Самур и Куру и сделайте эти исследования.

Водопроводная комиссия соглашается с ним, но Дума отказывает.

– Кура и Самур; больше ничего не хотим!

Проходит год. Линдлей свои исследования все продолжает и опять говорит:

– Позвольте же мне исследовать родники. Ведь это я сделаю одновременно с Курой и Самуром. Это дела не оттянет.

На этот раз и комиссия против него. Напрасно умнейший гласный Гаджи-Зейнал-Абдин Тагиев убеждает Думу последовать совету Линдлея. Напрасно предлагает Тагиев тридцать тысяч [из своего кармана] на начало работ... Дума стоит на своем...

- Кура и Самур! Родников не хотим и не позволяем.
- <...> Водопроводная комиссия злобствовала против Линдлея, придиралась ко всяким счетам его агентов; одного из них, инженера Поповича, отдала под суд за растрату городского имущества по ложному навету разочтенного [(уволенного)] переводчика. Занимались не водопроводными делами, а выкапыванием всяких мелочей, лишь бы обвинить ненавистного им Линдлея.

При этих обстоятельствах я приехал: «Каспий» разносит Линдлея; я слышу, и pro и contra, но разобраться хорошенько не могу. На заседании водопроводной комиссии – разговор о председателе. Узнаю, что в виду важности дел, ей порученных, у нее был особый председатель, гласный Антонов, но что он ушел; затем хотели взять платного председателя, который только этим бы и занимался.

Предназначали на это место гласного Сапарова и ассигновали было тысяч шесть. Но губернское присутствие нашло почему-то, что нельзя председателю исполнительной комиссии получать больше члена управы, и ассигнования этого не утвердило. Так шло дело — ни шатко ни валко. Комиссия, повторяю, без председателя, занималась подсчетом, сколько линдлеевские инженеры съели сардинок. Я приехал, и комиссия в председатели наметила меня. Я согласился.

Этот вопрос тоже рассматривался в Думе. Один из моих больших недостатков – крайняя мнительность, и во всяком мнении, не схожем с моим, я вижу желание меня задеть, а то и вовсе оскорбить. Прения о председателе водопроводной комиссии были оживленны. Многие требовали платного председателя, а мне казалось, что им не платный председатель нужен, а нужно меня как-нибудь не допустить до дела. Я ждал решения с нетерпением. Оно оказалось благоприятным: я выбран в председатели.

Ненавидя национальные соображения, я боялся везде натолкнуться на таковые. Последнее время меня как-то напугали рознью между враждующими в Баку партиями. Да я и так заметил признаки недоброжелательства. Мне казалось, что, будучи ставленником главным образом татарской партии, я тем самым не совсем симпатичен армянам, несмотря на то, что и они мне клали белые шары.

В деле, только что описанном, мне показалось, что татары за меня, а армяне против. Думаю теперь, что это все было дело моего воображения, но тогда я приписывал этому большое значение.

Насчет линдлеевских дел мне пришлось высказаться на первых же порах. Дело шло о счетах в десять тысяч рублей, предъявленных к оплате агентами Линдлея. Договор с ним состоял в том, что все предварительные изыскания делаются на месте за счет города, а сами проекты водопроводов из Самура и Куры выполняются Линдлеем во Франкфурте за 35 000 рублей. Теперь бюро Линдлея представляло счет в восемь тысяч за работы по планам. Планы, снятые на месте, с обозначением высот, с черновиков наносились на громадные листы и покрывались тушью. Очевидно, это относилось к подготовительным работам на местах. Но комиссия еще до меня, вопреки очевидности, решила, что составление беловых планов входит в составление самого проекта и должно быть сделано Линдлеем за счет его 35 000 [рублей].

Не высказываясь по существу всего линдлеевского дела, я настаивал в комиссии, мною собранной, что 8 000 должны быть уплачены городом. Дума тоже со мной согласилась. Я тут же, впрочем, заметил недоумевающие лица гг. Топчибашева и Меликова. Что же это? — читалось на их лицах. — Разве мы его выбрали Линдлея поддерживать? На следующий день в «Каспии» появилась статья главного сотрудника «Фантома» под заглавием: «Милое дитя». «Милое дитя» был я, который научился еле говорить, а уж наговорил о воде и Линдлее массу глупостей, вроде того, что вода лучше десяти тысяч и т.д. Дитя просило конфетки, и ему дали конфетку. Но дитяти этого было мало. Оно запросило секретаря управы. Дали ему и секретаря. Но и этого мало. Захотелось ему «памятной книжки» (я, говоря о личном секретаре, между прочим, сказал, что он должен записывать многое, что велит Голова, напоминать ему о разных вещах, словом, служить как бы памятной книжкой).

Дали дитяти и памятную книжку. В конце г. Фантом уже серьезно говорит, что «свои» потребности каждый должен удовлетворять сам, и что странно городу нести расходы на «памятные книжки» Головы. Такой вздор меня удивил со стороны г. Фантома, всегда симпатичного мне, когда он писал о рабочих.

Неужели, думал я, он вправду думает, что личный секретарь нужен мне, Новикову, а не Голове? Еще больше удивила меня эта статья своим появлением в органе моего «крестного» [в избрании Головой]. Мне это показалось не к добру.

Но вскоре в том же «Каспии» за подписью Т. появилась еще статья, где г. Т. обвиняет управу (читай меня) в удивительной решительности, с которой управа проводила пособия служащим, новые прибавки и «даже» новые должности.

Эта статья совпала с моим отъездом в отпуск на лечение и окончательно убедила меня в том, что на особую поддержку «Каспия» мне рассчитывать нечего. Несколько это меня все-таки смутило.

На первых же шагах моей общественной службы мне пришлось заняться и опресненной водой. Вода эта была иногда совсем бурая от ржавчины в трубах, но тут завод был ни при чем. Приходилось устраивать свои фильтры. Но и сама вода была нехороша. Надо было уничтожить следы меди; надо было летом понизить ее температуру, так как ее нельзя было пить; надо было насытить ее недостающими газами. Срок нашего договора кончался. Обеим сторонам полезно было его изменить.

Приехал инженер Ягн, я и созвал водопроводную комиссию. Долго говорили мы, собирались раза два и ни к чему не пришли. Но не это интересно. Интересно то удивительное недоверие к людям, которое я заметил в бакинцах. Прежде всего человек, с которым они имеют дела, их враг, будь это контрагент, будь это служащий. Так и встречают приезжего. — Ага! Едет! Как-то он нас надует, надо держать ухо востро!... К этому я вернусь в свое время и приведу разительные примеры.

<...> Прежде чем ехать на воды [за границу], мне предстояло посоветоваться с берлинскими знаменитостями[-медиками]. В Берлин выехал для встречи со мной и Линдлей. День я провел с ним. Он меня ввел в курс дела бакинского водоснабжения, и я прозрел. Я сравнил доводы его с нападками, обвинениями и опровержениями его противников, и мне обидно стало за дело воды, всецело зависевшее от этих противников. Разрушить обвинение, поставить изыскания на правильный путь, восстановить доверие к этому человеку — вот что я поставил себе ближайшей и главной задачей. Он мне объяснил, что занят бесплодной работой — речными проектами Куры и Самура, и что он от этой работы давно отказался бы, не будь у него надежды убедить бакинцев в очевидности пользы родниковой воды. Я понял его доводы, и они стали для меня ясными, как дважды два — четыре. Я увидел, чего стоят упреки в корыстолюбии этого бескорыстнейшего человека, поставившего целью своей жизни поить жаждущих; мне стало стыдно перед ним за его противников.

Остальное вытекало само собою из сказанного: надо было переубедить Думу, дать городу хорошую и дешевую воду вместо дорогой и дурной.

День, проведенный с Линдлеем, кроме практической пользы, принес и эстетическое удовольствие. Редко приходилось у нас иметь удовольствие видеть человека, одинаково сильного и физически, и умственно, и духовно. В Англии видишь это сплошь да рядом, а у нас сильный дух почему-то всегда прячется в нервно-чахоточную оболочку, и, наоборот, крепкие мускулы заранее предвещают отсутствие внутреннего содержания. Этот результат — величайший укор нашей педагогике.

С Линдлеем мы сговорились, что он приедет в Баку к концу моего отпуска, т.е. в августе [1902 года]. <...> Кроме общего руководства делами, которое на мне лежало, как на Голове, и кроме проведения в жизнь новых начал и реорганизаций, которыми я хотел поднять городское дело, на мне лежали обязанности как на члене управы. Самое крупное из них было дело о водоснабжении. Крупным оно было как по тому состоянию неподвижности, в котором оно пребывало до меня, и по той важности, которую оно имело для города, так и по массе потребованной им энергии и труда. Делилась эта работа на две части: изыскания будущего большого водоснабжения и удовлетворение временной нужды города в воде. Первые вызвали страшную борьбу в Думе, второе требовало больше мелкой работы, хотя тоже под конец вызвало столкновение самое дикое с гласным Агаевым и ревизионной комиссией — столкновение, к сожалению, не доведенное до конца.

Идея Линдлея весьма проста. Вы, говорит он Думе, хотите речной воды из Куры или из Самура. Ту и другую надо фильтровать и поднимать. Но если взять родниковую воду с высот Шах-дага — вы получите воду абсолютно чистую и самотеком. Цена ведра такой воды будет приблизительно вдвое дешевле. Фильтрованная и проведенная в город Самурская вода будет стоить 20 копеек сто ведер, а вода подпочвенная с Гильских высот — 10 копеек сто ведер. Дальше, говорит Линдлей, несмотря на мое убеждение, что Гильская вода найдется и что ее достаточно, вообразите, что Гильской воды почему-то не будет. Ну потеряет город 100-150 тысяч на изыскание; ведь это капля в море 10-20 миллионов, которые будет стоить проведение воды откуда бы то ни было.

В этом случае — возможность ненахождения Гильской воды Линдлей отрицает — возьмите воду опять же не речную, а родниковую — того же Шах-дага, выходящую на поверхность недалеко от берегов моря и образующую источник Шоллар и другие. Ведь какая разница между Самуром и Шолларом?

Самур течет с Шах-дагских высот по земной поверхности. Шоллар — это та же река, текущая с Шах-дага, но самим Богом профильтрованная через неистощимый двадцативерстный подземный фильтр. Так если не удастся каптировать воду подпочвенную наверху, возьмите ее внизу. Ее нужно будет поднимать, но не фильтровать. Она будет стоить дороже Гильской, но дешевле Самурской воды: не 10 и не 20 копеек, а 15. К тому же Шоллар — по дороге между Самуром и Баку, а изыскания, дополнительные из него, будут стоить пустяки. На все эти убедительные, ясные, как дважды два — четыре, доводы ответ был один: ничего не хотим, кроме Куры и Самура.

Так стояло дело, когда я приехал [из-за границы после лечения] и приехал Линдлей. Убедившись, где правда, я поставил вопрос ребром. Нужно, не теряя времени, приступить к Шолларским и Гильским изысканиям. Сделали смету на изыскания: 125 тысяч на изыскания Гильской подпочвенной воды, 15 тысяч — на изыскания Шолларской родниковой воды, 10 тысяч, о которых я уже говорил, на перепись [бакинского населения по районам для определения их потребности в питьевой воде], и 30 тысяч на окончание самурских и куринских изысканий. Всего 180 тысяч.

Чтобы никто не мог упрекнуть нас, что мы скомкали дело, я объявляю поездку в местности Шоллара и Гиля... Печатаю воззвание в газетах, где приглашаю гласных, прессу, наконец обывателей съездить с нами, посмотреть, убедиться, что там есть вода и притом хорошая. Убежден был, что многие откликнутся, и в своей наивности (маниловщина еще продолжалась) думал, что лошадей не хватит на [конечной] станции, а того и гляди места в вагонах.

Увы! Я, Линдлей, 3-4 инженера по обязанности службы, два члена управы, два гласных, репортер «Бакинских Известий» — вот и все. Хватило лошадей, хватило и места в вагонах.* Таков-то интерес к воде у господ бакинцев? Меня это очень огорчило. Такова-то сила общественности? Обидно даже было, лично обидно. Ведь писал воззвание! Видел Шолларские источники, которые образуют целую реку, пил эту прекрасную воду, понял, что она могучим подземным течением идет с высот Шахдага. Я почувствовал с Линдлеем подземную воду Гильских высот. Не знаю, какое впечатление выносили мои немногочисленные спутники, но я был побежден могучим умом англичанина.

Назначаю 20 августа [1902 г.] экстренное заседание Думы. Собираем гласных по дачам. Вопрос жизненный. Время не терпит. Наконец, 19-го созываю заседание водопроводной комиссии. Гласных много. Рядом со мною Линдлей, говорящий по-английски и по-французски. Я — переводчиком. Против новых изысканий трое: Гасан-бек Меликов, бывший Голова Ирецкий и гласный-нефтепромышленник Бенкендорф. Споры горячие, доводы противников, людей всё культурных, слабые. Выделяется крупная фигура Тагиева, убежденного линдлеевца. После долгих споров противники не уступают. Линдлей горячо стоит за свое.

– Если бы я был Линдлеем, – говорит Тагиев, – я бы давно бросил Баку. Сами не хотят себе добра. Удивляюсь в его настойчивости в чужом деле.

— А вы не знаете, — горячо возражает Линдлей, — английских бульдогов? Я — английский бульдог. Когда он вцепится во что зубами, так режь его, а он не выпустит схваченного из зубов. Так и я взялся за Баку. И сказал: дам Баку воды, и лучшей воды. Я не вам служу, не для вас работаю, а хочу дать воды бедным бакинцам. И гг. Бенкендорфы не заставят меня бросить это дело, пока я его не доведу до конца. Они не сумеют его победить.

Чудная фигура англичанина, горячо защищавшего Баку от бакинцев, меня поражала. Редко мы видим в России такие картины. <...>

Большинство комиссии присоединилось ко мне. А 20-го был дан генеральный бой в Думе. Главными оппонентами были все те же Гасан-бек Меликов, Ирецкий, Бенкендорф. Чего-чего они не сказали, какими цветами красноречия не украшали свою речь! Вода, несколько жесткая, делалась никуда не годной для питья по своей жесткости, лихорадка называлась непременно желтой (на Кавказе); старались затемнить и так мало понимающих гласных жупелами из геологии и бактериологии. Я огрызался как мог, разоблачал передержки. Линдлей произнес по-французски речь, которую я перевел. Тагиев ради пользы города убеждал гласных согласиться, говорил по-татарски сильно, убежденно... Наша взяла. Эта победа была для меня весьма отрадной.

Я чувствовал, что двинул громадный водяной вопрос на правильный путь. Я сделал то, чего не могли сделать 30 лет. Это был один из счастливейших вечеров моей жизни.

<...> 20 сентября губернское по городским делам присутствие определило, что оно, вполне одобряя решение Думы по существу, не считает себя вправе такую большую сумму расходовать из запасного капитала, а потому передает дело главноначальствующему гражданской частью на Кавказе.

Дело воды — дело всех бакинцев. Приехал Линдлей и 16-го, т.е. в субботу, в 1 час 40 мин дня он и Управа едет на горные источники, чтоб видеть все воочию. Особыми повестками я пригласил принять участие в этой поездке всех гласных нашей Думы. Теперь обращаюсь ко всем жителям Баку: пожалуйте с нами, посмотрите. Чем больше будет обсуждений, тем лучше. Желающих записаться приглашаю в Управу в течение дня.

Городской Голова А. Новиков

 $^{^*}$ От Бакинского городского Головы А.И. Новикова мы получили следующие строки с просьбой напечатать их:

<...> Не буду длинно останавливаться на перипетиях этого дела. Семь месяцев потребовалось на получение разрешения на изыскания. Потребовалось соглашение главноначальствующего и министра земледелия. Я ездил в Тифлис, Петербург. Наконец, пришло разрешение, и мы приступили к делу.

В зиму же 1902-1903 года водопроводная комиссия оканчивала изыскания на Куру и Самур. Линдлею требовались новые и новые данные. Противники его говорили, что надо работы прекратить, но нам удалось, вопреки всего, не только кончить это дело, но и сделать под шумок изыскания на Шоллар.

Не могу сказать, что я обманывал комиссию, но пользовался каждым случаем, чтобы продвинуть дело. С гордостью могу сказать, что изыскания на Шоллар мы сделали за счет Куры и Самура. Это был для большинства сюрприз.

<Водяной сюжет в 1904 году закончился тем, что водопроводная комиссия, признав полученную при бурении на Шолларе воду прекрасной, все же проголосовала за прекращение изысканий агентами Линдлея.>

Дело погибло! Самое важное из тех, которые я вел (я говорю, конечно, о чисто практических делах). <...>

Из «Хроники» газеты «Бакинские известия» за 21 июля 1904 г.

Замещающий городского Голову [(в связи с отставкой А.И. Новикова)] М.А. Белявский обратился к Линдлею с запросом следующего содержания. Министерством внутренних дел г. Баку признан одним из пунктов, которому угрожает эпидемия холеры, вследствие чего госп. главноначальствующий на Кавказе [генерал-адъютант князь Г.С. Голицын] сделал распоряжение об открытии губернской и городской санитарно-исполнительных комиссий.

Одна из задач комиссий — сделать местность менее восприимчивой к распространению холеры. Удаление нечистот — главная основа санитарных мероприятий, что и поставлено городской санитарно-исполнительной комиссиею на первый план.

В виду этого госп. Линдлей приглашается сообщить: 1) в каком положении находится проект канализации; 2) какая система канализации принята Линдлеем для гор. Баку; 3) насколько возможно частичное исполнение этого проекта, имея в виду главнейшим образом отвод сточных вод с прибрежной к морю части города <...>, где имеются в настоящее время сборные канавы, отводящие нечистоты в бухту весьма неудовлетворительно; 4) разработан ли общий проект канализации г. Баку настолько, чтобы Линдлей мог указать проектный размер коллекторов для их устройства ныне же, имея в виду, что в случае надобности вновь сооруженные части могут иметь достаточное количество и в требуемых местах воды для промывки канав; 5) может ли быть при проекте Линдлея применим «биологический» способ обезвреживания нечистот в том отношении, чтобы, сделав нечистоты безвредными, укоротить выводной дорого стоющий коллектор. <...>

Из «Хроники» газеты «Бакинские известия» за 7 сентября 1904 г.

Инженер Линдлей, в ответ на запрос [замещающего городского Голову М.А. Белявского и] городской Управы о состоянии проекта канализации, заказанного ему в 1901 году, сообщил, что в настоящее время он никаких положительных данных представить не может, т.к. расчеты по проекту еще производятся.

В то же время инж. Линдлей указывает на то, что в виду неготовности проектов Самурского и Шолларского, проект канализации осуществлен ныне быть не может, т.к. последняя возможна лишь при обилии воды. Составлен проект водопровода производительностью 3 000 000 ведер [в месяц], который может обслуживать и потребности канализации.

Из «Местной летописи» газеты «Каспий» за 16 сентября 1904 г.

В дополнение своего сообщения инж. Линдлей уведомил Управу, что в настоящее время он всецело занят окончанием проектов водоснабжения из Самура и источников Шоллара. Канализацию же Линдлей предлагает для возвышенной части города: а) «общественной системы» для домовых вод и атмосферных осадков и б) «раздельную систему» для внутренней части города, расположенную вдоль берега моря. В заключение инж. Линдлей с упреком говорит, что если бы г. Баку шел рука об руку с ним и если бы город вначале же высказывал к нему и к его представителям симпатию (sic!) и оказывал помощь по его требованию (sic!!), то до сих пор были бы осуществлены и проект водоснабжения и проект канализации...

Из «Местной летописи» газеты «Каспий» за 13 ноября 1905 г.

Выведенная из терпения бесконечным ожиданием городская Управа вчера послала «знаменитому» инж. Линдлею следующую телеграмму:

«Будут ли когда-нибудь готовы проекты Самурского и Шолларского водопроводов и канализации города? Просим дать окончательный ответ, когда же, наконец, они будут присланы городскому самоуправлению».

Из «Местной летописи» газеты «Каспий» за 4 января 1906 г.

Наконец-то Линдлей удостоил городскую Управу «утешительным» ответом из Варшавы: «Телеграмму вашу получил, представление проекта последует с Самура и Шоллара, по всей вероятности, в середине 1906 г., а о канализации города — в конце 1906 г.». А наша доверчивая Управа, бомбардируя госп. Линдлея срочными телеграммами, надеялась получить «труды» госп. Линдлея к 1 января 1906 года!

Тамара Гумбатова. В. Линдлей и Шолларский водопровод, 1997 г.

Уже почти столетие счастливая часть жителей Баку пьет безупречно чистую воду из Шолларского водопровода, но немногие из них знают, что это стало возможным благодаря прекрасному знанию дела, неутомимой настойчивости и исключительной энергии инженера сэра Вильяма Линдлея. Газета «Каспий» 2 марта 1918 года писала: «Грандиозное сооружение Баку — Шолларского водопровода без Линдлея не могло быть задумано, а еще меньше, проведено в жизнь».

Сэр В. Линдлей родился в 1850 году в Лондоне и среди европейских специалистов пользовался огромной известностью. По его проектам работали сооружения водоснабжения и канализации в 35-ти городах, в том числе во Франкфурте на Майне, Варшаве, Петрограде и др. Заинтересованный проблемами водоснабжения Баку, Линдлей в течение 1899-1903 годов с громадными собственными издержками проводил общие изыскания. При этом он обратил внимание на значительное количество мощных родников хорошей воды в районе селения Шоллар, берущих начало на склонах, покрытой вечным снегом горной вершины Шах-Даг.

В 1903 году [в 1904-м? — МК] эти исследования были прерваны и возобновились только в 1908 году. Тогда, сравнив три источника водоснабжения (р. Кура, р. Самур и подземные воды), он отдал предпочтение последним и обосновал свое решение экономически. Городской Управой был принят проект Шолларского водопровода, который и был доложен на девятом водопроводном съезде, состоявшимся в 1908 году в Тифлисе. В апреле 1910 года было начато его строительство, во главе которого стоял В. Линдлей. Его помощниками в этом деле были заведующий отделом постройки П.П. Фрезе и инженер С.Ф. Скрживаль.

«Сколько затруднений и препятствий было на этом трудном пути, осложнившегося войной. Были периоды, когда казалось, что город так и не дождется окончания этого грандиозного мероприятия. Сколько злословия, недоверия и скептицизма слышалось вокруг!». Но Линдлей верил в свое дело. Своей верой он заряжал унывающих и двигался вперед со своей железной настойчивостью.

Шел 1917 год. Война, разруха, паника, эпидемия тифа...Людей хоронили без гробов. Объявления о смерти сопровождались просьбами усопших: «Деньги, взамен венков и цветов, направлять в детские приюты, лазареты, школы и пр.». И на этом фоне начался ввод в действие водопровода. К январю 1917 года 180-километровый водопровод был закончен.

8 января Городской Голова Лука Лаврентьевич Быч вместе с гласными Думы провели осмотр городских резервуаров на Шемахинке, за Сальянскими казармами и «вынесли весьма приятное впечатление». В спешном порядке установили плату водопользования: в черте города 75 коп. за 100 ведер. 20 января в 3 часа дня встречали воду близ Хурдалана, куда перекачивала ее Сумгаитская насосная станция. 22 января состоялся торжественный впуск первой Шолларской воды в резервуары, который проводил главный инженер Линдлей. При этом присутствовали Городской Голова, члены Городской Управы, гласные и масса публики.

Через 17 лет после первых исследований и через 7 лет после начала строительства, город получил прекрасную воду. Газеты писали: «Шолларская вода — свершившийся факт!» В начале марта прекратило свою деятельность акционерное общество «Артур Коппель» и объявило о распродаже опреснителя морской воды системы [русского инженера] Ягна.

Со всех концов шли приветственные телеграммы, смысл которых можно объединить общими пожеланиями: »Да цветет Баку отныне и до века!».

Владикавказская железная дорога выдала сэру Линдлею жетон с правом пожизненного бесплатного пользования проездом. Но, к сожалению, воспользоваться ему этим не удалось. В сентябре 1917 года он покинул Баку, а в марте 1918 года до Баку дошло печальное известие о том, что 1 декабря 1917 года в Лондоне скончался В. Линдлей. З марта 1918 года Городская Дума провела панихиду, почтила память вставанием и поручила Городской Управе представить доклад о способе увековечивания памяти усопшего.

Сэр Вильям Линдлей был одним из многих англичан, приехавших в Баку после открытия первого нефтяного фонтана. В 1901 году английским консулом стал Д.А. Форбс, который оставил на память прекрасный фотоальбом с видами Баку и Кавказа. В 1906 году было разрешено открыть англиканскую церковь, а с 1907 года печатался англиканский церковный календарь. С 1907 по 1918 год английским консулом был Эней МакДональд, замеченный во многих благотворительным делам. С его появлением в Баку и был открыт в 1907 году английский клуб, членами которого был В. Линдлей и его единомышленник и друг Г.З.А. Тагиев.

Прошло 80 лет. В Баку появились англичане компании «Montgomery Watson», которые проводят работы по реконструкции системы водоснабжения и канализации. Несчастливая часть жителей города надеется, что однажды из крана, вместо Куринской «сточной» воды, потечет мощная струя чистой и вкусной воды.

Примечание: Статья была написана мною и опубликована в 1997 году в газете «Бакинский рабочий» и имела название: «Шолларскому водопроводу — 80». <...> — С сайта Проза.ру (www.proza.ru/2012/07/30/1635)

Ловин Казимир Петрович (1893-1937)

Досье (vecherka.su/katalogizdaniy?id=54219)

Многие биографии государственных деятелей эпохи индустриализации начинаются со слов «Родился в бедной крестьянской семье». Не исключение и Казимир Петрович Ловин, жизнь которого — как отражение сказки про крестьянского сына, который побеждает не с помощью грубой силы, а умом своим, мудростью народной...

Ловин Казимир Петрович родился 23 февраля 1893 года в деревне Сушки Дриссенского уезда Витебской губернии в крестьянской семье. С 1907 года в Санкт-Петербурге. Окончил шесть классов реального училища. В 1909-1910 годах – слесарь костеобжигательного завода в Санкт-Петербурге. С 1910 по 1917 год – помощник монтера, трансформаторщик на петербургских электростанциях. Член РСДРП с 1910 года, в 1912 году примкнул к большевикам. Участник Октябрьских событий 1917 года. 29 октября 1918 года избран в состав Правления Петроградской электростанции. С 3 мая 1919 года — комиссар 1-й Государственной Петроградской электростанции. Одновременно – комиссар постройки электростанции «Уткина Заводь» («Красный Октябрь») и радиостанции в Детском селе. С 24 ноября 1919 года — член временного Правления объединенных электростанций Петрограда. С 9 августа 1920 года — член коллегии электроотдела Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), с 16 августа 1920 года — председатель Правления объединенных электростанций Петроградского района. В июле 1921 года переведен в Москву. С 12 января 1922 года по ноябрь 1929 года – председатель Правления треста МОГЭС. В 1926 году в МОГЭС организовал первый в стране диспетчерский пункт. В 1925 году окончил Московский электромеханический институт по специальности «электрик».

В ноябре 1929 года назначен начальником «Челябтракторстроя». В 1930 году с группой специалистов побывал в США, где знакомился с опытом работы фирм «Катерпиллер», «Аллис Чалмерс», «Аллиганс», а затем создал в Детройте специальное проектное бюро «Челябинск тракторплэнт». С 29 сентября 1933 года по 5 марта 1934 года — директор Челябинского тракторного завода. За успехи в развитии тяжелого машиностроения награжден орденом Ленина. В 1934 году занесен на доску почета ЧТЗ.

С 5 марта 1934 года — заместитель начальника, а с 5 апреля 1934 года по 20 августа 1937 года — начальник Главэнерго Наркомата тяжелой промышленности СССР. Жена — Ловина Анна Андреевна, дочь — Ловина Лилия Казимировна, балерина Большого театра.

Арестован 20 августа 1937 года. 1 октября 1937 года исключен из членов партии Молотовским РК ВКП(б) Москвы. По обвинению в шпионаже, руководстве троцкистско-бухаринской террористической организацией и подготовке теракта против Сталина приговорен ВК ВС СССР к расстрелу. Расстрелян в Москве 15 ноября 1937 года. Реабилитирован 29 августа 1956 года Военной коллегией Верховного Суда СССР. 15 декабря 1956 года Бюро МГК КПСС отменило решение об исключении К.П. Ловина из партии.

В 1999 году на ЧТЗ учреждена премия имени Ловина, которой удостаиваются отличившиеся руководители заводских производств.

Ловин приехал на Южный Урал по настоянию Сталина. Как вспоминает жена первого директора ЧТЗ Анна Андреевна, в начале 1929 года вечером к ним на московскую квартиру позвонил И.В. Сталин и предложил Казимиру Петровичу поехать в Челябинск. «Это ведь не моя специальность», — возразил было Ловин. На что Сталин сказал: «Ничего. Ты сумел без отрыва от производства в короткие сроки окончить энергетический институт — сумеешь быстро переключиться на новое дело».

Ломоносов Юрий Владимирович (1876-1952). 5 ноября 1920 года Декретом СНК была учреждена Российская железнодорожная миссия. Ю.В. Ломоносова назначили уполномоченным Совета Народных Комиссаров по железнодорожным заказам за границей.

Р.Э. Классон вынужденно взаимодействовал с этим царским/советским чиновником.

<...> На третий день после первого заседания Совета Народных Комиссаров по поводу Гидроторфа нами был представлен список того, что нужно заказать за границей к сезону 1921 года. Этот список с профессором Ю.В. Ломоносовым отправлен за границу. Что сделано по этим спискам за границей, нам пока не известно.

Наша полная заявка рассмотрена в импортной комиссии ВСНХ, и все, что нужно к сезону 1921 года, включено в программу. Заказы на днях будут посланы за границу официально. То же, что нужно к сезону 1922 года, пока импортной комиссией в программу не включено (из доклада Гидроторфа председателю Совнаркома 30 декабря 1920 г.). <...> К сожалению, до моего приезда [железнодорожной комиссией, куда проф. Ю.В. Ломоносов лишь через 3 месяца передал заказы Гидроторфа,] ничего не было заказано и было упущено много драгоценного времени даже в тех случаях, когда дело было совершенно ясно, никаких сомнений не было, и все же заказы лежали без движения. Об этой совершенно неправильной постановке дела уже писал [зам торгпреда] В.В. Старков, а я доложу устно, вопрос слишком сложен, чтобы о нем можно было писать. (из донесения Р.Э. Классона из Берлина зам наркомвнешторга А.М. Лежаве 23 марта 1921 г.)

<...> В Русской Торговой делегации меня ждало первое разочарование: оказалось, что кредиты, предоставленные мне Внешторгом для закупок по делам Гидроторфа, практически использовать нельзя, так как Торговой делегацией деньги были истрачены на другие надобности. Все дело заказов для Гидроторфа, которые 3 ноября п.г. было вручено проф. Ломоносову для предварительных запросов, было им в конце января месяца передано русской железнодорожной Комиссии в Берлине. Эта Комиссия очень добросовестно сделала все запросы, но к моему приезду ровно ничего не заказала по чисто бюрократическим соображениям. Никто не захотел взять на себя инициативу заказать материалы и машины даже тогда, когда никаких сомнений не было и когда вопрос был до последней степени ясен.

<...> Аналогичная история повторилась со всеми остальными заказами. <...> Кончилось тем, что я попросил Ю.В. Ломоносова перевести на меня и В.В. Старкова (через личный счет [торгпреда] Стомонякова) три миллиона германских марок с тем, чтобы мы могли непосредственно делать заказы, минуя бюрократический порядок как железнодорожной Комиссии, так и Торговой Делегации. Последние заказы были выданы уже нами обоими непосредственно, и это по-видимому единственный реальный способ работы. Очень обидно сознавать, что мы в несколько дней после моего приезда могли бы выписать все заказы и давно имели бы все машины и аппараты, если бы не были связаны по рукам и по ногам порядками Берлинских Советских учреждений, в которых мы не могли распоряжаться и где нас терпели только из любезности. (из доклада Р.Э. Классона председателю Совнаркома 20 мая 1921 года)

Как мы уже видели, Ю.В. Ломоносов, находясь в Берлине, по просьбе Р.Э. Классона легко перебросил миллионы немецких марок с одного счета на другой, т.е. имел полномочия на уровне Наркома! Вот его краткий, но яркий «послужной список».

Ю.В. Ломоносов при царе дослужился до товарища министра путей сообщения, находился несколько лет в США, возглавляя Русскую миссию путей сообщения и заказывая за границей паровозы и вагоны. В июне 1920 г. В.И. Ульянов-Ленин подписал «Наказ Российской железнодорожной миссии за границей», при этом главе миссии — Ю.В. Ломоносову — специальным мандатом действительно давались все права Наркома. Ю.В. Ломоносов — соучастник аферы по заказу в 1920-21 гг. 1,1 тысячи паровозов в Швеции на 200-300 млн. руб., при которой были «отпилены налево» десятки млн. руб. золотом. В анкете за июнь 1921-го он указывал, что жена живет в Стокгольме, сын учится в школе в Англии, замужняя дочь так же живет за границей — в Берлине. Информаторы Ф.Э. Дзержинского докладывали ему о Ю.В. Ломоносове в июле 1921-го: «Много говорят о его шикарном образе жизни в Москве, и еще больше — роскошном за границей». Стал «невозвращенцем» в 1927-м. (Иголкин А.А. Ленинский нарком: у истоков советской коррупции)

Мазинг Карл Карлович (1849-1926, Москва), математик, педагог, инженер.

Вскоре после окончания Московского университета (1870) занялся педагогической деятельностью. В 1877 основал частное реальное училище (ныне школа \mathbb{N}^0 57), обучение в котором велось с использованием созданных самим Мазингом приборов. Создал первый в России курс математики для реальных училищ — учебники «Геометрия» (1876), «Стереометрия» (1877). С 1895 Мазинг — председатель Постоянной комиссии по техническому образованию Московского отделения [Императорского] Российского технического общества ([И]РТО); один из инициаторов открытия при нем Вечерних рабочих классов (Пречистенские, Замоскворецкие, при фабрике «Гюбнер, Тиль и Ко» и др.), на базе которых в 1920-х гг. созданы рабфаки, и организации в 1897 г. Общества распространения коммерческого образования, открывшего в 17 пунктах Москвы курсы для низших торговых служащих (8 тыс. слушателей ежегодно) и Высших коммерческих курсов (ныне Коммерческая академия).

В 1904-21 Мазинг возглавлял Московское отделение РТО. По его инициативе создан Музей содействия труду. Многие годы Мазинг был гласным Городской думы и уездного Земского собрания. В 1914-17 — во главе комиссии для ревизии расходов городского управления, вызванных войной. В 1912 г. Мазинг построил шестиэтажный дом в стиле модерн на купленном им участке земли на углу Антипьевского переулка и Малого Знаменского переулка. В двух соседних домах (7/10) размещались реальное и коммерческое училища, квартиры преподавателей и «общежитие» для учащихся, во время первой мировой войны — госпиталь и фельдшерские курсы.

После 1917 г. Мазинг преподавал на рабфаке Горной академии, написал ряд учебников для рабочих, был редактором журнала «Вестник инженеров». Дом Мазинга был известен в Москве как литературный и музыкальный салон. Здесь бывали Л.В. Собинов, М.В. Бочаров (баритон «Оперы С.И. Зимина»), Р.М. Славинский (дирижер «Оперы»), писатель В.А. Гиляровский, ученые и врачи И.М. Сеченов, Д.Н. Зернов, Н.Н. Бурденко, Г.Н. Сперанский и др. — Большая Российская Энциклопедия. 1992.

Р.Э. Классон. Десятилетие станции «Электропередача» (1912-1922):

Он лично, ни с кем не посоветовавшись, [в 1915 году] подал официальное заявление от имени [Московского отделения] тогдашнего Императорского Русского Технического Общества. В нем он заявил, что и это Общество протестует против постройки районной электрической станции [(«Электропередачи»)], считая ее вредной. Это заявление было подано в Министерство [промышленности и торговли] и произвело известное впечатление. Тогда я, как член Технического Общества, выступил с протестом и потребовал или удаления Мазинга из членов Общества или удаления оттуда меня, как строителя и инициатора этой станции, если она действительно, с точки зрения Технического Общества, является вредной и нежелательной.

Мартынов Михаил Соломонович (1814-1854, Висбаден). Брат Н.С. Мартынова, застрелившего в 1841 г. на дуэли М.Ю. Лермонтова, соученик последнего по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. По воспоминаниям С.Н. Мотовиловой, именно М.С. Мартынов жульническим путем, подпоив И.Е. Мотовилова во время карточной игры, выиграл у него чуть ли не 100 тыс. царских рублей. Он был выпущен в 1834 г. в лейб-гвардии Его Величества Кирасирский полк, дослужился до ротмистра. Похоже, из этого же полка И.Е. Мотовилов был вынужден выйти в отставку в чине корнета?

Из книги Юрия Беличенко «Лермонтов»:

Михаил Соломонович Мартынов <...> наверняка был много ближе к Лермонтову, чем будущий убийца. Вместе поступали в училище, вместе выпускались. Младший, Николай, выпускался годом позже. Михаил Мартынов, как и Лермонтов, побывал и повоевал на Кавказе. Я постарался отыскать, насколько это было возможно, там его след. В 1839-м старший Мартынов приехал из гвардии «волонтером» в Куринский егерский полк. Участвовал вместе с полком в кровопролитной экспедиции П. Х. Граббе по взятию укрепленного аула Ахульго. Был ранен пулей в бровь. Заслужил орден (по одним источникам — Владимира, по другим — Станислава 4-й степени с бантом). <...> Судя по его рапортам, он предпринимал попытки после завершения срока прикомандирования остаться в полку и дальше, заняв соответствующую его званию капитана должность. Но должности в Куринском полку не нашлось, а от предложения перейти в батальон другого полка он отказался и подал в отставку.

Для биографов он остается безвестным, как будто и вовсе не существовавшим, ибо, умерев в 1860 году, никаких записей не оставил.

Даже год смерти М.С. Мартынова разнится от источника к источнику:

"<...> О каждом из похороненных здесь персон можно написать новеллу. Но прежде чем ее написать, нужно очень много прочитать. Мемуаров, документов, биографических и исторических материалов. Надо искать, сопоставлять, выуживать правду. Потому что на памятнике мы читаем лишь скупую строку. Например, «Михаил Соломонович Мартынов, ротмистр. 1814-1854». Вспоминаем, что Николай Мартынов убил Лермонтова. Работаем с лермонтовскими материалами и выясняем: да, брат". (Светлана Арро. Полтора века меланхолии и скорби. Русское православное кладбище в Висбадене // Neue Zeiten, №10, 2006)

Для нас здесь важно то, что злополучная картежная игра с участием уже искушенного М.С. Мартынова и еще зеленого юноши И.Е. Мотовилова (родившегося в 1820-м) могла случиться как раз в 1839 году (или годом ранее). Возможно, что именно после нее заподозренному в шулерстве и пришлось отправиться «волонтером» на горячий Кавказ, по настоятельному требованию командира лейб-гвардии Его Величества Кирасирского полка.

Меншиков Евгений Степанович (1888 — 1926). Окончил МВТУ в 1910 г. С 1918-го член коллегии Главторфа, в 1920-22 гг. член Совета Гидроторфа, в 1921-м основал болотную станцию в Редкине. В 1922-м стал профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в 1925-м — начальником Института торфа (Инсторфа). Был правой рукой начальника Главторфа-Цуторфа И.И. Радченко и вполне согласованно с последним «зажимал» Гидроторф.

Из резкого ответа Ответственного Руководителя Гидроторфа Р.Э. Классона в декабре 1922-го на хамское письмо Зам начальника Инсторфа Е.С. Меншикова:

<...> Основывать знакомство с Гидроторфом на работе на Шатурском болоте совершенно неправильно, настолько неправильно, что работы на Шатуре можно назвать скорее карикатурой на нормальную работу Гидроторфа, чем самой работой.

Торфососы стояли неделями, важнейшее усовершенствование 22 года — горизонтальный растиратель — совсем не работал, остальное время машины работали под руководством людей, не видавших производства Гидроторфа.

Весь торф, который там получился, мы считаем <u>браком</u>, так как он не был растерт и не поднимался своевременно на полях, так что в нем образовывались механические натяжения, нарушавшие его прочность, и возникали биологические процессы, изменявший характер торфа.

С другой стороны, последняя фраза в письме Инсторфа, адресованном мне лично, «если в составе Вашего предприятия имеются лица научно образованные, знакомые с торфяным делом и т.д.» является, несомненно, оскорбительной, и потому я прошу не считать меня более в числе сотрудников Инсторфа и прошу довести до сведения членов Инсторфа о таковом моем отказе, ознакомив их с этим письмом. (ф. 758 РГАЭ)

В Интернете есть комплиментарная статья доцента кафедры торфяных машин и оборудования Тверского технического университета Л.В. Копенкиной о Е.С. Меншикове.

Мокршанский Борис Васильевич (1889 — 1971). Окончил Петербургский политехнический институт в 1913 г. В 1913-14 гг. служил производителем работ по сооружению воздушных линий, производителем работ по постройке линии электропередачи Петроград — Сестрорецк напряжением 20 000 кВ в петербургском отделении «Общества электрического освещения 1886 г.». В 1914-16 гг. — зам заведующего кабельными и воздушными сетями АО «Районная станция» в Петрограде.

В 1916-19 гг. заведовал работами по оборудованию электрической станции, кабельной сети и мастерских Севастопольского Морского завода (6 000 чел. рабочих). В 1920-21 гг. — управляющий Крымским отделением АО «Динамо», а затем «Электросилы» и уполномоченный Электроотдела ВСНХ. В 1921-27 гг. служил в Гидроторфе инженером, зав электротехническим отделом. Одновременно исполнял функции гл. инженера по постройке Ярославской электростанции.

Из письма Ответственного Руководителя Гидроторфа Р.Э. Классона в Транспортный отдел ГПУ:

Вчера, 4-го мая [1922 г.], на квартире инженера Ещенко арестован ответственный сотрудник Гидроторфа, заведующий Электротехническим Отделом — инженер Б.В. Мокршанский. Гидроторф настоящим просит допросить инженера Мокршанского и в случае отсутствия оснований для дальнейшего задержания сделать распоряжение об его освобождении. Гидроторф в настоящее время ведет подготовительные работы к началу торфяного сезона. Инженер Мокршанский заведует электрификацией разработок, до окончания которой сезон начат быть не может. В ближайшие дни инженер Мокршанский должен был выехать на разработки «Электропередачи» и Сормова (ф. 758 РГАЭ).

Судя по другим архивным документам арестант был вскоре выпущен на свободу (под поручительство Р.Э. Классона) и смог-таки закончить электрификацию торфяных разработок. С 1930-го Б.В. Мокршанский заведовал кафедрой тепломеханической переработки торфа в Московском торфяном институте. С 1933-го — профессор МЭИ, вел курс пылевидного топлива, в том же году был арестован, реабилитирован — в 1950-е.

Из Дмитлаговской газеты «Перековка», 1937 год, Б. Мокршанский, статья «Энергокомбинат канала»:

Чтобы [на канале Волга-Москва] поднимать воду на 40 метров, надо ежегодно перекачивать около 2 млрд. куб. м. И это отличает наш канал от других каналов. ГЭС дадут большое количество энергии — [эквивалентное мощности] 150 тысяч квт. Самые крупные станции — Иваньковская и Сходненская».

Из публикации от 24 июля 2004 г. в газете «Дмитровский вестник»:

Со строительства Ухтинской ТЭС перебросили [в 1938-м на обустройство нефтяного промысла в Коми] еще одного бывшего каналоармейца — Бориса Мокршанского. О нем сказали: «Охотно откликался на предложения выступить в печати».

Мотовилов Александр Андреевич (1850 — 1920). Сын Андрея Егоровича и внук Егора Николаевича Мотовиловых. Окончил Симбирскую мужскую гимназию и юридический факультет Казанского университета. С 1873 г. был участковым мировым судьей, земским начальником, членом губернского земского присутствия. Служил в одном из департаментов Правительствующего Сената в Петербурге. В 1875 г. вышел в отставку и вернулся в свое симбирское имение Скорлятка Сенгилеевского уезда^{*}.

Много лет служил по дворянским выборам в этом уезде. Был действительным членом Симбирской ученой архивной комиссии, почетным попечителем мужской гимназии, членом Симбирского общества сельского хозяйства и др. За неуемную фантазию в Симбирске его называли «маркиз Доврись-до-нельзя». Женился в 1873 г. на итальянке Ангелине Петровне Паста.

^{*} Уездный город Сенгилей находился на правом берегу Волги, при речках Тушенка и Сенгилейка, в 65 верстах от Симбирска, а сельцо (селение, в котором есть часовня или господская усадьба) Скорлятка – при р. Гуща, на коммерческом тракте из уездного Карсуна в уездную Сызрань, в 104 верстах от уездного Сенгилея.

Александр Андреевич избирался депутатом III и IV Государственной думы от Симбирской губернии (и даже занимал должность товарища председателя фракции националистов и умеренно-правых). Согласно справочнику «Весь Петроград-1917» член Государственной думы А.А. Мотовилов проживал на Невском в д. 77.

Сын Андрей, 1876 года рождения, окончил Симбирскую мужскую гимназию и юридический факультет Московского университета, затем служил на земском поприще в Сенгилеевском уезде Симбирской губ., с 1906-го — участковый земский начальник и почетный мировой судья. Наряду со служебной и общественной работой, Андрей Александрович плодотворно занимался сельским хозяйством в имении своих родителей: селах Скорлятке и Белом Озере^{*}. Не раз участвовал в с.-х. выставках Симбирска и Москвы, где им было получено 52 серебряные медали за экспонаты полеводства и животноводства.

Одна из дочерей Александра Андреевича и Ангелины Петровны Мотовиловых вышла замуж за своего троюродного брата Николая Александровича Мотовилова, коннозаводчика Пензенской губ. — сына Александра Николаевича и внука Николая Егоровича.

Мотовилов Александр Иванович (1865 — ~1895). Седьмой ребенок Ивана Егоровича и Луизы Францевны (урожд. Флориани) Мотовиловых. Воспитывался в Симбирском кадетском корпусе и затем в Константиновском военном училище.

Александр Мотовилов, в форме юнкера Константиновского училища?

^{*} Село Белолебяжье Озеро (Белое Озеро) находилось на коммерческом тракте из уездного Карсуна в уездный Сызрань, в 90 верстах от уездного Сенгилея.

Из статьи Натальи Гауз «Симбирский кадетский в Суворовском переулке» в журнале «Деловое обозрение» (Ульяновск) за апрель 2009 года:

Среди выпускников корпуса сыновья самых знатных симбирских фамилий: Герман и Анатолий Молоствовы, Александр Мотовилов, Иван и Василий Глассоны, Алексей и Петр фон-Брадке, Петр Римский-Корсаков.

Предположим, что это «наш, родной» А.И. Мотовилов. Тогда интересно проследить историю возникновения Симбирского кадетского корпуса, по уже упомянутой статье:

В Симбирске кадетский корпус появился сравнительно поздно — в 1873 году. Губернское земское собрание обратилось к Военному ведомству с ходатайством об открытии в Симбирске среднего учебного заведения, где дети из семей всех сословий могли бы получить военное образование. Открытая в Симбирске военная гимназия через два года была преобразована в кадетский корпус. Инициатива дворянства и земства встретила самый горячий отклик губернской общественности. Городское собрание отвело для учебных классов весь верхний этаж «Дома городского общества» на Карамзинской площади. В пользу учащихся постоянно давались благотворительные концерты. Купцы жертвовали сукно и ткани для форменной одежды малоимущих.

Сын П.М. Языкова подарил военной гимназии часть очень богатой минералогической и геологической коллекции своего отца. Щедрыми были и пожертвования симбирян для церкви. А когда в 1875 году гимназия была преобразована в корпус, для нового учебного заведения были отведены лучшие земли в историческом центре Симбирска. 2 мая 1875 года на церемонию закладки главного здания на месте сгоревшего «дома Пустынникова» в Троицком переулке приезжал военный министр Д.А. Милюков. Один из учащихся приятно удивил министра не только отличным знанием предметов, но и высокой культурой речи. Это был будущий владелец крупной суконной фабрики Ибрагим Акчурин. В 1877 году новое здание, построенное по проекту военного инженера С.Б. Залесского, было готово. Оно и сегодня одно из самых больших и красивых в городе. А флигель для офицерских квартир занимает мэрия Ульяновска.

Корпус был рассчитан на семилетний курс обучения, преподавалось 28 предметов. Но вместо древних языков классических гимназий вводились воинские дисциплины, так как готовили к поступлению не в университеты, а в высшие военные училища.

Кого хотели воспитать защитниками Отечества? Первый директор гимназии полковник Ф.К. Альбедиль называет три категории воспитанников: «1. Дети лиц низшего сословия — мелких купцов, мещан, отставных солдат. В их число попали исключенные из других учебных заведений, не принятые в классические гимназии и семинарии. 2. Дети местных дворян. 3. Малолетние со всех концов Империи детисыновья лиц военного сословия».

Полковник Альбедиль и сменивший его на посту директора корпуса генерал-майор Н.А. Якубович не употребляли слова «элита» и не призывали «рожать патриотов». В лучших суворовских традициях они работали с тем личным составом, который был.

<...> Чему учили? Вот строки из приказа генерал-майора Н.А. Якубовича от 7 сентября 1898 года: «Военный человек должен быть рыцарски честен и правдив во всех случаях жизни. В военной службе надо быть хорошим товарищем в широком смысле, то есть помогать товарищу в беде, останавливать от дурных намерений и поступков, направлять на доброе, служить примером. Бывшие воспитанники сохраняют товарищеские отношения между собой и всегда, где бы ни приходилось встретиться с ними, с любовью относятся к родному гнезду».

И еще из Интернета:

В корпусе преподавались: закон Божий, русский язык с церковно-славянским и русская словесность, французский язык, немецкий язык, математика, начальные сведения из естественной истории, физика, космография, география, история, основы законоведения, чистописание и рисование. К числу внеклассных занятий в корпусах принадлежали строевое обучение, гимнастика, фехтование, плавание, музыка, пение и танцы. <...> При успешном окончании корпуса кадеты имели право на поступление в военное училище без экзамена, не способные к военной службе — получение чина XIV класса. За первые 25 лет своего существования в Симбирский кадетский корпус и военную гимназию поступило 1795 человек, окончило более 760, из них поступило:

в Пажеский корпус — 4 человека
Николаевское кавалерийское училище — 26
Николаевское инженерное училище — 38
Михайловское артиллерийское училище — 51
Константиновское училище — 266
Павловское училище — 207
Александровское училище — 138

Уволено на попечение родителей – 38.

Значит, Александр Мотовилов, скорее всего учился в Симбирском кадетском корпусе (уже в специально построенном для последнего здании) с 1877-го по 1884 год и затем поступил в Константиновское военное училище.

Из Википедии:

С 1851 года Дворянский полк перестал принимать абитуриентов со стороны и полностью перешел на комплектование выпускниками губернских кадетских корпусов.

7 апреля 1852 года в полку учрежден 3-й специальный класс, подразделявшийся на три отделения: артиллерийское, инженерное и Генерального штаба, чтобы предоставить возможность воспитанникам, которые по молодости лет не могли быть выпущены в офицеры после двухлетнего обучения, получить более солидную научную подготовку, окончить курс и поступить на службу офицерами в специальные войска. Выпускники второго специального класса выходили в пехотные, реже в саперные и артиллерийские части.

17 апреля 1855 г. Дворянский полк был переименован в Константиновский кадетский корпус, в честь первого шефа — Великого князя Константина Павловича. В 1857 г. корпус был переведен в здание бывшего Павловского кадетского корпуса (Московский проспект, 17). Дворянам с высшим образованием было разрешено поступать в корпус на курс военных наук. Приказом военного министра №112 от 14 мая 1859 г. корпус был переименован в Константиновское военное училище. Воспитанники училища назывались юнкерами и находились на полном казенном содержании. Юнкерам даны красные погоны. В 1862 г. третьи специальные классы всех кадетских корпусов Санкт-Петербурга переведены в Константиновское военное училище.

До 1863 г. Константиновское училище было единственным военным училищем в Российской империи. В 1863 г. переименовано во 2-е военное Константиновское училище. Училищу определен штат в 300 юнкеров. 8 ноября 1864 г. шефом училища назначен Великий Князь Михаил Николаевич.

В 1894 году, на основании Приказа по военному ведомству №140, переформировано в Константиновское артиллерийское училище с двухлетним обязательным обучением и последующим выпуском подпоручиками в артиллерию, а также дополнительным курсом для подготовки 35-ти наиболее успешных юнкеров к поступлению в Михайловскую артиллерийскую академию.

Согласно капитальному труду А.Э. Озаровского "История «дворян» и «константиновцев» (1807-1907)" Александр Мотовилов был выпущен из училища в пехоту (в числе 102 выпускников, еще 34 выпускника отправились в артиллерию, 10 — в казаки и 12 были отправлены в линейные батальоны — за какие-то прегрешения?) в 1886 г., т.е. в 21 год. На момент совершения преступления (см. ниже) состоял отставным поручиком 89-го резервного батальона. Если предположить, что Александр Мотовилов учился 2 года, чтобы выйти в пехоту, то, значит, он поступил в Константиновское училище в 1884 году, выйдя перед этим в том же году из Симбирского кадетского корпуса?

В 1878 г. в Пензе были сформированы отдельные пехотные резервные батальоны, которые с началом военных действий должны развернуться в полевые полки: 89-й (из пензенского местного батальона) и 90-й (из 59 пехотного резервного батальона). В 1886 г. 89-й резервный пехотный батальон из Пензы перевели в белорусский город Лиду, где в 1891 г. он был преобразован в Лидский пехотный полк. (Из Интернета)

Из письма ленинградки Н.С. Камай-Мотовиловой И.Р. Классону: «Александр Иванович смолоду убил кого-то на дуэли, проигрался, заразился, заболел манией преследования и умер лет тридцати в сумасшедшем доме в Петербурге, где мама [Вера Ивановна] и тетя Маня [Мария Ивановна] его навещали» (ф. 9508 РГАЭ).

Из письма киевлянки С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону: «Наши с Вами предки не привыкли, чтобы с ними были нахальны и грубы. Когда дядя Саша сошел с ума, у него уже не было сдерживающих центров: он убил человека, который ему грубо ответил. Кстати, всю эту историю (мы ее прочли в газете, мы читали тогда у тети Лиды в Протопопове) взяла на себя тетя Соня» (ф. 9508 РГАЭ).

Из письма С.Н. Мотовиловой В.Н. Мотовиловой-Ульяновой в Лозанну:

А какой [племянник Вика] хороший ребенок был. А теперь он мне чем-то дядю Сашу напоминает, перед тем как дядя Саша сошел с ума. Ты его не помнишь? Они жили во флигеле, в большой комнате рядом с гостиной. Мне было восемь лет [(в 1889-м)], когда я зашла к ним. Дядя Саша заявил: «Соня, уходи!» Я в ответ: «Я не к тебе, а к дяде Паше» и принимаю независимый вид. Он как закричит: «Пошла вон!» Я скорее смылась. Потом он переехал в избу. Помнишь, в Бугурне «изба» около «застольной» была? Там дядя Саша жил один, ни с кем не разговаривал. [Сестра] Зина помнит как, еще когда он жил во флигеле, дядя Саша подрался с дядей Пашей. Я этого не помню. (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Из телеграмм «Северного Телеграфного Агентства», опубликованных в «Новом времени» в 1890 г.:

Батум, 27-го июня. Среди дня на Мариинском проспекте, самой людной улице, туземец убил из револьвера двух лиц; убийца арестован.

Батум, 27-го июня, вечером. Убитым оказался служащий на [железнодорожной] станции Батум Ф.В. Яковлев, раненым — кассир той же станции П.И. Покатилов. Убийца — татарин. После убитого осталось четверо детей и жена.

Батум, 2-го июля. Следствием открыто, что убийца Яковлева, Мотовилов — отставной офицер; при нем найдено облигаций и ценных бумаг на сумму до 15 тыс. Причину нападения Мотовилов объяснить отказался.

Из протокола допроса Р.Э. Классона в Жандармском управлении от 20 января 1894 года:

В письме от 9 Мая 1893 г. буквы «А.И.» обозначают брата моей жены Александра Ивановича Мотовилова, психически больного, содержащегося в больнице доктора Фрея. Один из братьев моей жены, Павел, показывал мне его письмо, по содержанию видимо писанное человеком, одержимым манией преследования. (ф. 102 ГАРФ)

Подробно трагедия А.И. Мотовилова, при прямом или косвенном участии его старшей сестры С.И. Мотовиловой и зятя Р.Э. Классона, описана в очерке «Мотовиловы — от Тимофея Мотовила».

Мотовилов Алексей Иванович (~1868 — пропал без вести). Девятый ребенок Ивана Егоровича и Луизы Францевны (урожд. Флориани) Мотовиловых.

О.КАГАНИНЪ СИМБИРСКЪ Алексей Мотовилов, гимназист

Из воспоминаний С.Н. Мотовиловой:

Когда мне было пять лет [(в 1886 г.)], на нашем детском горизонте появилось новое лицо — дядя Алеша. Он приехал из Петербурга, где учился в Александровском лицее — одном из самых аристократических учебных заведений того времени.

В то время самокритика в стенгазетах была не в моде, а дядя мой склонен был рисовать карикатуры на начальство. Не то его из-за этого попросили уйти из лицея, не то он сам ушел <...>. Во всяком случае он свалился к нам как снег на голову среди зимы — высокий, долговязый, лет девятнадцати от роду и бунтарь до мозга костей.

- <...> Его сестра, тетя Анюта, которой самой-то тогда было что-то около двадцати лет, потребовала, чтобы ей выдали сейчас же «ее часть». Уехала с дядей Алешей, кажется, в Пензенскую губернию, где купила себе имение. Но и тут дядя Алеша не ужился и ушел работать на какую-то фабрику или завод.
- <...> Больше никто никогда не слышал о дяде Алеше. Умер ли он, был ли арестован, что с ним стало неизвестно. Исчез и все тут (ф. 786 отдела рукописей РГБ).

Мотовилов Андрей Егорович (1808 — 1895?). Средний сын Егора Николаевича Мотовилова и Прасковьи Федосеевны Ахматовой. По военной части дослужился до поручика. Женился на девице Агнии (Анжелике) Егоровне с не установленной пока фамилией, у них родились Лидия, Иван, Александр и Федор (последний юношей застрелился из-за неудачной любви к С.И. Мотовиловой-Классон).

Из книги Павла Мартынова «Селения Симбирского уезда» (Симбирск, 1904):

<...> В 1845 году происходило здесь специальное межеванье и генеральная дача сельца Ленивцева была размежевана на две части: 1) <...> и 2) участок земли в 166 дес.1500 саж., лежавший впусте, отмежеван был Глазовым, которые продали его, в 1853 году, вместе с другим именьем, числившимся при деревне Ивановке, всего 1027 дес. 300 саж., поручику Андрею Егоровичу Мотовилову, а по его завещанию эта земля, оставшаяся за наделом крестьян (735 дес. 1500 саж.) перешла, в 1895 году, к его сыну, коллежскому советнику Ивану Андреевичу Мотовилову.

Общество крестьян, бывших А.Е. Мотовилова, 70 ревизских душ (20 дворов), получило [при их освобождении от крепостного права] в надел 280 десятин удобной земли (усадебной 27 дес. и пашни 253 дес.). В настоящее время в сельце Ленивцеве 40 дворов, с населением в 126 муж. и 131 жен.

Все же здесь осталось некое противоречие: по данным С.Н. Мотовиловой, у А.Е. Мотовилова и затем у его сыновей Александра и Ивана имение находилось в сельце Скорлятка (104 версты от уездного Сенгилея, который, в свою очередь, находился в 65 верстах от Симбирска), а не в сельце Ленивцево (12 верст от Симбирска). В то же время согласно воспоминаниям Э.И. Стогова первое имение (купленное у помещика Бабкина) было подарено Е.Н. Мотовиловым старшему сыну Николаю, а не среднему — Андрею.

Мотовилов Владимир Иванович (16 марта 1853, Симбирск — 24 ноября 1900, село Малое Нагаткино Симбирского уезда).

Сын Корнета Ивана Егорова Мотовилова и законной жены его Людовики Францыски католического вероисповедания. При крещении 26 марта [1853 г.] присутствовали восприемники Корнет Феодор Федосеев Ахматов и титулярная советница Анна Феодоровна Зимнитская. (выпись из метрической книги Симбирского Спасо-Вознесенского Собора, ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Умер 24 ноября 1900 г., причина смерти — от головного паралича, «кто исповедовал и приобщал» — по тупоумию не напутствован. (выпись из метрической книги Космо-Дамианской церкви села Малое Нагаткино Симбирского уезда^{*}, ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Из письма Н.С. Камай-Мотовиловой И.Р. Классону:

Старшим сыном дедушки был Владимир. Молодым офицером он проигрался, заразился [венерической болезнью], еще что-то натворил, чем вызвал гнев бабушки [Луизы Францевны]. Зина [Некрасова] рассказывала, как он приехал домой. Вся дворня выстроилась встречать молодого барина, а он выскочил из коляски и побежал прямо к бабушке, никому не поклонившись. Дворня не смела разойтись и долго стояла на солнцепеке, а те, кто подслушивал, доносили, что барыня гневаются, а молодой барин не уступают. Наконец Владимир Иванович выбежал на крыльцо и, обернувшись в ту сторону, где стояли девушки, крикнул: «Девки, я с матушкой поссорился, я больше не Ваш барин, мне дают (и он назвал имение, которое бабушка ему определила), кроме того я болен дурной болезнью, кто из вас за меня такого пойдет?»

Вышла дочь старосты Арина, красавица и первая невеста на селе, поклонилась и сказала: «Я, батюшка-барин, за тебя пойду». Владимир Иванович посадил ее в ту же коляску, в которой приехал и из которой не посмели без приказания выпрячь лошадей, и увез в свое имение, где прожил с нею долгую и счастливую жизнь. Он сам, а потом и его сыновья пахали землю наряду с мужиками. У него было три сына и три дочери, все здоровые. От семьи родителей он был отрезанным ломтем (ф. 9508 РГАЭ).

село Малое Нагаткино находилось в 50 верстах от Симбирска на почтовом тракте в Казань.

Владимир Мотовилов, гимназист

Из книги Павла Мартынова «Селения Симбирского уезда». Симбирск, 1904:

Помещиком при д. Большой Цыльне [(татарском селении)] числился дворянин Владимир Иванович Мотовилов, имевший хутор в семи верстах от селения и 306 десятин земли, полученной, в 1873 году, в дар от отца, Ивана Егоровича Мотовилова. В 1901 году В.И. Мотовилов умер; именье получили его племянницы: жена потомственного почетного гражданина Зинаида Николаевна Некрасова и девицы София и Вера Николаевны Мотовиловы и в 1903 году продали его крестьянке Марфе Кузьминой Лобановой.

По-видимому, «красавица и первая невеста на селе Арина» и крестьянка Марфа Кузьминична Лобанова – одно и то же лицо, вдова В.И. Мотовилова.

Согласно публикации Совета Особого отдела Государственного Дворянского земельного банка «Имения, назначаемые в продажу с торгов» в «С.-Петербургских ведомостях» от 7, 8 и 9 мая 1896 г. на торги выставлялось имение Владимира Ивановича Мотовилова, находившееся в сельце [при] Русской Цильне Симбирского уезда. Оно, выходит, было ранее заложено в сей банк, в размере 300 десятин пахотной земли. На текущий момент за В.И. Мотовиловым значилось недоимок на 259 руб. 66 коп., а невыплаченной ссуды — в размере «всего» 3 398 «металлических» рублей (по-видимому, ссуда привлекалась в рублях серебром).

Для сравнения, согласно той же публикации выставлялось на торги и имение Николая Петровича Ахматова (который по Павлу Мартынову был штабс-капитаном [в отставке] и числился дворянином села Новое Никулино Симбирского уезда), размером в 915 десятин при селе Должниково Карсунского уезда). Он задолжал недоимок на 2 696 руб. 02 коп. и за ним числилась невыплаченной ссуда аж в 16 396 «металлических» рублей!

В сентябре 1996 г. было выставлено на торги еще одно имение Н.П. Ахматова — при селе Никулино Карсунского уезда, площадью 2703 десятины и 878 сажен. За оным имением числилось 7437 руб. 79 коп. недоимки и непогашенной ссуды в объеме 55200 руб.; в ноябре того же года — повторно имение при селе Должниково (915 десятин, уже на 3896 руб. 16 коп. недоимки и на 16396 руб. непогашенной ссуды).

Мотовилов Георгий Иванович (1884 или, правильнее, 1892 — 1963). Сын Ивана Андреевича Мотовилова и Надежды Кронидовны Воронцовой, родственники ласково называли его Гомой и даже Гомочкой. Известный скульптор, «внесший значительный вклад в развитие советской монументально-декоративной скульптуры». Зачем-то в советское время прибавил себе 8 лет (откосить от Красной армии?).

Закончил медицинский факультет МГУ и в начале Первой мировой войны был призван на фронт в ранге врача. До октябрьского переворота 1917-го учился у скульпторов Н.А. Андреева и С.М. Волнухина. В 1918-21 гг. занимался в Свободных художественных мастерских (затем Вхутемас и Вхутеин) у С.Т. Коненкова.

Лауреат Сталинской премии I степени (1950 г., вместе с Н.В. Гришиным-Томским, В.Е. Цигалем, М.Ф. Бабуриным, П.И. Бондаренко, Л.Е. Кербелем, А.П. Файдышем и Д.П. Шварцем, скульптурные барельефы «В.И. Ленин и И.В. Сталин — основатели и руководители Советского государства»; при этом был также учтен вклад Г.И. Мотовилова в оформление ст. м. «Октябрьская-кольцевая»). В 1945-1963 гг. преподавал в Московском высшем художественно-промышленном училище (основанном в 1825-м С.Г. Строгановым как «Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам»). В 1953-м получил звание профессора, заведовал кафедрой скульптуры. В запасниках Третьяковской галереи должен находиться бюст маршала М.Н. Тухачевского, выполненный Г.И. Мотовиловым (если его не уничтожили после расстрела «врага народа»). В 1937 г. получил золотую медаль на Всемирной выставке в Париже за скульптуру «Металлург» («Металлист»).

В 1940 г. на братской могиле борцов за власть Советов в Иркутске (бывш. Иерусалимское кладбище, ныне ЦПКиО) была установлена отлитая из специального бетона в Москве трехфигурная композиция — старый солдат, большевик и крестьянский парень под развернутым знаменем у пулемета. Г.И. Мотовилов консультировал этот проект. Кроме того, в Иркутске же, на аллее Ветеранов, открытой в 1955 г., находится отлитый Г.И. Мотовиловым памятник дважды Герою Советского Союза А.П. Белобородову. В 1954 г. в Смоленске был установлен памятник М.И. Кутузову в Смоленске, а в 1958-м — Н.А. Некрасову в Ярославле и А.Н. Толстому в Москве.

23 февраля 1918 г. в районе деревень Большое и Малое Лопатино под Псковом бойцы 2-го красноармейского полка под командованием А. И. Черепанова вступили в бой с передовым отрядом германских войск, наступавших на Петроград. В 1968 г. на этом месте был сооружен памятник-обелиск (архитектор И. Д. Билибин, скульптор Г. И. Мотовилов).

Можно еще долго перечислять те скульптурные произведения, над которыми трудился замечательный мастер (особенно плодотворно он потрудился в Москве и столичном метро); в Приложении «Скульптор Г.И. Мотовилов» о нем и его высокохудожественных работах вспоминают ученики и специалисты по искусствоведению, а также его «последняя любовь», балерина Евгения Бадигина.

Мотовилов Георгий Николаевич (1833 — 1879). Из дворян Симбирской губ., сын Николая Егоровича и внук Егора Николаевича Мотовиловых. Образование сначала получил домашнее, а затем учился на счет своего дяди Ивана Егоровича Мотовилова в Императорском училище правоведения, каковое окончил в 1853 г. Поступив на службу в 4-й департамент Сената, занимал там разные должности до 1858 г., когда был назначен чиновником особых поручений при товарище министра.

В 1859-м сделался товарищем председателя 1-го департамента Петербургской гражданской палаты, а два года спустя исправлял должность товарища председателя Коммерческого суда. В 1863 г. был по выборам дворянства утвержден председателем Гражданской палаты (СПб). Участвовал в работах по составлению Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. При введении последних в Петербурге в 1866 г. был назначен председателем Санкт-Петербургского окружного суда (первого в России). В 1868 г. переехал в Москву и занял должность прокурора московской Судебной палаты. В 1870-м был переведен на ту же должность в Петербург, но вскоре был назначен председателем одного из гражданских департаментов местной Судебной палаты. Два года спустя был назначен сенатором Гражданского кассационного департамента, а в 1878 г. — членом соединенного присутствия 1-го и Кассационного департаментов. Г.Н. Мотовилов дослужился до чина тайного советника. Был женат на Екатерине Васильевне Полочаниновой, происходившей из семьи симбирских помещиков Кондратьевых-Полочаниновых. В этом браке появился Николай, который подросши служил прокурором Сената.

Из статьи «Мотовилов Г.Н.» в Русском биографическом словаре (М., 1999):

Не будучи криминалистом, он сумел, однако, дать надлежащее направление разбору дел с участием присяжных заседателей, первые опыты которого, руководимые одним из его товарищей, велись вяло и неумело. Председательствуя в заседаниях суда по делам гражданским, устраивая канцелярию суда, организуя надзор за подведомственными суду должностными лицами — судебными приставами, нотариусами — Мотовилов в выполнении всех этих задач обнаружил недюжинные познания, большой такт, самообладание и глубокую веру в свое дело».

<...> [Известный юрист] А.Ф. Кони характеризовал его деятельность такими словами: «Имя Г.Н. Мотовилова не должно быть забыто историком судебной реформы. Последний может с глубоким уважением остановиться перед его портретом, повешенным после его ранней смерти [в сорок шесть лет] в зале общих собраний [С.-Петербургского] Окружного суда.

Человек еще молодой, с энергичным и красивым лицом, холерик по темпераменту, он всецело отдался новой своей деятельности <...>».

В Приложении «Судебный деятель Георгий Николаевич Мотовилов» приведены воспоминания А.Ф. Кони о своем покойном коллеге. Георгий Николаевич умер, находясь в гостях у своей тетки Анны Егоровны Мотовиловой-Стоговой в имении Снитовка Подольской губернии Малороссии, где и был похоронен на деревенском кладбище. Сейчас это кладбище заброшено, но на одном из надгробий все еще можно разобрать надпись «Действительный статский советник Георгий Николаевич Мотовилов».

Мотовилов Егор Николаевич (1780 — 1837). Сын Николая Ивановича Мотовилова и Веры Максимовны Ружевской (Ржевской). Богатый помещик (имел более 1 000 душ, отлично устроенных и незаложенных) и дворянин 6-й книги по Симбирской губернии. Как сын дворянина в 1792 г. был записан в гвардии Преображенский полк, в 1793 г. в чине артиллерии подпрапорщика «был отпущен из оного полка для окончания наук».

После недолгой службы в кавказских гарнизонах и выхода в отставку в 1801-м в звании поручика артиллерии исполнял должность сенатора Кассационного департамента Симбирской губернии. Женившись на Прасковье Федосеевне Ахматовой (? — 1837), продлил многочисленный древний род Мотовиловых, жил под Симбирском в своем имении в селе Цыльна.

У Е.Н. и П.Ф. Мотовиловых родились: Николай (1807), Андрей (1808), Анна (1817), Иван (1820), Александра (1821) и Варвара (умерла в малолетстве?). У Ивана Егоровича Мотовилова родилась Софья, будущая жена Р.Э. Классона. А Анна Егоровна родила Инну, будущую мать Анны Горенки (ставшей всемирно известной под поэт. псевдонимом Анна Ахматова). Сватавшийся к Анне Егоровне Э.И. Стогов оставил живописные воспоминания о Е.Н. и П.Ф. Мотовиловых («Русская Старина», июль 1903 г.).

Мотовилов Иван Андреевич (1854 — 1917). Сын Андрея Егоровича и внук Егора Николаевича Мотовиловых. Окончил Симбирскую мужскую гимназию, медицинский факультет Московского университета, работал хирургом в Ново-Екатерининской больнице. Женившись в 1882 г. на Надежде Кронидовне Воронцовой (дочери губернского секретаря Самарской губернии), произвел на свет Марию, Елизавету, Андрея и Георгия. Последний в советское время стал известным скульптором.

Из воспоминаний И.Р. Классона (ф. 9508 РГАЭ):

О семье Ивана Андреевича Мотовилова я знаю главным образом из того, что слышал от мамы и от няни, которая гораздо раньше была у них кормилицей (я слышал, как Маня и Лиза Мотовилова, бывая у нас, называли няню «кормилкой»), ее в 1899-м Мотовиловы рекомендовали маме, когда я должен был родиться. Иван Андреевич работал хирургом в Ново-Екатерининской больнице в Москве и был, по-видимому, хорошим хирургом. Он владел имением в Симбирской губернии.

Главными его недостатками были скупость, строгость в семье и реакционность. Я помню, как приблизительно в 1905 г., в воскресенье днем к нам приехала Надежда Кронидовна и просила маму спрятать куда-нибудь [моих сестер] Соню и Таню на случай, если вдруг приедет Иван Андреевич: она потихоньку от него взяла для детей на тот день билеты в Художественный театр, причем на дневной спектакль «На дне». Выбор такой пьесы еще усугубил бы ее вину.

Опасаясь, что у нас появится Иван Андреевич, она просила сказать ему, что его дети с Соней и Таней пошли гулять. Но он мог увидеть Соню и Таню, поэтому Надежда Кронидовна и просила их спрятать. Иван Андреевич, против ее ожидания остался дома и спросил, где дети. Надежда Кронидовна ответила, что они поехали к Классонам (а на самом деле отправились на спектакль).

Мотовилов Иван Егорович (1820-1900). Младший сын Егора Николаевича Мотовилова и Прасковьи Федосеевны Ахматовой. По военной службе вырос лишь до корнета (первый офицерский чин в кавалерии, соответствовавший подпоручику в пехоте). Проиграв примерно в 1839 г. в карты около 100 тыс. руб. уже опытному картежнику М.С. Мартынову (1814-1854), расплатившись по долгу после продажи ряда имений и выйдя в отставку, собирался уйти в монастырь.

Но перед этим поехал в Киев попрощаться со своей любимой сестрой Анной Егоровной Мотовиловой-Стоговой и влюбился в ее гувернантку Луизу Францевну Флориани. Они поженились (в 1848 или 1850 году?) и родили пятнадцать душ детей (лишь трое из которых умерло в малолетстве)!

Из письма Марьи Михайловны Володиной (урожд. Гельшерт) С.Н. Мотовиловой:

Я слышала про двух братьев Ивана Егоровича: Андрея Егоровича и Николая Егоровича. <...> Николай Егорович был беднее других, так как его отец [Егор Николаевич] за что-то не любил и все свое состояние разделил между Иваном Егоровичем и Андреем Егоровичем (дочкам он, наверное, дал приданое). Когда умерла их мать [Прасковья Федосеевна] — наша прабабка, то ее имение досталось всем трем братьям поровну, но Иван Егорович свою долю материнского наследства отдал Николаю, а то бы у него вовсе ничего не было бы. Андрей Егорович был самый богатый и нечестный. Когда Иван Егорович решил уйти в монастырь, он поручил Андрею присматривать за его имуществом. Но когда передумал и вместо монастыря решил жениться, то вернулся домой, а Андрей Егорович уже вывез из его дома все серебро и вещи.

Иван Егорович сперва предлагал хозяйствовать моему прадеду Федору Федоровичу. Тот согласился за вознаграждение, Иван Егорович обиделся за это на него. А Андрей Егорович сказал: «Какая плата может быть между родными!» А сам все поворовал. Наверное, мой прадед был честнее (ф. 9508 РГАЭ).

 $^{^*}$ Мотовилов Иван Егорович, р. 30 марта 1820, †10 ноября 1900. С Л.Ф. Мотовиловой (с. Мокрая Бугурна Симбирского у.)

Источник: Река времен (Книга четвертая). Русский провинциальный Некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996

Иван Егорович Мотовилов после отставки, уже в штатском, Москва

Иван Егорович Мотовилов на склоне лет в своем имении Мокрая Бугурна, конец XIX века

Несмотря на вынужденную продажу ряда имений, И.Е. Мотовилов все же оставался богатым помещиком, имея в 1854 г. в селах Русская Цыльна, Мокрая Бугурна (Богурна) и деревне Большая Цыльна (в 1873 г. подарил местные земли сыну Владимиру) немало земли и сотни душ крепостных крестьян (частично записанных на любимую жену).

Из книги Павла Мартынова «Селения Симбирского уезда». Симбирск, 1904:

- <...> Во время генерального межеванья, в 1795 году, при с. Мокрой Богурне была единственная помещица жена действительного статского советника Авдотья Ивановна Белякова; ей принадлежало 5560 дес. 1202 саж. земли; но она недолго владела здесь землею: ее именье перешло, в 1798 году, к бригадиру Николаю Алексеевичу Дурасову, предки которого были местными помещиками еще в 17-м столетии; но и он затем продал землю соседям своим, помещикам села Русской Цыльны, Мотовиловым, так что во время специального межеванья, в 1851 году, бывшее владение А.И. Беляковой распалось на следующее участки:
- 1) коллежский секретарь Николай Александрович Мотовилов 78 душ крестьян (21 двор) 11 дес. 1804 саж. земли;
 - 2) корнет Иван Егорович Мотовилов 206 душ (53 двора) и 2511 дес. 1360 саж. земли;
 - 3) помещица Ольга Николаевна Языкова 101 душа (27дворов) и 1252 дес. 1700 саж.;
 - 4) девица Анна Андреевна Городецкая 42 души (7 дворов) и 389 дес. 2216 саж. и
 - 5) однодворцев два двора (9 муж. и 10 жен.) 105 дес. 2338 саж. земли. <...>

От И.Е. Мотовилова именье перешло его жене Луизе Францовне, а после ее смерти, в 1894 году, вернулось к нему и его дочерям: Анне Ивановне Гельшерт, Софье Ивановне Классон и девицам Марии и Вере Ивановным Мотовиловым; они продали, в 1896 году, вдове дворянина Алине Антоновне Мотовиловой участок в 292 десятины. <...> От А.А. Городецкой земля перешла к поручику Осипу Алексеевичу Мякишеву, а по его духовному завещанию 325 дес. получила, в 1872 году, вдова штабс-капитана Евпраксия Васильевна Шпицбард и в том же году продала Луизе Францовне Мотовиловой.

<...> Генеральная дача села Русской Цыльны заключала в себе нынешнее село Мокрую Богурну, только что перед тем поселенную, почему при специальном межевании, бывшем здесь в 1858 году, это генеральная дача распалась на несколько участков, из которых причислены некоторые были к другим, соседним селениям, а при с. Русской Цильне помещики остались: коллежский асессор Николай Александрович Мотовилов (248 душ крестьян, усадьба и 1684 дес. 2008 саж. земли), корнет Иван Егорович Мотовилов (185 душ и 1668 дес. 1925 саж.) и поручица Ольга Николаевна Языкова (74 души и 559 дес. 2315 саж.), получившая это именье, в 1844 году, по наследству от отца, генерал-майора Николая Федоровича Кишинского.

Мотовилов Николай Александрович (1809 — 1879), «Серафимов служка». Приходился двоюродным братом Егору Николаевичу Мотовилову, поскольку был сыном Александра Ивановича Мотовилова, который имел брата Николая Ивановича, отца Егора. Отец Александр Иванович женился на Марии Александровне Дурасовой. С 1829 г. Н.А. Мотовилов владел имениями в селе Рождественское, или Цыльна и деревне Мокрая Бугурна в Симбирской губернии и уезде, селом Никольским, или Ермоловкой в Карсунском уезде, сельцами Соврасово, Бритвино и Рожново в Лукояновском уезде.

Н.А. Мотовилов влюбился и в 1832-м сватался к Екатерине Михайловне Языковой, получив отказ, тяжело заболел и в 1840 г. женился на Елене Ивановне Мелюковой из крестьян (1823-1910), они произвели на свет четырех сыновей и четырех дочерей (двое из них умерли в детстве). Из дарственной уже замужней дочери Прасковье:

Лета тысяча восемьсот шестьдесят седьмого июня в двадцать девятый день, надворный советник и кавалер Николай Александрович Мотовилов и дочь его жена коллежского секретаря, служащего мировым посредником Казанской губернии Тетюшинского уезда, княгиня Прасковья Николаевна Волконская с согласия Московской Сохранной Казны составили сию запись в следующем: я, Мотовилов, подарил родной дочери моей княгине Прасковье Волконской незаложенные населенные имения, равняющиеся наследственной ее, княгини Волконской, доле, состоящие Симбирской губернии: а) Карсунского уезда в селе Покровском Решетки тож, б) Того же уезда деревни Безводной, в) Ардатовского уезда в сельце Мачказерове, доставшиеся мне — первые два по духовному завещанию, утвержденному в Симбирской Палате Гражданского суда в 1851 г., от дяди моего титулярного советника Федора Никитина Петрова, а последнее по покупке в 1830 году с публичного торга в Симбирском Губернском Правлении после г[оспожи] Лебиной <...>. (Госархив Ульяновской обл., ф. 317)

Из другого документа, о разделе недвижимого имущества уже покойного Николая Александровича, становится известно об остальных его оставшихся в живых детях:

<...> Тысяча восемьсот восемьдесят первого года ноября семнадцатого дня, явились к Валентину Ивановичу Сурову, Симбирскому нотариусу, в конторе его, находящейся в первой части, по Большой Саратовской улице, в доме Свешникова, известные ему лично и к совершению актов законную правоспособность имеющие: флота лейтенант в отставке Иван Николаевич Мотовилов, жены: дворянина Александра Николаевна Теплова и губернского секретаря Антонина Николаевна Зимнинская, урожденные Мотовиловы, несовершеннолетняя девица из дворян Екатерина Николаевна Мотовилова и вдова коллежского советника Елена Ивановна Мотовилова, последняя за себя и как попечительница несовершеннолетней Екатерины Мотовиловой, на основании Указа Симбирской Дворянской опеки от двадцать седьмого августа тысяча восемьсот семьдесят девятого года за № сто пятьдесят седьмым и по доверенности жены коллежского регистратора Марии Николаевны Ханыковой, урожденной Мотовиловой <...> (Госархив Ульяновской обл., ф. 85).

Н.А. Мотовилов закончил Казанский университет, служил почетным смотрителем Корсунского уездного училища, судьей Симбирского совестного суда, членом Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета, был избран членом специальной комиссии Государственного коннозаводства. По завещанию Преподобного Серафима Саровского заканчивал создание Дивеевского женского монастыря.

Во время Крымской войны преподнес изображение Серафима Саровского и две иконы Божьей Матери для помещения на бастионах Севастополя.

Из формулярного списка о службе:

По окончании курса в Казанском университете со степенью действительного студента в 1826 году в службу вступил Почетным смотрителем в Карсунское уездное училище тысяча восемьсот сорок пятого года декабря пятнадцатого. <...> За поднесение государю Императору двух образов для армии и камня, на котором молился старец Серафим, с его изображением получил Величайшую Его Императорского Величества благодарность 1854 марта 24. Всемилостивейше пожалован за пожертвование 15 жеребцов своего завода бриллиантовый перстень с вензелевыми изображениями Его Императорского Величества 1854 октября 2.

За предоставленные Государю Императору чрез министра Императорского Двора две копии с принадлежащего старцу Серафиму Образа Божией Матери «Радости всех Радостей» удостоился получить Высочайшую Его Императорского Величества благодарность 1854 октября 7. (РГИА, ф. 1349)

Н.А. Мотовилов был похоронен в 1879-м в Серафимо-Дивеевском монастыре. Занимательные подробности его богоугодной деятельности, вызывавшей неприязнымногих чиновников и нечистого на руку иеромонаха Иоасафа, можно узнать в Приложении («Документы по Н.А. Мотовилову»).

В частности, Николай Александрович в 1833 г. был арестован губернатором Симбирской губернии А.М. Загряжским (довольно мерзким персонажем, по оценке жандармского полковника Э.И. Стогова):

- <...> Вследствие еще прошлогоднего 1831 года знакомства с домом исправляющего должность симбирского гражданского губернатора Александра Михайловича Загряжского сошелся с ним на такую дружескую ногу, что по его личному всегдашнему братскому убеждению должен был поставить мои отношения к нему лишь на «ты».
- <...> В общую дружески-братскую на одной квартире нашей бытность в уездном городе Корсуне на ярмарке 1833 года <...> Загряжский, переходя от одной пошлости к другой, <...> дошел наконец до такого неистовства, что дерзнул страшно похулить и Самого Государя Императора Николая Павловича!!
- <...> На другой день вместо фамильярного невольного обращения с губернатором на «ты» вдруг мне было объявлено, что я нахожусь под арестом его превосходительства со всевозможными прибавлениями разнообразных великоинквизиторских хотя и глупых, и смешных, но все-таки до неимоверности обидных дерзостей и всевозможно притеснительных мер его превосходительства

^{*} Мотовилов Николай Александрович, «взысканный милостями батюшки отца Серафима 1831 года 5 сентября и 1832 года 4 сентября и исцеленный в Воронеже Преосвященным Епископом Антонием Воронежским и Задонским на день Покрова Пресвятой Богородицы в 1832 году» [(надпись на могильной плите)] (с. Конкино Буинского у.)

Источник: Река времен. Книга четвертая. Русский Провинциальный Некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания ГЛМ. М., 1996

<...>. Но тем не менее не могу же умолчать и о том, что вся сущность великоинквизиторских требований помянутого губернатора Загряжского состояла лишь единственно в том, чтобы я решился оклеветать духовного благодетеля моего архиепископа Воронежского и Задонского Антония, губернатора воронежского Бегичева, Павлова и других <...>. <...> А когда <...> я <...> решился на всевозможные страдания, лишь бы только не оскорбить ничем великого иерарха Божиего и не солгать на него или, что одно и то же, на Святую Церковь Божию, то он арестовал меня, обобрал все бумаги мои и при донесении своем послал их к министру внутренних дел господину Димитрию Николаевичу Блудову.

<...> Не буду говорить о пытках, подобных описанным выше, на разные вариации деланных мне в течение все трех месяцев сего ареста.

Должен же сказать, что по высочайшему повелению я был выпущен из-под ареста господином министром юстиции Димитрием Васильевичем Дашковым во время приезда его в Симбирск в 1833 году по случаю отпуска в Ставропольский уезд в имение его (Из докладной записки митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору от 13 августа 1861 г., Отдел рукописей НРБ, фонд С.-Петербургской духовной академии).

Сын Иван, выйдя в 1881 году в отставку в чине лейтенанта флота, в 1882-м женился на дочери потомственного гражданина Симбирска И.И. Сапожникова Раисе.

Мотовилов Николай Егорович (1804 — 1841). Старший сын Егора Николаевича Мотовилова, закончил курс в университете, но затем по настоянию отца поступил на службу в 16-й Егерский полк, расположенный в Финляндии. Скоро дослужился до старшего адъютанта в дивизии генерал-лейтенанта А.А. Дувинга. Женился на его дочери Анне Дувинг после того, как через три года удалось получить разрешение на брак от своего отца, почему-то не любившего немцев, которые служили в России. Родил Георгия (1833) и Александра (?). В 1834 г. вышел в отставку в чине капитана и имея орден Станислава IV степени.

Из воспоминаний Э.И. Стогова («Русская Старина», июль 1903 г.):

У него [(Е.Н. Мотовилова)] было три сына, старший — Николай, кончил курс в университете. Отец, презирая гражданскую службу, велел сыну поступить в военную; он скоро сделался старшим адъютантом в дивизии генерал-лейтенанта [Александра Андреевича] Дувинга, который был немец, но женат на русской — Обручевой.

У них было много детей, но все были в институтах и корпусах на казенном содержании, а дома была одна дочь Анна. Николай Мотовилов влюбился в дочь генерала; родители Анны были согласны, но отец Николая не давал согласия на том основании, что ненавидел немцев.

Николай не ослушался отца, но три года просил позволения жениться. Наконец, мать Николая в добрый час упросила мужа, тот согласился, но с условием — не видать Дувингов. Прошел год, у Николая родился сын Георгий. Семейному сыну надобно помогать. Старик Мотовилов приказал сыну выйти в отставку, что Николай и исполнил. Приехал он с женою в Цыльну, старик принял сына и невестку ласково и, хотя дом в Цильне тесен, но поместились. Жена Николая, любящая опрятность, по два и по три раза в день купала крошку сына. Это старику надоело.

Он отправился к помещику Бабкину и предложил ему продать свое имение Скорлятку, в котором считалось 100 душ, с условием продать все, что есть. Бабкину предлагалось надеть только шинель и шапку и выехать из имения. Не только белье, но одежду и все запасы: чая, сахара, кофе, часы в доме, серебро, посуду — все оставить покупателю.

Бабкин запросил 80 000 рублей; старик не торговался и заплатил. Приехав домой с купчею, старик Мотовилов вручил ее сыну Николаю и дал ему еще 5 000 рублей на первые потребности, а невестке ласково и шутя сказал:

– Ну, матушка, будешь довольна, там воды сколько хочешь, можешь купать своего сына.

Из публикации в «Судебном вестнике» (Ульяновск) №3, 2012 г. — «Из дворян Симбирской губернии. Мотовилов Георгий Николаевич», раздел «По страницам родословной Георгия Мотовилова»:

<...> Старшая дочь [генерала] А.Ф. Обручева, Мария Афанасьевна Обручева (1786-1842), была замужем за Александром Андреевичем Дувингом (1777-1856). После окончания кадетского корпуса в первые годы прохождения военной службы в Прибалтике тот оказался под начальством А.Ф. Обручева, который был командиром Динамюндской крепости.

Близкое знакомство А.А. Дувинга с семьёй Обручевых и привело к его женитьбе на Марии Обручевой. В семье Дувингов было шестеро детей: дочери Екатерина (1812-1908), Мария (1818-1889), Варвара (1829-?), Анна (1811-1888), пятая дочь (умерла младенцем), и сын Владимир (1821-1894).

А.А Дувинг был участником Отечественной войны и зарубежных походов русской армии 1812-1814 гг., имел чин подполковника. Затем, имея уже генеральский чин, он нёс службу в Фридрихегамской крепости в Финляндии, строителем которой был его тесть, генерал А.Ф. Обручев. Именно там, в Финляндии, дочь А.А. Дувинга Анна познакомилась с молодым капитаном Николаем Егоровичем Мотовиловым (1804-1841), который сначала получил образование в университете, но затем, по настоянию отца, поступил на военную службу и оказался в дивизии генерала Дувинга.

Николай Мотовилов так увлёкся дочерью своего командира, что попросил её руки. Согласие родителей Анны на брак с Николаем Мотовиловым было получено, но вдруг возникло непреодолимое препятствие. Отец Николая Мотовилова, Егор Николаевич Мотовилов (1780-1835), был человеком своенравным, суровым, малообщительным и ревниво оберегал честь своего рода.

Женитьбу своего сына на дочери «пришлого немца Дувинга», как он его называл, Мотовилов воспринял как оскорбление. Он не любил немцев. Его предубеждение Николай не мог преодолеть целых три года. Но упорство влюблённого в Анну Дувинг Николая Мотовилова оказалось сильней.

Отец всё-таки дал согласие, но поставил условие «не видеть Дувингов, этих пришлых немцев». Однако, когда у Николая и Анны Мотовиловых в 1832 г. появился на свет первенец, названный в честь деда Георгием, Егор Николаевич резко переменил свое отношение, стал помогать молодой семье и даже купил им имение в Симбирской губернии, когда Николай Егорович в чине капитана по болезни вышел в отставку.

Мотовилов Николай Иванович (1756 — ?). Сын Ивана Михайлова Мотовилова (последний стал дедом как Егора Николаевича — нашего прямого праотца, так и Николая Александровича — «Серафимова служки»). Н.И. Мотовилов служил в гвардии Измайловском полку, был «уволен за болезнями» в чине поручика в 1777 г. Женился на девице из дворян Вере Максимовне Ружевской (Ржевской), которая принесла ему приданое из двух сел. Проживали в селе Цыльна. Произвели на свет Егора и еще одного сына, с неустановленным пока именем. Прося о внесении их сына Егора в родословную книгу Симбирской губернии, Н.И. Мотовилов сообщал, что «крестьян имеет наследственных Симбирской округи в селе Рождественском (Цыльне), Саратовского наместничества, Аткарской округи селе Озимках, Сызранской округи в селе Репьевка».

Из книги Павла Мартынова «Селения Симбирского уезда». Симбирск, 1904:

<...> Основателем села Русской Цыльны^{*} следует признать, на основании документальных данных, синбиренина Селиверста Шишелова. <...> Именье Селиверста Шишелова перешло в род Мотовиловых следующим порядком: внук Селиверста Шишелова, драгун Иван Шишелов, продал в 1726 году капитану Василию и поручику Ивану Мироновым Репьевым всю дедовскую землю по реке Цыльне и по другим урочищам. В 1730 году капитан Василий Репьев продал свою долю брату Ивану, по смерти которого, в 1764 году, указную часть получила вдова его Авдотья (по второму мужу капитанша Буланина), а остальное (352 дес. 600 саж. пашни, да на усадьбу и выгон 88 дес. 1950 саж.) наследовала дочь его Христинья, вышедшая замуж за подпоручика Ивана Михайлова Мотовилова. В 1757 году подпоручица Христинья Ивановна Мотовилова купила, у служилого новокрещенного татарина д. Большой Цыльны Дмитрия Макарова, две мельницы на речке Цыльне и при них 25 четвертей земли.

Но должно быть еще ранее этого у Мотовиловых была здесь земля, потому что в 1844 году сыновья Христиньи Мотовиловой говорят, что «при Цыльне земля их предкам жалована», хотя при этом никаких документов не представляют. В 1763 году мать их Христинья Мотовилова умерла, оставив при селе Рождественском, Цыльна тож, и в других местах 318 четвертей пашни и 150 десятин сенных покосов. Ей наследовали сыновья Николай, Александр и Евграф Ивановичи Мотовиловы. Из них подпоручик Александр Иванович купил, в 1811 году, у девицы из дворян Анны Федоровны Кишинской участок земли в 34 дес. 403 саж. <...>

Помянутые Николай и Александр Ивановичи Мотовиловы судились, с 1794 г. по 1818 г., из-за земли с татарами соседних деревень Большой и Малой Цыльны. Татары жаловались, что Мотовиловы «завсегда чинят им во владении земли и сенных покосов крайнее стеснение и обиды, и ныне оные господа Мотовиловы, взяв верх над обиженными, завладели, усильством своим, почти последнею их землею: запахали и засеяли хлебов до 600 десятин, да подкошено ими же в татарских дачах сена до 200 дес., коего и свезено ими в свое селение до 500 возов». Однако этот спор разрешен в 1818 году Симбирскою Палатою Гражданского Суда в пользу Мотовиловых. <...>

Церковь в селе Русской Цыльне построена первоначально в 1737 году помещиками Мотовиловыми, но в 1888 году она, по ветхости, уничтожена и на ее месте в 1889 году построена, иждивением местных крестьян, нынешняя же деревянная церковь, во имя Рождества Христова. В 1885 году здесь открыта церковно-приходская школа.

Такие подробные истории о землевладельцах-помещиках в книге П. Мартынова приводятся по каждому населенному пункту Симбирского уезда.

Мотовилов Николай Иванович (3 июля 1855, село Цыльна Симбирского уезда — 3 июня 1888). Третий ребенок (после Владимира и Петра) села Цыльна помещика корнета Ивана Егоровича Мотовилова, православного исповедания, и Луизы Францевны, римско-католического исповедания. Был крещен 12 июля 1857 г. в церкви села Цыльна.

Была еще татарская деревня Большая Цыльна.

Его дворянство подтверждалось следующим документом: «Выдано настоящее свидетельство от Г. Исправляющего должность Симбирского Губернского Предводителя Дворянства, сыну Корнета Ивана Егоровича Мотовилова — Николаю в том, что он принадлежит к числу дворян Симбирской губернии и записан в шестую часть дворянской родословной книги, что удостоверяется надлежащим подписом с приложением казенной печати. Марта 28 дня 1888 года, г. Симбирск. И.д. Губернского Предводителя Дворянства Кн. Оболенский». (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Переписывался со своей кузиной Алиной Антоновной фон Эрн (которая через свою мать Валерию Францевну была племянницей Луизы Францевны Мотовиловой). Тайно обручился с ней 21 августа 1877 г. в православной Константино-Еленовской церкви села Малая Даниловка Харьковского уезда: «Дворянин Николай Иванов сын Мотовилова повенчан с девицею Дворянкою Алиною Антоновою дочерью Эрн». (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

В семье Мотовиловых было три дочери: Зинаида (1879-1970), Софья (1881-1966) и Вера (1885-1968). Еще одна дочь Нина умерла в три года от дифтерита, заразившись от еще не выздоровевшей окончательно Софьи.

Дворянин и подпоручик в отставке Н.И. Мотовилов умер в 32 года от чахотки: причина смерти — «от плеврита» (выпись из метрической книги Симбирской Троицкой церкви, гербовая марка погашена 7 августа 1901 г., ф. 786 отдела рукописей РГБ).

Подпоручик Николай Иванович Мотовилов

Мотовилов Павел Иванович (~1869 — не ранее 1894-го). Десятый ребенок Ивана Егоровича и Луизы Францевны (урожд. Флориани) Мотовиловых. Из письма Н.С. Мотовиловой-Камай И.Р. Классону: «Дядя Паша застрелился молодым, кажется, в 1892 году, женат не был» (ф. 9508 РГАЭ). Однако из протокола допроса Р.Э. Классона в январе 1894-го следовало, что на тот момент Павел Иванович был еще жив.

Павел Мотовилов – гимназист

Мотовилов Петр Иванович (1854-1871). Второй ребенок Ивана Егоровича и Луизы Францевны Мотовиловых (после Владимира). Из письма Н.С. Камай-Мотовиловой И.Р. Классону: «Второй сын Петр Иванович не умер ребенком, а дожил до 17-ти лет и умер в Симбирске от неудачной операции аппендицита, когда готовился поступить в Университет» (ф. 9508 РГАЭ). В большом альбоме С.И. Мотовиловой-Классон фото ее брата Петра, похоже, отсутствует, зато оно имеется в ее же альбоме ин-фолио.

Петр Мотовилов, фото сделано в Саратове (из альбома С.И. Мотовиловой ин-фолио)

Мотовилов Федор Андреевич (1863-1887), сын Андрея Егоровича, племянник Ивана Егоровича и кузен Софьи Ивановны Мотовиловых.

Предположительно фото студента Ф.А. Мотовилова, Казань (из альбома С.И. Мотовиловой)

Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону за сентябрь 1959 г.:

<...> Когда одно лето мы жили в Ишеевке, на даче у нас гостила тетя Соня и Федя Мотовилов, дядя Гомочки, брат его отца Ивана Андреевича. Помню, тетя Соня гуляла с этим Федей по Ишеевскому чудесному парку.* Этот Федя тоже влюбился в тетю Соню, но и ему она отказала, и он тоже застрелился. У меня есть его портрет, когда приедете в Киев, я Вам покажу.

Сплошной поиск автора сих очерков по публикациям казанской газеты «Волжский вестник» возможной информации о дуэли (кровавом конфликте) Александра Ивановича Мотовилова позволил неожиданно обнаружить такие детали:

Самоубийство студента. Вчера, около трех часов пополудни, в «степановских номерах» (кв. №9), что на углу Рыбнорядской и Малой Проломной улиц, выстрелом из револьвера покончил свою жизнь студент Казанского университета, второго курса юридического факультета, Фед. Андр. Мотовилов.

Самоубийца оставил записку, в которой говорится: «Без веры в Бога, людей и самого себя жить нельзя». Выстрел был направлен в сердце и смерть последовала мгновенно. Покойный считался в кругу товарищей очень хорошим человеком и пользовался расположением всех знавших его. («Волжский вестник», 25 октября 1887 г.)

Похороны студента Ф.А. Мотовилова, окончившего 24-го числа жизнь самоубийством, происходили вчера, после совершенного в Богоявленской церкви отпевания тела. Студенты проводили несчастного товарища в место вечного упокоения. Можем сообщить некоторые биографические данные о покойном.

^{*} Село Ишеевка располагалось при р. Свияга на почтовом тракте из Симбирска в Казань в 16 верстах от губернского города. Источник: Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. XXXIX, Симбирская губерния. СПб., 1863.

Федор Андреевич Мотовилов, происходящий из дворян Симбирской губернии, родился 26 мая 1863 года в селе Скорлятка, Сенгилеевского уезда. Окончив курс в Симбирской гимназии, он в сентябре 1884 г. поступил на медицинский факультет Казанского университета, на котором пробыл оба полугодия 1884/85 учебн. года и в августе 1885 г. перечислился на историко-филологический факультет, на котором пробыл всего 4 месяца и в январе 1886 года перешел на юридический факультет, на котором и оставался до самой кончины своей. Катастрофа произошла для всех неожиданно: в день самоубийства Мотовилова еще в 12 час. дня видели в университете, на лекциях, а в 3 часа того же дня его уже не стало («Волжский вестник», 28 октября 1887 г.).

Мотовилова Алина Антоновна, урожд. фон Эрн (25 апреля 1857, хутор Солоновщино Миргородского уезда Полтавской губернии — Киев, 1943). Дочь полковника (а затем генерал-майора в отставке) и кавалера Его Величества лейб-гвардейского уланского полка Антона Вильгельма сына Николаева фон Эрн (Оерн), евангелическо-лютеранского вероисповедания и жены его Валерии, урожденной Флориани, римско-католического вероисповедания. Была крещена в лютеранскую веру 28 июня 1857 г. Полтавским дивизионным проповедником и пастором Карлом Гуерихом (отдел рукописей РГБ, ф. 786).

В 1874 г. окончила Смольный институт:

Думаю, что именно ее взгляд и улыбка покорили некоего господина с бакенбардами, который на балу в Смольном пригласил Алину Эрн на первую мазурку. Этим господином с бакенбардами был самодержец всероссийский император Александр II. Вот так моя бабушка начала свой жизненный путь — папа с Анной на шее, институт благородных девиц, трогательные розы в белой рамочке, мазурка с царем... (Виктор Некрасов. Алина Антоновна)

Выйдя замуж за кузена Николая Ивановича Мотовилова, родила и воспитала трех дочерей: Зинаиду (1879), Софью (1881) и Веру (1885). Четвертая дочь — Нина умерла в малолетстве от дифтерита.

Мотовилова Луиза Францевна, урожд. Флориани (1832 — 1895).^{*} Дочь обедневшего венецианского дворянина Франца Флориани, получившего медицинское образование в университете Вильны.

С сайта памяти Виктора Некрасова (фото сделано в С.-Петербурге)

Луиза Францевна в молодости

 $^{^{*}}$ Мотовилова Луиза Францевна, р. 20 апреля 1832, †10 июля 1895. С И.Е. Мотовиловым (с. Мокрая Бугурна Симбирского у.)

Источник: Река времен (Книга четвертая). Русский провинциальный Некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996

В 16 или 18 лет вышла замуж за И.Е. Мотовилова и родила ему пятнадцать детей, из которых трое умерли в малолетстве. В живых остались Владимир (родился в марте 1853-го), Петр (1854), Николай (в июле 1855-го), Лидия (~1858), Ольга, или Леля (1861), Софья (1863), Александр (1865), Анна (1867), Алексей (1868), Павел (~1869), Мария, или Маня (1874), Вера (1875). К сожалению, не все годы появления детей на свет установлены вполне точно. По воспоминаниям С.Н. Мотовиловой после Веры был еще малый Миша (одного возраста с племянницей Зиной, родившейся в 1879-м), но он умер в детстве, как и остальные двое не названных ею детей. Первый из них — Николай, вроде бы мог родиться между Петром и оставшимся в живых следующим Николаем, хотя и весьма мал промежуток для этого. По воспоминаниям М.М. Гельшерт-Володиной один из самых старших умер совсем маленьким, кажется, его тоже звали Петр (как и появившегося потом и оставшегося в живых ребенка), и Зинаида [Вика?] умерла ребенком.

Однако Н.С. Камай-Мотовилова утверждала в письме И.Р. Классону:

Второй сын Петр Иванович (не было двух Петров, было два Николая), родившийся в 1854-м, не умер ребенком, а дожил до 17-ти лет и умер в Симбирске от неудачной операции аппендицита, когда готовился поступить в Университет. Третий сын Николай умер совсем маленьким, и его именем назвали [следующего ребенка,] отца Зины и Сони. После четверых сыновей [(если считать и умершего маленьким Колю)] бабушка родила четырех дочерей: Лидию, Ольгу, Софью и Зинаиду, а потом уже сына Александра, который был девятым ребенком. Ольга Ивановна дожила до тридцати [с чем-то] лет, страдала эпилепсией, к ней была приставлена горничная, которая за ней ходила. <...> Десятым ребенком была тетя Анюта, а потом уже шли четверо младших: Алеша, Паша, Маня и Вера. (здесь и ниже — ф. 9508 РГАЭ)

Из писем С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону:

Разве у нас в семье Ивана Егоровича и Луизы Францевны были «здравомыслящие» люди? Нет, конечно. Были талантливые, интересные люди, очень гордые, но здравомыслящих не было. Вы знаете, как бабушка Луиза Францевна неизвестно для чего продала родовое имение Цыльну, где прошло детство ее детей, где был чудесный дом, сад, река, и неизвестно для чего стала строиться в [Мокрой] Бугурне? Из благоустроенной усадьбы переехали на голое место и ютились все в одной избе! Я это помню. Потом из четырех изб построили флигель, а большой дом все строился и строился, и никогда не был достроен. Мы обедали во флигеле, в доме стены были из бревен с паклей между ними, а громоздкая мебель в гостиной — обита материей для матрацев: желтые и красные полосы! Керосина бабушка Луиза Францевна не признавала, до 1895 года [(т.е. до самой ее смерти)] все комнаты освещались свечами, и это в громадных комнатах дома! Из-за продажи Цыльны папа поссорился с бабушкой. Он хотел ее купить, продал свой хутор, чтоб достать денег, а бабушка потихоньку от него Цыльну продала какому-то Мотовилову. Зачем?

Бабушка Луиза Францевна (общая наша с Вами) умерла в 1895 году, когда мы приехали из Швейцарии. Ей было пятьдесят с чем-то лет [63 года!], но мне она казалась ужасно старой. Дедушку мы все очень любили, а бабушку очень боялись. Она была властной и молчаливой. Бабушка Луиза Францевна была очень честолюбива.

Жила у нас в Симбирске помещица Березина? (забыла ее фамилию – [в более раннем письме Софья Николаевна еще помнила ее фамилию: Березникова – МК]). Потом ее сын [(Леонид Березников)] был городским головой в Симбирске, и в это время весь город находился в прекрасном состоянии. Это с ним тетя Соня ездила на какой-то вечер. И вот бабушка и эта помещица начали дарить друг другу подарки, каждая старалась подарить лучший.

А сам И.Р. Классон отметил в своих воспоминаниях:

Наша мама [Софья Ивановна] была ближе со своим отцом, чем с матерью, и о ней рассказывала мало, но как-то вспомнила ее афоризм: «Лучший способ испортить отношения с кем-нибудь — это сделать ему добро». А иногда Луиза Францевна вспоминала: «Ведь я всегда должна позаботиться об очередных двенадцати парах ботинок!».

Мотовилова Мария Ивановна (1874 — ~1922). Одиннадцатый ребенок Ивана Егоровича и Луизы Францевны (урожд. Флориани) Мотовиловых, младшая сестра С.И. Классон. Жила вместе с последней на Охте, в период работы Р.Э. Классона на Охтинском пороховом заводе и устройства им «марксистского салона на дому»:

Одно время Софья Ивановна оказалась в больнице, а на хозяйстве ее заменяла [cecmpa] Мария Ивановна. Неизвестно почему, но Мария Ивановна спрятала все серебро, а когда к Классону приходили гости, подавала им деревянные ложки, и Роберту Эдуардовичу это было очень неприятно (здесь и ниже — из писем С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону, ф. 9508 РГАЭ).

Тетя Маня и тетя Вера были страшно дружны с детства, но у них был потом «разрыв отношений» на всю жизнь. Тетя Маня послала тете Вере свою бонну, т.е. бонну своей воспитанницы, крестьянской девочки Дашеньки. Тетя Вера родила тогда Нину и задержала бонну несколько дольше, чем они условились. Ну и разрыв отношений на всю жизнь, и обе были страшно одиноки. <...> Никакой шутки они не понимали и вечно были надутые. Зина и Надя Пятницкие их называли — «дутые бусы».

В 1906 г. при посредничестве Государственного крестьянского поземельного банка имение при селе Мокрая Бугурна Симбирской губернии и уезда (с 1 766 десятинами земли), принадлежавшее госпожам В.И. и М.И. Мотовиловым, С.И. Классон и А.И. Гельшерт, было продано за 280 900 рублей (ф. 592 Российского государственного исторического архива, ф. 592, оп. 3, д. 1897). Т.е. эту огромную сумму получили сестры Вера, Мария, Софья и Анна, совладелицы имения, наследованного от умершей в 1895-м их матери Луизы Францевны. Как М.И. Мотовилова распорядилась своим наследством, неизвестно. По крайней мере, 5 тыс. руб. она отдала Любови Пятницкой, которая в свою очередь передала эту сумму своему гражданскому мужу Осколкову-Маграчеву.

Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону: «Тетя Маня замуж не выходила, воспитывала крестьянскую девочку Дашеньку [Скворцову]. Умерла уже после революции [в Курске во время операции по вырезанию кисты], до 1923 года».

Мотовилова Софья Николаевна (1881 — 1966). Средняя дочь Николая Ивановича и Алины Антоновны (урожд. фон Эрн) Мотовиловых, родилась в Симбирске.

Ее рождение потребовалось подтвердить через 10 лет следующим документом:

По Указу Его Императорского Величества, из Симбирской Духовной Консистории, вследствие прошения вдовы дворянина Алины Антоновны Мотовиловой на основании 1048 ст. IX т. свод. зак. (изд. 1876 года), выдано сие свидетельство ей, Мотовиловой, в том, что в метрической книге Троицкой церкви города Симбирска за тысяча восемьсот восемьдесят первый год, в Феврале месяце под № 3-м значится:

Потомственный дворянин Симбирской губернии и уезда, Николай Иванович Мотовилов, православного исповедания, и жена его Алина Антоновна, лютеранского исповедания; у них дочь София родилась 6 января, а крещена 19 числа Февраля. Восприемниками были: потомственный дворянин Симбирской губернии, Буинского уезда, Николай Федорович Пятницкий и жена потомственного дворянина Александра Павловна Гельшерт. Причитающийся гербовый сбор уплачен Мая 21 дня 1891 года. Член Консистории Протоирей такой-то. (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Училась на Бестужевских курсах в Петербурге (где в 1907-м получила диплом о высшем образовании), в университетах Швейцарии и Англии, закончила библиотечное отделение Московского городского народного университета им. генерала А.Л. Шанявского в Москве. В 1917 г. заведовала библиотекой в Самаре. В 1918 г. работала инструктором по библиотечному делу в Наркомпросе под руководством Н.К. Крупской и В.Я. Брюсова.

T Bitadololai Mochba.

Москва, 1898 год (фото с сайта памяти Виктора Некрасова)

Осенью 1918-го бросила престижную работу и переехала в Киев, помогать маме и сестре, которые плохо ориентировались в сложной обстановке постоянно меняющихся властей и в элементарном выживании при них, одновременно служила в двух и даже в трех местах! Рискуя быть обвиненной «в спекуляции», продавала на базаре «остатки дворянской роскоши» и пайковые продукты на более необходимые. Много лет проработала библиографом в библиотеке Всеукраинской академии наук (ВУАН), служила библиографом в научно-исследовательских и учебных институтах.

Постоянно воевала с нечистыми на руку комсомольцами и коммунистами на местах (в частности сигнализировала в отдел расследований газеты «Правда» по поводу безобразной «чистки» сотрудников и воровства в Украинском Геолого-разведочном управлении, обращалась и к Н.К. Крупской, но безрезультатно). Автор воспоминаний о детстве в Симбирске, учебе за границей и на библиотечных курсах в Москве, о Л.Н. Толстом, В.Г. Короленке, В.Г. Черткове, Г.В. Плеханове, В.И. Танееве, В.П. Ногине, В.Я. Брюсове, Р.Э. Классоне, В.И. Ленине-Ульянове, Н.К. Крупской и других (в сокращенном, «пропущенном через мясорубку редакторской кухни» виде были опубликованы под названием «Минувшее» в журнале «Новый мир», 1963, №12).

На склоне жизни переписывалась с И.Р. Классоном и зафиксировала тем самым уникальные воспоминания о его отце, «Классонятах» и Мотовиловых. Умерла в Киеве, похоронена на Байковом кладбище.

«Вы – чудо доброты...». К истории одной переписки

Публикация Александра Парниса

Софья Николаевна Мотовилова (1881-1966), адресат публикуемых здесь четырех писем Пастернака, познакомилась с поэтом летом 1918 г. — в библиотечном отделе Наркомпроса. О кратком периоде, когда Пастернак в июле — сентябре (?) 1918 г. служил в библиотечном отделе, руководимом В.Я. Брюсовым, почти ничего не известно. Сохранились лишь два документа, свидетельствующие об этой службе поэта.

Его имя значится в отчете Московского библиотечного отделения Наркомпроса от 7 сентября 1918 года: «...отделение ныне функционирует в составе следующих лиц: заведующий отделением — В.Я. Брюсов, заместитель заведующего — с 18 июля по 1 сентября — А.К. Виноградов и, после его отказа от этой должности, с 1 сентября Ю.М. Соколов, секретарь — <Б.Л.> Пастернак, отказавшийся от своей должности с 16 августа; ныне должность секретаря временно не замещена по тем же причинам, по каким замедлено образование секций» (см. История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы: 1918-1920. М., 1975. С. 41. В печатном тексте инициалы Пастернака даны с ошибкой. Цитируется по подлиннику: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 2. Д. 236. Л. 99.)

В этом отчете названа и Мотовилова: «Эмиссары – Я.Э. Голосовкер, оставивший свою должность по болезни 1 сентября, С.Н. Мотовилова с 17 июля, В.О. Нилендер – с 1 сентября» (там же).

Второй документ — список эмиссаров библиотечного отдела на сентябрь 1918 г., состоящий из одиннадцати фамилий. В нем указаны Б.Л. Пастернак (с 26 июля работает, утвержден с 1 сентября — ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 30. Д. 2. Л. 10. Сообщено К.И. Абрамовым, которому выражаю сердечную благодарность) и С.Н. Мотовилова (там же, л. 40).

О работе в Наркомпросе сам Пастернак глухо упоминает в ранней анкете (15 марта 1919 г. – См.: Анкета профсоюза // Пастернак Е.В. Пастернак: Анкеты, заявления, ходатайства 1920-х годов // Русская речь. 1992. №4. С. 44.

Пастернак на вопрос этой анкеты «Имеете ли Вы связь с каким-то культурнопросветительским учреждением и каким именно?» отвечал: «С театральным отделом при Нар<комате> Ком<иссариата> Просвещения как учреждениями издательскими». Так как поэт отвечал через несколько месяцев после ухода со службы, то, скорее всего, в этом ответе идет речь не о его службе, а о его связях с разными издательскими структурами Наркомпроса.), несколько слов об этом сказано и в его биографии, написанной Е.Б. Пастернаком (Пастернак Е. Борис Пастернак. Биография. М., 1997. С. 302, 309). В ней цитируется письмо отца поэта, Л.О. Пастернака, к П. Эттингеру от 4 августа 1918 г. — без уточнения, о какой именно службе идет речь: «Боря бывает у нас с субботы вечером; воскресенье (он служит ведь) все проводит у нас...» (там же, с. 303).

В автобиографии 1922 г. Пастернак пишет: «Серьезная художественная работа прекращается со второй половины 1918 года» (Русская речь. Указ. изд. С. 47). Это признание косвенно свидетельствует, что служба в Наркомпросе и переводы для «Всемирной литературы» (Г. Клейст и др.) не оставляют ему времени для собственного творчества. Возможно, намек Пастернака на «наркомпросовский» период содержится и в его стихотворном послании «Брюсову» (1923), написанном через пять лет, еще по «свежей памяти», и посвященном 50-летию мэтра символизма:

.....жалко,

Что прошлое смеется и грустит, А злоба дня размахивает палкой.

> (Пастернак Б. Собрание сочинений. В 5 тт. М., 1989-1992. Т. І. С. 244; далее указывается лишь том и стр.)

Никаких непосредственных свидетельств об этой службе Пастернака нет и в текстах Брюсова (Абрамов К.И. В.Я. Брюсов – руководитель библиотечного отдела Наркомпроса // Библиотеки СССР. Вып. 41. М., 1969. С. 94-104. В указанной статье упоминаются мемуары Мотовиловой «Минувшее», с. 94-95). Известно, что он внимательно присматривался к поэзии и к самому Пастернаку с первых его шагов в литературе – с 1914 года (Брюсов В. Год русской поэзии. Апрель 1913 – Апрель 1914 // Русская мысль. 1914. №6. Разд. III. С. 17).

В 1920 г. во внутренней рецензии на первый том «Сочинений» Пастернака (не издан) упрекал автора в недостатках стихотворной техники, но одновременно назвал его «поэтом интересным, заслуживающим внимания» (Литературное наследие. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 242. См. также: Пастернак Е.В. Пастернак и Брюсов: К истории отношений // Россия/Russia. 1977. №3. С. 249). 6 декабря того же года Брюсов и Пастернак (вместе с А.В. Луначарским, А. Белым, С. Есениным, Р. Ивневым и другими) участвовали в вечере в Большом зале Московской консерватории со знаменательным названием — «Россия в грозе и буре» (См.: Ивнев Р. Вместе с Луначарским // Волга. 1968. №11. С. 156).

Примечательно, что еще через два года, в 1922 г., Брюсов в обзоре русской поэзии первого революционного пятилетия, в котором он дал высокую оценку книге «Сестра моя — жизнь», писал: «У Пастернака нет отдельных стихотворений о революции, но его стихи, может быть, без ведома автора, пропитаны духом современности, психология Пастернака не заимствована из старых книг, она выражает существо самого поэта и могла сложиться только в условиях нашей жизни» (Цит. по: Брюсов В. Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 595. Это не совсем точная характеристика Пастернака, см. в связи с этим недавно выявленные три ранних революционных стихотворения, написанных в 1918 г. — Пастернак Е.Б. «Русская революция»: Неизвестные стихи Б. Пастернака // Новый мир. 1989. №4. С. 131-134).

Брюсов, разумеется, четко разделял поэзию и «существо самого поэта», «психологию Пастернака» и бытовые «условия нашей жизни», но вполне возможно, что эта характеристика автора «Сестры моей — жизни» отчасти навеяна «трудами и днями» нескольких месяцев военного 1918 г. во время их совместной службы.

Намек на сотрудничество в библиотечном отделе Наркомпроса имеется, по-видимому, и в дарственной надписи Пастернака на книге «Сестра моя — жизнь»: «Валерию Яковлевичу Брюсову с горячей любовью и пожеланьем долгого процветанья от много обязанного ему Б. Пастернака. 1/VI 22. Москва» (Литературное наследство. Т. 85. С. 243).

В начале осени 1918 г. Пастернак, по-видимому, ушел со службы, а глубокой осенью или в начале зимы заболел гриппом (известен рисунок Л.О. Пастернака, изобразившего фигуру полулежащего больного сына в свитере — см. этот рисунок Л.О. Пастернака: Пастернак Е. Борис Пастернак: Материалы к биографии. М., 1989. С. 333).

Под воздействием трудной зимы, военных событий, тяжелого быта и болезни Пастернак через несколько месяцев создал цикл из семи стихотворений «Болезнь» (вошел в его книгу «Темы и вариации», 1923).

В стихотворении из этого цикла «Кремль в буран конца 1918 года» также отразились настроения тех месяцев:

Остаток дней, остаток вьюг, Сужденных башням в восемнадцатом, Бушует, прядает вокруг, Видать – не наигрались насыто. За морем этих непогод Предвижу, как меня, разбитого, Ненаступивший этот год Возьмется сызнова воспитывать.

(CC. I, 192).

«Бытовые» признаки этого времени возникают у Пастернака в написанной в конце декабря 1918 г. теоретической статье об искусстве поэзии «Несколько положений», где он назвал прошедший год «черным, голодным годом (СС. IV, 379).

Именно в этом «голодном году» в Наркомпросе и познакомилась Мотовилова с Пастернаком. В сентябре 1956 г. — через 38 лет — в письме к поэту она возобновила тогдашнее мимолетное знакомство. Возникшая переписка совпала с началом последнего, самого трудного периода в жизни Пастернака — отказом журналов «Новый мир», «Знамя», а затем и Гослитиздата опубликовать роман «Доктор Живаго», главную книгу его жизни, как он сам считал, а также с первыми признаками смертельной болезни. Через много лет после встречи с поэтом, читая у Шкловского в книге «Жили-были» (1964) слова Цветаевой о том, что «Пастернак похож одновременно на араба и на его лошадь», С.Н. написала автору этих строк: «Мне ужасно нравится описание Цветаевой наружности Пастернака. Очень похоже» (Письмо Мотовиловой к Парнису от 29 июля 1964 г.).

Для верного понимания содержания и тональности этой переписки (письма Мотовиловой к Пастернаку, хранящиеся в семейном архиве — у Н.О. Пастернак, оказались для меня недоступными) необходимо подробнее рассказать о личности и биографии адресата писем Пастернака. Мотовилова родилась в Симбирске 6 февраля 1881 г. в семье родовитого помещика Н.И. Мотовилова. Род Мотовиловых вел свое начало от Кобылы, от которого другой ветвью пошел род Романовых. (К роду Мотовиловых восходит родословная и Анны Ахматовой, которая писала в автобиографии: «Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой.

Ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой...». — Черных В.А. Родословная Анны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1992. М., 1993. С. 73. См. также: Некрасов В. Памяти Анны Ахматовой // Дружба народов. 1988. №8. С. 226-227; Некрасов В. Записки зеваки: Роман, повести, эссе. М., 1991. С. 298)

Сначала С.Н. училась в московской частной гимназии, продолжила учебу за границей — в Лозанне, в Веймаре, занималась на философском факультете Лейпцигского университета, жила во Франции, Италии и Англии, где изучала основные европейские языки, а также иврит, чтобы читать Библию в оригинале. Впоследствии занималась на естественном отделении Бестужевских (женских) курсов в Петербурге и на библиотечных курсах в Народном университете имени А.Л. Шанявского в Москве. С осени 1918 г. жила в Киеве, и вся ее дальнейшая жизнь связана с библиотечной работой, в 20-х годах работала в консультационном отделе библиотеки Украинской Академии наук.

Имя Мотовиловой почти не известно в литературе. Хотя она много писала и называла себя «окололитературным лицом», но при жизни фактически не печаталась (см. ее тексты, напечатанные посмертно: Мотовилова С.Н. Предсмертное письмо // Континент. 1978. №15. С. 67-84; Она же. Неотправленное письмо. // Правда Украины. Киев. 1993. 25 мая), если не считать нескольких статей по библиотечному делу в провинциальных газетах и узковедомственных изданиях. Только в 1963 г., когда Мотовиловой исполнилось восемьдесят два года, в «Новом мире, №12, были напечатаны ее воспоминания «Минувшее». Она не была ни арестована, ни сослана, но именно благодаря этим мемуарам ее имя попало в биобиблиографический справочник Б. Стефанович и В. Вертсмана «Свободные голоса в русской литературе» (Нью-Йорк, 1987 — Stevanovic В., Wertsman V. Free voices in Russian Literature, 1950s-1980s: Віо-Віblіоgraphical Guide. New York. 1987. Р. 289). Но еще до этого справочника Мотовилова все-таки попала в литературу как персонаж произведений В.П. Некрасова.

Автор книги «В окопах Сталинграда» в своих автобиографических рассказах, мемуарных очерках и путевых заметках, а также в одном из последних произведений — повести «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы» (1983), написанной уже в эмиграции, неоднократно упоминает «тетку» или «тетю Соню» (См. также письма Некрасова с фронта, 1943-1944, адресованные З.Н. Некрасовой и С.Н. Мотовиловой // Некрасов В. И жив остался... М., 1991. С.405-447).

С этой «тетей Соней» — Софьей Николаевной Мотовиловой — в 60-х годах в Киеве, когда мне было 24 года, я был близко знаком и более того, несмотря на разницу в возрасте, был с ней дружен. Я часто посещал ее небольшую комнату в коммунальной квартире №7 по улице Горького (бывшая Кузнечная) в доме №38 (в этой же квартире сразу после войны жил будущий автор «В окопах Сталинграда» со своей мамой Зинаидой Николаевной, сестрой С.Н.). Попробую, хотя бы в общих чертах, нарисовать ее портрет.

Удивительный и очень своенравный человек, не зависимый ни от каких условностей и авторитетов, С.Н. всегда находилась в оппозиции к властям и к «начальству». В молодости она дружила со многими социал-демократами и большевиками (В.П. Ногиным, З.П. Соловьевым, С.В. Андроповым), но сама была беспартийной и осудила своего племянника, когда он вступил в партию (на фронте), считая, что «состоять в партии неприлично» (См.: Некрасов В. Записки зеваки. Указ. соч. С. 357). Она называла себя кошкой, которая гуляет сама по себе, но в действительности была «бунтарем до мозга костей» (Мотовилова С. Минувшее // Новый мир. 1963. №12. С. 63), если воспользоваться ее же характеристикой любимого дяди Алеши, который первый познакомил ее еще в детстве с миром русской литературы.

«Я жадно стремилась к "праведной" жизни, присматривалась к окружающему и выискивала людей — борцов против существующего строя, — писала она в "Минувшем". — Меня интересовала больше всего человеческая личность. Всякий протест против существующего строя, всякие поиски путей манили меня. Я глубоко презирала обыденщину, мещанство. Это был у меня период Sturm und Drang. Мне было восемнадцать лет... Стоило при мне назвать человека, боровшегося против существующего строя, как немедленно старалась с ним познакомиться» (Мотовилова С. Минувшее // Новый мир. Указ. изд. С. 87).

Ненасытный интерес к жизни и разнообразие духовных запросов, (постоянное желание «много-много узнать», как записала она в дневнике) и объясняет столь многочисленный и «пестрый» круг знакомств Мотовиловой. Ей нужно было все увидеть, узнать, почувствовать и пережить — самой. Еще будучи шестнадцатилетней гимназисткой, в канун Нового года , 31 декабря 1897 г., она встретилась с Л.Н. Толстым и обратилась к нему с традиционными русскими вопросами — что делать и как жить дальше. И в этот же вечер описала разговор с великим писателем в своем дневнике (см. гл. «Моя встреча с Толстым» в «Минувшем» // Там же. С. 78-82), который вела всю жизнь (к сожалению, он сохранился не полностью). Любопытно, что за три года до Мотовиловой, в 1894-м, Борис Пастернак, когда ему исполнилось всего четыре года, так же увидел Л.Н. Толстого, в доме своих родителей, он «прекрасно» запомнил это событие и впоследствии описал его в очерке «Люди и положения».

В молодости ее интересовали идеи анархизма, она познакомилась с швейцарским анархистом Винчем, о котором вспоминала: «Винч тогда свел меня с лозаннской группой анархистов, состоящей исключительно из итальянских рабочих-каменщиков. Изумительно было как мы, люди разных национальностей, разных классов, слоев общества, люди, выросшие в совершенно иных условиях, находили общий язык, понимали друг друга с полслова. <...> Я горела тогда душевным подъемом, желанием перестроить весь мир. Отношения с Винчем у нас продлились несколько лет. Он присылал мне в Лондон книги по анархизму и книги Гюйо, которым я тоже увлекалась» (из главы «Между Германией и Англией», не вошедшей в печатную редакцию «Минувшего», находится у автора статьи). В Лондоне Мотовилова познакомилась с революционером и теоретиком анархизма князем П.А. Кропоткиным.

Долгое время кумиром Мотовиловой был Ф. Ницше, она видела его в Веймаре, в последний год его жизни, когда уже больного философа сестра вывозила в коляске на балкон. Всю жизнь она хранила портрет Ницше, нарисованный гимназистом З.П. Соловьевым, знакомым по Симбирску (впоследствии известным большевиком). Увлечение Ницше она сравнивала с воздействием на нее Герцена: «Герцен наполнял меня восторгом. Такое высокохудожественное наслаждение, которое Герцен дал мне в те годы, я получила только от чтения Ницше».

В Женеве она встречалась с Г.В. Плехановым, бывала на выступлениях Л.Д. Троцкого, в дом Мотовиловых в Лозанне приходил в первый свой приезд за границу, в 1895 г., Ленин, которого ее дядя марксист Р.Э. Классон направил к ним для связи с группой Плеханова. На 2-м Сионистском конгрессе в Базеле в августе 1898 г. она слушала выступление основателя политического сионизма Т. Герцля, присутствовала на конгрессе 2-го Интернационала в Париже в 1900 г. и вместе с делегатами ходила к Стене коммунаров. Познакомилась в Лозанне с коммунаром Брошэ и расспрашивала его об М.А. Бакунине, слушала на анархистском митинге в Лондоне «красную деву Монмартра» коммунарку Луизу Мишель.

Хорошо знала Н.К. Крупскую и в 1918 г. работала с ней в Наркомпросе (некоторые из приведенных здесь фактов Мотовилова упоминает в «Минувшем», о других, которые не упомянуты в опубликованных воспоминаниях, автор этих строк слышал от самой мемуаристки. О Крупской см. в главе «Надежда Константиновна» // Новый мир. Указ. изд. С. 120-127). Человек прямой, бескомпромиссный, С.Н. в отношениях с людьми нередко бывала и резкой — всегда говорила то, что думает, без всяких экивоков. Некрасов писал, что у нее был «строгий», «крутой нрав», и даже назвал ее «домашним диктатором» (Некрасов В. Записки зеваки. Указ. изд. С. 356). Она всегда решительно и мужественно боролась с «несправедливостью», бросалась на защиту преследуемых людей, жертв сталинского режима, в 30-х годах ездила в Москву к Крупской, чтобы помочь кому-то из своих коллег по библиотеке, обращалась с такими же делами и к В.Д. Бонч-Бруевичу.

Некрасов вспоминал о своей тете в книге «По обе стороны Стены»: «Почему никого из нашей семьи не тронули? Вот что кажется странным. Основания, как будто, были: и "бывшие", и дворяне, и родственники за границей, и всю жизнь переписка, даже посылки и деньги на Торгсин. Бабушка дважды ездила к своей дочери в Лозанну, правда, до посадок еще, в двадцатых годах... Активная, правдолюбивая тетка бушевала по поводу всех несправедливостей (и первых посадок в том числе), писала письма в ЦК, Крупской, Бонч-Бруевичу. И вот никаких репрессий, пальцем не тронули» (там же, с. 302).

С.Н., очевидно, повлияла на решение Некрасова стать литератором, хотя сам он постоянно иронизировал над понятием «профессиональный писатель»: «Какой я к черту писатель?!» (См. об этом: Эткинд Е. Правда Виктора Некрасова // Некрасов В. Записки зеваки. Указ. изд. С. 3). В повести «Саперлипопет» Некрасов признается в своей мечте: «Итак, волею судеб, Зевеса или расположения светил мечта жизни осуществилась. Пошел в тетку — та в десятилетнем еще возрасте писала в своем лозаннском дневнике: "одна мечта — стать писательницей"» (Некрасов В. По обе стороны океана... М., 1991. С. 299).

Но подробнее он рассказал о тетке в очерке о К.И. Чуковском, с которым Мотовилова много лет переписывалась и к которому направила своего племянника в 1932 году: «В каждую свою поездку в Москву я получал от нее "спецзадание". То отвезти В. Бонч-Бруевичу — редактору сборников "Звенья" — ее мемуары (несколько лет по поводу них между теткой и редактором шла обширнейшая переписка, но мемуары появились в "Новом мире" только через тридцать лет), то передать переписку Ленина с Мартовым, то зайти к Н.К. Крупской <...> и передать ей письмо с просьбой разобраться в какой-то вопиющей несправедливости (об этом визите есть несколько строк в "Минувшем", где я называюсь "мой племянник"), то посетить вдову В.П. Ногина или разыскать в Москве дореволюционного теткиного друга С.В. Андропова, к которому она ездила в ссылку в Усть-Сысольск и т.д. и т.д. и т.д. ...» (Некрасов В. Чуковский // Некрасов В. В окопах Сталинграда. Л., 1991. С. 386-387).

Приблизительно такие же «обязанности» были и у меня, когда я в 60-х годах ездил из Киева в Москву.

В «некрасовском» списке поручений необходимо сделать небольшое уточнение: речь идет не о письмах Ленина к Мартову, а о письмах Ленина и Мартова к В.П. Ногину, с которым Мотовилова была очень дружна и о котором написала воспоминания (см. Новый мир. Указ. изд. С. 105-112. См. также: Архангельский В.В. В. Ногин. М., 1964. С. 157-160).

Она до революции, сама того не подозревая, перевезла эти письма через границу, случайно обнаружила их в 20-х годах, в своем семейном альбоме под фотографиями и переслала в ИМЭЛ. Эта переписка была напечатана в восьмом «Ленинском сборнике» с предисловием Н.К. Крупской.

В 1956 г. она нашла в своем архиве еще одно письмо Ленина, случайно отколовшееся, и так же переслала его в ИМЭЛ (это письмо Ленина было опубликовано четыре года спустя, см.: Вопросы истории КПСС. М., 1969. №2). Вспоминаю рассказ С.Н. об этом. Ей долго не отвечали из Института марксизма-ленинизма, и она несколько раз запрашивала Институт и беспокоилась по этому поводу. Наконец пришел не ответ, а денежный перевод – какая-то смехотворная сумма. Мотовилова возмущалась: «Лучше бы они вообще ничего не прислали, а просто поблагодарили письмом», а знакомые не без иронии и некоторого злорадства говорили: «Вот чего стоит Ваш Ленин».

Я впервые пришел к Мотовиловой в 1961 или в 1962 г., чтобы расспросить о поэте и художнике-футуристе Давиде Бурлюке, жившем в то время в США. С ним, как мне говорили, она была знакома в молодости. С.Н. охотно рассказала мне об этом давнем знакомстве и показала его картины, которые висели над кроватью.

Я услышал от С.Н. историю о том, как она приобрела их у самого Д.Д. Бурлюка на его выставке в 1917 г. в Самаре, где она тогда жила и заведовала библиотекой, и как она в 1956 г., когда Бурлюк впервые после того, как в 1920 г. покинул Россию, приехал на родину, написала ему и предложила купить у нее его собственные работы, но эта «операция» почему-то не состоялась. Однако в тот день меня больше поразил даже не этот рассказ, а то, как она небрежно и не без эпатажа сказала, когда я хотел лучше рассмотреть пейзаж Бурлюка: «Да спокойно становитесь на эту скатерть ногами» — скатерть заменяла покрывало на кровати — «она лежала на столе у нас в Лозанне, когда к нам впервые пришел Ленин».

Всю жизнь С.Н. вела кроме дневника также и обширнейшую переписку, а в книге расходов отмечала даты и фамилии адресатов. Среди ее корреспондентов — В.Г. Короленко, В.Г. Чертков, В.Н. Фигнер, Л.Б. Хавкина, К.И. Чуковский. С.Н. Сергеев-Ценский, Д.Д. Бурлюк и многие другие известные лица.

В начале 30-х годов Мотовилова стала писать воспоминания, и первый очерк был посвящен Брюсову. В нем она рассказала об адресате его ранних стихов — Е.И. Павловской (1876?-1898), которую хорошо знала, и о мистификации, устроенной С.Н. и ее сестрами, — они послали поэту письмо, скрывшись под инициалами, а он откликнулся стихотворением «Есть одно, о чем плачу я горько...» (1896), а также о работе в Наркомпросе в 1918 г. под его началом (см.: Новый мир. Указ. изд. С. 82-86. См. также письма Брюсова к Е.И. Павловской: Гиндин С.И. Письма из рабочих тетрадей // Литературное наследство. Т. 93. Кн. 1: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991. С. 711-720). В первоначальную редакцию очерка о Брюсове входила часть, посвященная его работе в библиотечном отделе, которая в журнальной публикации была, к сожалению, значительно сокращена).

Этот мемуарный очерк С.Н. послала Чуковскому. Получив воспоминания, он сразу же ответил восторженным письмом и стал уговаривать автора продолжить работу над мемуарами.

Он писал ей 24 декабря 1931 года: «Вчера я получил Вашу рукопись и прочел ее с жадностью. Написана она увлекательно. В первой части отлично изображена атмосфера, в которой жили и дышали символисты. Кроме того, в ней даны ценные факты, относящиеся к биографии Брюсова. Образ Павловской живой и рельефный. И он очень важен для истории той эпохи, потому что это образ центральный, характеризующий, так сказать, подоплеку всех тогдашних стихов и картин» (письма Чуковского к Мотовиловой цитируются по машинописной копии, находящейся в моем распоряжении, л. 1).

Чуковский сразу же энергично стал пристраивать мемуары Мотовиловой в печать — обращался в «Новый мир» и «Звезду», к разным влиятельным лицам, связал С.Н. с «Литературным наследством», с Бонч-Бруевичем, который редактировал сборники «Звенья», и т.д. и т.д. Более тридцати лет продолжались его безуспешные хлопоты по изданию мемуаров. Были разные причины, из-за которых их не печатали. Чуковский сначала (письмо от 1 января 1932 г.) предлагал сделать некоторые изъятия в тексте: «В статье о Брюсове, я полагаю, надо будет выбросить эпизод о Троцком и деньгах. Я Брюсова знал много лет (познакомился с ним в 1905) — и наблюдал его в Наркомпросе. Вы изобразили его очень похоже» (там же, л. 2). Кроме того, в начале 30-х годов толстые журналы не имели права печатать мемуарные материалы.

Уже после войны, в 1960 году, Чуковский снова пытался напечатать ее воспоминания (главы о Толстом и Черткове) в том же «Литературном наследстве», но возникли новые трудности. В письме к С.Н. от 18 октября 1960 г. он сообщал, что «с некоторого времени издательства и журналы не вправе печатать интимные подробности из жизни знаменитых людей (личный архив автора, л. 16).

А в письме к С.Н. от 6 ноября 1960 г. он привел свой разговор с редактором С.А. Макашиным: «"Они у меня есть, — сказал он, — но напечатать их не могу. Гольденвейзер и Гусев обратились в высшие инстанции и добились того, что чертковская концепция последних лет жизни Толстого восторжествовала, и Чертков теперь persona grata". О Брюсове, который у него тоже есть, он сказал, что надеется его поместить в сборный том, который отложен на определенное время» (там же, л. 17). Таким образом, новая попытка Чуковского так же не принесла успеха.

Воспоминания Мотовиловой о Брюсове Макашин получил за четыре года до этого разговора – от Пастернака. В 1956 г., вскоре после известного выступления Хрущева на ХХ съезде и наступления «оттепели», С.Н. решила еще раз попытать свое счастье и опубликовать мемуары. В сентябре она послала их Пастернаку, а в сопроводительном письме напомнила о совместной работе в 1918 году в Наркомпросе.

Это было крайне неудачное для Пастернака время — у него возникли собственные проблемы с публикацией романа «Доктор Живаго». Но несмотря на трудные дни, Пастернак сразу же откликнулся на просьбу Мотовиловой.

Именно об этой неудавшейся попытке Пастернака напечатать мемуары Мотовиловой идет речь в публикуемых письмах поэта. Но содержание писем не ограничивается только этой темой, в них затронуты и другие «сюжеты», важные для обоих корреспондентов. Эта переписка добавляет новые штрихи к биографии поэта — не только вводит в оборот малоизвестные сведения о его работе в государственном учреждении в 1918 г., но и выявляет новые факты в его взаимоотношениях с Брюсовым, а также свидетельствует о психологическом состоянии Пастернака в самом начале травли из-за романа.

Первое письмо Пастернака к Мотовиловой, датированное 30 сентября 1956 г., является ответом на ее воспоминания о Брюсове и о совместной службе в 1918 г. в библиотечном отделе. Поэт остерегался возврата «в прошлое», как он писал приблизительно в это же время другому адресату: «Я не поклонник прошлого, я противник прохождения жизни заново в растроганных повторных пересмотрах» (из письма Пастернака Ф. Степуну от 30 мая 1958 г. СС. V, 560), — и напоминание о «культурной» работе, в которой он сам принимал участие, вызвало у него сложные чувства.

Пастернак находился под тяжелым впечатлением от полученного в начале сентября отказа редколлегии «Нового мира», подписанного пятью ее членами (Б. Агапов, В. Лавренев, К. Федин, К. Симонов, А. Кривицкий), опубликовать его роман (это письмо было опубликовано лишь два года спустя в связи с травлей поэта в печати после присуждения ему Нобелевской премии: Литературная газета. 1958, 25 октября).

На фоне предъявленных ему членами редколлегии обвинений в непонимании революции и роли в ней интеллигенции, мемуарный рассказ Мотовиловой о работе Брюсова и самого Пастернака по реорганизации библиотек и библиотечного дела в трудный и грозный 1918 год прозвучал резким контрастом.

Поэт был несомненно рад этому дружескому жесту и написал С.Н., что воспоминания ему «понравились своей живостью и непосредственностью. По-моему, так и надо писать». И хотя Пастернак считал, что его имя в официальных кругах «не авторитетно» и что он «величина отрицательная», он тут же передал эти мемуары своему давнему знакомцу — редактору «Литературного наследства» Макашину. Благодарные слова Пастернака: «Спасибо Вам, что помянули меня так мило» относятся к «библиотечным» фрагментам из воспоминаний Мотовиловой Брюсове, которые в печатной редакции (в 1963 г.) были изъяты, редактором журнала или цензурой, но поэт об этом уже не узнал.

В первые годы после смерти Пастернака, несмотря на то что в 1961 г. уже был издан сборник его произведений (Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М., 1961), еще продолжало существовать негласное указание секретариата Союза писателей и ЦК КПСС не упоминать в статьях и мемуарах его имя в положительном контексте (на это обстоятельство любезно обратил наше внимание Е.Б. Пастернак).

Приведу купированные фрагменты о Пастернаке из воспоминаний Мотовиловой.

Первый фрагмент: «Через три дня после этого заседания в Нарк<омате> Ком<иссариата> Просвещения я зачислена эмиссаром в Библиотечный отдел Центрального Комиссариата, Брюсов заведующим, есть еще секретарь.

Секретарь идет со мною по длинному коридору, удивляется, что я не знакома с Брюсовым. И потом радостно перебивает себя:

– Вот и отлично, я сейчас Вас познакомлю.

Брюсов идет нам навстречу. <...> Нас знакомят, мы говорим два-три слова о службе, и на следующий день работа начинается» (см. первоначальную редакцию воспоминаний Мотовиловой о Брюсове. ОР РГБ, Ф. 620).

Второй фрагмент: «Мало-помалу наш отдел наполняется новыми служащими. Все это были поэты и поэтессы, обычно никакого отношения не имевшие к библиотечному делу. Самым симпатичный из них был еще молодой тогда Пастернак, бывший у нас секретарем» (там же).

Третий фрагмент: «...Но пока все наладилось, Брюсов ходил какой-то раздраженный и растерянный. Пастернак тоже деловитостью не отличался и очень скоро ушел» (там же).

Эти краткие сведения о службе поэта можно дополнить еще одним свидетельством Мотовиловой из ее письма Д. Бурлюку от 13 мая 1963 г.: «Пастернака я знала по 1918 году, когда работала в Комиссариате Народного Просвещения в Москве, в отделе государственных библиотек. Завед<ующим> нашим отделом был Брюсов, а секретарем одно время Пастернак. Я с ним мало сталкивалась. Там он был тогда эмиссаром и больше разъезжал по помещичьим имениям, описывая библиотеки» (см.: Color and Rhyme. New York, 1965. № 65. Р. 33).

Во втором лаконичном письме от 19 октября 1956 г. (московский почтовый штемпель — 22 октября) Пастернак сообщал, что передал в «Литературное наследство» воспоминания о Брюсове со своей рекомендацией, которую пока не удалось разыскать. В письме чувствуется нарочитая сдержанность и деловитость, что можно объяснить лишь какими-то внешними обстоятельствами. Трудно со всей определенностью их реконструировать, во всяком случае, поэт написал его за четыре дня до восстания в Венгрии — 23 октября. Атмосфера во всем мире накалялась... (Об отношении Пастернака к венгерским событиям см.: Пастернаки Е. и Е. В осаде // Континент. 1998. № 95. С. 226-227.)

Третье письмо, несомненно, самое значительное, Пастернак послал 15 февраля [1957 г.] (вскоре после своего дня рождения – 10 февраля). В нем он подробно писал о гнетущей ситуации вокруг него, о почтовой блокаде [с заграницей], продолжающейся три-четыре месяца и резко изменившей его жизнь («истинная моя судьба <...> предается удушению и уничтожению»), и восклицал: «Видите, как это грустно!..», «Вам не жалко меня?».

Но почему Пастернак решился на откровенность с малознакомым адресатом и почему написал исповедальное письмо? В нем поэт упоминал о своем другом, предыдущем, «большом», «слишком подробном» и поэтому не отправленном письме, написанном месяц назад, 15 января. Как следует из его февральского письма, это неотправленное январское письмо было спровоцировано письмом Мотовиловой, текст которого, к сожалению, мне неизвестен.

Но из аннотации к нему, предоставленной мне Е.В. Пастернак (Е.В. Пастернак, составившая несколько лет назад аннотированный список корреспондентов поэта, любезно предоставила мне краткую аннотацию четырех писем Мотовиловой за 1957 год. Видимо, два первых ее письма Пастернаку за 1956 г. не сохранились), можно приблизительно восстановить его содержание.

В этом письме, датированном 12 января, С.Н. благодарила поэта за пересылку Макашину своих мемуаров. Но бурную реакцию поэта в ответном январском письме вызвало, вероятно, не само письмо Мотовиловой, а вложенный в него фрагмент (на машинке) из какой-то статьи или письма, присланный С.Н. из Италии. Пастернак в своем ответе конспиративно назвал итальянского корреспондента Мотовиловой «студентом».

Некий «студент» — молодой русист Витторио Страда, ныне известный исследователь русской литературы, а в то время аспирант филологического факультета МГУ. В 1955 г. он перевел на итальянский язык роман Некрасова «В родном городе» и выпустил его в издательстве Эйнауди.

Он заочно познакомился (по переписке) с Некрасовым, а через него и с Мотовиловой и стал с ней переписываться. (О знакомстве с В. Страдой вспоминает Некрасов в путевых очерках о первой поездке в Италию в апреле 1957 г. «Первое знакомство», см.: Некрасов В. Написано карандашом. Киев, 1990. С. 696-697. О своей переписке с молодым итальянцем — В. Страдой мне рассказывала С.Н. и даже показала какие-то его письма; почему-то запомнилось, что он просил ее помочь найти утопический роман А.А. Богданова «Красная звезда», который не переиздавался с 1929 г.) Вероятно, в этом фрагменте из статьи или письма шла речь о «фантасмагориях», по слову поэта, связанных с подготовкой к изданию романа в Италии.

Этими событиями вокруг романа и какой-то двойной игрой, затеянной властями, чтобы предотвратить предстоящую его публикацию в Италии, буквально «жил» Пастернак в последние месяцы. Поэта очень огорчала почтовая блокада после событий в Венгрии и изолированность его от всего мира, и именно поэтому он просил Мотовилову передать «студенту», чтобы тот не писал ему, так как все равно ничего не дойдет.

Вот как сам Пастернак охарактеризовал письмо Мотовиловой с итальянским «вложением» и свою реакцию на него: он назвал его «удивительным и неожиданным по сплетению случайностей, в нем заложенных» и поразился той «невероятности», что до Мотовиловой дошла «особенность» его «существования», которую, он, подчеркнув первые два слова, назвал «этой стороной моей судьбы». Подробно и с характерной для поэта чрезмерной эмоциональностью и открытостью он, видимо, написал Мотовиловой о своих обстоятельствах и переживаниях, но не рискнул доверить свое откровенное послание советской почте и не отправил письма.

Что же Пастернак имел в виду, какое «сплетение случайностей»? Что произошло в январе-феврале в жизни поэта, когда он писал Мотовиловой?

Январское письмо было написано как бы в «благополучные» дни — 7 января 1957 г. поэт заключил с Гослитиздатом договор на издание романа, в том же январе был подписан к печати однотомник его стихов в этом же издательстве (Некрасов В. Указ. соч. С. 227). И параллельно в эти дни (9-17 января) в беседах с французской слависткой Жаклин де Пруайяр возник проект перевода романа на французский язык и издания его во Франции (см.: Борис Пастернак. Письма к Жаклин де Пруайяр. / Публикация Ж. де Пруайяр. Перевод Е. Кузнецовой и Е.Б. Пастернака. Комментарии Е.В. Пастернак // Новый мир. 1992. №1. С. 130).

Но как теперь стало известно из недавно опубликованных документов (Пастернаки Е. и. Е. Указ соч. С. 221-254. См. комплекс всех документов по «делу Пастернака» из архива Политбюро ЦК КПСС в сборнике: Le dossier de l'affaire Pasternak. Archives du Comité central et du Politburo. Traduit du russe par Sophie Benech. Préface de Jacqueline de Proyart. Paris, 1994), Пастернак прекрасно понимал, что договор с Гослитиздатом на издание романа был издательской уловкой, двойной игрой властей, затягивающих время, чтобы предотвратить публикацию романа в Италии.

Именно в февральские дни он вместо январского неотправленного письма написал Мотовиловой другое — с рассказом о своей судьбе и судьбе романа. В это время он также обдумывал и текст телеграммы к Фельтринелли, которую «гослитовское» начальство уговаривало его послать итальянскому издателю (см. подробнее об этом в статье: Пастернаки Е. и Е. В осаде // Континент. №95. С. 227). Основные факты, связанные с «гослитиздательской» интригой вокруг публикации романа, подробно изложены в статье Е.Б. и Е.В. Пастернаков «В осаде».

Пастернак отклонил предложенный ему текст телеграммы в Милан. 7 февраля 1957 г. он писал главному редактору Гослитиздата А.И. Пузикову: «Мне хочется, чтобы Вы знали, что я не только не жажду появления "Живаго" в том измененном виде, который исказит или скроет главное существо моих мыслей, но не верю в осуществимость этого издания и радуюсь всякому препятствию. <...> Телеграмму я должен был составить серьезно, с определенными сроками, а не в виде просьбы "навеки", потому что хотя она и дается коммунисту издателю, но при этом человеку реальному и деловому, и надо показать, что и просят его о деле» (там же, см. полный текст письма Пастернака к Пузикову: Пузиков А.И. «Небожитель» (Б.Л. Пастернак) // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 491-492).

К этому же письму он приложил и свой текст телеграммы Фельтринелли, которая была отправлена в Италию 21 февраля: «В соответствии с просьбой Гослитиздата, Москва, Ново-Басманная, 19, прошу задержать итальянское издание романа Доктор Живаго на полгода, до первого сентября 1957 года и выхода романа в советском издании: ответ надо направить телеграфно в Гослитиздат — Пастернак» (Континент. Указ. изд. С. 228).

Но 6 февраля, за день до отправки письма Пузикову, в котором Пастернак делал вид, что принимает диктуемую «гослитовским» начальством линию поведения по отношению к Фельтринелли, он передал с Ж. де Пруайяр письмо к итальянскому издателю, в котором предупреждал его о возникших сложностях и просил не обращать внимания на его же «фальшивые» телеграммы, а главное – просил ускорить издание романа.

Вот на этом фоне в январе-феврале Пастернак писал Мотовиловой письма, из которых январское он не отправил, а в февральском нарисовал «общую» картину без всяких подробностей и конкретики. Таким образом, публикуемое [в конце этой статьи] февральское письмо Пастернака было, вероятно, своеобразным сколком неотправленного январского письма, которое, к сожалению, не сохранилось.

Примечательно, что в этом февральском исповедальном письме возникают образы и мотивы, которые он варьирует в стихах, написанных до и после него. Слова из письма от 15 февраля 1957 г.: «Вот уже три или четыре месяца как, видимо, приняты меры...» — спустя два дня, 17 февраля, трансформируются в метафору зимы в стихотворении «После перерыва»:

Три месяца тому назад, Лишь только первые метели На наш незащищенный сад С остервененьем налетели...

(CC. II, 106)

Другая строка: «А истинная моя судьба, загорающаяся иногда звездой на моем горизонте...» – восходит к его же стихотворению «Ночь» (1956), где поэт сравнивает труд художника с полетом летчика и звездой:

Не спи, не спи, работай, Не прерывай труда, Не спи, борись с дремотой, Как летчик, как звезда.

(CC. II, 97)

Эту характерную особенность поэтики Пастернака отмечала и Анна Ахматова. Когда она в апреле-мае 1957 г. посетила поэта в больнице, он подарил ей ряд своих стихов, в том числе «Ночь», «В больнице» и «Когда разгуляется». Рассказ Ахматовой записала Л.К.Чуковская: «Это стихотворение <"В больнице". — А.П.> мне особенно дорого потому, что, когда я навещала его в первый раз, он мне все это рассказал прозой, а вот теперь стихи» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М., 1997. С. 259).

С.Н. продолжала посылать Пастернаку сведения и вырезки из итальянской печати, присылаемые В. Страдой. Так, 17 февраля она отправила поэту переводы его стихов на итальянский язык и материалы о какой-то дискуссии из журнала «Contemporaneo», а 17 апреля и 3 мая снова послала вырезки с новыми переводами и статью Страды о поэзии Пастернака из этого же журнала — 1956. № 48 (этими сведениями я обязан Е.В. Пастернак). Итальянский корреспондент Мотовиловой неожиданным образом стал как бы третьим участником ее переписки с поэтом.

В августе 1957 г. Страда приехал в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и вскоре смог лично познакомиться с Пастернаком. Он дважды приезжал к поэту в Переделкино — первый раз с группой сотрудников журнала «Contemporaneo», а затем один. Сохранилась фотография, где запечатлен поэт с сотрудниками «Contemporaneo», среди которых и Страда.

Пастернак отнесся к Страде вполне доверительно, так как был предупрежден о нем по письмам Мотовиловой и уже знал его статью о своей поэзии. Поэт дал ему для ознакомления свой неизданный очерк «Люди и положения», а во второй его приезд просил сообщить Дж. Фельтринелли, чтобы тот не обращал никакого внимания ни на какие телеграммы, которые он вынужден подписывать, и передал настоятельную просьбу: «Я хочу, — и он это подчеркнул, — чтобы роман был издан в Италии точно по тексту имеющейся у него рукописи» (Континент. №95. С. 231).

Об этом Страда подробно рассказал в своих воспоминаниях (Strada V. Inconto con Pasternak. Napoli, 1990. Р. 59. См. также: Пастернаки Е. и Е. Указ. соч. С. 231; Пастернак Е. Борис Пастернак. Указ. соч. С. 693. В. Страда неоднократно писал о Пастернаке, см., например: Страда В. «Доктор Живаго» как исторический роман // Русская мысль. Литературное приложение. Париж, 1990. 6 июля.

В 1994 г. в Милане был издан большой однотомник произведений Пастернака под редакцией В. Страды, в котором впервые напечатана хронология жизни и творчества поэта, составленная Е.Б. Пастернаком: Boris Pasternak. Opere Narrative. Introduzione di V. Strada. Cronologia di E. Pasternak. Milano, 1994).

Последнее, четвертое, письмо от 27 апреля 1957 г. – ответ на письмо Мотовиловой от 17 апреля, в котором она предлагала послать поэту новые итальянские тексты, – Пастернак написал уже из Кремлевской больницы карандашом. Несмотря на невыносимую физическую боль, он счел своим долгом поблагодарить Мотовилову за «трогательную память», в ответном письме от 3 мая Мотовилова снова спрашивала поэта, послать ли ему статью Страды о его поэзии, и, очевидно, послала ее. На этом переписка прекратилась – Пастернак после больницы переехал в санаторий «Узкое».

Именно в апреле этого года племянник Мотовиловой В.П. Некрасов впервые приехал в Италию. В своей последней статье «Уничтожение и реабилитация Бориса Пастернака», написанной в 1987 г., Некрасов вспоминал об эпизоде, произошедшем тридцать лет назад:

«В завершение хочу сказать, что весьма косвенное отношение к "делу Пастернака" имел и я. Весной 1957 года я был в Италии, меня пригласил к себе издатель "Доктора Живаго" Джакомо Фельтринелли и, прощаясь, вручил письмо, адресованное А. Суркову как одному из руководителей Союза писателей. В этом письме он говорил о том, что, печатая Б. Пастернака, он вовсе не считает, что это недружественный акт по отношению к Советскому Союзу, и высказывал надежду, что оригинал вскоре увидит свет у себя на родине. Письмо А. Суркову я передал. Последовавший за публикацией (в ноябре 1957 г.) романа в Италии год молчания внушал какие-то надежды. Они не оправдались» (Русская мысль. 1987. № 3677. 12 июня).

Насколько мне известно, это письмо Фельтринелли не вошло в научный обиход. Со слов Некрасова об этом эпизоде (в несколько трансформированном виде), а может быть, о другом эпизоде рассказал поэт Л. Озеров в своих воспоминаниях. В его пересказе, Некрасов был у Фельтринелли как раз в тот момент, когда пришла очередная телеграмма от Пастернака с просьбой задержать издание книги до ее выхода в Москве. И хотя Фельтринелли был предупрежден, что это «фальшивая» телеграмма, но он все же, видимо, не до конца понимал суть сложной игры.

Далее Озеров привел непосредственные слова Некрасова: «Первым делом я позвонил в Москву в Союз писателей и попросил, чтобы эту телеграмму напечатали в газетах. Просил об этом Суркова. Как ты знаешь, телеграмма не была напечатана. Ее положили под сукно» (Л.А. Озеров дважды описал этот эпизод; см. его воспоминания «Сестра моя — жизнь» в сб. «Воспоминания о Борисе Пастернаке» — М., 1993. С. 461, а также в его воспоминаниях о Некрасове «Терпенье — мужская работа» в сб. «О Викторе Некрасове» — Киев, 1992. С. 235-236). Вероятно, о встрече Некрасова с издателем «Доктора Живаго» Мотовилова узнала от самого племянника. В период после выхода романа в Италии в ноябре 1957 г. и скандала с присуждением Нобелевской премии переписка Мотовиловой с поэтом больше не возобновлялась.

Вернусь к судьбе воспоминаний Мотовиловой. Попытки их напечатать, которые продолжались более тридцати лет (с 1931 г.) и в которых принимал участие Чуковский, Пастернак и другие, закончились неожиданным образом – помог случай. В январе 1963 г. я присутствовал в Москве на торжественном юбилейном вечере В.Б. Шкловского, где познакомился с юбиляром. Шкловский в это время заканчивал работу над книгой о Л. Толстом. Я ему сообщил, что знаком с Мотовиловой, автором неизданных воспоминаний о Толстом и Черткове. Он заинтересовался, и через некоторое время я послал ему эти воспоминания.

Шкловский ответил мне 9 августа 1963 г.: «Я получил Ваше письмо и рукопись о Черткове. Оно запоздало к моей книге, которая была уже сдана. Но рукопись необыкновенно интересна. Эта Мотовилова талантливый человек. То, что она написала о Черткове, лучшее, что я про него читал. Считаю себя Вашим должником, а рукопись я поставил, как книгу, на своей полке с толстовскими материалами» (письмо Шкловского находится в моем распоряжении). Шкловский не только поставил на полку рукопись Мотовиловой, но и переслал ее в «Новый мир» со своей рекомендацией. Все завертелось очень быстро, и в № 12 воспоминания были напечатаны под названием «Минувшее».

Радость выхода в свет мемуаров для Мотовиловой была омрачена тем, что печатный текст был существенно сокращен и отредактирован (вероятно, редактором или цензурой), например, изъята глава о Бурцеве. «Нечто, разбитое вдребезги» – так назвала она свои воспоминания, увидев корректуру. Но все же их публикация в «Новом мире» стала для Мотовиловой праздником, которого она ждала много лет.

Одним из первых, кто откликнулся на публикацию мемуаров, был, разумеется, Чуковский. Он писал Мотовиловой 24 января 1964 г.: «В Москве только и разговора, что о Вашем "Минувшем". Я-то знаю все эти шедевры с давнего времени. Знаю и про Брюсова, и про Черткова, и про Толстого, и про то, как Вы целовались в кустах в Purleigh с Альбиным [(С.В. Андроповым)], и про Хавкину, и про Танеева, но в печати, да еще какой! в "Новом мире", зазвучало по-новому молодо и свежо» (цит. по: Некрасов В. В окопах Сталинграда. Л., 1991. С. 388). Таким образом закончилась история издания воспоминаний С.Н. Мотовиловой, длившаяся тридцать два года и спровоцировавшая переписку Пастернака с автором «Минувшего».

В заключение позволю себе привести лестную для меня дарственную надпись, сделанную С.Н. на отдельном оттиске сразу же после опубликования мемуаров: «"Первопричине" напечатания моих мемуаров находки каменного века С.Н. Мотовиловой. С. Мотовилова. 20.1.64». С.Н. также передала в полное мое распоряжение автографы писем к ней Пастернака.

Приношу сердечную благодарность Е.Б. и Е.В. Пастернакам за ценные дополнения и замечания, сделанные во время обсуждения этой работы.

1

30 сент<ября> 1956 <Переделкино>

Глубокоуважаемая госпожа Мотовилова!

Вы не раскрыли свои инициалы (С.Н.), я думал было по догадке назвать Вас Софией Николаевной (в таком случае Вы сегодня именинница, и я Вас поздравляю) — и не решился. Извините меня. Я прочел Ваши воспоминания. Мне они очень понравились своей живостью и непосредственностью. По-моему, так и надо писать. Хотя все относящееся к Брюсову в воспоминаниях не так существенно, я попрошу отдать их в журнал «Литературное наследие» и там пристроить^{*}.

Не возлагайте, пожалуйста, особых надежд на меня. В кругах официальных я отнюдь не авторитет и в отношении рекомендации скорее величина отрицательная. Оттого и роман мой долго еще не сможет появиться ** , как чересчур далекий по духу от принятых установок.

^{*} Мотовилова послала Пастернаку только одну главу из своих мемуаров – о Брюсове. Первоначальная редакция этой главы существенно отличается от журнальной редакции (Новый мир. Указ. Изд. С. 82-86).

О взаимоотношениях Пастернака и Брюсова см. указанную публикацию Е.В. Пастернак (Россия/Russia. 1977. № 3. С. 239-265). Ср. Отзыв Пастернака с другими отзывами — К.И. Чуковского (см. вступление к публикации) и С.А. Макашина (комментарий к письму 2).

Здесь неточность: речь идет о серийном издании [альманаха] «Литературное наследство».

^{**} О письме редколлегии «Нового мира» к Пастернаку (начало сентября 1956 г.) с мотивировкой отказа публиковать роман см. во вступлении к публикации.

Когда я начал читать Ваши страницы о библиотечном отделе * , сердце у меня сжалось: вот-вот, думаю, напорюсь на что-нибудь неприятное. (Впрочем, тогда бы Вы рукописи мне не послали). Спасибо Вам, что помянули меня так мило ** .

Мне кажется, я вижу Вас в том далеком прошлом, но, м<ожет> б<ыть>, это обман воображения после прочитанного у Вас, имени же отчества Вашего я не мог восстановить.

От души Вам всего лучшего.

Ваш Б. Пастернак

2

19 окт<ября> 1956 г <Переделкино>

Глубокоуважаемая София Николаевна!

Я рукопись с соответствующей рекомендацией передал в «Лит<ературное> Наследие» Сергею Александровичу Макашину*** и рассказал ему о моем впечатлении.

По прошествии некоторого времени запросите его письмом о том, когда они думают напечатать «Воспоминания» **** .

Адрес журнала: Москва, Волхонка, 18, Редакция журн<ала> «Литературное Наследие». Желаю Вам успеха.

3

15 февр<аля> 1957 <Переделкино>

Милая и дорогая Софья Николаевна!

Ровно месяц тому назад, 15 января, наверное, в день получения Вашего письма, которое показалось мне удивительным и неожиданным только по сплетению случайностей, в нем заключенных, только по той невероятности, что и до Вас дошла эта особенность моего существования ******, — в этот день, стало быть, я написал Вам большое письмо об этой стороне моей судьбы, слишком подробное, наверное, по Вашей вине, потому что в такие подробности завел меня порыв моей благодарности Вам. Я хорошо сделал, что его не отправил ********

^{*} О своей работе в библиотечном отделе Наркомпроса Мотовилова рассказала в главе о Брюсове, а также и в других главах «Минувшего» (Новый мир. Указ. изд. С. 86, 116-124).

^{**} Впоследствии фразы с упоминанием Пастернака в «Минувшем» были купированы редакцией «Нового мира». О причинах изъятия имени Пастернака см. во вступлении к публикации.

Макашин А.С. (1906-1989) — литературовед, редактор и один из основателей серии «Литературное наследство» в 1931 г. Пастернак познакомился с Макашиным в 30-е годы. Письменный отзыв Пастернака о Мотовиловой разыскать пока не удалось.

^{*****} В письме к Мотовиловой (1956) Макашин сообщал: «Мы <вероятно с Н.С. Зильберштейном — А.П.> с интересом ознакомились с Вашим мемуарным очерком. Он хорошо написан. Вам удалось воссоздать ярко образы, как самого Брюсова, так и Павловской, и также дать эскизную, но живую зарисовку своеобразнейшего Владимира Ивановича Танеева» (цит. по копии, сделанной в 60-е годы). О причинах отказа опубликовать воспоминания Мотовиловой в «Литературном наследстве» см. в предисловии. Брюсовские тома были подготовлены и изданы значительно позже — в 70-80-е годы.

^{******} Вероятно, Мотовилова узнала об отказе «Нового мира» опубликовать «Доктора Живаго» и о других перипетиях вокруг романа от своего корреспондента В. Страды и некоторые подробности от своего племянника Некрасова и спросила об этом в письме самого Пастернака.

^{*******} Это неотправленное письмо к Мотовиловой разыскать не удалось. Вероятно, Пастернак его уничтожил, или оно хранится в недоступном для меня семейном архиве в Переделкине.

Пусть лучше не пишет мне Ваш студент^{*}. Не потому, что так велик трепет мой за свою шкуру. Но все равно, что бы ни написал он, его письмо не дойдет до меня. В конце лета и в первые осенние месяцы, в период такой короткой перемены, на меня нахлынул поток писем со всех концов света^{**}. Вот уже три или четыре месяца^{***} как, видимо, приняты меры, чтобы это начисто прекратилось. Письма ко мне не доходят, мои пропадают.

Видите, как это грустно, дорогая моя доброжелательница! Я цел, невредим, живу на даче, не нуждаюсь, но истинные мои мысли, для которых я родился на свет и ради которых живу, частью изложенные в недавно написанном романе, — неизвестны, и во всей их подлинности едва ли когда-нибудь станут известны. А истинная моя судьба, загорающаяся иногда звездой на моем горизонте в виде несбывшейся возможности, тут же на моих глазах предается удушению и уничтожению. Вам не жалко меня?

Ваш Б. Пастернак.

Вы – чудо доброты, я любуюсь Вашим великодушием.

4

27 апр<еля> 1957 < Москва>

Дорогая Софья Николаевна.

Я уже больше месяца как нахожусь в Кремл<евской> больнице ******, у меня страшные боли в правом коленном суставе (отложение солей, артрит), которые вначале доводили меня до обморока, да и сейчас еще не прошли, и не знаю, когда пройдут. Извините, что не успел тогда ответить Вам, и сейчас отзываюсь на Вашу трогательную память этими беглыми строчками с большим трудом.

Вероятно, у меня, кроме этого артрита, еще что-нибудь, иначе не могу понять степени и упорства этой боли, неотступной, не оставляющей меня ни на час и совершенно не дающей мне спать *******.

С тем большим проникновением желаю Вам доброго здоровья.

Ваш Б. Пастернак

In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина С.-Петербург-Париж, 2000

 $^{^*}$ Здесь речь идет об итальянском русисте В. Страде, см. о его знакомстве с Пастернаком во вступлении к публикации.

^{**} См. о почтовой блокаде, неожиданно наступившей осенью 1956 г. вскоре после недолгой активной переписки (лето – начало осени) Пастернака с заграницей: Пастернак Е. Борис Пастернак. Указ. изд. С. 699.

^{***} В феврале-марте 1957 г. Пастернак написал несколько «зимних» стихотворений, в которых метафора зимы передает его тяжелое душевное состояние в это время — ср. параллель в стихотворении «После перерыва» (21 февраля), «После вьюги» (7 марта), «Вакханалия» (весна-лето 1957).

О возможной перекличке со стихотворением «Ночь» см. в предисловии. Этот прием Пастернака отмечала А. Ахматова, см. ее оценку стихотворения «В больнице» (в записи Л. Чуковской): Это стихотворение мне особенно дорого потому, что, когда я навещала Бориса в первый раз, он мне все это рассказал прозой, а вот теперь стихи (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Указ изд. С. 259).

В марте 1957 г. Пастернак заболел (воспаление мениска) и был положен в Кремлевскую больницу, где находился два месяца, затем долечивался в санатории «Узкое». См. об этой болезни также и в письмах — к А.К. Тарасовой (5 августа), Н.А. Табидзе (21 августа), С. Чиковани (23 августа и 6 октября) и другим адресатам: СС. V, 548-557. Ср. запись Л.К. Чуковской от 6 апреля 1957 г.: «Анна Андреевна очень встревожена болезнью Бориса Леонидовича. Звонила на днях Зинаиде Николаевне и подробно ее расспрашивала: "Лежит в Кремлевской больнице в отдельной палате. Лежит на доске. Плачет от боли"» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Указ. изд. С. 251).

Вероятно, здесь Пастернак пишет о воспалении мениска.

«Я ВСЕГДА ВЫСОКО ЦЕНИЛ ВАШ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТАЛАНТ»

Письма К.И. Чуковского С.Н. Мотовиловой

Автор этих писем не нуждается в представлении, его имя известно и взрослым, и детям. Об адресате же необходимо сказать несколько слов.

Софья Николаевна Мотовилова (1881—1966), образованнейший библиотечный работник, литератор, родная тетка (сестра матери) писателя Виктора Некрасова. Родом из семьи сибирского [симбирского!!! — МК] помещика, она получила отличное образование за границей — училась в Лозанне, Веймаре, на философском факультете Лейпцигского университета. Во Франции, Италии и Англии изучала европейские языки. В Женеве встречалась с Г.В. Плехановым, посещала выступления Л.Д. Троцкого, в дом Мотовиловых в Лозанне приходил в свой первый приезд за границу В.И. Ленин, которого направил к ним дядя Софьи Николаевны, марксист Р.Э. Классон.

Мотовилова присутствовала на II Сионистском конгрессе в Базеле (1898) и на конгрессе II Интернационала в Париже (1900). Посещала Бестужевские женские курсы в Петербурге, в 1915 г. училась на библиотечных курсах в Народном университете им. Шанявского в Москве. Летом 1918 г. работала в Москве в библиотечном отделе Наркомпроса под непосредственным началом В.Я. Брюсова и под руководством Н.К. Крупской. С осени того же года и до самой смерти жила в Киеве и занималась библиотечной работой (в 1920-е годы она работала консультантом в библиотеке Всеукраинской Академии наук).

Софья Николаевна глубоко прониклась идеями социализма еще в юности, ее, девушку из благополучной семьи, всегда привлекали люди и теории, разрушающие весь пошлый и безнадежно устаревший, по ее мнению, мир старой России: «Стоило при мне назвать человека, боровшегося против существующего строя, как я немедленно старалась с ним познакомиться», — вспоминала она о себе восемнадцатилетней. Она была увлечена творчеством и мыслями Толстого и даже сама отважилась на встречу и разговор с ним в Москве (1899), просила его подсказать, «как жить». В Англии она посетила друга и последователя Л. Толстого, В.Г. Черткова и его толстовскую общину и была ужасно разочарована — все там было насквозь ненастоящее, показное, противоречащее идее «опрощения» — об этой и других встречах с яркими историческими лицами конца XIX — начала XX века С. Мотовилова написала в своих воспоминаниях (1930-е гг.).

О судьбе ее воспоминаний, в основном, и идет речь в письмах К. Чуковского к ней. Чуковский со свойственной ему добросовестностью и вечным стремлением поддержать талантливого человека долгое время пытался пробить этим воспоминаниям путь к публикации, но, несмотря на все усилия, это ему так и не удалось. С подачи Корнея Ивановича рукопись обошла множество литературных редакций в 1930-х годах, но была опубликована лишь тридцать лет спустя с многочисленными купюрами («Минувшее», Новый мир, 1963, №12) — самой Мотовиловой к тому моменту было уже за восемьдесят.

Не расставаясь со своими социалистическими убеждениями, Мотовилова резко отрицательно относилась к советской действительности (подтверждение чему — ее рассказ «Неотправленное письмо», 1933, где затрагивается тема голода 30-х годов, опубликованный в газете «Літературна Україна» в 1993 году). По прямоте характера она то и дело бесстрашно вступала в конфликты, нередко по тем временам — смертельно опасные, обсуждая и осуждая политику коммунистической партии и правительства.

Всю жизнь она вела дневник и обширную переписку— с В.Г. Короленко, В.Н. Фигнер, В.Я. Брюсовым, В.Д. Бонч-Бруевичем, Л.Б. Хавкиной, С.Н. Сергеевым-Ценским, Д.Д. Бурлюком, Б.Л. Пастернаком и др. До конца своих дней С. Мотовилова находилась в состоянии напряженного интеллектуального и духовного поиска.

По причине своей несгибаемой принципиальности и прямолинейности (племянник, В.П. Некрасов, называл ее «домашним диктатором»), Софья Николаевна вольно или невольно усложняла себе жизнь. К людям она была требовательна, как и к себе, а потому не один раз разочаровывалась в друзьях, товарищах и даже любимых людях.

Судя по ответам К. Чуковского на ее письма, она постоянно просила о помощи для литературных и около литературных деятелей. Виктор Некрасов писал в своих мемуарных очерках, что по поручениям тетки ему не раз приходилось встречаться с писателями, редакторами и издателями, в том числе и с Корнеем Чуковским, и признавался, что именно под влиянием тетки стал профессиональным писателем.

Содержание публикуемых писем значительно шире их основной темы — издания воспоминаний С.Н. Мотовиловой. Как всегда в эпистолярии Чуковского, их строки наполнены обширным историко-литературным материалом, живым человеческим голосом и сдержанной иронией. Девятнадцать писем К.И. Чуковского, адресованных С.Н. Мотовиловой, публикуются впервые по машинописной копии, любезно предоставленной А.Е. Парнисом, которому «Егупец» выражает свою искреннюю благодарность (местонахождение оригиналов этих писем неизвестно).

Намеренье опубликовать двустороннюю переписку не могло осуществиться, поскольку письма С.Н. Мотовиловой, находящиеся в [отделе рукописей] РГБ в фонде К.И. Чуковского, оказались недоступными.

1

24.XII.31 Ленинград

Многоуважаемая С.Н.

Вчера я получил Вашу рукопись^{*} и прочел ее с жадностью. Написана она увлекательно. В первой части отлично изображена атмосфера, которой жили и дышали символисты. Кроме того, в ней даны ценные факты, относящиеся к биографии Брюсова. Образ Павловской^{**} живой и рельефный. И он очень важен для истории той эпохи, потому что это образ центральный, характеризующий, так сказать, подоплеку всех тогдашних стихов и картин. Вторая часть воспоминаний, помимо всего остального, хороша тем, что благодаря ей можно будет напечатать Вашу рукопись в новом современном журнале.

Я готов служить Вам в этом отношении. Могу отдать в «Звезду» или «Новый мир». Жду Ваших распоряжений.

Преданный Вам К. Чуковский

Кирочная 7, кв. 6, Ленинград

2

І-1932, Ленинград, Кирочная 7, кв.6

Многоуважаемая С.Н.

С Вашей рукописью дело вот как обстоит. Оказывается, с ноября ни «Новый Мир», ни «Звезда» уже не имеют права печатать мемуарный материал.

^{*} С.Н.Мотовилова прислала Чуковскому рукопись своих воспоминаний с просьбой посодействовать их публикации. Опубликовать эти воспоминания удалось лишь тридцать два (!) года спустя. См.: Мотовилова С. Минувшее // Новый мир, 1963, №12. С. 75-127.

^{**} Евгения Ильинична Павловская (1876(?) — 1898), домашняя учительница, поэтесса, адресат нескольких лирических стихотворений В.Я. Брюсова.

Для этого выделен в Москве особый орган: «Литературное наследство»^{*}. Редактор этого «Наследства»^{**}, мой приятель, молодой человек очень шустрый, требует от мемуаров политической остроты и пикантности, скандалезности, шумихи и т.д. Ваши воспоминания этим требованиям не удовлетворяют. Я еще не говорил с ним, очень может быть, что он их и возьмет, но ведь он монополист и требования его капризны.

В Москве я повидаю вдову Брюсова Иоанну Матвеевну^{***} и посоветуюсь с ней, она должна знать, какие журналы охотнее всего напечатают статью о ее муже. Конечно, если «Лит. Наследство» возьмет Вашу статью, я немедленно же выхлопочу для Вас аванс и лично прослежу, чтоб его выслали.

«Воспоминания о Танееве»**** очень живописны и ценны, их надо непременно вставить в воспоминания о Брюсове.

Я показывал их редактору «Звезды». Он говорит, что если бы Вы прислали эти воспоминания (о Брюсове и Танееве) двумя месяцами раньше, он немедленно напечатал бы их.

Время теперь круто изменилось. У меня в разных издательствах четыре готовые работы: «О шестидесятниках» ******, о Слепцове *******, об американской литературе и проч. Уже сданы в печать, должны были выйти и вновь остановлены. Ни про одну рукопись нельзя сказать с уверенностью, что она попадет в типографию. Мне горько писать Вам об этом, но надо же Вам знать положение вещей.

[Частично восполняем сей пробел – М.И. Классон:

<...> Хочу один случай вспомнить. Это было в моих воспоминаниях о Брюсове, но Чуковский посоветовал мне это место выкинуть. Брюсов, как только стал возглавлять библиотечный отдел государственных библиотек, вывесил всюду объявления, что все места заняты и мест больше нет, ну а сам приглашал всех своих знакомых поэтов и поэтесс, ничего не смыслящих в библиотечном деле.

Сижу я как-то в отделе одна, приходит девица, хочет к нам поступить. Я говорю: «Но вы же видели надпись. Все места заняты, мест больше нет». Она говорит: «Но у меня письмо от Троцкого». Я удивилась. Какое это имеет значение, раз все службы заняты. Она ушла.

Приходит Брюсов. Спрашивает: «Приходил ли кто-нибудь?». Говорю: «Приходила девица насчет службы. Я ей сказала, что мест нет». «Хорошо сделали». Я говорю: «У нее было письмо от Троцкого». Боже, что с Брюсовым сделалось, как он негодовал на меня! Троцкий был тогда у власти (из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону от 25 декабря 1961 г., Ф. 9508 РГАЭ).]

^{* «}Литературное наследство» — непериодическое продолжающееся издание АН СССР, посвященное публикации неизвестных документальных материалов и новых исследований по истории русской литературы и общественной мысли. Основано в 1931 году.

^{**} Имеется в виду Илья Самойлович Зильберштейн (1905—1988), инициатор издания «Литературного наследства», литературовед, искусствовед-коллекционер.

^{***} Иоанна (Жанна) Матвеевна Брюсова (в девичестве Рунт, 1876—1965) — переводчица, жена В.Я.Брюсова.

^{****} Владимир Иванович Танеев (1840–1921) – адвокат, литератор, библиофил, брат композитора С.И. Танеева.

[&]quot;***** Имеется в виду работа Чуковского, изданная лишь два года спустя: Чуковский К. Люди и книги шестидесятых годов. Статьи и материалы. Л., Изд-во писателей в Ленинграде. 1934.

^{*******} Василий Алексеевич Слепцов (1836—1878), писатель круга некрасовского «Современника». Поиском материалов о Слепцове, изучением его творчества (в особенности романа «Трудное время») и изданием его сочинений (Слепцов В. Соч. В 2-х т. Т. І. 1932) Чуковский занимался с конца 1920-х годов. Впоследствии свои работы, посвященные Слепцову, он включил в книгу «Люди и книги шестидесятых годов» (1934 и послед. изд.).

в опубликованном тексте воспоминаний С.Н. Мотовиловой («Новый мир», 1963, №12) этого эпизода нет. Рукопись ее воспоминаний нам неизвестна.

Танеев был приятелем «моего» Слепцова? Где теперь Танеевский архив? Нет ли там Слепцовских писем? И ради бога, пришли те мне адрес Ковальской^{*}. Я уже давно веду раскопки по Слепцову, но многое в нем для меня ускользает.

Что Вы делаете в Киеве? Не напишете ли Вы вообще книжку воспоминаний? О Брюсове, о Классоне**, о Танееве и еще о ком-нибудь, так чтоб вышла книжка. Книжку легче устроить, чем статью. Меня зовут Корней Иванович. Как Ваше имя-отчество? Простите, что пишу карандашом. Пишу впопыхах, на людях, так как хочу отправить это письмо как можно скорее. Ваша рукопись у меня не пропадет. А если «Лит. Наследство» возьмет ее, я дам переписать ее на машинке.

3

23.1.32. Ленинград

Милая Софья Николаевна

Ваша «корреспонденция» взволновала меня до слез, — я кинулся к разным влиятельным лицам, все говорят: «ай-ай-ай! Да не может быть», — но вмешиваться в дело никто не желает. Когда я буду в Москве, я дам это письмо Михаилу Кольцову***. Может, он надоумит меня, что сделать (или сделает сам).

Насчет Короленко^{****}: он и мне казался черствоватым. Мы жили с ним одно лето рядом на даче, я страшно нуждался, с тремя детьми, работал через силу, не спал (бессонница). Он выражал сочувствие, мы встречались почти ежедневно, много гуляли по взморью – и вдруг я получил от неизвестного лица 500 рублей. Я был уверен, что это В<ладимир> Г<алактионович>.

Оказалось (через 10 лет я узнал это), это был Леонид Андреев*****, у которого никакого патента на мягкосердечие не было. Короленко многого не понимал, например, трагедии от любви, от страсти. Но все же он был светлый и веселый человек. Я вспоминаю о нем нежно, и думаю, что его сухой ответ убийце Филонова****** вызван его принципиальным отношением к убийству.

^{*} Очевидно, речь идет о Елизавете Николаевне Ковальской (1851–1943), участнице народовольческого движения, затем члене партии эсеров.

^{**} Роберт Эдуардович Классон (1868–1926), выдающийся инженер-электротехник, родственник С.Н. Мотовиловой (муж ее тетки [Софьи Ивановны Мотовиловой-Классон, 1863-1912]).

^{***} Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд, 1898–1942), писатель, журналист, общественный деятель. Чуковский, считавший Кольцова первым журналистом своего времени, прибегал к его авторитету постоянного сотрудника ЦО «Правда», редактора «Огонька» и др. изданий.

Владимир Галактионович Короленко (1853–1921), писатель. Его творчеству Чуковский посвящал свои критические разборы и заметки с 1908 г., а мемуарный очерк о нем «Короленко в кругу друзей» включил в свою книгу «Современники» (1962).

Леонид Николаевич Андреев (1871—1919), писатель. Интерес к его творчеству сопровождал Чуковского с первых шагов критика в литературе («Дарвинизм и Леонид Андреев», 1902). Ему посвящены несколько десятков статей Чуковского, книга «Леонид Андреев большой и маленький» (1908) и воспоминания (первый вар. — 1919 г.), вошедшие в книгу «Современники» (1962).

В декабре 1905 года старший советник Полтавского губернского правления Ф.В. Филонов во главе карательного отряда с двумя пушками учинил жесточайшую расправу над крестьянами села Сорочинцы («Сорочинская трагедия»). Собрав свидетельские показания, В.Г. Короленко 12 января 1906 года выступил с «Открытым письмом статскому советнику Филонову» в газете «Полтавщина». Короленко обвинял карателя в превышении полномочий, в немотивированной жестокости и взывал к судебной ответственности. В том же январе Филонов был убит эсером Д.Л. Кириловым, после чего правая печать начала травлю Короленко, обвиняя его (принципиального противника смертоубийства и смертной казни) в подстрекательстве террориста.

Спасибо за вести о Слепцове. Я уже кончил работу над «Трудным временем», кот<орое> выходит в «Academia» * . Многое о нем я узнал от его бывшей жены, ныне здравствующей Лидии Филипповны Маклаковой ** , с которой мы большие друзья. Она отдала мне переписку Слепцова с нею и с другими женщинами.

В этой переписке он очень противен: самовлюбленный павлин, резонер – совсем не то, что в своих сочинениях. Даже талантливости не видно, одна болтовня.

Ваши воспоминания: я попытаюсь их напечатать без изменения. Если же нет, возьму и пришлю Вам. Пропасть они не могут, т.к. я не выпущу их из рук. Если же Вы не хотите, пусть зайдет ко мне Ваш племянник *** , я охотно дам их ему. В 7 часов вечера я всегда дома. Конечно, я не отдам стихотворения без Вашего текста.

Ашукин**** верен себе. Это давно уже литературный чиновник – без всякого просвета в душе.

Я действительно был в Крыму с апреля по ноябрь, где у меня на руках умерла одиннадцатилетняя дочь Мура ****** .

Тот нахал, который разговаривал с Вами в «Лит. наследстве», и есть мой приятель И.С. Зильберштейн. Честное слово, он не хуже, а лучше других, и после того, как я побывал в других редакциях, кажется мне джентльменом.

Я сейчас, как и Вы, безработный и по одним и тем же причинам. Если будете писать Серг. Ник. Ценскому*******, передайте ему мой привет. В прошлом году я гостил у него в Алуште. В молодости мы были приятелями.

Ваш Чуковский

Извините мой карандаш: пишу лежа, грипп.

4

25.ІІ.1932. Москва, Всехсвятская 2, кв. 293.

Многоув. С<офья> Н<иколаевна>

Не думайте, что я молчу по какой-нибудь уважительной причине. Нет, просто замотался, завертелся в Москве. Взял с собой Ваше письмо, а адреса Вашего не запомнил и не мог написать из-за отсутствия адреса. До сих пор мои хлопоты безуспешны. Горький в Сорренто, Кольцов в Женеве, а остальные «кряхтят и жмутся, жмутся и кряхтят» *********. Удивляются моей горячности. «Есть из-за чего кипятиться! Нам известны дела и почище!» Я показывал Ваши письма Мариэтте Шагинян, Лид. Ник. Сейфулиной, на днях покажу Заславскому ************. Воспоминания о Брюсове при мне. Редактор «Лит. наследства» говорит, что в первых номерах журнала (посвященных шестидесятникам) им не место, но потом поглядит, подумает. Если случится какая-нибудь годовщина Брюсова, он их тиснет.

Пишите!

Ваш К.Ч.

Лидия Николаевна Сейфулина (1889-1954), писательница.

Давид Иосифович Заславский (1880-1965), журналист, партийный публицист.

 $^{^{*}}$ В издательстве «Academia» под редакцией Чуковского, с его статьями и комментарием вышли сочинения В.А. Слепцова в двух томах: том 1 — в 1932-м, том 2 — в 1933 году.

^{**} Л.Ф. Маклакова (урожд. Королева, 1851– ?), писательница.

^{*** «}Ваш племянник» — двадцатиоднолетний Виктор Платонович Некрасов (1911–1987).

^{*****} Николай Сергеевич Ашукин (1890–1972), литературовед, библиограф. Составитель капитального труда «Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова» (1935) и популярной книги «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (совместно с М.Г. Ашукиной, 1960) и др.

Мура, Мария Корнеевна Чуковская (1920–1931).

^{*******} Сергей Николаевич Сергеев-Ценский (1875—1958), писатель. Чуковский многократно писал о его творчестве, решительно выделяя среди всех вещей Ценского повесть «Печаль полей» (1909).

Произвольная цитата (соединение двух реплик Альбера) из «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Скупой рыцарь».

^{***} Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888-1982), писательница.

Милая Софья Николаевна.

Только что приехал из Москвы и первое письмо Вам. Я назвал сердитым не Ваше письмо о Заславском, а одно коротенькое официальное письмо, в котором мне почудилась сухость.

О Заславском же я думаю вот как: это искренний и даровитый человек, находящийся под влиянием черствой и мертвой догмы, которой он пытается подчинить свою литературную работу. Моя жена относится к нему точно так же, как и Вы (вообще для нее, как и для меня, Ваши письма отрада), и теперь торжествует: «Вот видишь, я всегда говорила». Сейчас З<аславский> действительно выдохся, но я помню его молодым и талантливым (не лысым, как сейчас, а с «оселедцем»), я люблю его «Взволнованных лоботрясов», его «Историю США», его семейственную патриархальность, его нежные отношения к друзьям — и все его бесстыжие писания кажутся мне наносными. *

По нелепой случайности Ваши воспоминания о Брюсове, посланные мною Бонч-Бруевичу**, до него не дошли и посылаются ему вновь. Через неделю Вы можете запросить Бонч-Бруевича (Владим. Дм. Б.-Б., Москва, ул. Герцена, Б. Кисловский переулок, д. 5, кв. 2).

Я предназначаю Ваши воспоминания для сборников «Звенья» ***, которые на днях начнут выходить в «Асаdemia» под ред. Бонч-Бруевича и Каменева ****. Стихи Нейкирх я передал поэту Гатову, ведающему стихотворным отделом «Огонька» и других близких «Огоньку» изданий (Страстной бульвар, 13, Журнально-газетное объединение, Ал. Гатову). Я выбрал те переводы, которые считаю лучшими, остальные привез в Ленинград и сохраню у себя до востребования. У автора несомненно есть дарование и большая культура, но нередки самые странные срывы и нет почти ни одного стихотворения, выдержанного до конца.

Простите, что пишу мало и все о делах, только что приехал, не успел осмотреться, а на столе куча корректур и неотложных писаний.

Блока (т.е. мою книгу о нем)******* постараюсь разыскать и выслать. Сейчас в той комнате, где должна быть эта книжка, спит мой сын и туда не пройти.

^{*} Заславский Д. Взволнованные лоботрясы. Очерк из истории «Священной дружины». М., Всерос. Об-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1931.

Чуковский имеет в виду книгу Д. Заславского «Очерки по истории Северо-Американских Соединенных Штатов 18 и 19 веков» (1931) и, возможно, его же книгу «Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки» (1926).

^{**} В.Д. Бонч-Бруевич (1873—1955), партийный деятель, историк, литературовед. Инициировал и редактировал издания, публиковавшие историко-литературные документы и материалы (сборники «Звенья»). Организованный и возглавленный им Государственный литературный музей (1933) стал основой одного из крупнейших архивохранилищ СССР — ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ).

^{*** «}Звенья» — сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века под ред. В.Д. Бонч-Бруевича и А.В. Луначарского. С 1932 по 1936 «Academia» выпустила тома 1-6. Тома 8-9 вышли в 1950-1951 году — в другом издательстве, а том 7 не вышел вовсе. С 1991 г. возобновилось издание сборников «Звенья» уже как органа историко-просветительского общества «Мемориал».

Лев Борисович Каменев (1883–1936), деятель коммунистической партии и Октябрьской революции, директор издательства «Academia».

Александра Генриховна Нейкирх (?–1935), переводчица, поэтесса. Племянница шлиссельбуржца Е.И. Минакова. Жила и умерла в Киеве.

Александр Борисович Гатов (1899–1972), поэт, переводчик.

Чуковский Корней. Александр Блок как человек и поэт. (Введение в поэзию Блока). Пг., изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1924. (Библиотека для самообразования).

Знаете ли Вы, что я был у Брюсовой (вдовы), провел у нее вечер в той самой комнате, где бывал в молодости с таким сердцебиением счастья — и получил от нее письмо от Вал<ерия>Як<овлевича>, адресованное мне, заклеенное в конверт в 1922 году и не отосланное почему-то. Письмо из могилы^{*}. Пожалуйста, пишите мне почаще. Привет поэтессе [(т.е. А.Г. Нейкирх)].

Ваш К.Ч.

Увы, сейчас сделал рекогносцировку в те закоулки, где мне мерещилась книжка. Блока нету ни одной, даже авторского экземпляра. Но я поищу, авось найдется.

6

7.VII.32. Алупка

Меня нет в Питере уже 2,5 месяца. Я был в Кисловодске, в Туапсе, в Новороссийске, в Ялте – и вот теперь торчу в Алупке. Пишу Вам, чтоб Вы не подумали, что я выбыл из строя Ваших корреспондентов. Мой московский адрес Всехсвятская 2, кв. 293.

Пожалуйста, черкните мне, как обстоит у Вас дело с Вашими мемуарами о Брюсове, посланными мною в «Звенья». И как стихи, сданные в «Огонек» тов. Гатову. Я хотел лично толкнуть обе рукописи.

Ваш К.Ч.

7

11.VIII.32., Москва

Многоуважаемая Софья Николаевна.

Ваше письмо оскорбительно и вызвано полным незнанием моих обстоятельств. Обстоятельства же мои таковы. Уже 3,5 месяца меня не было в Питере. Приехав в Крым, я по безденежью не мог выехать оттуда. Писем Ваших за все это время не видел. Те же письма, которые я получил раньше этого времени, — на каждое я отвечал. Сейчас у меня грипп, я лежу в жару несколько дней, но чуть встав с койки, первым делом пошел к телефону дозваниваться до Бонч-Бруевича. Бонч уверял меня, что Ваша статья пойдет в шестом сборнике «Звенья», который выйдет в ноябре с.г., и что за эту статью может дать деньги только в октябре. Бонч просит Вас не беспокоиться (потому что у него на текущем счету небось 120 тысяч имеется), «все уладится» и проч. Чуть я встану, я пойду к Каменеву и буду говорить с Каменевым. (Б<онч> уезжает на днях из Москвы). Вы писали Бонч-Бруевичу о каких-то стихах, должно быть, нашей общей знакомой Н<ейкирх>. Разве Гатов не взял ее стихов?

Ваш К.Ч.

8

21.VIII.32, Москва

Многоуважаемая Софья Николаевна

Давайте я тоже начну описывать Вам свои злоключения. Тотчас после кончины моей дочери (10.XI.1932), скончалась моя мать, потом заболела раком моя сестра, помешалась от горя моя жена, и вот сейчас, на глазах у моего сына, погиб под колесами автобуса его лучший, его единственный друг, которого мы помним с 9-летнего возраста. Денег у меня давно уже нет ни гроша, и я живу либо в долг, либо впроголодь.**

^{*} По-видимому, письмо от 26.III.1922, опубликованное впоследствии в составе очерка «Письма Валерия Брюсова» в кн.: Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1958.

^{**} Мать Чуковского, Екатерина Осиповна Корнейчукова (1856–1931). Сестра Чуковского, Мария Эммануиловна Корнейчукова (по мужу Лури, 1879–1934). Мария Борисовна Чуковская (1880–1955). Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965).

Под той же датой, которой помечено это письмо – 21.VIII.1932 – в Дневнике Чуковского запись: «Получил известие о смерти Жени Штеймана – и не могу заснуть ни на секунду».

Сейчас я подписал договор в «Academia»^{*}, но денег не получил никаких, так как денег в издательствах нет, и как доеду до Л<енингра>да, как мы будем жить до конца сентября, как я отдам долги, я не имею никакого понятия. И это после 30 лет каторжной литературной работы, после всяких «Мой до дыр» и пр.

Приехал сюда, чтобы повидаться с Горьким и рассказать ему о своем положении, но с 5 августа по сей день не могу добиться свидания с ним. Теперь, когда наконец все устроилось, я заболел гриппом, у меня распухла губа, и Горького мне не видать.

Вы спрашиваете, почему я не помог С.Н. Ценскому в 1930 г. В это время у меня в Алуште умирала дочь, и средств еле хватало на ее лечение. Мы почти голодали. Приехав к Ценскому, я попал в обстановку невиданной сытости. Ценский угостил меня курицей, дал мне корзину миндаля и вообще произвел на меня впечатление помещика. Вряд ли был в окрестности такой зажиточный человек, как Ценский в 1930 году, т.к., пользуясь привилегией писательского звания, он имел права, которых были лишены остальные жители Алушты, иметь свою корову, иметь своих коз и т.д.

Теперь моей жене лучше, но сестра на днях приедет ко мне в Питер умирать. А у меня, как нарочно, нет уже никаких душевных сил встретить и эту смерть. Осенью деньги у меня будут, и тогда мы с Вами подумаем о том, чтоб Вам переехать в Питер.

Бонч укатил в отпуск. Он все врет, все путает, положиться на него невозможно. Каменеву я скажу о Ногине ** сегодня же. Насчет «оскорбительности» Вашего письма, это я брякнул в тяжелую минуту. Простите, пожалуйста.

Ваш К.Ч.

Пишите в Л<енингра>д. То, что я Вам написал о своих личных делах, пусть будет между нами. Вы даже в письмах ко мне не упоминайте о них. Это просто сорвалось с пера.

9

28.Х.1932, Ленинград

Милая Софья Николаевна. Я переживаю «Трудное Время» У меня дома больные, издательства не платят заработанных денег, сын мой, живущий отдельно, тоже заболел тяжело. Потому и не писал.

Твои беды выслушивать, Свои беды рассказывать — Жаль бурушку гонять****.

«Acad<emia>» должна мне неск<олько> тысяч, а до сих пор не дала и нескольких сотен. А у меня, признаться, была мысль, чуть получу первый заработок, послать Вам немного в долг (надеюсь, Вы не обиделись бы) с тем, чтобы Вы приехали в Питер. Я уверен, что Вы нашли бы здесь блестящую деятельность, по душе. Я уверен, что вся Ваша тоска из-за проклятого Киева, я уверен, что вообще, если бы в июле-августе у Вас было чуть больше денег, вся Ваша душевная жизнь сложилась бы иначе.

Но ни «Acad<emia>», ни «Мол<одая> Гвардия» не заплатили мне денег, и я вместо того, чтоб помогать другим, сам сижу в долгах по уши, хотя до сих пор никому не должал.

Привет Ал<ександре>Г<енрихов>не! Гатову я написал, но не знаю, в Москве ли он.

Ваш К.Ч. Пишите.

^{*} Очевидно, договор на составление и комментарий к двухтомному собранию сочинений Н.В. Успенского. Вышел только первый том (1933).

^{***} Виктор Павлович Ногин (1878—1924), рабочий-текстильщик, член РСДРП со времени ее основания, неоднократно избирался членом ЦК партии. В 1917 — председатель Московского совета и нарком по делам торговли и промышленности. Заявив о несогласии с политикой ЦК партии, вышел из состава Совета Народных Комиссаров. Затем занимал разные должности в правящих органах советской власти, умер на посту председателя правления Всероссийского текстильного комбината. Глава о Ногине написана позже других воспоминаний С.Н. Мотовиловой.

[«]Трудное время» – название романа В.А. Слепцова, которое Чуковский применяет к себе самому.

Неточная цитата из поэмы Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (ч. II, глава «Волчица»).

Многоуважаемая С.Н.

Злобою сердце питаться устало. Много в ней правды, но радости мало.

Вот и Ценский, и другие, в том числе и я. Статейка Ценского слабенькая. Не стоило писать «Печаль полей», чтоб превратиться в репортера довольно не шустрого.

Но осуждать его, или сердиться на него, или недоумевать я не стану. Я тут вижу и не такое на каждом шагу. И даже рад за него.

> Не предали они, они устали Свой крест нести, Покинул их бог гнева и печали На полпути.^{**}

> > Ваш К.Ч.

11

31.XII.1932

Милая С.Н.

Поздравляю Вас от души с Новым годом. Не сердитесь, пожалуйста, что не ответил на Ваше письмо: одолели корректуры, и помощников нету. Теперь вдруг сразу появился спрос в литературе на мою «продукцию», и я боюсь, как бы этот спрос не прошел, работаю буквально дни и ночи.

Из всего, что намечено к изданию в 1933 году, мне больше всего по душе «От двух до пяти» (о маленьких детях) , «Люди шестидесятых годов» и сборник моих детских книг в «Academia» (полное собрание)****. Кроме того, я делаю для «Academia» двухтомник Ник. Успенского и трехтомник Некрасова

Эх, если бы Вы были в Питере. Я уверен, что Вы – отличная работница по части корректуры, пишущей машинки и проч. А то я вовсе очумел. Сегодня я еду в Москву: Клуб театральных работников вызывает меня на гастроли, прочитать им мой альбом «Чукоккалу», у меня есть записки Блока, Маяковского, Репина, Горького.

Привет А<лександре> Генр<иховне>. Попытаюсь поговорить с Гатовым и Бонч-Бруевичем.

Ваш К.Ч.

[°] Неточная цитата из поэмы Н.А. Некрасова «Саша».

Неточная цитата из поэмы Н.А. Некрасова «Медвежья охота».

^{***} Чуковский К. От двух до пяти. 3-е издание «Маленьких детей». Л., Изд-во писателей в Ленинграде.

^{1933.} ***** Чуковский К. Сказки. Ил. В.М. Конашевича. М., Academia, 1935. Успенский Н.В. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Рассказы. Подгот. текста и коммент. К.И. Чуковского. М.-Л., Academia, 1933 (Т. 2 не вышел).

Некрасов Н.А. Полное собрание стихотворений. В 2-х т., 3-х кн. Редакция текста и примеч. К.И. Чуковского. Вступ. статья В.Я. Кирпотина. М.-Л., Academia. 1934-1937.

Дорогая С.Н.

Говорил с Бончем. Два часа он держал меня у телефона и доказывал, что в настоящее время он не может познакомиться с Вашим «Чеховым», который предназначен для 6-й книжки «Звеньев» (а он сейчас редактирует пятую). Я указал, что, во-1-ых, он мог бы прочитать Вашу рукопись в половину того времени, которое истратил на разговор со мной, что, во-2-ых, рукопись не о Чехове, а о Брюсове, что, в-3-х, прочтение этой рукописи сильно облегчит ту оживленную переписку, которую ведет с Вами. Он просил подождать еще 2-3 недели, а насчет переписки выразился, что дело в Ваших письмах касалось партии, потому он не мог их оставить без ответа.

Сулил в виде компенсации удвоенный гонорар. Простите, спешу на вокзал, еду в Питер.

Ваш Чуковский

13

Ленинград, 23.VI.1933

Многоуважаемая С.Н.

Уже месяца 4 я по особым обстоятельствам не жил дома. Был вне писем, вне литературы. Ваше письмо прочитал вот сейчас, вернувшись из Москвы, и конечно, сию же минуту пишу Вам ответ. По поводу съезда писателей: в августе я буду в Евпатории, в сентябре в Кисловодске. В Евпаторию еду на работу: читать для ребят свои сказки (даю 12 концертов за стол и квартиру). В Кисловодск — лечиться. Между тем съезд писателей будет в сентябре . Я на этом съезде не буду, по причине полного равнодушия к этой затее. Но, конечно, устроить Вас туда постараюсь. Черкните мне официальное письмо о том, что, дескать, «Вы, Корней Иванович, знаете мои рукописи, находящиеся у Б<0нч->Б<руевича>, и можете подтвердить, что я подлинный писатель». А я на Вашем письме припишу несколько слов и зайду к Горькому в конце июня, когда буду ехать на юг.

Печально то, что Вы пишете об Ал<ександре>Генр<иховне>. К сожалению, я сейчас инвалид и не могу пуститься хлопотать.

Напишите мне подробно все обстоятельства дела в виде официального заявления, и я через наш Горком вручу это дело прокурору Акулову. Ей пишу тотчас. Я говорил с Гатовым об ее стихах. Гатов говорит, что какие-то стихи печатались в «Федерации» и что вообще ее никто не затирает. Вся беда в том, милая С.Н., что, говоря по секрету, стихи у нее очень неважные, и я не могу слишком настаивать на их печатании.

Ваш К.Ч.

А Б<онч->Б<руевич> поступил со мной еще изящнее. Как-нибудь расскажу.

14

Евпатория, Курзал, 10.VIII.33

Многоуважаемая С.Н.

Я живу в Евпатории. Адреса Ал<ександры> Генр<иховны> у меня здесь нет. Между тем мне очень хочется знать, увенчались ли успехом мои московские хлопоты о писательнице и переводчице А.Г. Нейкирх. Получила ли А.Г. денежную помощь от той организации, к которой я обращался? Эта организация обещала уведомить меня обо всем, но я спешно уехал и не знаю, в каком положении это дело. Будьте так добры, сообщите, пожалуйста.

Ваш Чуковский

 $^{^*}$ Первый Всесоюзный съезд советских писателей несколько раз откладывался и прошел с 17 августа по 1 сентября 1934 г.

Многоуважаемая Софья Николаевна.

Я получил от Ал<ександры> Генр<иховны> письмо, где она очень порицает неведомую мне женщину, свою сестру, и рассказывает вновь о своих обстоятельствах, в которых я не в силах разобраться, именно не в силах. Я болен, переутомлен, страдаю лютыми бессонницами и прошу у нее пощады.

Если бы у нее была лишь искра сострадания ко мне, она дала бы мне небольшую передышку. Она спрашивает меня о судьбе своих переводов, я этой судьбы не знаю и не узнаю до октября, когда буду в Москве, и т.д.

Об «устройстве» для Вас билета на писательский съезд. Когда я был в Москве, мне определенно сказали, что съезд отложен до мая. Это чрезвычайно утешило меня, так как в сентябре меня не будет в Москве. Я и не хлопотал о билете для Вас. Оказывается, что съезд не отложен. Вместе с этим письмом я пишу в «Литер<атурную> Газету» — прошу указать мне, где добываются подобные билеты.

В Евпатории я не отдыхаю, а работаю – читаю на эстраде свои сказки.

Отдыхать буду в Кисловодске, куда и прошу писать с 1.ІХ. – Кисловодск, санатория КСУ.

Вслед за этим в переписке К. Чуковского с С.Н. Мотовиловой — четвертьвековой перерыв.

16

18.X.<19>60

Глубокоуважаемая София Николаевна!

Милая, милая «С.Н. Мотовилова»!

Очень рад, что через столько лет наше знакомство возобновляется, и я опять могу вступить с Вами в переписку. Я всегда высоко ценил Ваш литературный талант. Вновь прочел Ваше прелестное письмо о чистке Института, о суде над тамошним Хлестаковым, о Вашей поездке к В.И. Танееву. Сейчас нахожусь под сильным впечатлением о Брюсове. Очень колоритные воспоминания и притом щепетильно правдивые.

Я знал Брюсова в его «библиотечный период» — Вы замечательно рельефно показали его тогдашнюю черствость, обозленность и обостренный эгоцентризм. Я объясняю эти неприятные черты, так обнаженно проявившиеся в нем, его жестокой болезнью, той же, какой был болен Глеб Успенский (а также Некрасов, Щедрин).

Прелестно описана Вами розовая комната, три московские девочки, пославшие Брюсову нравоучительное письмо, разрезанное на три части его стихотворение, весь его роман с чахоточной Павловской, чудаковатый В.И. Танеев.

Похоже, что Вам неизвестно, что в прошлом году вышла толстенная книга «В.И. Танеев. Детство, юность, мысли о будущем». Изд. Академии наук CCCP^{**} .

^{*} К этому письму С.Н. Мотовиловой К. Чуковский приложил следующее ходатайство: «Дорогой Абрам Маркович,

Не можете ли Вы устроить на съезд, хотя бы в качестве переводчицы, Софью Николаевну Мотовилову, которая по своим литературным квалификациям имеет больше прав присутствовать на съезде, чем многие из патентованных писателей.

К. Чуковский».

Приписка С.Н. Мотовиловой: «письмо Эфросу обо мне 16.VIII.1934»

Речь о книге: Танеев В.И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959.

Отдельно напечатаны его воспоминания о Щедрине и готовятся к печати воспоминания о Слепцове * . Это был талантливый человек. Его «Детство, юность» чудесно написаны, но крутой самодур и деспот. Ваши страницы вполне точно дорисовывают его облик. Других воспоминаний еще не читал. Прочту на досуге. Это же письмо пишу для того, чтобы уведомить, что воспоминания я получил.

И еще Вы должны знать, что с некоторого времени издательства и журналы не вправе печатать интимные подробности из жизни знаменитых людей. Поэтому из книги о Чехове, выпущенной «Литературным наследством», исключена огромная статья о его отношениях к Лике Мизиновой, моя книжка о Некрасове и Авдотье Панаевой не рекомендуется для повторения и т.д., и т.д., и т.д..*

Поэтому будьте готовы к тому, что хлопоты мои о напечатании Ваших записок могут (по крайней мере, на первых порах) оказаться безрезультатными. Или вернее увенчаться немедленным успехом.

Ваш Чуковский

У меня уже 4 правнука. А у Вас?

18.X.60

Написав это письмо, я не утерпел и прочитал «Черткова»***. Это дьявольски хорошо! Так богато красками, мыслями, характерами, чертами эпохи, так умно и талантливо; но почему, почему Вы не прислали этого шедевра 3 месяца назад? Тогда все журналы запасались материалами, а сейчас уже все книжки — и ноябрьская, и декабрьская — переполнены Толстым до отвращения. Остается «Литературное наследство», толстый том которого выйдет с запозданием. Этот том уже сверстан, но я одновременно с этим пишу письмо редактору тома Сергею Александровичу Макашину****, и может быть, он найдет место для этих чудесных страниц.

Черткова я запомнил точно таким, как Вы изображаете его. Он жил в Телятниках – принуждал себя к показному демократизму. Не забуду его немытых горшков с недоваренной гречневой кашей без масла!

К.Ч.

17

(получено 6 ноября 1960 г.)*****

Дорогая Софья Николаевна,

Прочитал все Ваши рукописи. Все талантливо, все интересно. Особенно хороши они будут в книге, т.к. все они перекликаются между собой и дополняют друг друга.

Не зная, что у Вас были длительные переговоры с Макашиным, я первым долгом отправился к Сергею Александровичу. Он только что перенес операцию, загружен работой сверх меры («Лев Толстой», два тома), Лит<ературное> Наследство, собрание сочинений Щедрина-Салтыкова, 3-ий том биографии Щедрина.

– Могу Вас обрадовать, – говорю я ему. – У меня есть для вашего толстовского тома чудесные воспоминания о Толстом и Черткове Мотовиловой.

^{*} Воспоминания Танеева о Слепцове см.: Танеев В.И. Слепцов. 1865—1876. Публикация и примеч. Л.А. Евстигнеевой // Лит. Наследство, т. 71. М., 1963.

^{**} Литературное наследство. Т. 68. Чехов. М., 1960.

Чуковский К. Жена поэта (Авдотья Яковлевна Панаева). Пб., Эпоха. 1922.

^{***} Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936), публицист, близкий друг Л.Н. Толстого, организатор издва «Посредник», редактор Полного собрания сочинений Л.Н.Толстого.

^{*****} С.А. Макашин (1906–1989), литературовед, один из основателей и редакторов «Литературного Наследства».

Приписка С.Н. Мотовиловой.

— Они у меня есть, сказал он, — но напечатать их я не могу. Гольденвейзер и Гусев обратились в высшие инстанции и добились того, что Чертковская концепция последних лет жизни Толстого восторжествовала, и Чертков теперь persona grata.*

О Брюсове, который у него тоже есть, он сказал, что надеется его поместить в сборный том, который отложен на неопределенное время.

После переговоров с С.А. Макашиным сделал попытку поместить Ваш материал в «Октябре». Оказалось, толстовский номер у них заполнен и в новом они не нуждаются.

Я прочитал Вашу встречу с Толстым представителю «Огонька», который приехал ко мне за материалом о Толстом. Он сказал, что у них есть воспоминания Булгакова ** и еще чьито (он сказал три фамилии). И все же мы взяли Мотовилову, но «здесь больше видишь ее, чем Толстого». Есть у меня кое-какие надежды на журнал «Работница», «Сов<етская> Женщина», но сбудутся ли они — не знаю.

Сейчас в Гослите готовится сборник «Памяти Короленко», не хотите ли Вы, чтобы я предложил им Вашу статью о Короленко? Сообщите возможно скорее.

Воспоминания Ваши хороши, но Вы человек злой — вернее, злого ума. Из моих отношений к Вам Вы запомнили только смешное: что я предложил Вам быть машинисткой. Это не значит, что я не ценил Вашей талантливости. Это значило, что я всей душой хотел помочь Вам устроиться в Питере, на первых порах не пренебрегая канцелярским трудом.

Вставка в статью Прахова сделана не Зильберштейном, а цензурой. Зильберштейн после того, как он написал большую книгу о братьях Бестужевых и проредактировал 60 томов «Лит<ературного> Наследства», заслуживает глубокого уважения. В моей книге «Люди и книги» (2-ое изд.), в статье «От дилетантизма к науке» я воздал ему заслуженную похвалу. Он уже не тот Зильберштейн, каким мы знали его.

О Вашей злобе я говорю не в порицание. Танеев тоже был очень злым человеком, человеком злого ума, но меня чарует его яркая талантливость. Вы чудесно рассказали о нем. Пожалуйста, сообщите, можно ли отдать Вашего Короленко в Короленковский сборник?

Ваш К. Чуковский

18

(на штемпеле Москвы 30.XII.60, на штемпеле Киева – 3.I.61.) ***

Дорогая, милая Софья Николаевна!

Хотя нам с Вами вместе 160 лет, я уверен, что Вы, как и я, радуетесь Новому году и ждете от него всяких радостей. От души приветствую Вас. Не сердитесь, что я не отозвался на Ваше последнее письмо: то хворал, то замотался с детьми, внуками, книгами. Начал писать Вам большой ответ, что-то оторвало, закончу письмо в 1961 г.

Ваш К. Чуковский

19

29 января 1961

Дорогая Софья Николаевна,

Я всегда жалел Сергея Николаевича [Сергеева-Ценского]. Он смолоду был самовлюбленный. А мне жалко эгоистов, как жалко слепых и нищих.

^{*} Александр Борисович Гольденвейзер (1875—1961), пианист и композитор, директор Московской консерватории, автор воспоминаний «Вблизи Толстого» (1959).

Николай Николаевич Гусев (1882–1967), литературовед, личный секретарь Л.Н.Толстого в 1907–1909 годы, директор музея Толстого в Москве, составитель фундаментальной «Летописи жизни и творчества Л.Н. Толстого» (1958, 1960).

^{**} Валентин Федорович Булгаков (1886–1966), писатель, мемуарист, научный сотрудник дома-музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, личный секретарь Л.Н. Толстого в последний год его жизни. Этому году посвящен неоднократно издаваемый дневник В.Ф. Булгакова.

Надпись С.Н. Мотовиловой.

Он, бедняга, написал однажды воспоминания о Репине, и там все страницы посвятил исключительно себе, а Репина почти не заметил.

Что он говорил Репину, изложил очень подробно, а что Репин говорил ему (если это были не комплименты) он совершенно забыл.

Однажды я сидел в Гослите и слышу из-за двери кто-то кричит директору:

– Все думали, что существует пословица: «На тебе, боже, что нам не гоже». А я доказал, что надо говорить: «На тебе, небоже...» – т.е. на тебе, «бедняк». Никто этого не знал, а я...

По этому «а я» я узнал Ценского. В первую минуту мне хотелось войти к директору и сказать, что «небоже» «открыто» Далем в его знаменитом предисловии к «Пословицам», и Ценский здесь ни при чем. Но вошел и пожалел его. К тому же он в это время говорил: – «Ваш Толстой – дутая знаменитость, а я…»

Этот эгоцентризм сочетался в нем с махровым невежеством, стоит прочитать его повесть о Лермонтове, его «Гоголь уходит в ночь», чтобы понять, как низок был его культурный уровень. Но талант у него был большой и несомненный. «Печаль полей», некоторые рассказы — первоклассная русская проза. Когда он жил у меня в Финляндии, он брал с собой толстую тетрадь и простой карандаш, уходил в лес, садился на пенек и писал целый день, писал вдохновенно и радостно — и приходил уже в сумерки, когда коровы возвращались с поля. Я очень любил его в эти часы.

Были такие счастливые времена, когда он в два-три дня исписывал всю тетрадь почти без помарок. И как великолепно он читал свои вещи!

И было странно, что этот подлинный талант, только что переживший такой высокий подъем, вдруг превращается в вульгарного прапора, который, уходя из дома, непременно острил:

Ухо жуя Ухожу я,

и вместо «до свидания» говорил «досвишвеция».

Я любил его нежно, мне была дорога музыкальность его дарования, симфоничность его искусства. И потому так велико было разочарование во всех его последних вещах. Эта «Севастопольская эстрада» есть вещь графоманская, как и все прочие опусы этого рода. Вообще из поэта он превратился в самодовольного борзописца, способного в разговоре только восхвалять себя и запугивать собеседников своим величием. Это было раньше всего неинтересно. У меня сохранилось около 20 или 25 его писем, но я давно не перечитывал их. Все нет времени. Сейчас пишу о Куприне, в жену которого (кстати сказать) Ц<енский> был дикарски влюблен.

Черткова я знал лично – именно таким, как Вы его описываете.

Целую Вашу руку, желаю радостей и светлого настроения. Что Вы все поминаете свои 80 лет. Мне тоже 80 – но я не хвастаю.

Ваш К. Чуковский

Присылайте о С.Н. Ц<енском>

Подготовка текста и публикация М. Петровского Вступительная заметка Ю. Веретенниковой

Художественно-публицистический альманах «Егупец», №18, январь 2013 г., с. 165-190 (ссылка в Интернете — ua.judaicacenter.kiev.ua/almanaj_egupets_18/)***

^{*} Сергеев-Ценский С.Н. Мишель Лермонтов. Роман. В 3-х ч. Рис. Т. Мавриной. М., 1933.

Сергеев-Ценский С.Н. Гоголь уходит в ночь. Повесть. Грав. на дереве Н. Дмитриевского. М., 1934.

^{**} Имеется в виду исторический роман С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» (1937—1939, Государственная премия СССР, 1941).

^{***} Приведем реакцию А.Е. Парниса от 21 декабря 2013 г. на сию публикацию, случайно обнаруженную в Интернете комментатором сего Приложения, который следом послал недоуменное письмо Александру Ефимовичу – почему, мол, не сообщили мне:

Мотовилова Прасковья Федосеевна, урожд. Ахматова (? – 1835). Жена Е.Н. Мотовилова. Происходила из симбирского рода Ахматовых, которые вели родословную от последнего золотоордынского хана Ахмата, потомка Чингисхана. Правда, так гласило семейное предание, пока не подтвержденное историческими документами.

Является прабабушкой А.А. Горенко (поэт. псевдоним — Анна Ахматова) и бабушкой С.И. Классон (урожд. Мотовиловой).

В 1992 г. В.А. Черных опубликовал серьезное исследование («Родословная Анны Андреевны Ахматовой») по четырем прадедам и четырем же прабабкам поэтессы Анны Ахматовой и установил следующее:

В действительности Прасковья Федосеевна Ахматова была, конечно, не татарской княжной, а русской дворянкой. Ахматовы — старинный дворянский род, происходивший, наверное, от служилых татар, но давным-давно обрусевший. Еще в Казанском походе Ивана Грозного участвовал Кирилл Васильевич Ахматов; двое Ахматовых были стольниками при Петре I.

Прямые предки Прасковьи Федосеевны были внесены в 6-ю (самую древнюю) часть родословной книги дворян Симбирской губернии и вели свой род от Степана Даниловича Ахматова, верстанного в конце XVII века по городу Алатырю. Никаких данных о происхождении рода Ахматовых от хана Ахмата или вообще от ханского рода Чингизидов не имеется. Княжеского титула Ахматовы никогда не носили.

И все-таки сохранившееся в памяти Анны Ахматовой семейное предание, возможно, имеет какие-то реальные основания. Дело в том, что мать Прасковьи Федосеевны — Анна Яковлевна до замужества носила фамилию Чегодаева и, по всей вероятности, происходила из рода татарских князей Чегодаевых. Разумеется, невозможно доказать происхождение князей Чегодаевых (Чагатаевых), впервые упоминаемых в XVI веке, от сына Чингизхана Чагатая (Джагатая), умершего в 1242 году.

Однако, скорее всего, именно эти, нуждающиеся еще в тщательной проверке генеалогические данные могли послужить основой для легенды о родстве предков Ахматовой с потомками ханов Золотой Орды.

Окончание примечания

Уважаемый Михаил Иванович! Напрасны Ваши претензии ко мне. Я тоже вижу в первый раз эту публикацию. Ю. Веретенникову я никогда в глаза не видел. А Мирон Петровский — мой бывший друг, с которым я много лет назад прекратил отношения. Лет 30 назад я дал [ему] эти письма Чуковского к С.Н. Мотовиловой. Года три назад он мне позвонил и спросил разрешения опубликовать эти письма. Он застал меня врасплох, я был в очень плохом состоянии и, к большому сожалению, дал разрешение на публикацию писем. Я очень жалею об этом. Публикация получилась бездарной и беспомощной. Я бы сделал это намного интереснее. Они не только не сообщили мне о публикации, но и не прислали журнала. Какая пошлость назвать С.Н., которую они не знали, «образованнейшим [библиотечным] работником».

От себя добавим – автор вступительной статьи киевлянка Ю. Веретенникова не видит разницы между «симбирским» и «сибирским» помещиком!!!

Мягков Константин Ефимович (ок. 1894 — ок. 1940). Инженер, с 1922-го работал в Гидроторфе.

Сконструировал, в т.ч., так называемые «формующие гусеницы», правда, уже после смерти Р.Э. Классона, и тем самым механизировал такую трудоемкую ручную операцию как «цапковку» гидроторфа, разлитого на полях сушки.

Из 2-й книги «Гидроторф», 1927 г.:

Вторым вариантом механизации формовки торфа на полях сушки является предложенная инж. К.Е. Мягковым формовка при помощи гусениц с высокими (150 мм) и тонкими (около 50 мм) шпалами, отстоящими друг от друга на толщину кирпича (около 100 мм). Опыт формовки торфа такими шпалами проделан был при помощи трактора [французской фирмы] Пежо, на металлические шпалы которого были привернуты высокие деревянные бруски, длиною 500 мм. Оказалось, что формовка кирпичей таким способом производится вполне надежно, кирпич не застревает и трактор выполняет эту работу без затруднения.

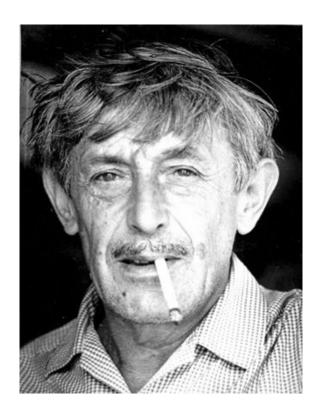
К.Е. Мягков (крайний слева) с коллегами по Гидроторфу, фрагмент коллективного фото

Какое значение придавал Роберт Эдуардович этому делу, говорит его следующий циркуляр по Гидроторфу за август 1924-го (казалось бы, сугубо технический, но речь на самом деле идет о выживании организации «под большевиками»):

Сушка гидроторфа все еще обходится дороже сушки машинно-формованного, и все усилия в настоящее время должны быть обращены на то, чтобы выработать дешевый способ формования кирпичей высоких и отделенных друг от друга воздушным промежутком. Только при этом условии возможно сокращение операций по сушке, производимых торфяницами, и при достижении такой формовки гидроторф станет сразу значительно дешевле и окончательно побьет конкуренцию машинноформовочному торфу в глазах всех.

Для того, чтобы не идти по ложному пути, я резюмирую итоги нашей работы по применению формовочных автомобилей. <...> Я прошу всех инженеров Гидроторфа подумать над этим вопросом, т.к. в тот день, когда разрешится вопрос о применении автомобиля формования и можно будет получать отдельные кирпичи, со всех сторон обдуваемые воздухом, задача Гидроторфа в области полей сушки будет разрешена. И такой автомобиль нам необходимо построить к 1925-му году.

Некрасов Виктор Платонович (1911 — 1987). Сын Платона Федосеевича и Зинаиды Николаевны (урожд. Мотовиловой) Некрасовых. Известный советский писатель (Сталинская премия II степени за повесть «В окопах Сталинграда», 1947 г.). Родился в Киеве, но раннее детство провел вместе с матерью в Лозанне и Париже. В 1915 г. переехал вместе с матерью и бабушкой в Киев. В 1929 г. не прошел в Художественный институт, устроился стажером и затем техником на строительство нового киевского вокзала.

В 1930 г. поступил на архитектурный факультет киевского Строительного института (закончил в 1936 г.), в 1933 г. посещал литературную студию при Союзе писателей Украины, в том же году поступил в театральную студию при киевском Театре русской драмы им. Леси Украинки. За проект Киевского вокзала получил четверку, а за роль Хлестакова – пятерку.

В 1937 г., по окончании студии, пытался поступить в МХТ, а затем в студию К.С. Алексеева-Станиславского при МХТ, но неудачно. Был исключен из труппы Театра русской драмы. Поступил в Железнодорожный передвижной театр, который колесил по Винницкой обл. В 1938 г. опять поехал в Москву, на просмотр у К.С. Алексеева-Станиславского. Осенью этого года мэтр умер, и В.П. Некрасов в его студию так и не попал. Работал в театрах Владивостока, Кирова и Ростова-на-Дону. В августе 1941 г. был призван в армию. Войну окончил в 1944 г. после второго тяжелого ранения под Люблином (Польша) в звании капитана и в должности заместителя командира 88-го отдельного саперного батальона по строевой части 79-й гвардейской стрелковой дивизии.

В 1974-м был вынужден эмигрировать из-за «идеологических разногласий» с советской властью. Обосновался с женой Галиной Викторовной Базий и пасынком Виктором Кондыревым в Париже, где работал заместителем главного редактора журнала «Континент», регулярно выступал на радио «Свобода». После нелестного комментария в одной из радиопередач о трилогии Л.И. Брежнева — «Малая земля», «Возрождение», «Целина» (подготовленной «литературными неграми» и изданной в 1978 г.) был лишен советского гражданства. Написал несколько эмигрантских откровенных повестей и очерков.

Умер в Париже, похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Об этой противоречивой личности и выдающемся писателе еще предстоит создать полноценную и объективную биографию. Тетка В.П. Некрасова С.Н. Мотовилова оставила массу зарисовок о племяннике (см. очерк «Виктор Некрасов в разных измерениях»).

А вот психологическая зарисовка из повести Анатолия Гладилина «Меня убил скотина Пелл» (Андрей Говоров – alter ego автора):

Вика всегда удивлял Говорова полной свободой своего поведения. Казалось, в характере Вики вообще отсутствует понятие «должен», которое давило на Говорова и определяло его поступки. Вика делал то, что хотел (и писал много, легко, не мучаясь), встречался с теми, с кем хотел встречаться (для него не существовало обязаловки: мол, иначе люди обидятся. Обидятся — черт с ними!) Весь ритуал ответных визитов, ответных звонков, необходимых присутствий Вика откровенно презирал. И ему не только прощали то, что никогда бы не простили другим, его все, за исключением активных подонков с больным самолюбием, любили. Видимо, люди чувствовали, что в тот момент, когда Вика с ними, это не вежливость, не отбывание номера, нет, они ему действительно интересны.

Некрасова Зинаида Николаевна, урожд. Мотовилова (1879 — 1970). Старшая дочь Николая Ивановича и Алины Антоновны (урожд. фон Эрн) Мотовиловых.

Ее рождение потребовалось подтвердить через 22 года следующим документом (на него впоследствии была наклеена гербовая марка «Canton de Vaud», погашенная печатью «Etat Civil. Lausanne»):

По Указу Его Императорского Величества, из Симбирской Духовной Консистории, вследствие прошения вдовы дворянина Алины Антоновны Мотовиловой на основании 1048 ст. ІХ т. свод. зак. (изд. 1876 года), выдано сие свидетельство ей, Мотовиловой, в том, что в метрической книге Христорождественской церкви села Цыльны, Симбирского уезда за тысяча восемьсот семьдесят девятый год, в Августе месяце под № 38-м значится: села Цыльны землевладелец — дворянин Николай Иванович Мотовилов, православный, и законная жена его Алина Антоновна, лютеранского исповедания; у них дочь Зинаида родилась 11 июня, а крещена 15 числа Августа. Восприемниками были: села Цыльны помещик — корнет Иван Егорович Мотовилов и дочь его София Ивановна Мотовилова. Причитающийся гербовый сбор уплачен Мая 21 дня 1891 года. Член Консистории Протоирей такой-то (здесь и ниже — ф. 786 отдела рукописей РГБ).

В молодости, «в русском костюме»

В том же месяце З.Н. Мотовиловой потребовалось, по какой-то надобности (но не для поступления в Лозаннский университет), подтвердить и свое дворянское происхождение:

По Указу Его Императорского Величества, из Симбирского Депутатского Собрания, выдано настоящее свидетельство дочери дворянина Николая Ивановича Мотовилова девице Зинаиде в том, что она по представленным о дворянском достоинстве доказательствам и по состоявшемуся в сем Собрании 23 Мая сего 1891 года определению внесена в шестую часть дворянской родословной книги Симбирской утвержденному губернии, роду отца ee, в дворянском достоинстве Правительствующим Сенатом, о чем дано было знать указом от 16 Сентября 1854 года за № 7789-м, что и удостоверяется надлежащим подписом с приложением казенной печати. Г. Симбирск Мая 24 дня 1891 года. Губернский Предводитель Дворянства, Двора Его Императорского Величества Камергер Кн. Оболенский.

В 1899 г. З.Н. Мотовилова познакомилась у сестры Софьи Николаевны в Лейпциге, когда приезжала к ней из Швейцарии на рождественские каникулы, с Платоном Федосеевичем Некрасовым (1878-1917), из Сибири, ставшим впоследствии банковским служащим.

В 1901 г. вышла за него замуж (венчались в Русской Православной церкви в Женеве).

В старости, с сыном Виктором

Согласно выписи:

В метрической книге Крестовоздвиженской православной русской церкви в г. Женеве, что в Швейцарии, за 1901-й год, значится, <...> что сего тысяча девятьсот первого года Мая месяца двадцать пятого дня протоиереем означенной церкви Николаем Апраксиным с псаломщиком Евгением Швидченко повенчаны были: потомственный почетный гражданин из г. Петропавловска Акмолинской области Платон Феодосиевич Некрасов, 24 лет, первым браком, и дворянка из Симбирской губернии — девица Зинаида Николаевна Мотовилова, 21 года, оба православного вероисповедания. Поручителями были: по женихе дворянин Владимир Валерианович Рюмин, а по невесте сын надворного советника Петр Павлович Брюханов (копия за 1 сентября 1901 г., заверенная подписью и печатью нотариуса Константина Геркулесова в Петропавловске).

Зинаида Николаевна родила сыновей Николая (1902) и Виктора (1911). В 1906 г. закончила медицинский факультет Лозаннского университета. В 1908 г. подтвердила свой зарубежный диплом в медицинской испытательной комиссии при Императорском Харьковском Университете и была удостоена звания «лекарь». В 1914-15 гг. работала в парижской больнице, превратившейся с началом Первой мировой войны в военный госпиталь. С 1915-го года — в Киеве.

Всю жизнь трудилась врачом широкой квалификации (хирург, участковый терапевт, врач вокзального медпункта, фтизиатр дорожной больницы и т.д.). Умерла в Киеве, похоронена на Байковом кладбище. Сын Виктор в своих литературных трудах, прежде всего в очерке «Мама», оставил много теплых воспоминаний о матери.

Николаев Иван Вячеславович (1872 – 1939). Теплотехник-практик. С 1895-го работал на Георгиевской станции «Общества 1886 г.», с 1896-го — на Раушской. С 1900-го — помощник мастера, с 1906-го — мастер котельной. В 1931-37 гг. получил квалификацию инженера узкой специальности и занял должность старшего инженера технического отдела правления МОГЭС. Преподавал в ФЗУ и на курсах повышения квалификации. В 1937-м стал персональным пенсионером. На вечере памяти Р.Э. Классона в феврале 1926-го весьма тепло вспоминал о покойном.

Ногин Виктор Павлович (1878—1924), российский профессиональный революционер, советский партийно-государственный деятель; философ-марксист.

Родился в семье приказчика Павла Васильевича (отец служил таковым у богатого фабриканта Викулы Морозова, пока его не хватил удар на правую сторону тела и он не умер в 1896 г.) и Варвары Ивановны Ногиных, у Виктора был брат Павел на 3 года его старше, в 1892-м окончил 4-классное училище в Калязине Тверской губернии. С 1893 г., в 15 лет, рабочий на Богородско-Глуховской текстильной мануфактуре в Богородске Московской губернии. В 1896 г. переехал в С.-Петербург, где поступил подмастерьем на фабрику Паля. Вскоре стал посещать марксистские кружки. В 1897 г. он был одним из руководителей забастовок на фабрике Паля, а в 1898-м на Семенниковском заводе.

В 1898 г. вступил в Санкт-Петербургскую социал-демократическую группу «Рабочее знамя», в декабре того же года Виктор был впервые арестован и выслан в Полтаву. Будучи в Полтаве вступил в 1900-м в группу содействия «Искре». В августе 1900 г. эмигрировал в Лондон, присоединился к ленинской группе. Сначала переписывался с жившим тогда в Швейцарии Владимиром Ульяновым (Лениным), а затем встречался с ним в Мюнхене, где находилась редакция «Искры» и печаталась газета. В 1901 г. Виктор Ногин и другой лондонский эмигрант Сергей Андропов одними из первых стали агентами «Искры».

Царская агентура, однако, следила за их деятельностью. 12 марта 1901 г. директор Департамента полиции Сергей Зволянский подписал директиву: «Ввиду полученных указаний, что разыскиваемый... дворянин Сергей Васильев Андропов предполагает прибыть из-за границы в Россию по чужому паспорту, Департамент полиции считает полезным разослать вместе с сим фотографические карточки, в двух видах, названного Андропова». Но Ногин и Андропов только к началу июля 1901 г. появились в Мюнхене (в законспирированном искровском центре) для получения перед отъездом в Россию последних инструкций. Был выбран район действия — Одесса. Решен вопрос о маршруте проникновения в Россию. С этой целью Андропов и Ногин отправились в Берлин. Через искровскую группу содействия и связанных с нею контрабандистов революционеры оказались в Вильно у их старого товарища по «Рабочему знамени» Сергея Цедербаума (Якова).

Здесь планы Андропова и Ногина резко изменились. Трое революционеров решили более важным ехать не в Одессу, а в Санкт-Петербург, где дела «Искры» были не блестящи. Там они решили основать искровскую районную газету. Это было полное непонимание главного плана редакции «Искры» — покончить с кустарничеством и сплотить местные организации вокруг центрального печатного органа.

До согласования этого решения с редакцией Ногин и Андропов разъехались — Виктор поехал в Москву к матери и брату. 20 июля 1901 г. Зволянский подписал телеграмму в Московское охранное отделение к Зубатову: «По достоверным указаниям Андропов и Новоселов выехали из-за границы в Россию... Должны теперь находиться в Москве. Примите тщательные меры к выяснению и учредите неотступное секретное наблюдение, сопровождая при выездах. Жду уведомления. Директор Зволянский».

Полиция не скоро узнала, что упомянутый Новоселов есть рабочий Виктор Ногин. Однако в Москве след искровца обнаружен не был. А Виктор был там и терпеливо ждал ответа редакции.

Наконец в середине августа 1901 г. Ногин получил письмо «Кати» (Надежды Крупской): «Мы ничего не имеем против того, чтобы вы и Брусков ехали в Питер. Питер для нас очень важен, и у нас там совсем нет своих людей. Только как для вас Питер в смысле безопасности? В Одессу поедет теперь свой человек... Главным образом против чего мы возражаем... — это против устройства массовой газеты (не литературы, а именно газеты)... Доставка литературы вам будет обеспечена...».

Виктор Ногин отправился в Санкт-Петербург. Предварительно он написал письмо в Бирск Андропову (Брускову), проинформировав товарища о событиях. Переписка Москвы и глухого уральского городка не проходит мимо жандармов. 21 августа Зволянский попросил выяснить Уфимское ГЖУ, не находится ли разыскиваемый Андропов у его сестры, на имя которой идут конспиративные письма. И уже 26 августа тот был арестован на пристани Казани.

Ногин приехал в Санкт-Петербург 2 сентября. 2 октября 1901 г. вечером прямо на улице Петербургской стороны искровский агент был арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости (по 29 августа 1902 г.). Только тогда жандармы дознались, что Яблочков, Новоселов и Ногин — одно и то же лицо. С 30 августа 1902 г. по 13 апреля 1903 г. отбывал ссылку в Назарове (центре Назаровской волости Ачинского уезда Енисейской губернии).

Редакция И организация «Искры» вела работу ПО объединению русской Весной 1903 революционной социал-демократии. Γ. Ногин стал агентом Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. Съезд состоялся летом в Брюсселе. Ногин присоединился к большевикам. Весной 1907 г. был делегатом V съезда РСДРП в Лондоне от московской организации. На этом съезде он был избран в члены ЦК. С 1910 г. член Русского бюро ЦК. 8 арестов, 6 побегов, 6 лет провел в тюрьмах. В 1912-1914 гг. находился в ссылке в Верхоянске. В Верхоянск он прибыл 12 июля 1912 г. Там В.П. Ногин написал книгу воспоминаний «В стране полярного холода» (вышла в 1919 г. под названием «На полюсе холода»).

С началом Первой мировой войны ведет пораженческую пропаганду в Саратове, а с 1916 г. – в Московской губернии. Служил в Земгоре. После февральских событий 1917 г., получив возможность продолжать свое дело уже легально, выезжает на фронт, призывая солдат обратить штыки против правительства. В апреле 1917 г. на конференции РСДРП(б) вместе с Каменевым и Рыковым выступил против «апрельских тезисов» Ленина. В 1917-м был председателем Моссовета.

В августе 1917 г. вошел во Временный комитет по борьбе с контрреволюцией «для организации отпора корниловским заговорщикам». 17 сентября избран первым большевистским председателем Московского Совета рабочих депутатов. Занимал должность до 14 ноября, когда произошло объединение Совета рабочих депутатов с Советом солдатских депутатов в Московский совет рабочих и солдатских депутатов, ставший высшим органом власти в Москве. На состоявшемся в Петербурге 4-22 сентября 1917 г. Всероссийском демократическом совещании высказался за участие большевиков в Предпарламенте.

Во время Октябрьской революции руководил московским ВРК. Под его руководством большевики победили в Москве. Нарком по делам торговли и промышленности в первом Совете Народных Комиссаров. 4 ноября совместно с Каменевым, Зиновьевым и Рыковым Ногин подписал заявление во ВЦИК, в котором говорилось о необходимости «образования социалистического правительства из всех советских партий... вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров... Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя перед ЦИК звание народных комиссаров».

В тот же день Ногин подписал и заявление в ЦК РСДРП(б), где было сказано, что решимость ЦК не допустить образования коалиционного социалистического правительства является гибельной политикой, проводимой «вопреки громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии... Мы уходим из ЦК в момент победы... потому, что не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведет к потере рабочей партией плодов этой победы». Однако Ногин через три недели «признал ошибки» и продолжил работать на руководящих должностях, но уже более низкого уровня. С 1918-го заместитель наркома труда, член Президиума ВСНХ. В 1921-м председатель Всероссийского союза работников кооперации. В 1922-24 гг. председатель правления Всероссийского текстильного синдиката.

Делегат 7-12-го съездов партии; на 9-м съезде избран кандидатом в член ЦК РКП(б), на 10-м съезде — член Центральной ревизионной комиссии, в 1921-24 гг. председатель Центральной ревизионной комиссии РКП(б). С 1921-го член Международного бюро Профинтерна. Похоронен на Красной площади в Москве.

Жена — саратовская мещанка Ольга Павловна Ермакова (1885 г.р.), дети — Владимир (1912 г.р.) и Ольга (1915 г.р.). В 1920 г. семья проживала в Кремле (Потешный дворец, кв. 14).

Кроме воспоминаний «На полюсе холода» был опубликован очерк В. Ногина «Фабрика Паля» в «Рабочей мысли», №6 за 1899 г. (повторно – Ленинград, 1924).

Коммунист Ногин (Архивная справка)

Скончавшийся коммунист, Виктор Павлович Ногин, был известен среди подпольного мира не столько своими талантами, сколько бесчисленными побегами из тюрем и ссылки. В этом отношении он был и остается непревзойденным бегуном, т.к. действительно побил все политические и даже уголовные рекорды.

– Первый рысак и в своем роде «Крепыш» российского подполья!

Впервые Ногин был арестован по делу «Рабочего Знамени» и был сослан под надзор полиции в Полтавскую губ. Бежал в Англию.

Вернувшись в Россию, был вторично арестован, как член организации «Искра», и выслан в Енисейскую губ. Бежал в Женеву.

Из Женевы возвратился в качестве «нелегального» и был арестован на конференции профессиональных организаций и посажен в тюрьму на 3 года с воспрещением [по отбытии наказания] жительства в Москве и Московской губ. Несмотря, однако, на запрет Ногин все-таки приехал в Москву под чужой фамилией, был арестован и сослан на 4 года на север Тобольской губ.

Из Тобольска бежал в Европейскую Россию, жил под фамилией Шидловского, был вновь выслан в распоряжение тобольского губернатора. Высылка состоялась весною, а осенью Ногин опять бежал в [Европейскую] Россию и организовал т.н. «семерку» (русскую коллегию ЦК [РСДРП]). Через 4 мес. он, однако, снова был арестован, уже под фамилией Атясова, и снова бежал.

Эта удивительная способность покойного Ногина вызвала изумление даже среди жандармов и снискала ему репутацию [конского скакуна] «Крепыша». Всю жизнь бегал и основал «семерку» — в этом, в сущности, и вся биография скончавшегося коммуниста. «Руль» (Берлин), 4 июня 1924 г.

Что касается деловых качеств В.П. Ногина, которыми так восхищалась С.Н. Мотовилова, то приведем фрагмент из воспоминания Г.А. Соломона:

Перед Новым [1920-м] Годом все ведомства, в силу закона о монополии торговли, представили в Наркомвнешторг свои требования на заграничные товары. Эти сметы поражали своими чисто астрономическими суммами (напоминаю об обесценении рубля). Требования были обширны и, в виду блокады, представляли собою лишь академический интерес — контрабанда, конечно, не могла их удовлетворить. Происходили совещания с представителями заинтересованных ведомств, проверялись списки необходимых товаров. По тому времени это была совершенно бесполезная работа. Но, просматривая эти списки, я случайно заинтересовался тем, что военное ведомство требовало на какие-то колоссальные, даже по тому времени, суммы лент для пишущих машин и вставочек для перьев. Совершенно случайно я встретился с одним инженером, который сказал мне, что машинные ленты он может изготовить в нужном для всей России количестве домашними средствами, а также и вставочки для перьев.

Через несколько времени он доставил мне приготовленный им образец ленты и представил смету, по которой выходило, что каждая лента обойдется всего в 67 советских рублей. По тогдашним временам, эта цена казалась до смешного ничтожной, ибо в требовании военного ведомства они оценивались несравненно выше. И для производства всего необходимого количества лент требовалось всего около трехсот пудов льняной пряжи, около десяти пудов краски и еще кое-каких материалов. А вставочки он брался сделать из папье-маше, для чего ему требовалось несколько сот пудов бумажной макулатуры...

По конституции Наркомвнешторгу не представлялось права производить товары. Поэтому я заручился, если не ошибаюсь, разрешением Рыкова, как председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению армии, сделать эти опыты с лентами и вставочками. Чтобы получить необходимые материалы, я должен был обратиться в целый ряд ведомств. Все это были пресловутые «Главки» (кстати, их было свыше восьмидесяти). Так, льняную пряжу я мог получить только в ведомстве, носившем сокращенное название «Главлен». Во главе его стоял покойный Виктор Павлович Ногин, крупный партийный работник, старый революционер из рабочих.

Для получения краски я должен был обратиться в «Главкраску». Для получения бумажной макулатуры — в «Главбумагу». Нужны были еще некоторые добавочные продукты в очень небольших количествах, химические и другие, и все это было рассыпано по разным «главкам».

К первому я обратился к Ногину, по телефону изложив ему суть дела. Он сразу согласился и сказал мне, чтобы я послал моего инженера лично к нему с запиской и официальной просьбой на бланке, и все будет сделано. Разговор этот происходил в присутствии инженера. Я дал ему записку, и он тотчас же поехал. Явился он ко мне только через четыре дня...

- Ну, что, спросил я его, все устроено?
- Какой там, безнадежно махнув рукой, ответил он. Ничего не устроено.

И он поведал мне свою «льняную одиссею». Ногин принял его очень любезно и сразу же написал свою резолюцию на моей официальной просьбе «исполнить», передал ее своему помощнику, которого тут же вызвал и на словах прибавил: «Сделайте это без задержек». Тот увел инженера к себе. Долго расспрашивал, в чем дело?.. Опять полное сочувствие и направление к следующему по нисходящей иерархии лицу... Там та же история: длинные объяснения и полное сочувствие ... Но весь день прошел в этих хождениях по инстанциям.

– Видите, товарищ, теперь поздно, – сказал ему последний сотрудник, до которого он дошел в этот день. – Приходите завтра.

Но завтра пошли все те же мытарства, а кроме того потребовались какие-то справки, но уже обратно по восходящей лестнице иерархии. Прошел еще день. На третий та же история. Наконец, мой инженер добрался до лица, заведовавшего тем сортом пряжи, который ему был нужен. Опять длинные расспросы, для чего? Подробные объяснения. Дополнительные вопросы. Такие же новые объяснения. Опять наведение дополнительных справок.

Мой инженер выходит из себя.

– Да вот же, товарищ, – говорит он, – ведь вы имеете все резолюции на требовании Наркомвнешторга... Чего же еще?.. Вот резолюция товарища Ногина «исполнить», вот резолюции других сотрудников...

На четвертый день он добрался, наконец, до последней инстанции. Те же вопросы, объяснения, возражения, дополнительные справки по восходящей и нисходящей… Наконец, этот последний сотрудник поднял вопрос, по какому праву Наркомвнешторг требует пряжу?

Мой инженер, уже вдребезги измученный, устало объясняет. Ссылается на разрешение Рыкова. Снежный ком снова катится к Ногину. Он занят, будет свободен через два часа. Через два часа Ногин резонно говорит: «Да ведь я же написал резолюцию "исполнить". Какие же еще вопросы? Надо сделать — вот и все». Но последняя инстанция не согласна. По ее мнению нужно ткать ленты не той ширины, а в несколько раз шире, а потом в бобинах разрезать на ширину, требуемую машиной... Мой инженер возражает ему на это, что резаная лента, пройдя один раз через машину, будет замахряться и будет застревать в машине... Длинный спор. Мой инженер говорит с досадой: «Послушайте, товарищ, ведь все технические условия одобрены уже товарищем Соломоном».

– Мне, товарищ, это не указ… У меня есть свое начальство… я должен справиться у него…

Это был последний разговор, после которого инженер пришел ко мне с докладом... Я разозлился и тотчас же позвонил Ногину. Рассказал ему вкратце все перипетии.

— Что за (матерная брань). Ведь я же ясно сказал: «исполнить»... Подождите, Георгий Александрович. Я сейчас позову своего помощника и наскипидарю ему левый бок... Вы сами услышите.

Жду и через несколько мгновений снова слышу матерную ругань — это Ногин «скипидарит» своего помощника. В конце концов он мне говорит: все сделано — я ему дал «импету» [(напор, стремление)]... Посылайте вашего инженера»...

Уверенный, что теперь уже все будет сделано, советую моему инженеру начать хлопоты в «Главкраске» и в «Главбумаге» одновременно... И в течение трех недель он скакал по всем этим инстанциям, бросаясь от одной к другой... Между тем я получил официальную на бланке «Главлен» бумагу за подписью (?!) Ногина же в ответ на мою бумагу, что моя просьба не подлежит удовлетворению...

- Что это?! Виктор Павлович, смеетесь вы что ли надо мной? говорю я ему по телефону. Передаю содержание бумаги.
- Не может быть, отвечает он тоном искреннего удивления. Вы уверены, что бумага подписана мною?
 - Да как же не уверен... Вот она передо мной лежит и ясно подписано «В. Ногин»...
- Не может быть, сопровождая свои слова руганью, говорит Ногин. Это значит, что они мне подсунули... я и подписал... Эти сволочи просто не хотят, чтобы вы исполнили эту работу... Вот я их!!

Снова «скипидар», который я слышу в телефонную трубку, уверения, что теперь все в порядке, пусть мой инженер приезжает за пряжей... Снова те же мытарства... Одновременно длинная переписка с «Главбумагой», которой-де самой нужны запасы макулатуры, указанные моим инженером и пр. и пр. А между тем эта макулатура, сваленная на каком-то дворе без призора, гниет под дождем... Такие же ответы от «Главкраски»... Около двух месяцев прошло, и я так ничего и не добился...

Впрочем, нет, добился: через два месяца после начала «этого дела» мой инженер неожиданно по доносу «Главбумаги» был арестован по обвинению в намерении спекулировать с макулатурой... Пришлось хлопотать о вызволении его... Тем дело и кончилось.

И в этой вязкой тине болота «социалистического планирования» и тяжеловесной системе «хозяйственного управления» большевиков приходилось барахтаться не только В.П. Ногину, но и многим инженерам (включая и Р.Э. Классона) и чиновникам, включая и самое высшее звено (главки, а затем и тресты, ВСНХ, Госплан и т.д. и т.п.). Пока Советский Союз не проиграл капиталистической конкуренции и буржуазному строю и не окончил свое существование (вкупе с СЭВом и Варшавским договором) 1991-м.

Палуев Константин Константинович (1894-1958). Сын стенографистки «Электрической Силы» в Баку Зинаиды Антоновны Палуевой (впоследствии стенографистки 1-й Государственной Думы). Учился в Петербургском политехническом институте.

На «Электропередаче» в 1914-м назывался «температурным студентом» — Р.Э. Классон поручил ему систематически записывать и анализировать температуру циркуляционной воды в ряде точек (на градирне, первом и втором озерах и др.). Считался третьим выдающимся инженером из практикантов Р.Э. Классона. Выполнил геодезическую съемку и проект дамб третьего охлаждающего озера, участвовал в постройке линии электропередачи 70 киловольт до Москвы, в первых работах по гидроторфу.

По просьбе Ф.А. Рязанова проф. Императорского Технического училища Б.И. Угримов, который получил должность зав электроотделом Земгора, устроил К.К. Палуева в группу студентов для посылки в Америку в качестве приемщиков заказанных там для России станков и другого оборудования, по линии Земгора. В 1916-м был командирован в США, после октябрьского переворота 1917-го в России там и остался.

В США закончил свое техническое образование и стал работать в General Electric Co. главным конструктором по трансформаторам (изобрел нерезонирующий трансформатор и ряд других технических новшеств)! Инженеры МОГЭС, ездившие в 1920-х в США, встречались там с известным изобретателем Томасом Эдисоном и с К.К. Палуевым.

На сайте www.ieeeghn.org размещена такая информация о К.К. Палуеве:

Konstantin K. Paluev was born in Russia in 1894 and was educated as an engineer at the Polytechnic Institute of Peter the Great in Petrograd. He came to this country in 1916 as a representative of the Czarist government to inspect United States ammunition bound for Russia. He often declared that the Russian Revolution «set him free» in this country.

He came to the Pittsfield G.E. plant in 1919, and his contributions to the design of transformers were enormous. Paluev was responsible for the development of the «non-resonating» winding configuration in transformers. This was a way of designing windings with electrical characteristics such that they would be much less susceptible to the very high surge voltages produced by lightning strokes. He accomplished this in the 1920's, and it was the only way in which transformers were able to be designed for operation at voltages as high as the upper voltage limit at that time, which was 230-Kv.

In 1930, he played a leading role in the development of forced-oil cooling for large power transformers. This development was to be of great advantage in the design of large, high power transformers needed for various aspects of the war effort during World War II, as well as the large capacity transformers needed during the post-war period.

He was noted for his belief in the doctrine of «collective genius». This concept dealt with the ability of a group of people, in a free society, to be able to accomplish far, more than their individual talents would indicate was possible. He considered this to be the prime reason for American productivity and inventiveness. Paluev died in 1958, at the age of sixty-four, in Pittsfield General Hospital a month after having received a severe electrical shock.

В июле 1957-го в журнале *The Rotarian* вышла статья К.К. Палуева «12 уроков о США (выходец из царской России рассказывает как и почему Америка процветает)». Этот журнал, как и искомая статья (с некопируемым фото преуспевающего инженера), размещен в Интернете.

Пискунов Вячеслав Степанович (? - ?). Окончил Петербургский технологический в 1888 г., преподавал в оном институте. В июне-августе 1912 г. заведовал «Электропередачей».

Поливанов Михаил Константинович (1875-1927).

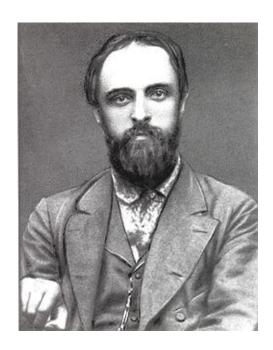
Окончил МВТУ, а затем в 1898-м — институт Монтефиоре в Бельгии. Профессор МВТУ. Руководил проектированием электростанций: в Орехове-Зуеве, Московской трамвайной и 7-ми подстанций (1902-08). Будучи управляющим городскими электрическими трамваями в 1915 г. выступал солидарно с властями Москвы за ликвидацию Общества электрического освещения 1886 года. Участник работ комиссии ГОЭЛРО в 1920-м. Вместе с Р.Э. Классоном написал доклад «Общие соображения о будущем развитии Москвы».

Литература: «Электричество», 1952, №12.

Потресов Александр Николаевич (1869 — 1934). Родился в дворянской семье (отец дослужился до генерал-майора). Окончил естественное отделение физикоматематического факультета (1887-1891) и два курса (1891-93) юридического факультета С.Петербургского университета. В начале 1890-х участвовал в работе социал-демократических кружков Петра Струве и Юлия Цедербаума-Мартова. В 1894-95-м был вхож в «марксистский салон» Р.Э. Классона на Большой Охте. В те же годы участвовал в финансировании и издании известного сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». В 1896-м стал членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», писал большинство листовок (прокламаций).

В январе 1897-го был арестован, а затем сослан в Вятскую губернию. В апреле 1900-го вернулся из ссылки и уехал в Германию. Готовил здесь к изданию газету «Искра», стал членом ее редакции. На II съезде РСДРП, проходившем в июле-августе 1903 г., проявились идейные разногласия А.Н. Потресова с В.И. Ульяновым-Лениным. В сентябре того же года А.Н. Потресов вошел в Бюро «меньшинства», став одним из организаторов и лидеров партии меньшевиков. В ноябре 1903 г. был кооптирован Плехановым в обновленную редакцию «Искры», которую покинул В.И. Ульянов-Ленин. А.Н. Потресов активно информировал европейскую социал-демократию об идейных истоках раскола РСДРП.

Октябрьский переворот 1917-го А.Н. Потресов оценил как «убийство демократии», а новую политическую ситуацию — как «социализм дураков». В сентябре 1919 г. был арестован Петроградской ЧК по обвинению в участии в «Союзе возрождения России» и «Тактическом центре».

Освобожден был в ноябре того же года благодаря вмешательству Николая Бухарина, Леонида Красина и Анатолия Луначарского, под поручительство Юлия Цедербаума-Мартова и Федора Гурвича-Дана. В начале 1925-го Политбюро ЦК РКП(б) разрешило А.Н. Потресову выехать за границу для лечения в обмен на передачу Институту Ленина имевшихся у него документов. Из-за границы он уже не вернулся. Осенью 1927 г. в Париже вышла его книга «В плену у иллюзий». Октябрьскую революцию А.Н. Потресов называл в ней реакционным переворотом, а власть большевиков полагал «деспотией олигархической клики» — нового эксплуататорского класса.

Пятницкая Лидия Ивановна, урожд. Мотовилова (1858 — ?). Дочь Ивана Егоровича и Луизы Францевны (урожд. Флориани) Мотовиловых, сестра Софьи Ивановны Мотовиловой-Классон. Окончила Смольный институт в 1874 г., т.е. одновременно с А.А. Эрн-Мотовиловой, но «с шифром», т.е. в числе 6-ти лучших выпускниц этого года.

Вышла замуж за богатого помещика Николая Федоровича Пятницкого (1859 г.р.), который впоследствии спился. По словам С.Н. Мотовиловой, «они умудрились разориться через десять лет, не выезжая из своего имения Протопопово!».

У Пятницких родились дети: Надежда (1879), Любовь (1881), Вера (~1883) и Петр (~1886). Брат же Николая Федоровича Петр застрелился из-за несчастной любви к С.И. Мотовиловой-Классон!

Из письма Н.С. Камай-Мотовиловой И.Р. Классону:

Вера Пятницкая была ровесницей Веры Мотовиловой. Надя в Югославию не уезжала, она была врачом, но сама страдала пороком сердца, работала в 1918-м в Томске в госпитале и умерла от разрыва сердца у постели раненого во время обхода. После ее смерти ее муж Божидар Иванович Еремич сел с дочерью Наточкой на пароход, чтобы вернуться на родину, но пароход этот потонул. Вера пыталась найти их следы, но безуспешно. У Вас не значится дочка Любы Пятницкой Леночка 1910 года рождения, которая умерла [во Франции] в конце 1960-х (ф. 9508 РГАЭ).

Л.И. Мотовилова-Пятницкая, вроде бы «с шифром»

«Верочка и Любочка Пятницкие» (из альбома С.И. Мотовиловой ин-фолио)

На обороте надпись: «Тете Соне от Н. Пятницкой» (из альбома С.И. Мотовиловой ин-фолио)

Радченко Иван Иванович (1874 — 1942). Сын Конотопского 2-й гильдии купца, мелкого лесопромышленника Ивана Леонтьевича Радченко и малограмотной, но сердечной Ирины Федоровны Родионовой (ведшей домашнее хозяйство и растившей 11 детей). Общее образование получил в 2-классоном городском училище. Стал профессиональным революционером по примеру своего старшего брата Степана. В 1890-98 гг. работал на лесных разработках и лесопилках.

Затем перебирается в Петербург и поступает на счетоводные курсы, а затем — табельщиком бронезакалочной мастерской Ижорского завода. В 1899 г. работает конторщиком в управлении Николаевской железной работы, в 1900 г. бросает постоянную работу и становится летучим агентом «Искры».

В ноябре 1902 г. был арестован на вокзале в Пскове. Провел 8 месяцев в Доме предварительного заключения в Петербурге (где в тюремной церкви обвенчался со своей первой женой, студенткой-медичкой Александрой Ильиничной Шишкиной, умерла от тифа в 1906 г. во время медицинской практики) и Петропавловской крепости, затем был выслан до приговора в Енисейскую губернию, а после оного — в Якутскую губернии. В августе 1905 г. бежит из ссылки и возобновляет противоправительственную деятельность.

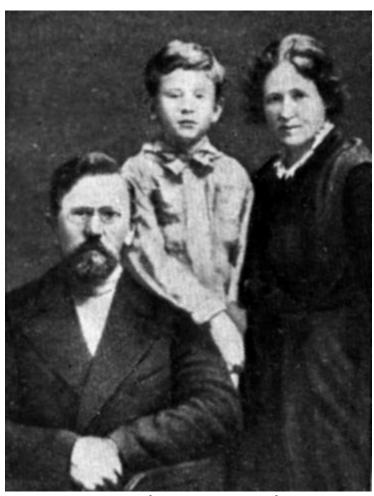
После разгрома в Петербурге подпольной типографии «Дело» скрывается в Баку, служит в местной городской управе. В 1909 г. работает конторщиком материального отдела Харьковского паровозостроительного завода, переехав в Одессу, поступает бухгалтером в правление Товарищества торгово-промышленных паев. В том же году женится на Алисе Ивановне Мейбаум, окончившей курсы Лесгафта.

В 1912 г. по рекомендации Г.М. Кржижановского поступает управляющим торфоразработками на «Электропередаче». В этом удаленном от полиции месте И.И. Радченко и Г.М. Кржижановский приняли на работу В.В. Воровского, С.Я. Аллилуева и других большевиков. В начале 1917 г. И.И. Радченко оставил «Электропередачу», поскольку после Февральской революции был избран председателем Богородского совета рабочих и крестьянских депутатов, а в апреле стал заведовать торфяным отделом Московской городской управы и организовывать торфяные разработки в Егорьевском уезде Рязанской губ. (в т.ч. Шатурское болото).

Из биохроники В.И. Ульянова-Ленина:

Декабрь, не позднее 8 (21) 1917 г.

Ленин беседует с И.И. Радченко, командированным Московским городским общественным управлением в Петроград за кредитами на организацию торфяного хозяйства; расспрашивает его о жизни и работе со времени их последней встречи в 1907 г.; убеждает Радченко как одного из немногих сторонников Советской власти среди специалистов этого дела продолжать работу по организации торфоразработок; обещает поставить на обсуждение СНК вопрос о кредитах на организацию торфоразработок в Московской губернии; направляет Радченко в Наркомторгпром к А.Г. Шляпникову и в Наркомфин к И.Э. Гуковскому.

Семья Радченко в 1910-е годы

В 1918-26 гг. И.И. Радченко руководил торфяной промышленностью РСФСР-СССР (возглавляя Главторф, Цуторф, Союзторф). В 1920-22 гг. был членом Совета Гидроторфа. С 1923-го служил заместителем председателя ВСНХ РСФСР-СССР. В 1926 г. возглавил ранее созданный по его инициативе Центральный институт торфяной промышленности (Инсторф).

Оставил воспоминания о совместной работе с Р.Э. Классоном в области добычи торфа: «Художественно красивая натура Классона органически не выносила вида человекаторфяника, как придатка к машине, прикованного к ней в своей нечеловечески тяжелой работе, и последние четырнадцать лет свой жизни он посвятил поискам и изобретению способа добычи торфа, делающего человека не рабом, а господином машины».

В августе 1937-го был арестован на посту начальника Управления по строительству и эксплуатации заводов искусственного обезвоживания торфа. Обвинялся в том, что наряду с вербовкой участников контрреволюционной организации, «проводил вредительскую работу, направленную на разрушение торфяной промышленности как путем срыва планов добычи торфа, так и путем создания диспропорции между добычей и сушкой торфа».

В феврале 1938 г. Военная коллегия Верховного суда вынесла приговор о 25-ти годах «строгой изоляции» (то бишь лагерей). Согласно официальной справке, умер 1 мая 1942 г. в Соль-Илецкой тюрьме. Впоследствии был реабилитирован.

Радченко Степан Иванович (1869 — 1911). Сын Конотопского 2-й гильдии купца, мелкого лесопромышленника Ивана Леонтьевича Радченко и малограмотной, но сердечной Ирины Федоровны Родионовой (ведшей домашнее хозяйство и растившей 11 детей). По окончании Киевского реального училища в 1887 г. поступил в Петербургский технологический институт. В 1890-м занимался в марксистском кружке Р.Э. Классона, в 1891-92 гг. — в кружке М.И. Бруснева. В 1893 г. был исключен из института за участие в беспорядках в связи с похоронами писателя Шелгунова, но затем принят обратно. Успел получить диплом инженера-технолога в 1894-м. По официальной, большевистской версии с 1893-го руководил кружком «стариков», а с конца 1895-го — уцелевшей после арестов группой «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

(Фото из книги: Карцев В. Кржижановский, М., 1985)

По данным же Департамента полиции МВД Империи (ф. 102 ГАРФ), в 1892 г. обратил на себя внимание Охранного отделения сношениями с привлеченным впоследствии к дознанию студентом Технологического института Коробко и некоторыми другими неблагонадежными лицами, вследствие чего за ним был учрежден негласный надзор полиции. В 1894 г. С.И. Радченко женился на дочери статского советника Любови Николаевне Баранской (б. слушательнице Надеждинских родовспомогательных курсов), привлекавшейся в 1891 г. к дознанию по делу об организации нелегальной почты и в ноябре 1891 — январе 1892 г. содержавшейся под стражей, а затем по высочайшему повелению подвергнутой одиночному тюремному заключению и по отбытии наказания отданной под негласный надзор полиции.

В объяснительной записке Градоначальника С.Петербурга об образовавшейся в столице новой революционной группе «социал-демократов» говорилось, что "постепенно этот кружок разрастался, и к осени 1894 г. в состав его входили студенты Технологического института Петр Запорожец, Александр Малченко, а также Степан Радченко и помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов (брат казненного государственного преступника)".

Последний кстати был арестован в декабре 1895 г. (еще до оформления названия «Союза борьбы за освобождение рабочего класса, это сделала затем уцелевшая после массовых арестов Василеостровская группа, став выпускать под таким «слоганом» прокламации), вместе со Старковым, Кржижановским, Запорожцем, Малченко, Ванеевым (интеллигенция) и рядом активных рабочих.

В 1896 г. супруги Радченко примкнули к группе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», причем Степан Радченко участвовал с главными руководителями кружка Константином Бауэром, Михаилом Сильвиным и технологом Хононом Лурье в совместном обсуждении вопросов об агитации среди рабочих. В августе 1896 г. супруги Радченко были подвергнуты обыску, а Степан Радченко и аресту (Любовь Николаевна не была арестована, т.к. в то время имела грудного ребенка). В ноябре 1896 г. С.И. Радченко был освобожден из-под стражи, с учреждением за ним особого надзора полиции.

Продолжил занятия противоправительственной деятельностью, участвовал в работе I съезда РСДРП в Минске в 1898 г. В декабре 1901 г. был арестован и в 1904-м сослан вместе с женой на 5 лет в Вологду под гласный надзор полиции. Был освобожден по амнистии 1905-го, работал страховым инженером в обществах «Саламандра» и «Надежда».

Рязанов Федор Алексеевич (1890 — 1978). Из мещан, православного вероисповедования. В 1916-м с отличием окончил Императорское Московское Техническое Училище и был удостоен звания инженер-механика.

Посему, на основании Высочайше утвержденного в 6-й день июня 1894 года Положения об Императорском Московском Техническом Училище, приобрел право на утверждение его, при поступлении в Государственную службу, на штатную должность техника в чине X-го класса. Согласно Высочайше утвержденному 5 января 1904 года мнению Государственного Совета пользуется правом производства всякого рода строительных работ и составления проектов всяких зданий и сооружений. Равным образом предоставляется занимать по Министерству Путей Сообщения должности, с коими соединено производство строительных работ, и вообще предоставляются ему, Рязанову, все права и преимущества, законами Российской Империи с званием инженер-механика соединяемые. (ф. 9592 РГАЭ)

Во время учебы Ф.А. Рязанов подрабатывал уроками, черчением, с 1912-го — практикантом на строительстве Рублевской насосной станции. Летом 1914 г. по протекции тогдашнего коммерческого директора «Электропередачи» Г.М. Кржижановского устроился на практику на монтаже Измайловской трансформаторной подстанции (где попал под напряжение 6 кВ, но остался жив! зато познакомился с А.В. Винтером и видел В.Д. Кирпичникова и Р.Э. Классона).

В 1915 г., после ввода в эксплуатацию линии электропередачи напряжением 70 кВ, принял предложение В.Д. Кирпичникова ехать на станцию «Электропередача», чтобы под его руководством проводить испытания и наладку котлов. А затем, параллельно с выполнением дипломного проекта, по приглашению В.Д. Кирпичникова стал участвовать на «Электропередаче» в опытах по механизации добычи торфа под руководством Р.Э. Классона. Однако в том же году принял предложение своего руководителя дипломного проекта проф. Б.И. Угримова, который получил должность зав электроотделом Земгора, стать его помощником на инженерной должности с окладом в 250 руб.

В 1916 г., после защиты диплома, Ф.А. Рязанов с согласия Б.И. Угримова и по предложению зав Раушской электростанцией В.Д. Кирпичникова перешел к нему работать инженером, где опять встретил Р.Э. Классона.

В 1920 г. женился на Евгении Ивановне, дочери строителя и первого заведующего Рублевской насосной станцией Ивана Михайловича Бирюкова. Е.И. Бирюкова после окончания гимназии и музыкальной школы имени Гнесиных закончила Филармонию по классу фортепьяно, считалась здесь лучшей исполнительницей произведений Шопена.

С 1916-го по 1930-й Ф.А. Рязанов работал зав техбюро (в т.ч. проектировавшим машины для Гидроторфа), зав котельной, турбинным залом, электроотделом, зав станцией, главным инженером на Раушской станции.

В 1930-м в составе группы инженеров во главе с В.Д. Кирпичниковым был обвинен во вредительстве и диверсии на 1-й МГЭС — довел запасы нефтетоплива на станции до одного дня (!), возглавлял местную диверсионную ячейку!! В итоге признался в том, что лишь не проявил достаточной настойчивости в ускорении перевода станции на уголь и не протестовал против «излишне роскошного» распредустройства напряжением 6,6 киловольта. Получил 10 лет заключения «условно» и был освобожден в 1931-м, однако в Москве ему, как бывшему «вредителю» оставаться не советовали.

Поэтому в 1931-33 гг. служил главным энергетиком на оборонном химическом заводе №80 под Горьким, затем главным инженером на Горьковской электростанции. В 1933 г. по приказу начальника Главэнерго А.В. Винтера вернулся в Москву, работал по наладке оборудования в Мосэнерго, в 1936 г. — на Кизеловской ГРЭС (счастливо избежал второго ареста после тяжелой системной аварии на Урале в декабре этого года, получив срочный вызов в Москву от следующего начальника Главэнерго — К.П. Ловина).

Позже — на руководящих должностях в Министерстве электростанций и Министерстве строительства электростанций. Преподавал, получил ученое звание доцента. Оставил бесхитростные мемуары о своей нелегкой жизни и воспоминания о трагической судьбе своего шефа В.Д. Кирпичникова (ф. 9592 РГАЭ).

Когда И.Р. Классон составлял «Указатель имен» для книги М.О. Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон», то он упустил из виду, что у Ф.А. Рязанова был брат Александр, который в 1922-м заведовал конюшнями Гидроторфа на территории завода бывш. «Русская машина». Последний был принят с 1 декабря 1920-го на должность зав подотделом транспорта (конюшни). А в 1921-м оба брата, как ценные специалисты Гидроторфа, получали по ¼ полного совнаркомовского пайка.

Свенторжецкий Людомир Вацлавович (1865 — 1916). Профессор электротехники Николаевской военно-инженерной академии в С.-Петербурге, дослужился до чина генерал-лейтенанта. В 1901-м выпустил фундаментальный учебник «Электротехника» (на 448 страницах!). В 1902-м по каким-то делам приезжал в Баку и встречался с Р.Э. Классоном. Можно предположить, что — по делам организованного ими (вместе с банкиром А.А. Давидовым и инженером путей сообщения Н.Н. Изнаром) акционерного общества «Баилов-Сабунчинская электрическая дорога».

1 июля 1915-го (т.е. в военное время) Совет Министров назначил Л.В. Свенторжецкого председателем особого правления «Общества 1886 г.» (куда входил и Р.Э. Классон) и общества «Электропередача».

Свенчанская Татьяна Робертовна, урожд. Классон (1896-1943). Дочь Р.Э. Классона. В 1918 г. окончила исторический факультет Московских высших женских курсов. Проучившись на курсах экскурсоводов по Кремлю, в 1918-19 гг. водила по нему экскурсии, в т.ч. для бывших австрийских и немецких военнопленных, возвращавшихся на родину через Москву. В 1921 г. поступила работать в Госплан секретарем топливного отдела, начальником которого был Л.К. Рамзин.

Вышла замуж за сотрудника Госплана Семена Даниловича Свенчанского, чей отец Даниил Самойлович работал в Гидроторфе, т.е. под началом Роберта Эдуардовича. Родила двоих сыновей — Данилу и Сеню. В 1943-м, вернувшись из эвакуации истощенной, умерла в больнице от воспаления легких. А старший сын убил младшего, чтобы завладеть его продовольственными карточками, и загремел в тюрьму на 10 лет. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Из воспоминаний А.В. Парнаха о своих родственниках:

Про Свенчанских я кое-что слышал. О Татьяне Робертовне няня как-то сказала другим детям: «Вы уже большие и должны знать — наша Таня не очень умна». В советское время она работала на площади Ногина, наверное, в Госплане. Она не выговаривала букву «р».

Про нее маменька рассказывала так: она пошла в библиотеку, чтобы продлить абонемент на книгу, которую раньше получила. Библиотекарша спросила номер карточки и получила ответ: «певый». — «Что-что?» — «Ну, певый, посто певый». — «Сто первый?» — «Да нет, посто певый». Так Татьяна Робертовна и не смогла объясниться с библиотекаршей.

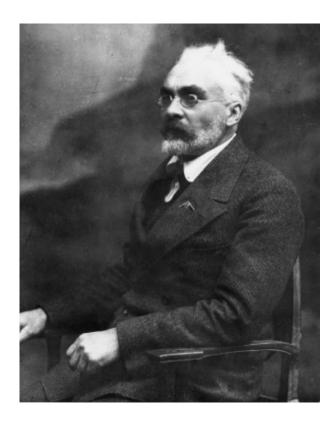
Сеня — младший сын приходил к нам в гости, по-видимому, после работы, усталый. И он со мной то ли поэтому не разговаривал, то ли ему было не интересно со мной общаться. А Данила — старший сын вернулся с войны и как-то подарил мне штык от трехлинейки. Слава богу, я с этим штыком во дворе не играл. И лишь потом сообразил, что штык — это холодное оружие, за хранение которого, если бы это обнаружилось, можно было бы нажить большие неприятности.

Однажды, когда нас не было дома, пришла некая дама и оставила записку: «Сеня умер, ему пробили голову». И совершил это преступление Данила. Судя по отзывам Екатерины Робертовны, младший сын был положительным персонажем, а старший — отрицательным. Через какое-то время я спросил у маменьки: «А где Даня?» (раньше они приходили к нам в гости, или мы у них бывали). Она ответила, что он работает на какой-то фабрике в Мытищах. А потом еще раз поинтересовался Данилой, оказалось, что он сидит за убийство брата.

Смидович Петр Гермогенович (1874—1935). В 1898-м окончил Высшую электротехническую школу в Париже, поступил рабочим на завод в Льеже (Бельгия). В том же году вернулся в Россию с паспортом бельгийского подданного Этьена Бютера и стал членом РСДРП. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. До революции легальным прикрытием ему служила работа инженером московской кабельной сети «Общества электрического освещения 1886 г.».

Вот что свидетельствовал про 1907 год Илья Григорьевич Эренбург:

Недавно мне привелось встретиться после пятидесятилетнего перерыва с [бывшей курсисткой] Таней; она оказалась вдовой В.П. Ногина.

Мы вспоминали далекое прошлое: как мы, начинающие пропагандисты [РСДРП], собирались на электрической станции у П.Г. Смидовича, как хорошо шутил Николай Иванович [Бухарин], какой задорной и светлой была наша ранняя молодость. <...> Мальчишкой я часто слышал в кружке П.Г. Смидовича, что путь к социализму откроет пролетариат передовых индустриализированных стран. («Люди, годы, жизнь»)

В 1913-м, по рекомендации Г.М. Кржижановского, П.Г. Смидович занял должность начальника 4-го отдела кабельной сети. И, под прикрытием своей должности, повидимому, еще шире развернул активную противоправительственную деятельность. К 1917-му подпольная группа большевиков на Раушской станции насчитывала шесть человек.

Из воспоминаний Ф.А. Рязанова:

Непосредственно ответственным лицом за установку [напряжением] 6 кв [при монтаже Измайловской трансформаторной подстанции в 1914 году] являлся заведующий районом кабельной сети А.А. Сафонцев, который раза два в неделю приезжал на подстанцию и разрешал все возникающие технические вопросы. Почти всегда его сопровождал П.Г. Смидович, который был его помощником.

Меня очень удивляло то обстоятельство, что П.Г. Смидович не участвовал вместе с А.А. Сафонцевым в разрешении технических вопросов, а, как правило, устраивался неподалеку от подстанции на траве вместе с двумя-тремя монтерами кабельной сети и, покуривая, мирно с ними беседовал. <...> Лишь в 1917 г. я узнал, что П.Г. Смидович был партийным работником и понял, что на Измайловской подстанции он беседовал на политические темы с монтерами-большевиками. (ф. 9592 РГАЭ)

В 1918-м председатель Московского Совета и заведующий Энергоотделом ВСНХ, в 1921-м стал председателем Главэлектро, созданного на базе Электроотдела. Именем П.Г. Смидовича еще при его жизни (sic!) была названа Раушская станция.

Смирнов Борис Николаевич (ок. 1885 — ?). Сын Н.В. Смирнова. Имел образование инженера-электрика. В 1910-х работал в фирме Сименс и Шуккерт в Петербурге. В 1918 г. служил экспертом Комиссии смет при Комитете хозяйственной политики СНК.

В 1919-20 гг. заведовал «Электропередачей», затем 1-й МГЭС. С большим уважением относился к изобретателям гидроторфа.

<u>Из заключения эксперта Комиссии смет при Комитете хозяйственной политики,</u> инженера-технолога Б. Смирнова

10 мая 1918 г. Необходимо отпустить <...> кредит в 500 000 руб. Т-ву «Гидравлический Торф» на производство в промышленном масштабе опытных работ по гидравлическому способу добычи торфа, в масштабе 1-2 миллионов пудов воздушносухого торфа. Имена изобретателей-инженеров Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова — дают уверенность в том, что предполагаемые опыты будут поставлены технически правильно и солидно. <...> Отпуск народных средств на производство таких опытов, при указанных в заявлениях Товарищества условиях, представляется мне вполне целесообразным, независимо даже от того количества торфа, которое удастся получить изобретателям. <...> (ф.758 РГАЭ)

Смирнов Николай Васильевич (ок. 1855 — ?). Инженер-полковник в отставке. В 1894 г. составил проект и участвовал в стремительном сооружении (менее чем за полгода!) первой в России крупной электростанции однофазного тока (напряжением 2 000 вольт и мощностью 800 киловатт) на Васильевском острове в Петербурге (на барже).

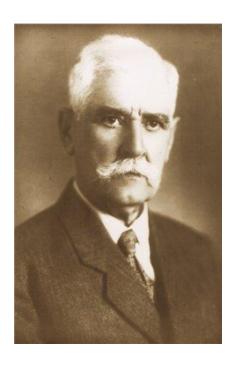
Строитель Раушской станции в Москве (1897 г.), один из лучших тогдашних российских строителей гражданских сооружений, по оценке Р.Э. Классона. Что касается передовой по тем временам станции на Васильевском острове, то она после 1908 г. «уплыла» вместе с Н.В. Смирновым в Ростов-на-Дону, где прослужила аж до середины 1930-х (т.е. до полного технического износа)!!

Стадников Георгий Леонтьевич (1880 — 1973), доктор химических наук. Воспитанник Московского университета (1898—1904), ученик знаменитого химика Н.Д. Зелинского, в 1904 г. был профессорским стипендиатом на кафедре химии Московского университета, с 1906-го — лаборант органической лаборатории, с 1910-го — приват-доцент, одновременно консультировал Невское стеариновое товарищество. С 1913 г. профессор Новороссийского университета (Одесса). С 1914 г. — технический директор, заведующий в АО «Южно-химик», с 1918-го — технический директор фабрики дубильных экстрактов «Ю. Лопатинский и К°».

В начале 1920-х руководил работами в Гидроторфе по искусственному обезвоживанию торфяной гидромассы, посредством коагуляции, под воздействием гипса и коллоидного раствора железа. Одновременно заведовал научно-техническими работами Химического института им. Л.Я. Карпова. И, оказывается, все это время находился под «расстрельным приговором» (см. ниже)!!!

В архиве советского чиновника И.И. Радченко (ф. 9455 РГАЭ) сохранился обрывок бумаги с таким мерзким по сути, но «правильным политически» заключением:

Главный химик Гидроторфа Стадников Георгий Леонтьевич не был пущен за границу по следующим мотивам. Гидроторф ухлопал непроизводительно громадные суммы денег на опыты с искусственным обезвоживанием торфа. Эти опыты никаких результатов не дали и до сих пор не закончены. Необходимость и целесообразность новых опытов с перегонкой бензина из торфа Гидроторфом еще никому не доказана. И отъезд Стадникова за границу для производства этих новых опытов, да еще в период ревизии Гидроторфа, мы по указанным соображениям считаем недопустимым.

<...> Вторым мотивом для запрещения Стадникову выезда за границу послужили сведения, имеющиеся в ГПУ, характеризующие Стадникова как монархиста и юдофоба, на основании чего полагаю, что Стадников за границей займется соответствующей информацией белых эмигрантов и западных промышленников-капиталистов. (черновик письма В.И. Ульянову-Ленину в 1922-м?)

Все же Гидроторфу, при посредстве Президиума ВСНХ, удалось в январе-марте 1923 г. послать профессора в Германию для «изучения вопросов о газификации и коксовании торфа при низкой температуре»! В 1938-м Г.Л. Стадникова осудили на 20 лет лагерей и отправили в Воркуту!! Из публикации «У истоков химической службы Заполярья (1930-е гг.)» на сайте Воркуты (www.vorkuta.ru):

К 1939 г. коллектив углехимической лаборатории Воркутлага разросся до десяти человек. <...> Самой яркой фигурой был доктор химических наук, профессор Георгий Леонтьевич Стадников. <...> В 1913 г. Стадников стал профессором Новороссийского университета в Одессе. Однако в 1920 г. его арестовали. Из одесской тюрьмы Стадникова отправили в московскую с распоряжением ВЧК передать его в ВСНХ для работы по специальности с условным приговором — расстрел. Директор Химического института А.Н. Бах получил листочек папиросной бумаги, на которой было написано, что к нему направляется профессор Стадников, приговоренный к расстрелу, для использования его по специальности. <...> В 1922 г. «расстрельный» приговор со Стадникова был снят, и Георгий Леонтьевич вздохнул свободнее. В эти годы научные интересы Стадникова концентрируются в области химии торфа, угля и других горючих ископаемых. <...>

В апреле 1938 г. Стадников был осужден по ст. 58 (политические заключенные) на 20 лет ИТЛ и этапирован на Воркуту. Вначале он содержался на общих работах (тяжелый физический труд), затем попал в углехимическую лабораторию, где числился лаборантом. Как «особо злостный преступник» с 20-летним сроком, он не имел права занимать научную (и тем более руководящую) должность. <...> Забегая вперед, скажем, что Стадникова после смерти Сталина досрочно освободили (более 15 лет он «отбухал» в заполярном, воркутинском, концлагере), и в 1955 г. он уехал в Москву.

Наиболее полно жизненный путь Георгия Леонтьевича («до посадки в лагеря») отражен в статье Ю.В. Евдошенко «Профессор Г.Л. Стадников — исследователь каустобиолитов. Жизнь до ГУЛАГа (к 135-летию со дня рождения)», опубликованной в №2 «Нефтяного хозяйства» за 2015 г.

(www.academia.edu/19664052/Профессор_Г.Л._Стадников_исследователь_каустобио литов._Жизнь_до_ГУЛАГа_к_135-летию_со_дня_рождения_).

Все же в статье Ю.В. Евдошенко не был отражен такой абсурдный сюжет:

Выдающийся химик топлива Г.Л. Стадников рассказывал мне, что когда его физическим воздействием [(пытками)] заставили сознаться во «вредительстве», он написал в своих показаниях, что выдал секретные данные по торфу Италии. При этом он имел в виду, что в будущем мало-мальски грамотный инженер или экономист заметит абсурдность этого показания. Ведь торф — низкокалорийное топливо, которое экономически не выдержало бы экспорта из СССР в Италию. А в Италии [к тому же] совершенно нет своего, природного торфа! — из воспоминаний И.Р. Классона, ф. 9508 РГАЭ

Сам Юрий Викторович ответил 10 декабря 2016 г. автору биографических очерков так:

С делами Стадникова, во всяком случае — двумя, за 1920-21 гг. и 1938 г., я знакомился в центральном архиве ФСБ. На них и написал свою статью. Судя по материалам следственного дела, центральным вопросом являлась не связь с Италией (это нигде не зафиксировано), а с Германией. Вероятно, его воспоминания не вполне точно передают существо дела, хотя материалы дела не отрицают возможность дачи таких показаний: известно, что следователи фиксировали не все и, возможно, им самим стала понятна абсурдность шпионажа по вопросам торфа в пользу Италии.

Старков Василий Васильевич (1869 — 1925). Окончил Петербургский технологический институт в 1894 г. В том же году стал участвовать в марксистском кружке «стариков» и кружке революционных и легальных марксистов, издавшего сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». С 1895-го в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», был арестован в декабре этого года и сослан в Минусинск. Служил инженером на Мальцевских заводах. В 1903-06 гг. работал вместе с Р.Э. Классоном в Баку в «Электрической силе».

В 1913-17 гг. служил помощником директора Московской трамвайной электростанции. В 1913-17 гг. был на административной и коммерческой работе в «Обществе электрического освещения 1886 г.» и «Электропередаче». В 1918-19 гг. — зам председателя правления «Электропередачи», в 1920-м — работал в Наркомате внешней торговли РСФСР. В конце 1920 г. был командирован в Берлин от Электроотдела ВСНХ для создания там, во главе с проф. Н.М. Федоровским, Бюро иностранной науки и техники при торгпредстве. Далее до 1925 г. занимал пост зам торгпреда РСФСР/СССР в Берлине. Был женат на родной сестре Г.М. Кржижановского Антонине Максимилиановне Розенберг.

В Баку выдвинулся также «на общественной работе». Местная газета «Каспий» 23 ноября 1905 г. сообщала: "В понедельник, 21 ноября, в 5 час. вечера, в помещении Технического об-ва состоялось общее собрание членов «Бакинского отделения союза инженеров», присутствии Всероссийского в многочисленной публики. Председателем собрания был избран инженер Старков. Собранию были предложены вопросы, выработанные бюро, а именно: по поводу [якобы провокаторской] политики Витте[, выразившейся в событиях, происшедших после принятия 17 октября Высочайшего манифеста], о мерах к ликвидации всевозможных национальных споров между армянами и татарами, о поступках некоторых инженеров, не согласующихся с платформой «Союза инженеров» и др. <...>"

Руководители петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сидят (слева направо): В.В. Старков, Г.М. Кржижановский, В.И. Ульянов-Ленин, Ю.О. Мартов. Стоят: А.Л. Марченко, Н.К. Запорожец, А.А. Ванеев. Фото 1897 г.

Берлинская газета «Руль» 28 апреля 1925 г. дала весьма куцую информашку: «В воскресенье [26 апреля] в Берлине скончался от разрыва сердца управляющий советским торгпредством Старков». Лишь 6 мая последовала дополнительная информация, но не о покойном торгпреде: "По сообщению «О.Э.», номинальным главой советского торгпредства в Берлине останется [зам наркома внешней торговли СССР] Стомоняков. Заместителем же его назначается Роман Аврамов, ранее заведывавший отделом хлебной торговли, а в последнее время занимавший пост заместителя советского торгпреда в Париже. Аврамов в то же время состоит директором государственного акционерного общества «Экспорт-Хлеб»".

«Настоящий» глава торгпредства — Карл Бегге был назначен лишь 25 июля того же года. Правда, годом ранее, 28 марта 1924 года, парижские «Последние новости» сообщали: Сов. торгпред в Берлине Стомоняков получил 2-месячный отпуск и в Берлин больше не вернется. Отставка Стомонякова, по словам [берлинских] «Дней», рассматривается в Берлине как один из моментов той кампании, которая ведется в Кремле против Красина.

Р.Э. Классон оставил о своем коллеге и хорошем знакомом такие проникновенные слова (ф. 9508 РГАЭ):

Очень обидно, что В.В. Старков так рано умер. В Торгпредстве он играл большую роль, и ему оно в значительной степени обязано своим высоким положением. Но, конечно, для всех и, в частности для Торгпредства, было бы лучше, если бы В.В. Старков соблюдал экономию и не тратил так безрасчетно своих сил, «не жег бы свечи с двух концов». Отличительной чертой В.В. Старкова был его ум. Он был исключительно умный человек, который проникал вглубь вещей и всегда умел найти верный и тактичный подход к данному вопросу. В последние годы своей деятельности он меньше занимался чистой техникой, но всецело посвятил себя администрации, и это было его действительное призвание.

Спокойно, уверенно и методично он подходил к самому сложному вопросу, соблюдая при этом, однако, большую осторожность, так как торговые сношения, в особенности за границей, при неустановившемся к ним отношении в самой России всегда создавали исключительно трудное положение, при котором всякое поспешное решение могло бы навлечь нарекания и неприятности. Конечно, несмотря на это, ни в нареканиях, ни в неприятностях недостатка не было. Но все же, в конце концов, положение В.В. Старкова настолько укрепилось в Торгпредстве, и он приобрел такой авторитет, что именно в последние годы он мог уже спокойно и свободно решать вопросы, не опасаясь нареканий, столь обильных в первое время его деятельности. Вообще за 55 лет своей жизни В.В. Старков проработал больше, чем полагается работать за это время. Чрезмерная, исключительная добросовестность к работе и столь же чрезмерное сознание своего долга сократили ему жизнь. Жаль!

К сожалению, Р.Э. Классон ни словом не обмолвился об обстоятельствах, предшествовавших кончине Василия Васильевича, а они были весьма типичными для тех лет в среде советских учреждений за границей.

В 1981 г. в Нью-Йорке вышла книга бывшего заведующего правовым отделом торгпредства СССР в Берлине, «невозвращенца со стажем», Александра Рапопорта (1879-1973) «Советское торгпредство в Берлине. Из воспоминаний беспартийного спеца». В ней автор, в том числе, описывал и историю трагического завершения жизненного пути своего тогдашнего шефа.

Итак, в январе 1925 г. Секретариат ЦК ВКП(б) утвердил кандидатуру Бориса Анисимовича (Исаака Аншелевича) Ройзенмана (1878-1938), члена РСДРП с 1902 г., из рабочих, членом комиссий по проверке заграничных партийных ячеек в Берлине и Лондоне. В это время В.В. Старков замещал торгпреда Б.С. Стомонякова, который исполнял в Москве обязанности Наркомвнешторга, т.е. Л.Б. Красина, находившегося, в свою очередь в Париже — полпредом. И вот что написал Александр Юрьевич Рапопорт в своей книге:

Когда шла партийная чистка, я находился в Москве в делегации по торговым переговорам [с Германией]. Приехав на несколько дней на Пасху 1925 г. [(отмечалась 19 апреля по нов. ст.)] в Берлин, я застал там картину полного смятения среди всех сотрудников.

Работа Ройзенмана на этот раз, правда, касалась только партийцев, но через их головы она била рикошетом по всей массе сотрудников [(числом около семи сотен)]. Хорошо помню свой короткий разговор по этому поводу с покойным Старковым, исполнявшим тогда должность торгпреда. Этот закаленный старый интеллигент, когда я, прощаясь с ним перед возвращением в Москву, спросил — что передать Стомонякову, ответил мне буквально следующее:

"Скажите Борису Спиридоновичу, что я больше не могу. То, что творит здесь Ройзенман, — невыносимо. Можете себе представить, что он в [партийной] ячейке вынес решение, в котором содержится приказание мне снять заведующих отделами. Когда я заявляю, что мне некем их заменить и что, прежде чем снять их, пусть Ройзенман даст мне других, — он отвечает: «Это уж Ваше дело. Замещайте, как хотите. Ответственность несете Вы. А я не позволю оставаться тем заведующим, которых нахожу неподходящими». — Я так больше работать не могу. Пусть Борис Спиридонович пришлет кого-нибудь, я не в состоянии дальше вести работу"...

Едва я успел приехать в Москву, как получилась телеграмма о том, что Старкова хватил удар, и через два дня [(26 апреля)] его не стало. Это была первая жертва Ройзенмановской работы в Берлине. Развернулась же она вовсю через год, уже при [полпреде] Бегге. (с. 123-124)

Справедливости ради стоит отметить, что «партпроверяющий» Б.А. Ройзенман сам кончил плохо. После награждения в 1930-м орденом Ленина, «в ознаменование исключительных заслуг в деле улучшения и упрощения государственного аппарата, приспособления его к задачам развернутого социалистического наступления, в борьбе с бюрократизмом, бесхозяйственностью и безответственностью в советских и хозяйственных организациях, а также его заслуг по выполнению специальных, особой государственной важности заданий по чистке государственного аппарата в заграничных представительствах Союза ССР», он как будто бы был расстрелян в 1938 году (скупые сведения на этот счет содержатся только в книге А.И. Солженицына «200 лет вместе»).

Стогов Эразм Иванович (1797 — 1880). Родился 24 февраля, в день поминовения святого Еразма. Детство прошло в имении Золотилово под Можайском. По протекции дяди Ивана Петровича Бунина, служившего в Морском кадетском корпусе, в 1810-м был зачислен в оное учебное заведение. В 1814-м произведен в гардемарины, а в 1817-м — выпущен из корпуса с присвоением чина мичмана. В первые два года службы совершил рейс от Кронштадта до Кале, а затем плавал между Кронштадтом и Петербургом. В 1819-м изъявил желание служить в Охотске, куда и был командирован. Командовал парусными бригами «Михаил», «Дионисий», «Екатерина», «Камчатка» в Охотском море. Дважды повышался в чине — в 1820-м был произведен в лейтенанты, а в 1830-м — в капитанлейтенанты с назначением начальником уже Иркутского адмиралтейства.

Вернулся в Петербург в 1833-м. В тот же год решил перейти с морской службы в формировавшийся в это время Корпус жандармов. Став жандармским штаб-офицером, добился своего назначения в Симбирскую губ., где прослужил до 1837 г. Женился там на Анне Егоровне Мотовиловой. Затем ушел из Корпуса жандармов и переехал в Киев, где служил управляющим канцелярией генерал-губернатора Д.Г. Бибикова. В 1852-м вышел в отставку в чине полковника. Последние годы жизни провел в своем благоприобретенном имении Снитовка Летичевского уезда Подольской губернии (с административным центром Каменец-Подольский, ныне Винница).

Опубликовал в журнале «Русская Старина» весьма живописные воспоминания о предках, своей учебе и службе, о сватовстве к А.Е. Мотовиловой, выдаче ее сестры Александры Егоровны замуж за армейского капитана Федора Федоровича Гельшерта (см. Приложение «Воспоминания жандармского офицера Эразма Ивановича Стогова»).

В этих воспоминаниях есть и такой эпизод, выводящий нас на саратовских Мотовиловых:

В начале Великого поста [1837 г.] ко мне курьер — предписание: «немедля отправиться в Саратов, совершенно секретно, и находиться там в распоряжении генерал-адъютанта князя Лобанова-Ростовского». От князя письмецо: «Дружище, в Саратове не сладят с раскольничьим монастырем; государь посылает меня, а я выпросил тебя у государя в помощь, не сердись. Сделай там подготовочку, на которые ты такой мастер, и пришли жандарма, у меня будет уложен дормез — явлюсь. До свидания». Совершенно секретно — от кого? значит, от целого света. На курьерских помчался я по пензенской дороге, проехав верст 100, свернул на проселок и выбрался на саратовскую почтовую дорогу. Дорога была адская, несколько раз у извозчиков лилась кровь из горла, бросал их на дороге и доезжал с жандармом.

Верстах в сорока, не доезжая до Саратова, была деревня брата моей жены. Въезжать в Саратов на курьерских секретно – нельзя, я взял в деревне брата рогожную кибитку и в ясный полдень, по улицам почти уже без снега, въезжал сам в форме, а жандарму, тоже в форме, приказал идти пешком, никто не обратил внимания.

Согласно «Спискам населенных мест Саратовской губернии» (изд. 1912 г.) бывшими землевладельцами Кузнецкого уезда числились М. Мотовилов, Ф. Мотовилов и А. Мотовилов. Вот что можно найти о них в Интернете:

Мотовилов Федор Михайлович, р. 1829, мировой посредник, коллежский регистратор. Из древнего дворянского рода, имел 563 дес. при с. Озёрки Кузнецкого уезда.

Мотовилов Александр Михайлович, р. 1834, пристав 2-го стана Кузнецкого уезда, губернский секретарь. Из старинного дворянского рода. Имел 489 дес. при с. Озёрки Кузнецкого уезда, брат мирового посредника Федора Михайловича.

Николай Александрович Мотовилов родился 24.11.1864 г. в семье мелкого помещика Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Поступил в Казанский ветеринарный институт. Участвовал в народническом кружке, после знакомства с революционером Федосеевым Н.Е. у него сформировались марксистские убеждения. В декабре 1887 г. был исключен из института за активное участие в студенческих волнениях и выслан из Казани.

Итак, наиболее вероятным «братом жены» (двоюродным или троюродным), с которым имел дело Э.И. Стогов, можно считать пристава Александра Михайловича Мотовилова. А деревня «верстах в сорока, не доезжая Саратова» — сельцо Озёрки.

А в записках саратовского помещика Виктора Антоновича Шомпулева (artroerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/shompulev_viktor_zapiski_starogo_pomeshchika.p df) упоминались мировой посредник, коллежский регистратор Федор Михайлович Мотовилов (1823-1864), имел 563 десятин при селе Озерки Кузнецкого уезда, со ссылкой на архив Саратовской обл. (Ф. 19, Оп. 1, Д. 136), и становой пристав Александр Михайлович Мотовилов (1829-?), имел 489 дес. в том же селе (архив Саратовской обл., Ф. 19, Оп. 1, Д. 136):

<...> И так как становой пристав Мотовилов был перед этим мною встречен, то я, не теряя ни минуты, вытребовал его и, разузнав путь, по которому скакал [польский] пропагандист, направил Мотовилова для отобрания по деревням грамот и преследования злоумышленника.

Отобрано было, кажется, около 17 этих золотых грамот, которые, за отсутствием крестьян на полевых работах, злоумышленник преимущественно разбрасывал на главных улицах деревень, оставляя таковые на завалинках и плетнях. Мотовилов, отбирая эти грамоты, следовал по пятам поляка до города Вольска, где, сделав распоряжение о задержке преступника, соображаясь с его приметами, он немедля на пароходе отправился далее в город Хвалынск и при пересадке на пароход, следовавший до Самары, столкнулся с личностью, похожей по приметам на пропагандиста. Заявив об этом во время пути капитану парохода и показав грамоту, Мотовилов потребовал остановки парохода посреди Волги перед Самарой, откуда и был вытребован полицмейстер. Когда при осмотре вещей подозреваемой личности дошли до чемодана, наполненного золотыми грамотами, то поляк-пропагандист бросился в Волгу, но утонуть ему не дали, и впоследствии по распоряжению правительства он был казнен в г. Пензе.

А вот про их предков, включая саратовского помещика Михаила Мотовилова, становится известно из ресурса (inpenza.ru/kameshkir/lapshovo.php):

Мотовиловы, землевладельцы Кузнецкого уезда, братья.

Дмитрий Федорович (? — после 1848). В 1806 г. был в походах против французских войск, в 1808 г. участвовал в шведской кампании, получил несколько ранений, служил в пензенском гарнизонном батальоне.

Михаил Федорович (? — 1864), его брат. В 1812 г. находился в рядах русской армии, после боя с французами под Полоцком «уволен за ранами». Жил в с. Кафтыревка Кузнецкого уезда Саратовской губ., ныне с. Лапшово Камешкирского района, построил там церковь и земскую школу. Умер в с. Озерки.

[Савин О.М. Мотовиловы / Пензенская энциклопедия. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001, с. 354.]

Старова Анна Егоровна, урожд. Мотовилова (1817—1863). Старшая дочь Егора Николаевича и Прасковьи Федосеевны (урожд. Ахматовой) Мотовиловых. Вышла замуж за жандармского офицера Эразма Ивановича Стогова, родила ему Ираиду, или Инну (1856), Аллу, Анну (вышла замуж за Виктора Модестовича Вакара) и Иллиодора. Бабушка Анны Андреевны Горенко (поэт. псевдоним — Анна Ахматова).

Но эта информация, которую автор сих очерков набросал, по-видимому, в самом начале своей исследовательской деятельности, далеко не полная. Прежде всего, первая их дочь Ия успела родиться в Симбирске. В духовной ведомости Спасского собора г. Симбирска за 1837 г. имеется запись: «Подполковник и кавалер Геразм Иванов Стогов — 39 < nem >, жена его Анна Егорова — 21, дочь их Ия — 8 мес< supersection square <math>supersection мена его Анна Егорова — supersection supersection supersection supersection <math>supersection supersection supersection supersection <math>supersection supersection supersection supersection <math>supersection supersection supersection supersection <math>supersection supersection supersection supersection supersection <math>supersection supersection supers

Далее, исследователь биографии Анны Ахматовой В.А. Черных свидетельствует:

Жена Эразма Ивановича Стогова Анна Егоровна, урожденная Мотовилова, родилась в 1817 г., умерла около 1863 г., оставив мужу, пережившему ее на 17 лет, сына и пять дочерей, младшая из которых — Инна Эразмовна — стала впоследствии матерью Анны Андреевны Ахматовой. Единственного своего сына — Илиодора — Э.И. Стогов, по семейным преданиям, проклял за непослушание, выгнал из дома и лишил наследства. В 1882 г. Илиодор Эразмович Стогов занимал скромную должность учителя немецкого языка в Полтавском реальном училище.

Всех дочерей Э.И. Стогов выдал замуж за соседей по имению: Анну — за Виктора Модестовича Вакара, Аллу — за Владимира Тимофеевича, Ию — за Александра Григорьевича Змунчиллу, Зою — за Льва Демьяновского. Согласно семейному преданию, младшая из сестер — Инна Эразмовна — также была выдана за Змунчиллу, по-видимому, брата или племянника Александра Григорьевича — мужа ее старшей сестры Ии.

Родственные связи между семьями дочерей Э.И. Стогова оставались весьма тесными и много лет спустя после его смерти. В письмах Анны Горенко к мужу своей рано умершей сестры Инны — Сергею Владимировичу фон Штейну, посланных из Киева в 1906-1907 годах, неоднократно упоминаются дяди и тетка Вакар, у которых Аня гостила в рождественские праздники; кузина Наничка — Мария Александровна Змунчилла, в доме которой Аня жила, когда оканчивала киевскую Фундуклеевскую гимназию; «кузен Демьяновский» — по-видимому, Григорий Львович; «кузен Саша» — Александр Владимирович Тимофеевич. Упоминаются, хотя и значительно реже, и родственники по линии отца, в частности, «тетя Маша» — старшая сестра отца Мария Антоновна.

Итак, у Эразма Ивановича и Анны Егоровны родилось пять дочерей и один сын.

Страда Витторио (1929 г.р.)

Витторио Страда родился в Милане 31 мая 1929 года. Окончив философский факультет Миланского университета, он в 1958 году по ходатайству его научного руководителя профессора Антонио Банфи был принят в аспирантуру Московского государственного университета. Еще раньше, освоив русский язык, Витторио Страда начал изучать русскую литературу и культуру советского периода, сотрудничая в этой области с издательством «Einaudi» и с журналом «II Contemporaneo». В 1955 году он перевел на итальянский язык повесть Виктора Некрасова «В родном городе», а в 1956-м написал ряд статей о литературе «оттепели».

Эти статьи привлекли внимание не только итальянских читателей, но и советского начальства, которое (из-за позиции автора — критической по отношению к официальной идеологии и сочувственной по отношению к попыткам ее преодолеть) сперва высказалось против его поступления в аспирантуру, но в конце концов уступило настояниям руководства итальянской компартии, в которую Витторио Страда вступил в 1956 году, в атмосфере надежд, связанных с критикой «культа личности» Сталина (в конце семидесятых он вышел из партии).

В конце 1957 года, после первой поездки в Москву на Международный фестиваль молодежи, Витторио Страда начал учиться в аспирантуре, но, проучившись до 1961 года, не смог ее формально закончить по идеологическим причинам (его обвинили в «ревизионизме» и антиленинских позициях). Научный руководитель Витторио Страды профессор А. Метченко не допустил к защите его диссертацию, посвященную советским теоретико-литературным изысканиям двадцатых годов. Кроме того, власти держали Страду под надзором — одной из причин этого были его контакты с Борисом Пастернаком и связи с издателем Фельтринелли, что отчасти соответствовало действительности, так как Витторио Страда, написавший для журнала «Il Contemporaneo» эссе о поэзии Пастернака, дважды встречался с поэтом на его даче в Переделкине и получил прямо от него поручение передать Фельтринелли, чтобы тот не верил его телеграммам, запрещавшим публиковать в Италии «Доктора Живаго»: Пастернак был вынужден отправить их под нажимом Союза писателей, однако сам хотел, чтобы роман вышел во что бы то ни стало.

Другой причиной надзора были дружеские связи Витторио Страды с советскими писателями периода «оттепели», в частности — с редакцией и авторами «Нового мира». Новые осложнения возникли на почве его знакомства с философом Эвальдом Ильенковым, книгу которого "Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса" он перевел на итальянский язык. (Для самого Ильенкова эти контакты имели тяжелые последствия.) Будучи в аспирантуре, Витторио Страда женился на университетской соученице Кларе Янович, которая потом преподавала в нескольких итальянских университетах (в Турине, Падуе, Венеции), переводила на итальянский язык произведения русской литературы (Пушкина, Чехова), а также работы Михаила Бахтина и публиковала собственные исследования по Блоку, Пушкину, Чехову.

Вернувшись в Италию в 1961 году, Витторио Страда начал работать консультантом по вопросам русской литературы в издательстве «Einaudi». Здесь под его редакцией вышли издания русских авторов XX столетия (Бабеля, Булгакова, Вагинова, Олеши, Домбровского, Солженицына, Шварца, Казакова, Аксенова, Трифонова), а также русских классиков (Достоевского, Гоголя, Толстого, Чехова), политических мыслителей (Герцена, Ленина, Троцкого, Богданова, Мартова, Трубецкого) и теоретиков литературы 20-х годов (формалистов, Проппа, Якобсона). Из поэтов Витторио Страда переводил Заболоцкого и Пастернака.

В начале 1961 года он обратился к жившему в Саранске Михаилу Бахтину с предложением подготовить новую редакцию его книги «Проблемы творчества Достоевского» для издательства «Einaudi». Автор с радостью принял его предложение и таким образом после долгого перерыва вновь начал публиковаться, заняв одно из важнейших мест в мировой культуре XX века.

По инициативе Витторио Страды Юрий Лотман и Борис Успенский подготовили книгу «Семиотические исследования» («Ricerche semiotiche», 1973) — это самая значительная коллективная работа «тартуско-московской школы», вышедшая на Западе. Благодаря дружеским отношениям Витторио Страды с Еленой Сергеевной Булгаковой, передавшей ему отрывки «Мастера и Маргариты», исключенные из первого советского издания, в Италии впервые вышел полный текст этого романа.

Одновременно Витторио Страда публиковал в различных журналах статьи о русской литературе советского периода, собранные в 1964 году в книгу «Советская литература. 1953-1964» («Letteratura sovietica. 1953-1964»). Его литературоведческие труды вызвали враждебную реакцию советских идеологов соцреализма (Щербины, Дымшица, Метченко и других), открыто ополчившихся против него. <...>

Уже в 1968 году произошел разрыв Витторио Страды с советскими властями, которые в дальнейшем, в течение двух десятилетий, отказывали ему в визе на въезд в СССР после того, как в московском аэропорту у него изъяли открытое письмо Солженицына, вскоре напечатанное в «L'Unita», о публикации на Западе романа «Раковый корпус», — он провел тогда сутки под арестом, а роман Солженицына вышел в 1969 году по-итальянски с его предисловием.

В декабре 1979 года советский посол в Италии Никита Рыжов направил в Международный отдел ЦК КПСС секретное письмо (опубликованное газетой «Repubblica» в 1992 году), в котором заявил, что Страда докатился до опорочивания личности В.И. Ленина и до утверждения, что советская культура находится под пятой тоталитаризма: поэтому путь ему в СССР должен быть прегражден, хотя это обязательно вызовет громкий скандал. По его словам, такой скандал «принесет меньше вреда, чем тот, который Страда постоянно нам причиняет своей антисоветской деятельностью».

Во время своего пребывания в Москве Витторио Страда тесно общался с Алексеем Крученых и Николаем Харджиевым, благодаря которым он смог собрать уникальную коллекцию материалов и текстов по русскому футуризму.

Из инициатив Витторио Страды особое значение имеет международный журнал «Россия/Russia», публикация которого началась в 1974 году в издательстве «Einaudi» при участии ученых Европы и русской эмиграции, и семитомная «История русской литературы» («Storia della letteratura russa»), которую Страда задумал и осуществил совместно с другими членами редакции (Жорж Нива, Илья Серман, Ефим Эткинд; ученый секретарь — Клара Янович-Страда), — первый том напечатан в 1986 году во Франции, затем в Италии (1989) и в России (1995).

Эти проекты выходили за рамки «советологии», ставя своей целью изучение России, ее культуры и литературы и предвещая, таким образом, недолговечность Советского Союза.

В этот период в издательстве «Einaudi» вышли две книги Витторио Страды: «Традиция и революция в русской литературе» («Tradisione e rivoluzione nella letteratura russa», 2-е расширенное издание — 1980) и «Бессонница разума. Мифы и фигуры русской литературы от Достоевского до Пастернака» («Le veglie della ragione. Miti c figure della letteratura russa da Dostoevskij a Pasternak», 1986), а также ряд статей в составе коллективных трудов: «История марксизма» («Storia del marxismo»), «Энциклопедия Эйнауди» («Enciclopedia Einaudi») и др.; им написаны вступительные статьи к письмам Герцена «К старому товарищу» (помимо самих писем в книгу включены материалы о деле Нечаева), к книге Ленина «Что делать?» (с добавлением текстов Плеханова и Мартова), к книге «Проблемы теории романа» («Problemi di tetia del romanzo») с работами Лукача, Бахтина и др., к сборнику "Вера и наука. Полемика вокруг «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина" ("Fede e scienza. La polemica su «Маterialismo ed empiriocriticismo» di Lenin") с текстами Богданова, Горького и др.

<...> Научно-исследовательская деятельность Витторио Страды привела его на должность заведующего кафедрой русского языка и литературы Венецианского университета — эту должность он занимал с 1970 по 1992 год, когда министерство иностранных дел назначило его на пост директора Итальянского института культуры в Москве, на котором он оставался до 1996 года.

Затем Витторио Страда возобновил академическую деятельность в Венецианском университете и окончательно расстался с преподаванием в 2003 году.

Витторио Страда опубликовал также следующие книги: «Гоголь, Горький, Чехов» («Gogol, Gorki, Cechov». Roma, 1973), «СССР-Россия. Литература и история между прошедшим и настоящим» («URSS-Russia. Letteratura e storia tra passato e presente», Milano, 1985), «Символ и история. Аспекты и проблемы России XX века» («Simbolo e storia. Aspetti e problemi del Novecento russo», Venezia, 1991), «Встреча с Пастернаком» («Incontro con Pasternak», Napoli, 1990), «Русский вопрос. Идентичность и судьба» («La questione russa. Identita e destine», Venezia, 1991), «Другая революция» («L'altra rivoluzione», Capri, 1994) (о «каприйской школе» и «богостроительстве»), «ЕвроРоссия. Литература и культура от Петра Великого до революции» («EuroRussia. Letteratura e cultura da Pietro il Grande alia rivoluzione», Roma-Bari, 2005).

Среди множества изданий, им инициированных и вышедших под его редакцией, самые последние — «Русский фашизм» («II fascismo russo», Venezia, 1998) и «Тоталитаризм и тоталитаризмы» («Totalitarismo e totalitarismi», Venezia, 2003).

К этому нужно прибавить сотни статей, напечатанных в разных газетах (от «L'Unita» до «Repubblica», от «Avanti!» до «Corriere della sera»), десятки предисловий к различным книгам, доклады на национальных и международных конференциях, роль организатора которых Витторио Страда нередко берет на себя (с помощью Fondazione Giorgio Cini, Венеция, Института Suor Orsola Benincasa, Неаполь, и др.).

Наконец, Витторио Страда опубликовал краткую интеллектуальную автобиографию «Самокритичный автопортрет. Археология Октябрьской революции» («Autontratto autocritico. Archeologia della rivoluzione d'Ottobre», Roma, 2004), но полной библиографии его работ нет, да и составить ее было бы затруднительно.

В течение двух последних десятилетий существования советского режима Витторио Страда был близок к диссидентам, в частности к тем, кто оказался в изгнании в Западной Европе (его связывала дружба с Виктором Некрасовым и Михаилом Геллером). Он публиковался в таких западноевропейских русскоязычных изданиях, как «Русская мысль» (входил в редколлегию газеты), «Страна и мир», «Обозрение», «Континент» (в последнем журнале много лет состоял членом редколлегии по приглашению основателя и редактора «Континента» Владимира Максимова).

В постсоветский период Витторио Страда сотрудничал с журналами «Вопросы философии», «Вестник Московского университета», с «Независимой газетой», принимал участие в научных изданиях «В раздумьях о России» (Москва, 1996) и «Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый» (Москва, 1997; оба издания вышли под редакцией Е.Л. Рудницкой). В 1995 году в Москве под его редакцией и с его предисловием вышел сборник «Христианство и культура сегодня» (авторы — русские и итальянские философы и теологи).

В 2003 году Витторио Страда организовал в Риме большую выставку «Петербург и Италия. 1750-1850. Итальянский гений в России» («Pietroburgo e l'Italia. II genio italiano in Russia») с участием Эрмитажа и Музея истории Санкт-Петербурга, а также симпозиум по Петербургу (Фраскати). Под его редакцией вышел каталог выставки со статьями русских искусствоведов. По его инициативе также возобновлены встречисимпозиумы российских и итальянских историков (Венеция, 2001; Москва, 2005). — VITTORIO (сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды). М.: Три квадрата, 2005

Струве Петр Бернгардович (1870 — 1944). Православный, уроженец Пермской губернии, сын действительного статского советника, среднее образование получил в 3-й С.-Петербургской гимназии, после чего поступил в С.-Петербургский Университет, в котором окончил курс по юридическому факультету. П.Б. Струве впервые обратил на себя внимание Охранного отделения в 1891 г. близкими сношениями с привлеченным впоследствии к дознанию по делу о революционной пропаганде среди рабочих и высланным затем в Западную Сибирь бывшим студентом С.-Петербургского университета Дмитрием Странденом и другими неблагонадежными лицами.

Далее, по данным того же Охранного отделения в С.-Петербурге, в университете Струве близко сошелся в 1893-94 гг. с главными членами «группы народовольцев», привлеченными впоследствии к дознаниям студентам: Максимом Келлером, Александром Федуловым, Константином Тахтаревым и Александром Ергиным, совместно с которыми, собираясь в анатомическом кабинете университета, обсуждал теоретическую сторону пропаганды революционных идей среди рабочих.

В апреле 1894 г. при ликвидации «группы народовольцев» у Струве был произведен обыск, с заключением его под стражу в Доме предварительного заключения до мая того же года, а далее с отдачей под особый надзор полиции.

Проживая с 1892 г. в квартире известной по своей политической неблагонадежности вдовы тайного советника Александры Калмыковой, Струве совместно с последнею устраивал в ее же квартире собрания интеллигентных представителей революционного движения для обсуждения вопросов об агитации и распространении нелегальных изданий среди рабочего класса.

Наружным наблюдением за главными руководителями как «группы народовольцев», так и «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» установлено посещение ими квартиры Калмыковой и Струве: Константином Тахтаревым, Константином Бауэром, Александром Потресовым, Хаимом Роговиным, Дмитрием Воронцовым и другими.

В 1895 г. П.Б. Струве примкнул к группе социал-демократов, к так называемым «марксистам», и будучи выбран в число членов III Отделения Императорского Вольно-Экономического Общества, совместно с известными своею политической неблагонадежностью приват-доцентом С.Петербургского Университета (к 1898 г. отчисленным) Михаилом Туган-Барановским и Владимиром Чарнолусским при обсуждении представляемых членами и сотрудниками общества рефератов по общественным и экономическим вопросам весьма часто в резкой и непозволительной форме осуждали все мероприятия и узаконения правительства по экономической политике, чем привлекали на эти собрания массу учащейся молодежи и рабочих.

Из дел Отделения видно, что П.Б. Струве свой ораторский талант впервые проявил 8 Февраля 1894 г. на сходке молодежи по случаю годовщины основания С.Петербургского Университета, где произнес речь «О задачах социал-демократической партии», и затем ежегодно на таких же собраниях всегда поднимал вопрос о борьбе социал-демократов с правительством. Струве не ограничивался словесным только распространением среди учащейся молодежи идей социал-демократии, но занимался сверх того редактированием брошюр и книг подобного же содержания, а также путем издания собственных произведений и журнальных статей в том же духе, причем противников «марксизма» (народников) осыпал беспощадно ядовитыми насмешками.

Упомянутое выше дознание о Струве в августе 1895 г. правительством было прекращено, с отменой учрежденного за ним особого надзора, но с подчинением его негласному надзору полиции.

Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону: «В те годы [П.Б.] Струве и [Р.Э.] Классон считались лучшими марксистами в России. Возможно потому, что и тот, и другой хорошо знали немецкий язык и могли в оригинале знакомиться с трудами Маркса и Энгельса». (ф. 9508 РГАЭ)

Стюф И.С. (ум. в 1901-м). Механик-практик, в 1897-м на Раушской станции служил помощником старшего техника Р.Э. Классона по механической части. В 1900-м переехал вместе с ним в Баку строить «Белый город».

Через четыре месяца в «губительном Бакинском климате» заболел скоротечной чахоткой, в связи с чем в Бакинском дневнике появилась запись: «эта потеря для Общества так велика, что ее трудно сейчас определить» (сделанная, правда, не Р.Э. Классоном, который в это время лечился в Боржоме, а А.Л. Буриновым), два месяца лечился в Кисловодске, вернулся в Баку и какое-то время работал.

Но в июне 1901-го умер в Ставрополе, и Р.Э. Классон записал в Бакинском дневнике: «Получил телеграмму о смерти Стюфа в Ставрополе. Это большая потеря. Должно быть, Бакинский климат действительно губительно действует на некоторые организмы — двух кабельных мастеров от «Униона» надо на днях отправить обратно в Кельн. Один из них еле живой, другой утратил всякую работоспособность». (ф. 9508 РГАЭ)

Телешев Борис Аркадьевич (1894 — 1967). Инженер-электрик и теплотехник. В 1919-м работал в Управлении электростанций Богородского района. С 1922-го — член правления МОГЭС, в 1924-26 гг. заведовал станцией «Электропередача».

На похоронах Р.Э. Классона в 1926 году произнес теплые слова:

Дорогой Роберт Эдуардович может быть назван настоящим отцом предприятия «Электропередача». Там у него было два детища: основанная им станция и созданный им Гидроторф. Круглый год, даже зимой, не взирая на трудность транспорта, он регулярно приезжал на «Электропередачу» для того, чтобы видеть и знать все, что там делается. Со свойственной ему энергией и неутомимостью он успевал забегать во всякий уголок сложного предприятия, успевая войти в курс работы и давая ценные указания. Вместе с тем, со свойственной ему чуткостью и умелым подходом к людям, во время своих посещений и обхода предприятия, он умел каждому из работников, в особенности тем, с которыми его связывали многие годы совместной работы, будь то инженер или рабочий, сказать несколько ободряющих слов <...>.

В 1926-м Б.А Телешев стал первым главным диспетчером МОГЭС, затем заведовал кафедрой «Электрические станции и системы» Московского инженерно-экономического института. В 1930-м стал доцентом МЭИ, в 1932 году был избран зав кафедрой «Центральные электрические станции».

Ульман Эдуард Рейнгольдович (1870 — 1935). Окончил механическое отделение Петербургского технологического в 1895-м. Как указывал №10 «Вестника Общества технологов» за 1895 г., Эдуард Рейнгольдович на тот момент служил в техническом отделе службы подвижного состава и тяги на Николаевской ж.д. в С.-Петербурге.

Согласно «Сведениям об окончивших полный курс» в увесистом фолианте «Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I» (СПб., 1903) с 1901 года служил старшим техником и уполномоченным Общества электрического освещения. С 1905-го занимал должность директора Петербургского отделения «Общества 1886 г.», преподавал в Петербургском политехническом институте.

Своеобразно заместил Р.Э. Классона в бесплодных переговорах с московским губернским земством по поводу прокладки ЛЭП от «Электропередачи» в Первопрестольную:

Я потерял всякое терпение и отказался от дальнейшего ведения переговоров. Меня заменил в переговорах мой товарищ по «Обществу 1886 года» Э.Р. Ульман. Он повел дело совершенно другим способом, вступив на путь бесконечных уступок земству и соглашаясь на все его требования. Ульман исходил из того положения, что совершенно абсурдные требования будут впоследствии откинуты самой жизнью, как нереальные. Но и этот способ ведения переговоров ни к чему не привел, так как всякий раз, после того как Ульман соглашался на все требования земства, последнее выдвигало новые, гораздо большие требования. А когда и на них следовало согласие, то земство выдвигало третьи, уже совершенно безграничные требования. ("Десятилетие станции «Электропередача» (1912-1922)", ф. 9508 РГАЭ)

Как известно Р.Э. Классон страдал стенокардией (грудной жабой):

В феврале 1919 г., в связи с учащением у отца сердечных припадков, его старые товарищи — Ульман, Винтер, Л.Б. Красин решили послать его на лечение в Швейцарию. Я провожал отца в Петербург, несколько дней мы жили с ним в квартире Ульманов на Морской. Их [(другая)] большая кооперативная квартира на Петроградской стороне [за Троицким мостом], как и весь дом его владельцев-кооператоров, не отапливалась (когда мы в нее зашли с Алей Ульман, то оказалось, что в ней 7 градусов мороза) и была законсервирована: водопровод и водяное отопление опорожнены, а водяные замки канализации заполнены керосином. <...>

По совету Ульмана, отец съездил со мной по поводу своей грудной жабы к медику Манухину. Он лечил [пациентов] чуть ли не рентгеновским облучением. <...> 23 февраля отец выехал на поезде со швейцарцами, но в Белоострове его за границу не выпустили, так у него не оказалось разрешения на вывоз валюты. Мы с Ульманами с Финляндского вокзала заехали в центр Петрограда и видели парад по случаю первой годовщины образования Красной армии. Придя домой, мы увидели, что отец [тоже] вернулся.

Дня через три разрешение на вывоз валюты было получено в Москве. Артельщик Филиппов привез его в Петроград, и 1 марта отец благополучно выехал через Белоостров в Финляндию с последним поездом швейцарского посольства. (здесь и ниже – из воспоминаний И.Р. Классона, ф. 9508 РГАЭ)

В 1920-м весьма зажиточный в царской России Эдуард Рейнгольдович вынужден был уехать за границу:

Отец и Таня [в январе 1921-го] виделись в Берлине с семьей Э.Р. Ульмана, эмигрировавшей из Петрограда через Финский залив. Оказалось, что Антонина Ивановна Ульман за границей познакомилась с «христианской наукой», основанной в конце XIX века в США Мери Эдди Беккер и использующей целую систему самовнушения и лечения близких.

Э.Р. Ульман стал директором Лодзинской электростанции в Польше (входившей ранее в «Общество 1886 г»). И удостоился злобно-завистливого отзыва коммуниста И.И. Радченко:

Правда, я стал настороже после возвращения Классона из-за границы, когда этот поэт-инженер с упоением рассказывал, что за границей уже гидроторф пущен в ход Ульманом (бывш. Директор Электрического об-ва 86 года в Петрограде, бежавший из России вкупе с другими белогвардейскими акулами грюндерства). (из письма В.И. Ульянову-Ленину в июне 1921-го, ф. 9455 РГАЭ)

Ульянов Николай Алексеевич (1881 — 1977). Детство прошло в Нижнем Новгороде, в семье ссыльных революционеров-народовольцев. Левый социалист-революционер, был хорошо знаком с Николаем Александровичем Морозовым (1854-1946), членом кружка «чайковцев», «Земли и воли», исполкома «Народной воли». Учился в Мюнхене до 1902 г.; с 1902 г. — в Самаре, с 1904 г. — в Нижнем Новгороде, после 1905-го, по-видимому, перешел на нелегальное положение, покинул Россию и поселился в Лозанне.

В 1911 г. женился на Вере Николаевне Мотовиловой. В 1910-х защитил в Лозаннском университете степень доктора по геологии. В 1918-м редактировал выходившую в Москве эсеровскую газету, участвовал в московском левоэсеровском мятеже в июле 1918 г. После его провала окончательно сбежал в Швейцарию.

В Нижнем Новгороде

Из воспоминаний Марка Вишняка «Годы эмиграции»:

Эмигрантская пресса только начинала возникать и пускать корни. И моя «продукция» была объективно ограничена. Начало было положено в выходившем нерегулярно в Лозанне среднего формата издании в 6-8 страниц под названием «Родина». Оно возникло и существовало благодаря инициативе Николая Алексеевича Ульянова, профессора геологии Лозаннского университета, эсера, члена Московской городской управы в 1917 году, с которым мы вместе чудесным образом выбрались из Севастополя, как о том рассказано в предыдущей книге моих воспоминаний. За девять месяцев вышло двенадцать номеров «Родины», прекратившейся 23 октября 1920 года за отсутствием средств.

Н.А. Ульянов стал геологом по совету С.Н. Мотовиловой. В Швейцарии получил звание профессора геологии Лозаннского университета. Всю оставшуюся жизнь изучал геологию «любимого Монблана», давал консультации в связи с прокладкой тоннеля из Франции в Италию. Был награжден за эти заслуги французским орденом «Почетного легиона».

В то же время в ГАРФ его дореволюционные документы до сих пор хранятся как «дела из фонда белоэмигранта Н.А. Ульянова»:

Ф. Р-6220, 1 оп., 28 ед. хр., 1908-1928

Библиографический указатель статей по земельному вопросу, составленный Н.А. Ульяновым по русским газетам за 1906-1908 гг., материалы по вопросу административного и судебного воздействия на русскую печать в 1905-1907 гг.; коллекция вырезок из Санкт-Петербургской, Московской и русской провинциальной печати по вопросам общины, землеустройства, укрепления и расширения крестьянского землевладения (1908-1910 гг.); описи документальных материалов, переданных Н.А. Ульяновым в Русский заграничный исторический архив (1927-1928 гг.).

В очерке «Месяц во Франции» В.П. Некрасов сообщал о своей встрече с Н.А. Ульяновым:

Узнав, что я в Париже, дядя позвонил из Лозанны ко мне в гостиницу, и мы условились, что я встречу его на следующий день на Лионском вокзале.

<...> Потом мы сидели с ним в некоем датском ресторане на авеню де л'Опера и пили с ним датскую водку из бутылки, вмороженной в глыбу льда. <...> Так мы сидели и разговаривали о разных разностях. Он рассказывал о своей жене, моей тетке, ей недавно сделали глазную операцию; о Лозанне, в которой прожил почти всю свою жизнь, — она очень изменилась за последние годы; о новом туннеле под Монбланом — дядя крупный специалист в этом деле; о том, что из-за массы дел почти нет времени ходить по горам, а он это очень любит.

В эмигрантской повести «По обе стороны Стены» В.П. Некрасов приводил дополнительные подробности:

С дядей Колей я уже раньше встречался. Он специально приезжал в Париж, когда я был там в 1962-м. Пригласил даже в ресторан, датский, на Елисейских полях («очень неплохо кормят и недорого»), и мы распили с ним замороженную в куске льда бутылочку водки. В прошлом — эсер. Левый. Принимал участие в московском восстании — специально ездил из Швейцарии. Вернувшись невредимым назад, на революцию, насколько я понял, наплевал и занялся геологией.

Впрочем, кажется, занялся ею еще до революции. Увидел Монблан — влюбился в него, и стал Монблан с тех пор делом его жизни. Сколько я себя помню, он все составлял его карту. Успел ли закончить до своей смерти, так и не знаю.

В.П. Некрасов официально уехал за границу именно по приглашению Н.А. Ульянова. В июле 1974-го в заявлении-анкете он написал: «Прошу разрешить мне выезд из СССР в Швейцарию на 90 дней к дяде по приглашению — Ульянова Николая Алексеевича, профессора Лозаннского университета». И эти 3 месяца дядя и племянник ожесточенно спорили «за политику», см. повесть «По обе стороны Стены» (nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Po%20obe%20storoni%20Steni.aspx):

Некролог, опубликованный в «Новом русском слове» (Нью-Йорк) 30 июня 1977 г.

УЛЬЯНОВ Николай Алексеевич (ок. 1881, Санкт-Петербург — до 30 июня 1977, Лозанна, Швейцария), профессор-геолог.

Когда ему был один год, отца выслали в Томск. Затем семья переезжала в Саратов, Тверь, Самару, Нижний Новгород. В Нижнем учился в реальном училище, затем учился в Мюнхене, вернулся в Нижний Новгород.

Вступил в партию социалистов-революционеров, был членом Оргбюро. После разгрома партии Азефом уехал в Мюнхен, затем вернулся в Самару. Покинув Россию, поселился в Лозанне. Сначала работал у Рубакина, затем поступил на геологический факультет Лозаннского университета. Женился на Вере Николаевне Мотовиловой, родной тетке будущего писателя Виктора Некрасова. Преподавал геологию в Лозанне, подрабатывал уроками русского языка. В Февральскую революцию вернулся в Россию, был избран гласным Московской Думы. В конце 1918 г. пришлось уехать в Киев, Одессу, Константинополь и, наконец, в Лозанну.

Получил орден [французского] Почетного легиона за пятидесятилетнюю работу над геологической картой Монблана, лучшей в мире. Прожил в Швейцарии около 60 лет, но трудился для России и Швейцарии. С распростертыми объятиями принял Виктора Некрасова. Скончался в возрасте 96 лет от тяжелой болезни.

Профессор геологии Н.А. Ульянов в Альпах

Российское зарубежье во Франции (1919-2000). Биографический словарь. Т. 3, М., 2010 Ульянов Николай Алексеевич (1881, С.-Петербург — июнь 1977, Лозанна). Ученый-геолог. Участвовал в деятельности партии социалистов-революционеров [(эсеров)], член ее Организационного бюро. Уехал в Лозанну. Окончил геологический факультет Лозаннского университета. После Февральской революции вернулся в Россию. Был избран гласным Московской думы. В 1918 через Константинополь эмигрировал в Лозанну. Преподавал геологию в университете. Профессор. Часто приезжал во Францию. Участвовал в Париже в праздновании 175-летия Московского университета (1930), выступил с докладом на вечере журнала «Современные записки» (1937), входил в Юбилейный комитет по чествованию [эсера, русского геолога и минералога] Валериана Константиновича Агафонова (1939). Составил геологическую карту Монблана, работал над ней в течение 50 лет). Награжден орденом Почетного легиона (1975). Публиковался в журналах «Воля России» и «Современные записки».

Биографию сего замечательного человека и научного работника (после участия в левоэсеровском мятеже в 1918-м всю оставшуюся жизнь работал над геологической картой Альп) еще предстоит написать.

Мы же пока приводим статью на французском (опустив, правда, цитирование и итоговый список трудов, опубликованных в 1919-74 годах), которая вышла после смерти Николая Алексеевича и подвела черту под всем его жизненным путем.

L'œuvre géologique de Nicolas Oulianoff par Héli BADOUX

Nicolas Oulianoff (1881–1977), géologue

Nicolas Oulianoff disait parfois qu'il avait vécu deux vies: une première, d'action révolutionnaire, jusqu'à l'âge de 38 ans, la seconde, vouée à la science. Ces deux aspects fort différents d'une seule et même existence ne s'opposent pourtant pas - ils reflètent l'engagement continu, sans défaillance, de notre collègue à la recherche du juste et du vrai.

Moins d'une année après sa naissance à Leningrad, le 15 janvier 1881, Oulianoff fut emmené avec ses parents, maîtres d'école engagés déjà dans le bouillonnement révolutionnaire, et condamnés pour cela à l'exil, à Tomsk. C'est là qu'il vécut ses premières années, jouant avec les enfants d'un voisin célèbre, le Prince Alexandre Kropotkine. C'est aussi là que se nouèrent bien des liens fondés sur un même idéal.

Revenue de ce côté-ci de l'Oural, la famille Oulianoff passe par Saratov, puis Tver, Nijni Novgorod et Samara. Nicolas Oulianoff est éveillé à tout, apprend à connaître la nature par son père, qui lui donne des leçons de choses, et brille à l'école. Il sera admis à l'Institut technologique de Pétersbourg en 1898. C'est là qu'il affronte, dans les faits, les problèmes politiques de son pays. Cela lui vaudra l'exil de Leningrad et l'interruption de ses études.

Il est alors engagé par un organisme provincial qui s'occupe des problèmes agraires – la pédologie est en train de naître et le futur géologue s'y intéresse vivement.

En 1900, Oulianoff recommence ses études à Leningrad, mais l'Histoire se répète et ce sera le départ pour Munich, à l'Ecole Polytechnique; là encore, ses études seront interrompues, cette fois pour manque d'argent.

Toujours en contact avec les milieux révolutionnaires — surtout ceux qui sont issus du mouvement «Terre et Liberté» du XIXe siècle — il transporte de la littérature clandestine depuis Genève jusqu'en Russie. C'est là une constante de son action.

Comme ses parents, Oulianoff est, et restera, un pédagogue. Il cherche à instruire, à informer. Il croit à une révolution par l'éducation – de nombreux écrits et un Dictionnaire de la Révolution en témoignent. Plus tard, à Moscou, c'est encore à cette activité qu'il se consacrera.

On le retrouve ensuite sur la Volga, travaillant pour une compagnie de navigation, où il rencontre de nombreux anciens déportés. Puis, à la révolution de 1905, il se consacre entièrement à cette cause, mais celle-ci ayant tourné court, c'est la disparition dans la clandestinité.

Alors commence une période de travail, d'action, de voyages de caractère politique.

Lors d'un passage en Suisse, Oulianoff décide d'aller contempler le Mont Blanc. C'est le coup de foudre qui déclenche un émoi et une curiosité, qui, de sa vie, ne faibliront pas. Il s'installe en Suisse, se marie, écrit des articles, donne des leçons particulières, accueille des groupes de maîtres d'école russes en voyage en Suisse, et, finalement, entame des études de géologie à l'Université de Lausanne en 1913.

Maurice Lugeon l'oriente d'abord du côté du Mormont, mais c'est le socle cristallin et sa structure qui attirent Oulianoff. Il commence une thèse sur l'Arpille.

A la révolution de 1917, Oulianoff se sent appelé vers son pays natal, au seuil d'une ère nouvelle. Il interrompt ses études et part, seul, pour Moscou. Il est tout de suite entraîné dans le tourbillon, dirige le département des problèmes sociaux à la mairie de Moscou, mais doit quitter son poste en 1919, sous la pression bolchévique. Bientôt, il devra fuir, pour rejoindre la Suisse, en passant par l'Ukraine, la Crimée, la Grèce et l'Italie.

Cette fois-ci, l'aventure révolutionnaire est terminée, mais Oulianoff restera un socialiste convaincu jusqu'à son dernier souffle.

1920 voit Oulianoff soutenir sa thèse sur l'Arpille. C'est le début d'une série de travaux cartographiques, de notes et d'articles sur les massifs cristallins externes, qui vont s'échelonner sur plus d'un demi-siècle. C'est également à cette époque que naît la belle collaboration avec Paul Corbin, grâce à qui les cartes topographiques du Mont-Blanc furent établies, d'après des photographies prises à haute altitude, ce qui permit au géologue d'en lever la carte géologique.

Le fil conducteur de ces recherches était contenu dans le thème cher à Oulianoff de la tectonique superposée à axes croisés. En effet, à cette époque, on pensait qu'un orogène, superposé à un autre, plus ancien, ne pouvait que s'aligner sur celui-ci. Oulianoff a démontré, avec éclat, que des orogènes non parallèles pouvaient se superposer. Il s'agit là d'une contribution fondamentale à la compréhension de l'évolution de la croûte terrestre.

Après avoir enseigné, à l'Université de Lausanne, la minéralogie et la pétrographie, Oulianoff est nommé à la chaire de géophysique appliquée en 1938. Il sera Doyen de la Faculté des Sciences en 1945.

Membre très actif de la Société vaudoise des Sciences naturelles, entré dans son comité en 1932, il la préside en 1935. En 1958, la SVSN lui confère le titre de membre émérite, en reconnaissance de son dévouement et de la contribution que son œuvre monumentale sur le massif du Mont-Blanc apporte au développement des sciences géologiques dans le pays.

Au-delà de ses travaux sur le Mont-Blanc et ses abords, Oulianoff s'adonne à d'autres tâches, en particulier des expertises pour la construction de barrages et le percement de tunnels, où figurent ceux du Grand St-Bernard et du Mont-Blanc. Il étudie également les glaciers et essaie de dégager les relations entre la tectonique, le modelé topographique, les directions du flux de la glace. La sédimentologie l'attire aussi; des expériences effectuées à l'âge de la retraite et relatées dans une série de notes en témoignent. Mais, dans les dernières années de sa vie, il revient à ce socle auquel il voua son effort scientifique principal.

Oulianoff a reçu, de son vivant, des hommages qu'il faut relever: entre autres, il fut nommé membre d'honneur de la Société géologique d'Amérique, reçut le Prix Gaudry, plus haute distinction de la Société géologique de France et le ruban de la Légion d'honneur.

Tout cela l'émut certes, mais ne changera en rien l'être modeste et généreux que fut Oulianoff, ni sa routine journalière de travail, qu'il maintint pratiquement jusqu'au bout.

Le 3 juin 1977, Nicolas Oulianoff s'est éteint, au bout d'une vie exemplaire, entièrement consacrée aux plus hautes aspirations de l'âme humaine.

S. Ayrton

L'œuvre géologique de Nicolas Oulianoff *

Par Héli BADOUX

Cet exposé est une synthèse partielle et condensée de l'œuvre géologique de Nicolas Oulianoff. Elle est basée sur les quelque 200 articles, cartes géologiques et notices qu'il a publiés entre 1919 et 1974, groupés d'après les sujets en chapitres séparés, sans souci de la chronologie des travaux énumérés dans la liste bibliographique annexée. Ce texte ne représente donc pas les opinions de l'auteur, mais cherche à rendre compte aussi fidèlement que possible des idées d'Oulianoff**.

Les massifs du Mont-Blanc et des Aiguilles-Rouges

Ces massifs, qui constituent un des traits essentiels des Alpes occidentales, ont souvent été désignés par le terme de massifs hercyniens. Oulianoff s'est souvent insurgé contre cette dénomination erronée. Il s'agit, en effet, de massifs alpins à matériel hercynien et plus ancien.

Cet ensemble comprend en fait deux grands massifs, au **S** celui du Mont-Blanc, au **N** celui des Aiguilles-Rouges, séparés par une zone de terrains secondaires et tertiaires – le «synclinal» de Chamonix. C'est en partant du **SE**, comme la poussée alpine, et en progressant vers le **NE**, que nous aborderons la description de ces massifs, puis le problème de leurs relations réciproques ainsi que leur liaison avec les massifs centraux de l'Aar et de Gastern.

L'énorme effort que représente l'étude des massifs du Mont-Blanc et des Aiguilles-Rouges s'est matérialisé sous forme de **14** feuilles au 1/20000 publiées avec la collaboration de P. Corbin et dessinées sur une base en courbes de niveau de la Société Française de Stéréotopographie.

Ce sont: Servoz-Les Houches, 1927; Chamonix, 1928; Les Tines, 1929; Vallorcine, 1930; Le Tour, 1931; Argentière, 1932; Mont Dolent, 1934; Talèfre, 1935; Le Tacul-col du Géant, 1938; Mont-Blanc, 1952; Aiguille du Midi, 1956; Miage, 1959; Tré-la-Tête, 1964 et Pormenaz, 1969, pour les feuilles Miage et Tré-la-Tête avec la collaboration de J. Bellière.

Chaque feuille est accompagnée d'une notice explicative et de coupes. A cela, il faut ajouter la participation aux feuilles St-Maurice (1934), Finhaut (1952) et Grand St-Bernard (1958) de l'Atlas géologique suisse au 1/25000. Pour qui sait l'effort physique et intellectuel que représente le levé d'une carte géologique, l'énumération ci-dessus se passe de commentaires.

Le massif du Mont-Blanc

Le massif du Mont-Blanc caractérisé par la présence de terrains cristallins et cristallophylliens couvre une surface allongée du *SW* au *NE*, longue de 60 km par 15 km de large. Il est limité au *NW* par le synclinal de Chamonix dont les terrains mésozoïques seraient en contact tectonique avec les gneiss. Au *SE* également, le contact du cristallin avec sa couverture est tectonisé, ce qui était bien visible dans le tunnel du Mont-Blanc. Là, on a traversé 1281 m de roches calcaires, puis 19 m de mylonite granitique, suivie de 150 m de granité cataclasé. Cette zone tectonisée affleure à 5,5 km de là dans la région d'Entrèves <...>. La limite orientale du massif dirigée *N* 20⁰ *E* se suit en versant gauche du Val Ferret suisse jusqu'à Sembrancher et Saxon.

^{*} Многочисленные лакуны в тексте связаны лишь с удалением множества ссылок на публикации.

^{**} Je tiens à remercier le Professeur E. Wegmann qui a bien voulu lire le texte manuscrit et dont les critiques m'ont été très utiles.

Parallèlement à ses deux limites **NW** et **SE**, le massif cristallin est partagé par une zone mylonitique fortement pentée vers le **SE**, selon laquelle la moitié **SE** du massif s'est soulevée par rapport à l'autre. Le résultat a été de permettre à l'érosion de mettre à jour au **S** le noyau granitique du massif, tandis que dans la moitié **NW** seule la couverture cristallophyllienne affleure. Cet important contact tectonique se suit sur 40 km des gorges du Durnand, Bovine, l'Aiguille du Midi, le col du Passon, le col des Grands Montets, les Echallets, le lac du Plan de l'Aiguille. Sur tout ce parcours la zone mylonitisée, large de 100 m environ, suit le contact du granité et des schistes cristallins en affectant ces deux formations. Au-delà, elle se poursuit au sein de ces derniers jusqu'au Gros Bechar, à l'**W** du glacier de Taconnaz.

La partie **SE** du massif du Mont-Blanc est caractérisée par un noyau anticlinal de granité de 12 km de large d'**E** en **W**, flanqué de part et d'autre d'une zone complexe de passage aux schistes cristallins. Le granité du Mont-Blanc, appelé aussi protogine, nom qu'Oulianoff désapprouvait, est une roche le plus souvent à grain grossier, dont les cristaux de feldspath ont des formes caractéristiques, souvent très nettes. Puis vient le quartz, le mica foncé presque toujours chloritisé ainsi que quelques minéraux accessoires ou accidentels: apatite, zircon, magnétite, épidote, orthite et séricite <...>. Dans les faciès porphyriques les cristaux d'orthose peuvent atteindre jusqu'à 10 cm. L'orientation de ces feldspaths, souvent uniforme et parallèle ($N 0^0 - 15^0 E$) aux zones d'enclaves est tout à fait frappante <...>. Le faciès porphyrique domine, mais on trouve aussi du granité plus clair à grain plus fin uniforme. Il peut prendre un aspect gneissique, par exemple dans la Grande et la Petite Fourche, il est alors plus basique, plus riche en éléments foncés (biotite et épidote). Des filons de microgranite et d'aplite recoupent le granité.

Les minéraux du granité sont toujours plus ou moins altérés : kaolinisation et séricitisation de l'orthose et du microcline, épidote et zoïsite dans les plagioclases, chloritisation de la biotite.

De plus, un faible degré de cataclase est toujours présent: feldspaths brisés, quartz en mosaïque ou à extinction roulante. L'anticlinal granitique se complique de replis synclinaux de direction N 0° à 20° E dont il ne reste que des traînées d'enclaves. En moyenne, ces enclaves ont la forme de lentilles plus ou moins verticales et allongées en direction méridienne. Il s'agit d'anciens schistes cristallins que le granité d'anatexie n'a pas réussi à digérer.

Elles comprennent donc des micaschistes, des gneiss divers, des amphibolites, etc. Leur composition chimique étant proche de celle du granité qui les entoure, les influences réciproques sont négligeables. Parfois, les contacts sont flous, d'autres fois tranchés; l'enclave est alors soulignée par une auréole claire plus riche en quartz. Mais il y a des exceptions:

Dans les deux rognons (pointements rocheux entourés par les glaces) du glacier du Géant, les enclaves ont été transformées en corneennes. Dans cette roche à grain fin se sont développés de gros cristaux authigènes de microcline pourvus d'une enveloppe plus sombre leur donnant un aspect zone alors qu'il s'agit de l'accumulation des débris que le cristal a repoussés à sa périphérie lors de sa croissance. La composition chimique des enclaves et du granité est la même <...>.

Autre exception: le rognon de la Charpoua, entre les aiguilles du Dru et du Moine, est traversé par une zone **NS** riche en enclaves, coupée par une zone mylonitique. Par assimilation (endométamorphisme), le magma granitique donne naissance à des granodiorites et là où la contamination a été la plus forte à des helsinkites, c'est-à-dire à des diorites à épidote où ce dernier minéral est nettement primaire <...>.

Oulianoff signale aussi deux zones épaisses de microgranite <...>:

La première traverse l'arête des Courtes encadrée de deux zones d'enclaves. Elle mesure 200 m de puissance et bien que masquée par le glacier d'Argentière semble se diriger vers la Petite Fourche. La seconde constitue l'Aiguille de Rochefort dans le massif de la Dent du Géant. On note aussi des filons de pegmatite et d'aplite recoupant le granité.

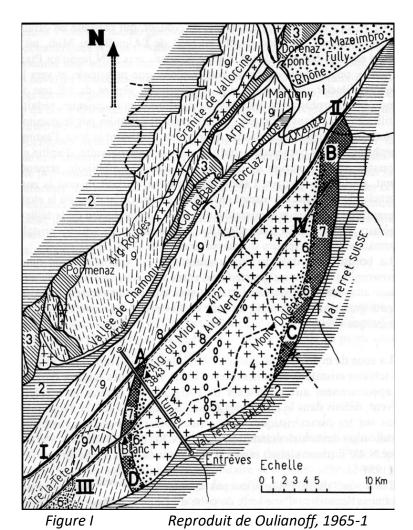
Pour l'ensemble du massif, les proportions : microgranite : aplite : pegmatite sont égales à 90 : 9 : 1.

Comme nous l'avons dit précédemment, le noyau granitique complexe est flanqué à l'**W** et à l'**E** de deux zones de contact **NS** ou de passage aux schistes cristallins <...>.

A l'**W**, la zone du métamorphisme de contact, qui présente un caractère nettement éruptif, est bien visible au pied de l'Aiguille du Midi, où elle mesure environ 500 m de large. Elle se poursuit vers le **N** jusqu'au Plan de l'Aiguille, où elle bute contre la zone mylonitique principale, et vers le **S**, jusqu'au Glacier des Bossons. On rencontre en venant de l'**E** une zone d'endométamorphisme où les schistes cristallins sont fragmentés, réduits en lentilles nageant dans le magma ou entièrement assimilés par le granité qui évolue vers la syénite ou la diorite quartzifère.

Puis vient la zone d'exométamorphisme où les corneennes sont injectées de microgranite, d'aplite et de pegmatite avec formation de minéraux nouveaux: amphibole, serpentine, grenat, épidote et d'autres, l'assemblage minéral variant suivant la nature originelle de la roche. On atteint ensuite les schistes cristallins où la chaleur magmatique a facilité la recristallisation avec augmentation de la taille des minéraux, en particulier des feldspaths. Puis viennent les schistes cristallins «normaux» — la couverture du massif granitique <...>.

La bordure orientale du noyau granitique est semblable, sauf que les microgranites (porphyres quartzifères) roses sont plus abondants qu'à l'**W**. Quant aux schistes cristallins non atteints par le métamorphisme dû au magma granitique d'anatexie, ils sont cachés plus à l'**E** sous la couverture mésozoïque <...>.

Carte géologique schématisée des massifs du Mont-Blanc et des Aiguilles-Rouges.

Légende: 1. Alluvion. – 2. Secondaire et Tertiaire. – 3. Carbonifère et Permien. – 4. Granité. – 5. Alignements des enclaves dans le granité du Mont-Blanc. – 6. Migmatisation avancée, allant jusqu'à la formation de roches d'anatexie (diorites, granodiorites, monzonites, granité). – 7. Zones de passage entre les schistes cristallins et le granité du Mont-Blanc (métamorphisme de contact, migmatisation). Chacune de ces deux zones limitant le granité du Mont-Blanc à l'Ouest et à l'Est ne possède que des contacts flous les séparant du granité – d'un côté et des schistes cristallins – de l'autre. – 8. Grandes failles alpines. Elles sont orientées SW-NE perpendiculairement à la poussée alpine (du SE au NW). Elles sont nombreuses et leur longueur est variable. Mais quelques-unes sont particulièrement grandes, dépassant en longueur 40 km. Sur cette carte ne sont indiquées que deux de ces failles (I-II et III-IV) qui ont joué un rôle très important lors de l'orogenèse alpine. – 9. Schistes cristallins anciens (antéwestphaliens) très variables par leur composition pétrographique (gneiss acides, gneiss basiques, migmatites, micaschistes, corneennes, amphibolites, calcaires anciens, etc.).

La zone de mylonite qui, jusqu'à l'Aiguille du Midi, séparait la protogine des schistes cristallins se poursuit vers le SE au sein des schistes cristallins. Ils appartiennent aux complexes de l'Aiguille du Goûter et à celui du Brévent, définis dans le massif des Aiguilles-Rouges<...>. Nous reviendrons sur les caractéristiques de ces ensembles; notons seulement que la stratification des schistes cristallins dirigés N 30° E est coupée par une schistosité E (donc alpine) et que la tectonisation de la roche est très poussée <...>.

Cette zone de mylonite n'est pas la seule. Une autre très importante détermine l'existence d'une série de cols: du Chardonnet, des Droites, puis au-delà du Jardin du Tacul, la dépression du glacier du Géant. Elle est parallèle à la principale et divise le noyau granitique en deux grosses lames; la méridionale chevauchant la septentrionale qui à son tour chevauche les schistes cristallins du versant **S** de la vallée de Chamonix.

Ces deux lames se sont également morcelées sous la poussée alpine venue du *SE*, soit à 45⁰ environ sur la structure hétérogène du massif marquée par les zones *NS* d'enclaves, restes de synclinaux aigus, de microgranite et de granite-gneis-sique. Aussi, au lieu de lames, il s'est cassé en lentilles de dimensions variables (1 à plus de 100 m d'épaisseur) à plans axiaux pentes fortement au *SE* et limitées par de la mylonite. Pris dans cette mylonite plus plastique lors de sa formation, les cœurs de granité sain se trouvaient soumis à une compression de type hydrostatique; ainsi s'explique la desquamation centripète observée lors du creusement du tunnel <...>.

La poussée alpine soulevant l'énorme masse granitique a également engendré des diaclases verticales dirigées **NW** et des diaclases horizontales. Ces deux derniers types de cassures sont souvent cicatrisées par du quartz. Ce sont surtout les fissures ouvertes horizontales qui ont fourni les «fours» de cristaux de roche, parfois accompagnés de beaux octaèdres de fluorine <...>. L'existence de ces 3 systèmes de cassure et leur disposition irrégulière expliquent l'architecture si particulière des Aiguilles de Chamonix.

Oulianoff ayant souvent affaire à ces mylonites s'est penché sur leur genèse et a montré après des recherches expérimentales qu'une compression simple provoquait la rupture des liaisons entre les éléments de la roche sans les déformer. La roche se réduit en poudre. Il en donne un exemple, celui d'un calcaire de la Combe des Fonds (Val Ferret). Pour qu'une mylonite se produise, il faut un mouvement tranchant comme c'est le cas dans les failles inverses de compression <...> où les éléments sont non seulement disjoints mais triturés.

La zone de schistes cristallins qui sépare le noyau granitique du Mont-Blanc du synclinal de Chamonix prolonge au-delà de ce pli les terrains des Aiguilles-Rouges. Elle n'en diffère que par un dynamométamorphisme d'âge alpin beaucoup plus marqué. Nous en traiterons donc dans les pages consacrées au massif des Aiguilles-Rouges.

Le «synclinal» de Chamonix

Le synclinal alpin de Chamonix, prolongement de la vallée longitudinale du Rhône valaisan, est l'un des traits majeurs de la structure des Alpes. Malheureusement, son remplissage secondaire et tertiaire affleure très mal dans la vallée de Chamonix, comme dans celle du Rhône d'ailleurs. Les affleurements les plus complets sont ceux de la région frontière: col de Balme-Croix-de-Fer. Ils ont été décrits par Oulianoff dans sa thèse sur l'Arpille <...>. Il a, avec Lugeon, attiré l'attention des géologues sur un phénomène bien développé dans cette région et susceptible de les induire en erreur: celui du fauchage ou balancement superficiel des têtes de couches <...>. Au début de ses recherches, Oulianoff interprétait cette zone mésozoïque de Chamonix comme un synclinal. La nappe de Morcles en serait issue. Plus tard, il l'assimila à un rift <...>.

Le massif de l'Arpille

Ce petit massif est séparé du reste du massif des Aiguilles-Rouges, auquel il appartient, par le synclinal permo-carbonifère de Salvan-Vernayaz. Il se prolonge en rive droite du Rhône par celui de Fully-Mazembroz. Au **SE**, le massif disparaît sous le Carbonifère du synclinal de Salvan qui à l'**W** de Trient rejoint celui de Chamonix <...>.

Dans ce territoire, objet de la thèse de doctorat de N. Oulianoff, le socle ancien provient du métomorphisme d'une série détritique comportant à son sommet des calcaires ± marneux. Ainsi naissent des micaschistes et des gneiss divers et, au sommet, des marbres et des cipolins. Ces calcaires anciens sont accompagnés d'amphibolites.

Ces dernières ne seraient que d'anciens calcaires digérés par les apophyses et filons granitiques issus d'un foyer profond et qui imprègnent le massif comme une éponge <...>. En accord avec Lugeon et Jeremine, Oulianoff arrive à la conclusion que les calcaires anciens et les amphibolites qui les remplacent ou les accompagnent, marquent l'emplacement des synclinaux de cette série métamorphique fortement plissée. Très redressés vers le sommet de l'Arpille, les plis ainsi repérés se couchent au voisinage de la vallée du Rhône. Cette orogenèse est antérieure au Stéphanien qui repose partout en discordance sur les schistes cristallins sans qu'on puisse préciser davantage l'âge de ce plissement ancien. Dans de nombreuses publications, Oulanoff utilise le terme «hercynien» pour désigner ce plissement ancien préstéphanien, alors qu'ailleurs <...> ce même terme désigne le plissement («allobrogien») postérieur au dépôt du Permo-carbonifère de Salvan; ceci pourrait prêter à confusion si l'on n'est pas averti.

<u>Le synclinal permo-carbonifère de Salvan</u>

Ce synclinal, pincé entre l'Arpille et le gros du massif des Aiguilles-Rouges, renferme un ensemble de schistes ardoisiers, de grès et de conglomérats sombres, coiffés par une formation rouge lie-de-vin et verte, concordante. La première est datée par des plantes du Westphalien **D** et du Stéphanien, la seconde est considérée comme permienne sans preuve paléontologique valable. Les éléments des conglomérats représentent toutes les roches du massif ancien à l'exclusion du granité du Mont-Blanc qui n'affleurait pas encore<...> à cette époque.

Le synclinal complexe comporte 5 replis synclinaux dont 4 possèdent un cœur permien. Ceux qui jouxtent le massif des Aiguilles-Rouges, qui a servi de butoir lors de la phase allobrogienne de Lugeon, sont très étroits et écrasés <...>. Ce contact est jalonné par une zone de mylonite affectant aussi le granité de Vallorcine. C'est la mylonite de Miéville qui doit dater de la phase allobrogienne précitée <...>. Au **SE** en versant gauche de la vallée supérieure de Trient, la zone permo-carbonifère s'élargit, enveloppant la terminaison du massif de l'Arpille et vient en contact avec le flanc **NW** du synclinal de Chamonix. Au-delà, le Carbonifère se suit jusque vers le Grassonet dans la vallée de Chamonix. Dans cette zone, la direction des plis est de **N** 20° **E**. En Suisse, elle passe à **N** 35° **E** <...>.

En 1963<...>, Oulianoff a décrit vers Salvan une discordance au sein du Carbonifère. Il s'agirait d'une phase précoce de l'orogenèse allobrogienne <...>.

Le massif des Aiguilles-Rouges s.str.

Le massif des Aiguilles-Rouges est constitué essentiellement de schistes cristallins ± injectés de filons et d'émanations provenant du granité enfoui en profondeur. Mais ce dernier gagne localement la surface, couvrant des aires très inférieures à celle de la protogine du Mont-Blanc. Les roches du massif des Aiguilles-Rouges sont nettement moins tectonisées que celles du Mont-Blanc et se prêtent mieux à l'analyse.

Le socle ancien a révélé une histoire complexe. En effet, Oulianoff a découvert <...> au sein des schistes cristallins des niveaux conglomératiques en deux localités: entre la Flégère et Chéserys: grès anciens grossiers dont la pâte de quartz et micas enserre des cailloux roulés de rhyolithe. L'autre gisement, sur la paroi **NW** de l'Aiguille du Goûter est un séricitoschiste contenant de gros grains roulés de quartz et d'une roche éruptive faite de quartz et de feldspath. Ces conglomérats proviennent de la démolition d'une ancienne chaîne d'âge inconnu, peut-être huronien? <...>

Ces conglomérats ou grès grossiers sont incorporés dans une puissante série détritique surtout argileuse admettant des niveaux calcaires à son sommet. Cet ensemble va subir une orogenèse d'une puissance exceptionnelle accompagnée de métamorphisme et suivie de la mise en place des massifs granitiques. Cette orogenèse est antérieure au Westphalien supérieur; d'aucuns la placent au Carbonifère inférieur (phase sudète), Oulianoff penche plutôt pour l'orogenèse calédonienne, à cause de l'énorme différence de métamorphisme qui sépare le socle ancien du Permo-carbonifère <...>.

Le cristallin des Aiguilles-Rouges a été subdivisé en plusieurs complexes qui se retrouvent de part et d'autre du synclinal de Chamonix. Les notices explicatives de la carte géologique en donnent des descriptions détaillées. Seuls les caractères essentiels de ces complexes seront ici indiqués. D'**E** en **W**, on rencontre:

Le complexe de l'Aiguille du Goûter-Vallorcine

La masse principale est constituée par des corneennes claires à grain fin et des gneiss souvent œillés. Ces roches résultent de la présence proche d'un foyer granitique dont quelques pointements visibles sont entourés de nombreux filons de microgranite et de pegmatite. La direction des couches est en gros **NS**, cela au **NW** du synclinal de Chamonix <...>.

Au $\bf S$ de ce pli, l'écrasement alpin, très faible au $\bf NW$ du synclinal, devient général avec l'apparition de séricite et de chlorite. Des zones de granité écrasé et l'abondance des injections au voisinage de la protogine intrusive sont à noter <...>. Les couches \pm verticales sont dirigées $\bf N$ $20^{\circ} \bf E$.

Le complexe du Brévent

Il débute dans l'*E* par des paragneiss à orthose et plagioclase acide pouvant passer par disparition des micas à des leptynites. Dans cette zone orientale, au voisinage du Lac Cornu, passe tout un faisceau de roches basiques, amphibolites, grenatites, éclogites, cipolins, marbres et gneiss divers qui ont fait couler beaucoup d'encre. En se basant sur la structure de ces roches, leur association avec les calcaires anciens et sur le fait qu'elles se coincent vers le bas dans les vallées, Oulianoff conclut qu'elles sont dues au métamorphisme de roches carbonatées variées représentant d'anciens synclinaux <...>.

La zone d'orthogneiss où est taillé le Brévent constitue l'axe du complexe. Une zone riche en filons d'aplite et de pegmatite l'entoure. L'orthogneiss passe plus à l'**W** à des micaschistes à 2 micas à intercalations de paragneiss et de leptynites.

En moyenne, toutes ces roches sont alignées NS.

Au **S** du synclinal de Chamonix, le complexe du Brévent se poursuit sur les feuilles Les Houches, Miage et Tré-la-Tête. Aux caractéristiques mentionnées ci-dessous se surimpose le dynamo-métamorphisme entraînant l'apparition de chlorite, saussurite, séricite et kaolin. Les cataclases et les mylonites sont fréquentes. La stratification est orientée en moyenne **N** 30⁰ **E**. Elle est coupée par la schistosité alpine orientée **N** 45⁰ **E**. On retrouve donc le changement de direction entre les cristallins situés au **NW** et au **SE** du synclinal de Chamonix.

Le complexe de Pormenaz

Il occupe une surface relativement étroite, en forme de croissant, séparée de celui du Brévent par le synclinal carbonifère pincé de la combe de Rochy. A l'**W**, il s'étend pratiquement jusqu'à l'Arve.

Il est constitué par un granité monzonitique à grands feldspaths roses se détachant sur un fond verdâtre, couleur due à l'abondance de la chlorite. Mais il prend, par places, un faciès gneissique, la foliation du gneiss étant ± **NS**, direction parallèle à celle des synclinaux carbonifères. Les filons d'aplite, de pegmatite et de microgranite abondent; ils ont subi comme le reste du massif l'effet des pressions orogéniques <...>.

Le complexe granitique de Servoz-Les Houches

La roche qui le constitue contient du quartz, souvent recristallisé en mosaïque granoblastique; des plagioclases; de l'orthose et du microcline; ces feldspaths sont sensiblement kaolinisés et séricitisés. La biotite peu abondante est chloritisée. Il s'agit donc d'un granité monzonitique ou d'une granodiorite. Au cortège habituel des filons acides s'ajoutent des lampro-phyres (malchite et kersantite) <...>.

Le complexe du Prarion

L'arête principale du Prarion est taillée dans le cristallin pré-westphalien et non dans la «bésimaudite» comme le pensait Michel-Lévy. Il s'agit d'un ensemble gneissique ± injecté, riche en plagioclase et en épidote. Parfois le quartz manque presque totalement <...>.

Relations des massifs du Mont-Blanc et des Aiguilles-Rouges

En résumé, Oulianoff a montré que dans ces deux massifs 4 orogenèses sont intervenues, chacune ayant un plan particulier, plus ou moins influencé par ceux qui l'avaient précédé. C'est le phénomène qu'il a dénommé: les tectoniques superposées à axes croisés, qu'il fut l'un des premiers à décrire. Ce leitmotiv reviendra constamment dans son œuvre, non seulement pour expliquer la structure des massifs, mais aussi pour rendre compte de leur morphologie actuelle <...>.

De la première orogenèse, révélée par la présence de grès conglomératiques dans la série des schistes cristallins, on ne sait rien sauf son existence.

La seconde orogenèse (précambrienne? calédonienne? sudète?) fut la plus importante. Elle s'accompagna d'un métamorphisme profond et se termina par la mise en place de massifs granitiques intrusifs. Les plis formés sont dirigés généralement $\it NS$ sauf dans l' $\it E$ où ils s'orientent vers le $\it N$ 10 $^{\rm 0}$ à 20 $^{\rm 0}$ $\it E$. Les deux massifs n'en formaient qu'un, car les complexes définis dans celui des Aiguilles-Rouges se poursuivent en effet dans celui du Mont-Blanc. Les granités d'anatexie et les zones de migmatites jalonnent les anticlinaux, les synclinaux aigus étant caractérisés par la présence des calcaires métamorphiques et des amphibolites. Ils se poursuivent au sein du granité par les traînées d'enclaves de même orientation.

Cette orogenèse fut suivie d'une longue période d'érosion. Puis, dans les lacs occupant les creux de l'ancienne chaîne, vont se déposer les sédiments détritiques du Carbonifère supérieur et du Permien (?). Une nouvelle phase plicative intervient, mettant fin à la sédimentation. Cette orogenèse allobrogienne de Lugeon va agir sur un socle hétérogène bien induré. Il va se casser en blocs limités par des zones faibles où se trouvaient précisément les accumulations permocarbonifères. Les ruptures du socle entraînent la formation de zones de mylonite, par exemple celle jalonnant le contact entre le synclinal permo-carbonifère de Salvan et le granité de Vallorcine. Dans le SW du massif des Aiguilles-Rouges, les synclinaux allobrogiens seront pinces entre les blocs et prendront donc des directions identiques à celles du socle cristallin.

On ne sait pas ce qui se passait pendant ce temps dans le massif du Mont-Blanc, car il est dépourvu de Permo-carbonifère, si ce n'est que la protogine était toujours enfouie sous sa couverture de schistes cristallins. L'érosion du socle cristallin, amorcée avant le Westphalien supérieur, va se parfaire au Permien et c'est sur une surface parfaitement plane que vont se déposer les quartzites du Trias. Durant le Mésozoïque et le Nummulitique, la sédimentation noie les massifs qui s'enfoncent sous la mer avec une subsidence variant d'un bloc à l'autre. Elle est maximum le long des zones faibles, c'est-à-dire à l'emplacement des synclinaux permocarbonifères où le remplissage «alpin» est maximum. On peut donner en exemple de ce phénomène: le synclinal de Dorénaz, la Croix-de-Fer et le transsynclinal Servoz-Les Houches.

La quatrième orogenèse qui assaille notre massif (il est toujours unique) est d'une extrême puissance – c'est l'orogenèse alpine. Elle va soumettre la région à une forte poussée dirigée vers le **NW**.

Sous cette poussée, le massif du Mont-Blanc s'individualise. Il se brise en lames gigantesques. L'une soulève le noyau granitique qui va chevaucher au NW sa couverture métamorphique. L'autre chevauche à son tour et écrase le synclinal de Chamonix qui naît à ce moment, d'où l'inflexion vers le N 20° E des schistes cristallins primitivement NS. Alors que se maintient l'alignement méridien des traînées d'enclaves contenues dans le granité.

Le granité est ployé en un vaste anticlinal **NS** flanqué à l'**W** et à l'**E** de son contact intrusif dans son ancienne couverture métamorphique. Ces mouvements alpins induisent fréquemment au sein des roches du massif du Mont-Blanc une rétrométamorphose liée à une cataclase ± poussée.

Le massif des Aiguilles-Rouges a moins souffert lors de l'orogenèse alpine. Il a basculé, le bord **S** se soulevant le long d'une faille bordant actuellement le synclinal de Chamonix. L'hétérogénéité du massif intervient en plusieurs points (col du Vieux, Pte A. Favre). Des blocs se soulèvent, rompant la couverture triasique. Ils sont impossibles à repérer là où cette couverture a disparu par érosion.

On constate aussi un rejeu des synclinaux carbonifères. Ainsi dans la région Les Houches-Servioz, le Trias dessine un synclinal d'axe **NS** comme le Carbonifère sous-jacent. C'est donc un pli alpin auquel le rejeu du socle et du synclinal allobrogien confère une direction ancienne.

En conclusion, dans l'analyse d'une région à tectoniques superposées et de directions croisées, il faut absolument tenir compte de toute son histoire passée si l'on veut en comprendre l'état actuel.

Relation entre les massifs Mont-Blanc-Aiguilles-Rouges et ceux d'Aar-Gastern <...>

Par une exploration rapide du massif de l'Aar, Oulianoff arriva à la conviction que les relations des deux massifs centraux étaient semblables à celles observées pour le Mont-Blanc et les Aiguilles-Rouges; Aar et Gastern formaient donc aussi, avant le Westphalien, un massif à tectonique **NS**.

Au flanc occidental du val Ferret court la zone (**N** 15⁰ **E**) des migmatites limitant le massif granitique. Elle annonce donc à l'**E** la présence d'une zone de schistes cristallins accompagnés peut-être de Carbonifère. Elle formerait d'après Oulianoff une sorte de transsynclinal séparant les deux groupes de massifs et occupant l'ensellement qui les sépare. Ce dispositif se poursuivrait loin dans le **N**: l'anticlinal Mont-Blanc-Aiguilles-Rouges se prolongeant par le horst des Vosges, celui d'Aar-Gastern dans celui de la Forêt-Noire et le transsynclinal par le graben d'Alsace.

L'étude de la zone pennique frontale et en particulier de son Carbonifère a fourni à Oulianoff une confirmation de son hypothèse. Dans le domaine des Dranses, la zone carbonifère et les plis alpins ont pris une direction ancienne (N 15° E). Par contre entre Isérables et Bramois, la bande de Carbonifère court N 50° à 60° E parallèlement aux plis alpins, ce qui a fait admettre une concordance entre le Carbonifère et le Trias, ce à quoi Oulianoff ne souscrit pas<...>.

Il remarque d'abord que le Carbonifère, exempt de métamorphisme, est identique et du même âge <...> que celui du synclinal de Salvan. Ce sont donc des dépôts lacustres que le Trias marin va recouvrir en transgression. Or les couches du Carbonifère examinées en surface et surtout dans les mines de charbon présentent des directions ± méridiennes, s'écartant nettement des directions alpines. Il y aurait donc une discordance à la base du Trias, preuve de l'existence dans le Pennique de la phase allobrogienne.

Sur le Trias reposent les schistes dits de «Casanna», où dominent <...> dans la région de Nendaz des schistes albitiques, chloriteux et séricitiques. On note à certains niveaux une forte teneur en calcite (jusqu'à 50%), alors que le Carbonifère alpin daté en est totalement dépourvu. D'autre part, si l'on suit les Casanna en direction du Grand St-Bernard, ils deviennent plus métamorphiques, plus gneissiques, alors que le Westphalien ne se modifie pas. Oulianoff en conclut que les «Casanna» ont été métamorphisés avant le Westphalien; ils sont donc plus anciens, sans qu'on puisse préciser davantage.

Le métamorphisme

Confronté journellement aux schistes cristallins, Oulianoff a exposé dans quelques notes ses idées sur leur genèse <...>, c'est-à-dire sa conception du métamorphisme en général.

Des facteurs qui interviennent dans le métamorphisme régional, élévation de la température, augmentation de la pression géostatique, pression dirigée et métasomatose, les deux derniers lui paraissent les plus importants.

Si un massif rocheux est enfoui en profondeur, les élévations de température et de pression géostatique rendent instable l'équilibre de ses minéraux, mais ne suffisent pas à eux seuls à métamorphiser la roche. La preuve en est donnée par l'absence de métamorphisme des séries tabulaires même très épaisses.

Les fluides qui imprègnent les roches dans le cas ci-dessus sont immobiles et en équilibre chimique avec la roche qui les contient. La pression orogénique va les mettre en mouvement, transportant ainsi des substances nouvelles, facilitant les échanges chimiques entre les cristaux; les fluides rendront possible l'apparition de minéraux nouveaux. Ce fluide n'est autre que l'eau congénère, soit celle qui à l'origine imprégnait les sédiments. Même à basse température, elle favorise l'apparition de minéraux nouveaux dits authigènes. Oulianoff en donne l'exemple des Schistes de Ferret près du hameau de ce nom<...> et des minéraux authigènes du Trias. Mais pour que le mouvement de ces eaux transportant Na, K, etc. soit possible, il faut que la pression dirigée, soit la déformation des roches, lui ouvre des passages vers le haut. Ces passages sont les failles et les diaclases de toutes tailles qui sillonnent en tous sens les roches, même dans celles où semble régner une tectonique souple<...>. Métasomatose et défor-mation étant liées, cela explique pourquoi le métamorphisme régional est l'apanage des régions plissées, des chaînes de montagnes.

Problèmes de morphologie alpine

L'histoire morphologique du massif du Mont-Blanc et des régions limitrophes est extrêmement compliquée. D'abord parce qu'au Quaternaire ont alterné les périodes glaciaires, où l'érosion se faisait par les glaciers, et les périodes interglaciaires où régnait l'érosion des cours d'eau.

De plus, eaux et glaces auront à façonner un sous-sol rocheux très hétérogène, car il résulte de trois orogenèses superposées dont les directions sont croisées. Le massif du Mont-Blanc franco-suisse se situe dans la zone où l'Arve et le Rhône valaisan luttaient pour accroître leur bassin versant <...>.

Le glacier de Tré-la-Tête s'écoule vers le **SW** à partir du col Infranchissable, suivant une zone de mylonite séparant les schistes cristallins à l'**W** de la zone granitisée à l'**E**. Puis à l'altitude de 2500 m, il tourne à angle droit et descend au **NW** suivant une zone de failles orientées cette fois parallèlement à la poussée alpine. Enfin, la langue du glacier reprend la direction **SW** coulant en sens inverse de la vallée de Contamine inclinée elle au **NE** <...>.

Les glaciers de Taconnaz et des Bossons au-dessus de 2600 m s'écoulent vers le **N** 10⁰ **E**; alors que, normalement, ils devraient descendre vers le **NW** perpendiculairement à la vallée de Chamonix ou du glacier arvin qui l'occupait jadis. Cet écoulement en sens «contraire» est la conséquence de la structure lithologique du fond rocheux <...>.

Anciennement, le glacier d'Argentière, alors que la vallée de l'Arve n'atteignait pas cette région, se poursuivait droit au **NW** et par le Col des Montets rejoignait les glaciers de Remuaz et du Buet. Le glacier du Tour franchissait le col des Posettes et se joignait aux précédents pour former le grand glacier de Vallorcine occupant la vallée de l'Eau-Noire. Les deux glaciers d'Argentière et du Tour pour gagner le bassin du Rhône profitaient de la présence des synclinaux carbonifères et de leur remplissage alpin. Au stade suivant, le glacier d'Argentière plus actif finit par capturer celui du Tour et réunis ils franchissaient le col des Montets. Enfin, l'Arve agrandissant rapidement sa vallée dans les terrains tendres du synclinal de Chamonix finit par capturer le glacier d'Argentière-Tour. Le col des Montets est donc un col de capture glaciaire <...>.

Au Riss (?) alors que les vallées n'étaient pas ou que peu creusées, le glacier du Trient participait à la grande nappe de glace qui submergeait le pays. C'est à cette époque qu'il déposa les blocs de granité du sommet de l'Arpille. Il utilisa par la suite la Combe de Martigny creusée pendant un interglaciaire, abandonnant ses moraines au flanc de l'Arpille. Cette dernière était directement reliée à la Croix-de-Fer.

Un important réseau de failles dirigées **NW**, partant de Tête-Noire et qui provoque un décalage du synclinal de Chamonix constituait un point faible dans l'arête Arpille-Croix-de-Fer. Par érosion régressive, un affluent de l'Eau-Noire creusa l'actuelle vallée supérieure de Trient et captura ainsi le glacier. Mais ce dernier n'atteignit jamais Tête-Noire, sa moraine frontale la plus basse est celle où est bâtie l'église de Trient. Le col de la Forclaz est donc un col de capture.

Cette zone de cassures traverse la Combe d'Orny; elle a rendu possible la capture du glacier d'Orny par celui de Saleinaz et la brusque torsion vers le **SE** de ce dernier <...>.

Pour Oulianoff, les failles jouent un rôle de premier plan dans la localisation des cours d'eau. Il explique par leur présence, contrôlée par photogéologie, les vallées transversales du Rhône entre Martigny et St-Maurice, et de l'Arve au niveau de Sallanches. Toutes deux sont dirigées environ $N 30^0 W < ... >$.

On retrouve cette même direction pour la zone faillée qui a déterminé le tracé de la vallée Champex-Le Borgeaud. Cette vallée très ancienne servait de passage vers la vallée du Rhône, au glacier de Valsorey, occupant la vallée d'Entremont, auquel s'ajoutaient tous les glaciers du flanc oriental du Mont-Blanc. A cette époque, le Val Ferret n'existait pas encore, pas plus que les tronçons de vallée Orsières-Sembrancher et Sembrancher-Les Valettes. Le glacier du Grand Combin au sortir de la vallée de Bagnes franchissait le Mont Chemin pour se joindre au glacier du Rhône par la région col du Tronc-Pas du Lin <...>.

Avant que s'ouvre le Val Ferret, le grand glacier de Saleinaz franchissait l'ensellement de la Vouardetta entre Plan Monnay et la Tour de Bavon. Il rejoignait vers Liddes le glacier de Valsorey et abandonnait sa moraine droite (devenue une moraine médiane) vers Chandonne à la cote maximale de 1450 m. Cependant, avant ce stade, le niveau de la glace devait être bien plus élevé puisqu'un grand bloc de granité a été découvert à l'alpe de Moaye à 1835 m <...>.

Dans la région de Ferret, deux tectoniques croisent leur direction. Au bas de l'en-semble sédimentaire, soit au niveau de la vallée actuelle, régnent les directions anciennes **N** 15⁰ **E**, imposées au matériel alpin par le socle. Cette influence doit décroître vers le haut où les directions alpines **NE** doivent prévaloir. On comprend donc l'orientation du glacier de Saleinaz franchissant la crête en direction de Liddes. Il suivait le chemin de moindre résistance. Mais au fur et à mesure qu'il approfondissait son lit, l'influence du grain **N** 15⁰ **E** grandissait et finissait par l'emporter.

Un autre exemple de capture est celle qui a donné naissance au lac de Mârjelen, dû au barrage par le glacier d'Aletsch de l'ancienne vallée occupée par le glacier de Fiesch avant sa capture <...>.

Les glaciers dangereux

Oulianoff n'a pas négligé pour autant l'étude des glaciers actuels, particulièrement celle des glaciers suspendus, insistant sur les dangers qu'ils font courir aux régions qu'ils dominent <...>. Il cite dans cet article plusieurs exemples d'éboulements de glaciers et les dégâts qui en sont résultés. La catastrophe de Mattmark en 1965 devait en fournir un dramatique exemple. A la suite de cet accident, une étude générale des glaciers suspendus fut proposée. Ce projet fort coûteux fut critiqué et ramené par Oulianoff<...> à des dimensions plus adéquates et effectives.

Dans le cadre de ses recherches ou de son enseignement, Oulianoff a abordé de nombreux domaines que nous ne ferons que citer: les techniques minéralogique <...> — les gîtes métallifères <...> — des problèmes particuliers du méta-morphisme <...> — le Carbonifère valaisan <...> — la cartographie et la topographie <...>.

Par contre, deux domaines ont été au centre de ses préoccupations scientifiques: de 1946 à 1951 le tremblement de terre de 1946 en Valais, et de 1958 à 1965 la sédimentologie en mers profondes.

Le séisme du 25.1.1946 en Valais

Le 25 janvier 1946, un tremblement de terre d'intensité 9 secoua le Valais central, occasionnant quelques dommages aux habitations et l'éboulement de la paroi **5** du Six des Eaux-Froides.

Le lendemain, Oulianoff envoya ses élèves enquêter dans tout le bassin du Rhône, pour déterminer l'importance et la nature des dégâts <...>. Les résultats de cette enquête permirent de localiser entre Sierre et Montana «l'épirégion». Elle montra aussi que seuls le versant droit et la rive droite de la plaine du Rhône avaient été secoués par le séisme. Il y voyait la confirmation de l'existence de deux failles majeures — l'une empruntant la vallée longi-tudinale, l'autre la vallée transversale du Rhône — contre lesquelles se seraient brisées les ondes sismiques.

Il fit de plus l'étude critique <...> des résultats obtenus, dans la région épicentrale, par la comparaison des nivellements de 1916, 1924, 1927 et 1947. Il montra que seule la région Flanthey-Lens s'était abaissée de 20 à 90 mm en 23 ans. Dans le reste de la région nivelée, l'affaissement des points de mesure est lié à l'instabilité locale du sol et ne résulte pas du tremblement de terre du 25.1.1946.

D'autre part, l'étude des enregistrements des sismographes de Neuchâtel, Bâle, Zurich et Coire révéla que la vitesse des ondes P2 était maximum de l'épicentre, supposé à 10 km de profondeur, à Neuchâtel (5,78 km/sec) et minimum (5,02 km/sec) à Coire. Ces chiffres indiquent une nette hétérogénéité du socle cristallin. La cause serait la présence du fossé rempli de schistes cristallins et de carbonifère joignant l'ensellement entre les massifs granitiques du Mont-Blanc et de l'Aar, au graben du Rhin. Oulianoff y voyait donc une confirmation de l'hypothèse audacieuse concernant les relations des massifs cristallins <...>.

Sédimentologie

Dans ce domaine, Oulianoff a développé des idées originales appuyées par des expériences de laboratoire. Il a invoqué l'action des vibrations sismiques ou autres, qui agitent sans cesse les fonds marins, pour rendre compte de plusieurs phénomènes sédimentaires. Les mécanismes proposés n'ont guère été acceptés par les spécialistes, leurs effets leur paraissant minimes. Peut-être n'ont-ils pas suffisamment tenu compte de l'extrême lenteur de la sédimentation!, l'accumulation de modifications imperceptibles pouvant aboutir à des transformations importantes.

Il s'est d'abord attaqué au problème des sables récemment découverts dans les grands fonds marins. Il remarque que les courants enregistrés sont inadéquats pour transporter ce matériel pondérable jusque dans les abysses. Les sédimentologistes modernes font appel pour ce faire aux courants de turbidité. Oulianoff qui, sans en nier l'existence, doute de l'efficacité et de l'extension desdits courants, envisage une reptation du matériel détritique sous l'effet des vibrations, même sur des pentes très faibles. Le mécanisme invoqué serait donc analogue à celui des couloirs oscillants ou des tables à secousses <...>.

Les vibrations du fond vont également favoriser la compaction<...> des sables par réarrangements des grains et des vases par expulsion de l'eau interstitielle. Le phénomène serait semblable à celui du «vibrage du béton» qui permet l'élimination de l'eau excédentaire. Expérimentalement, il a ainsi obtenu des tassements atteignant le 20% du volume initial.

En expérimentant sur un mélange de détritiques, il constata que les vibrations provoquaient le classement particulier des grains appelé graded-bed-ding. La grano-décroissance se faisait vers le haut (normal) ou vers le bas (inverse) suivant que les vibrations étaient horizontales ou verticales <...>. Le graded-bedding, qui s'observe fréquemment dans les roches détritiques, le Flysch en particulier, est généralement attribué à la décantation des courants de turbidité.

Enfin, il a abordé le problème des rides de fond présentes à grandes profondeurs <...>. Ces ripple-marks asymétriques, simples ou croisés, sont attribués par les océanographes aux courants de fond. Ils sont même considérés comme la preuve de l'existence de ces courants.

Oulianoff, qui n'admettait pas ce mécanisme, a eu recours dans ce cas également aux vibrations. Elles lui permirent de fabriquer expérimentalement des ripple-marks simples ou croisés.

Par ces recherches, Oulianoff a donc proposé un mécanisme sédimentaire nouveau jusqu'alors négligé et dont les possibilités ont été démontrées expérimentalement. C'est donc un apport très intéressant, même s'il n'a pas l'importance primordiale que lui attribue son inventeur.

Oulianoff a développé, en plus de son enseignement et de ses recherches, une grande activité dans le domaine de la géologie appliquée particulièrement aux grands travaux: barrages hydro-électriques de Cama-rasa, de la Dixence, de Salanfe et de la Gemmi<...>; tunnels transalpins (Grand St-Bernard et Mont-Blanc) <...>. A cela s'ajoutent de nombreuses expertises de moindre importance.

L'une d'elles mérite cependant d'être citée: en 1923, Lugeon fut chargé et l'étude de la retenue du barrage de Camarasa en Catalogne dont l'étanchéité était défectueuse. Dans cette région, P. Fallût et Ch. Jacob avaient établi l'existence d'une vaste nappe de recouvrement enracinée au **S** et poussée vers le **N** sur près de 50 km.

Oulianoff, chargé par Lugeon de clarifier la géologie des environs de la retenue, démontra l'inexistence de cette nappe. Il n'y avait à sa place qu'une série autochtone affectée d'anticlinaux plus ou moins complexes déversés vers le **S**. Le plissement principal avait été suivi d'une érosion intense avant le dépôt dès l'Oligocène de molasse surtout conglomé-ratique. Cet Oligocène, moulant une ancienne topographie très accentuée, apparaissait localement en position bizarre. Telle avait été la cause de l'erreur des savants précités <...>.

La démonstration de l'absence de nappe dans les Pyrénées espagnoles devait avoir une grande influence sur les recherches géologiques concernant l'ensemble de la chaîne.

Après ce rapide parcours de l'œuvre scientifique de Nicolas Oulianoff, on reste étonné de son ampleur et de sa variété, surtout si l'on tient compte de sa venue à la géologie alors qu'il approchait de la quarantaine. En effet, à 41 ans, il terminait ses études avec sa thèse sur l'Arpille. Il commençait une nouvelle carrière, à l'âge où bien des savants sont en plein rendement ou même ont déjà l'essentiel de leur œuvre derrière eux. Durant cette seconde vie, il va mener à chef la cartographie des rudes territoires français et suisses des massifs du Mont-Blanc et des Aiguilles-Rouges. Il en fera l'étude pétro-graphique, tectonique et morphologique, bâtissant pour ces massifs cristallins une œuvre monumentale s'apparentant au Pennique d'argand et à l'Helvétique de Lugeon.

C'était un esprit curieux de nombreux problèmes, se méfiant des idées reçues et des modes qui jouent un grand rôle en science. Aussi lui doit-on des idées originales, choquantes pour d'aucuns, mais jamais gratuites.

Il a accompli son œuvre dans des conditions matérielles et parfois morales souvent difficiles sans faiblesse et sans se plaindre. C'était un homme réservé et modeste, et en même temps enthousiaste et audacieux, toujours courtois avec les autres – un grand Monsieur.

BULLETIN DES LABORATOIRES DE GÉOLOGIE, MINÉRALOGIE, GÉOPHYSIQUE ET DU MUSÉE GÉOLOGIQUE DE L'UNIVERSITÉ DE LAUSANNE, №226, 1977

Ульянова Вера Николаевна, урожд. Мотовилова (1885—1968). Младшая дочь Николая Ивановича и Алины Антоновны, урожденной фон Эрн, Мотовиловых. В 1911-м вышла замуж за левого социалиста-революционера, а затем профессора Лозаннского университета Николая Алексеевича Ульянова (1881-1977). Детей у них не было.

Насколько можно понять из писем киевской сестры Софьи, Вера Николаевна была простой обывательницей Лозанны (чуть ли не мещанкой), и, похоже, на этой почве у них произошел «разрыв отношений»:

Многоуважаемый Николай Алексеевич. <...> Вчера Зина принесла мне Верино письмо с обращением и ко мне. Я всегда отвечаю на письма и не хочу, чтоб меня считали невежливой. Но тут я бы хотела, чтобы Вы сами поняли, что лучше мне с Верой не переписываться. Я посылала ей в течение года длинные письма, вспоминая детство, рассказывая о себе, Зине, Вике. Мне казалось, что мои письма очень милы и заботливы.

И вдруг от Веры пришло письмо. Она просит мне ей больше не писать и вернуть все ее письма, она не желает от меня ничего слышать о Зине и Вике (Зина ей сама пишет). Мои рассказы о моих новых и старых знакомых, пишет она, ей «естественно» не интересны.

Мне-то все в ее письмах было интересно: и то, у какой модистки М-те Рату заказывала шляпы, и какой chalet [(швейцарский домик)] у жены ее дантиста, это ее интересует. <...>

Далее Вера писала, что я «груба и мещанственна», воображаю, что всех благодетельствую, и, читая мои письма, она «смеется таіз avec mépris» [(«смеется, но с презрением»)]. Сказать правду, письмо это меня несколько ошеломило.

Затем пришло письмо от Вас Зине. Вы писали, что мои письма Вере — это был какой-то «бокс», и я старалась нанести Вере самый «больной удар». После моих писем Вере не хотелось больше жить, и «она думала о самоубийстве». Ну, если Вера психически несколько расстроена, то Вы-то в своем уме?

Далее Вера прислала несколько писем Зине, все — клокочущие злобой на меня. Вике (!) Вера специально писала, что у меня и Зины — темное прошлое. В чем?

Н.А. и В.Н. Ульяновы на балконе, на фоне парка Мон-Репо, Лозанна, Швейцария, 1950-е (фото с сайта памяти Виктора Некрасова nekrassov-viktor.com/Family.aspx)

<...> Я не видела Веру больше сорока лет, да и раньше далека была с ней. Так как она моя сестра, то мне естественно интересно, как она живет и что с ней, и я от души желаю ей всего хорошего. Смешно, я как будто оправдываюсь, а на самом деле мне, конечно, безразлично, кажется Вере или нет, что я как [наша общая швейцарская знакомая] Лина «une vieille fille érotique» [(«эротичная старая дева»)]...в 73 года! (из письма С.Н. Мотовиловой Н.А. Ульянову в ноябре 1953-го, ф. 786 отдела рукописей РГБ)

«Переписка» сестер возобновилась лишь в 1958-м: «Я ужасно люблю получать письма, но почему-то мои письма всем надоедают. Однажды моя сестра Вера даже написала, чтоб я ей больше не писала, и мы шесть лет с ней не переписывались. В прошлом году я все же с ней возобновила переписку, но переписка такая. Я ей послала в этом году 20 длинных писем, а она мне 2 коротеньких, пишет, что ей трудно писать. Я посылаю ей все время наши русские книги, и ее муж извещает меня о получении их». (из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону в сентябре 1959-го, ф. 9508 РГАЭ)

В другом письме было кратко упомянуто о ностальгии сестры по родине: «Вера моложе меня на 4 года, но и она пишет мне в каждом письме одно и то же. Не любит Швейцарию, любила Петербург и так далее».

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879-1938). Мы приводим здесь данные по сему «совслужащему», поскольку в орбиту его чекистского внимания попадал И.Р. Классон, когда решался вопрос о выезде/невыезде последнего в Берлин, сначала как техника Гидроторфа, а затем на учебу в Высшей Технической школе. К счастью, для молодого и наивного Ивана «орбита внимания» И.С. Уншлихта ограничилась не более чем бюрократической перепиской с инстанциями, а не «оперативной работой» с «потенциальным сексотом» в таком благодатном месте для собирания информации и «работы на мировую революцию» как Берлин. Более того, они могли пересечься непосредственно в Берлине, например в советском торгпредстве, когда И.С. Уншлихт в 1923 г. приезжал в Германию, чтобы организовать с помощью местных коммунистов свержение законной, выборной власти (см. ниже).

Зампред ВЧК-ОГПУ, 1921-1922 гг.

<u>Более или менее официальная биография</u> (www.hrono.ru/biograf/bio_u/unshliht_is.php):

Уншлихт Иосиф (Юзеф) Станиславович (1879-29.7.1938). Член партии с 1900 г. Родился в г. Млава Плоцкой губернии (Польша) в семье служащего. Окончил Высшие технические курсы в Варшаве по специальности «электротехника». С 1896 г. участвовал в революционном Занижении, в 1900 г. вступил в Социал-демократическую партию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), член Варшавского, Лодзинского окружного комитетов и Краевого правления СДКПиЛ. Принимал участие в работе V съезда РСДРП в 1907 г. Много раз подвергался арестам (в 1902, 1903, 1906, 1907, 1909, 1913 гг.), тюрьмам и ссылкам. В 1917 г. – член исполкома Иркутского Совета и комитета партии большевиков. С апреля в Петрограде, член исполкома Петроградского Совета. Делегат VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). По списку большевиков, от Петроградской организации РСДРП(б), был избран в Учредительное собрание. В июле 1917 г. был арестован, заключен в «Кресты». В дни Октябрьского вооруженного восстания – член Петроградского ВРК, член ВЦИК. В декабре 1917 г. был назначен членом Коллегии НКВД, председателем Комиссии по делам военных и беженцев (Центропленбеж). В феврале 1918 г. – один из организаторов обороны против германских интервентов в районе Пскова. С февраля 1919 г. – нарком по военным делам Литовско-Белорусской советской социалистической республики, с апреля – зам. председателя Совета обороны Литвы и Белоруссии, член ЦК и президиума ЦК КП Литбел ССР, член РВС 16-й армии. Во время советско-польской войны в 1920 г. – член Польского бюро ЦК РКП(б) и РВС Западного фронта (в. декабре 1919 – апреле 1921 гг.), курировал особые отделы и военную разведку.

5 апреля 1921 г. по решению Политбюро ЦК РКП(б) занял пост зам. председателя ВЧК (затем ГПУ). С сентября 1921 г. — член Совета частей особого назначения при ЦК РКП(б), 8 ноября 1921 г. по постановлению Президиума ВЧК по совместительству председатель Московской чрезвычайной комиссии (МЧК). В 1923 г. входил в состав комиссии ЦИК СССР по выработке положения об ОГПУ. Параллельно вел работу в Коминтерне. Был участником событий т.н. «Немецкого Октября», занимался организацией вооруженных отрядов и подбором кадров для будущей немецкой ЧК, являлся членом постоянной военной (военно-конспиративной) комиссии при Орготделе ИККИ. С ноября 1923 г. — член РВС СССР и начальник снабжения РККА. С февраля 1925 г. — зам. наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе (после его смерти в октябре 1925 г. — К.Е. Ворошилова). Был одним из организаторов и руководителей массовых добровольных оборонных организаций (Доброхим, Авиахим, Осоавиахим). Курировал военную разведку (был инициатором т. н. «активной разведки» против Польши и Румынии) и Особое техническое бюро.

С 1930 г. на хозяйственной работе. Член Президиума и зам. председателя ВСНХ СССР, зам. председателя Госплана СССР, затем Главный государственный арбитр при СНК СССР. В 1933-1935 гг. он возглавлял Главное управление Гражданского воздушного флота при СНК СССР.

Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. На XIII съезде РКП(б) был избран членом ЦРК, на XIV, XV, XVI, XVII съездах партии – кандидатом в члены ЦК. На VII съезде Советов в феврале 1935 г. был избран секретарем Союзного Совета ЦИК СССР.

Награжден орденом Красного Знамени (1928).

11 июня 1937 г. был арестован по делу «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии». 28 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 28 (по некоторым данным 29) июля 1938 г. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

Пристрастная публикация в берлинской эмигрантской газете «Руль» 13 февраля 1925 г.: (elib.shpl.ru/ru/nodes/10037-1240-1313#page/159/mode/inspect/zoom/7)

Уншлихт

Заместителем [нарокомвоенмора] Михаила Фрунзе, наследовавшего Троцкому, назначен Уншлихт.

Имя это изредка мелькает в печати: в отчетах о торжественных заседаниях реввоенсовета в числе его членов упоминается на одном из последних мест — Уншлихт. Между тем Уншлихт уже давно одна из важнейших фигур среди государственных воров СССР. Он — начальник войск ГПУ, т.е. не только шеф красных жандармов, но фактически, в конечном счете, владыка животов. Кто командует этими войсками, т.е., вернее, кому они подчиняются, в тех руках сосредоточены многие возможности. Уншлихт, следовательно, очень большой генерал. Но он нем мало знают, потому что он предпочитает укромную деятельность в укромных местах. Его работа, как работа Малюты Скуратова, не терпит света. Блистать Уншлихт предоставляет другим, для себя этот нетопырь предпочитает мрак.

В составе народных комиссаров и во главе важнейших ведомств нередко значились имена чрезвычайно скромных деятелей — бухгалтеров третьего разряда, гимназистов, уволенных из младших классов, настройщиков роялей, древообделочников. И Уншлихт, краснейший и левейший террорист с 14-летнего возраста вплоть до настоящих дней, совершенно свободен от грехов по всем без исключения наукам и хотя носит позорное, почти интеллигентское звание дантиста, но заслуживает коммунистического снисхождения, так как известно, что дантист, в отличие от зубного врача, нередко владеет подложным аттестатом.

Боевую свою карьеру Уншлихт начал на Литве в январе 1919 года, когда Ленин бросил на совершенно беззащитную Вильну несколько шаек грабителей из отбросов внутренних губерний, облыжно присвоив им название «белорусских полков», состоящих будто бы из уроженцев Литвы и Белоруссии, собственными средствами завоевавших советскую власть для своей родины. Эти «местные люди» были поставлены под команду проходимцев, частью из явно уголовных типов, частью из мальчиков, жаждавших большевистских подвигов. Уншлихт нашел возможность выделиться и среди них. Он отличился в первом же своем боевом деле, во время самого своего въезда в Вильну.

По пути с вокзала Уншлихт реквизировал понравившийся ему с виду дом ювелира Леона Перновского. Войдя в квартиру хозяина с несколькими солдатами, взятыми с улицы, Уншлихт застал семью Перновских за ужином, тут же выгнал всех из дому и сел со своими за стол. Через два часа все жильцы дома Перновских оказались прогнанными в чем были на улицу, и дом был занят приятелями Уншлихт, получившими в свое владение не только квартирные обстановки, но и платье, и белье, и деньги жильцов.

Этот первый подвиг Уншлихта заставил трепетать весь город. Но то были только веточки. Уншлихт превратил Вильну в своего рода загон для охоты, на которую он выходил ежедневно, неожиданно появляясь в разных частях города и собственнолично вылавливая жертвы. Он арестовывал людей хорошо одетых, женщин и мужчин, иногда детей, не спрашивая фамилии, и отправлял их в советскую Россию заложниками, а иногда затравливал насмерть в виленских тюрьмах. Он заставлял стариков бесцельно переносить с места на место тяжести, чистить выгреба голыми руками.

Изобретательности его по части поимки людей, в охоте за черепами — не было конца. То он прятался с солдатами в подворотни и внезапно выскакивал при проходе группы людей и всех забирал, то устраивал засады в богатых магазинах, задерживая всех приходивших покупателей, обращая мирные лавки в Дантов ад, где всяк входящий должен был оставить надежду навсегда, то арестовывал клиентов известных в городе портных по книгам заказов. Отправив заложниками в тюрьмы, а кой-кого и на расстрел, Уншлихт с тысячами красноармейцев, с пулеметами и пушками, бежал вместе со всеми народными комиссарами Литвы и Белоруссии, оставившими на произвол судьбы своих жен и детей, ночью на 20 апреля 1919 года из Вильны, панически испугавшись налета трехсот польских всадников, в большинстве вооруженных одними саблями.

Прибежав второпях в Москву, вместе с другими литовско-белорусскими большевиками-бандитами, Уншлихт напросился в Чека на маленькую палаческую должность, но в самом скором времени обратил на себя внимание лютостью, тем более примечательной, что она скрывалась за спокойным выражением лица, за вежливостью, за внешними приемами, напоминавшими джентльмена. Эти манеры Уншлихт перенял в кавярнях [кафе] своей Лодзи, где посетители величают друг друга по меньшей мере докторами или полковниками.

Как раз в момент приезда Уншлихта в Москву, в разгар военного коммунизма, существовал, по зову Ленина, спрос на людей способных на особые гадости. «Нам, — поучал Ленин своих ближайших друзей, — нужны негодяи, способные на такие мерзости, каких даже мы с вами учинить не можем». В такую подходящую минуту Уншлихт стал делать карьеру семимильными шагами. Он немного поотстал в начале НЭПа, но затем, с переименованием Чека в ГПУ, Уншлихт оказался первым кандидатом на первые должности.

ГПУ было полностью по характеру Уншлихта: оно работало скромнее, чем Чека, но не вспышками, а планомерно и постоянно. И главное — в полной тишине. Немногие только знали, кто поворачивает его руль.

Труды Уншлихта по усовершенствованию палаческих приемов ГПУ велики и неисчислимы, и трудно остановиться на том или другом из его подвигов, чтобы сказать: вот лучшее. Начать можно с его работы по ликвидации нэпманов, целиком проведенной по его замыслу и практическим указаниям. Это было повторение его блестящего виленского опыта, но в обширных размерах; это был тот же загон, но на московских просторах. Людей ловили на улице и непосредственно отправляли в Соловки, на Туркестанские солончаки, в восточную Сибирь, не дав проститься с семьей, забрать самые необходимые вещи.

Вторым подвигом Уншлихта [в Москве] была организация новой системы надзора в тюрьмах: надзирателями за политическими, интеллигентами и буржуями стали назначать уголовных арестантов, которым было дозволено при отправлении своих обязанностей ничем себя не стеснять. Голодовки и самоубийства были последствиями этой меры крайнего издевательства, придуманной палаческим гением Уншлихта.

Далее идут его неусыпные труды по усилению внутреннего шпионажа и доносительства до тех степеней, при которых всякий советский гражданин стал проживать как бы под стеклянным колпаком. Ужасы жизни в нынешней России, то положение, при котором смерть призывается как избавление, ад, из которого пытаются бежать куда глаза глядят, без гроша в кармане и под страхом гибели в пути при переходе границы — все это создано работой ГПУ, руководимой в тиши застенков мрачным Уншлихтом. Где-то за высокой стеной этот ужасный человек мастерит свою паутину, втягивающую в ядовитые петли стомиллионный народ.

Можно сойти с ума. Что-то безымянное и бессмысленное сжимает в мертвящих тисках великую страну. Какое-то дьявольское Политбюро, чортов ГПУ, сапоги в кровавую смятку. Какие-то страшные и нелепые люди... Сталин, Фрунзе, Уншлихт. Темные имена и темные силы. Армия, от которой зависит судьба России, и верховод этой армии — палач из палачей. Уншлихт — на посту фельдмаршала — это последнее слово и последняя черта.

Дальше – бездна. Или рассвет?..

Беглеи

«Беглец», который вырвался из советской России, мог многого не знать о деятельности И.С. Уншлихта. Позже историки исследуют его участие, как и многих других высокопоставленных советских коммунистов, в «Немецком Октябре», случившемся осенью 1923 г. Общий расклад был такой:

В 1923 году осложнились отношения СССР с Германией. В августе под влиянием обострившейся внутренней обстановки и угрозы всеобщей забастовки ушел в отставку правительственный кабинет во главе с В. Куно. Новое правительство Г. Штреземана, стремясь ликвидировать кризис в стране, взяло курс на отказ от «восточной ориентации» на Москву, начав искать пути сотрудничества с Францией. В ответ на это руководство СССР и подчиненного ему Коминтерна активизировали подготовку революционного переворота в Германии. В СССР для помощи бастовавшим и локаутированным германским рабочим был объявлен сбор средств; 1 млн. золотых марок выделил Профинтерн. В Германию направилась «группа товарищей», имевших большой опыт революционной работы (М.Н. Тухачевский, И.С. Уншлихт, И.И. Вацетис, В.Р. Менжинский и др.), а также выпускники и слушатели старшего курса Военной академии РККА.

^{*} За этим псевдонимом, скорее всего, скрывался Владимир Орлов (см. его мемуары «Двойной агент. Записки русского контрразведчика» swathe.narod.ru/Lib/Memoirs/Politic/Orlov_Agent.htm).

В октябре 1923 года утверждается секретная комиссия для непосредственного руководства восстанием в Германии в составе: К.Б. Радек (руководитель), Ю.Л. Пятаков (заместитель руководителя), В.В. Шмидт, И.С. Уншлихт. В Берлине к «четверке» присоединился член Политбюро, полпред РСФСР в Германии Н.Н. Крестинский. На финансирование революции выделяется гигантская сумма в 300 млн. золотых руб. (И это в то время, когда СССР еще не оправился от страшного голода.) По распоряжению Л.Д. Троцкого части Красной Армии начали выдвигаться к западным границам СССР, чтобы по первому приказу прийти на помощь германскому пролетариату.

Большевистское руководство, настраивая страну на скорую победу коммунистов в Германии, разослало 18 октября всем губкомам закрытое письмо «Германия накануне великих боев», в котором утверждалось: «Объединение Советской Германии с СССР будет последним ударом по капитализму и неизбежно приведет скоро к рабочекрестьянской революции в других странах Европы и всего мира». Вооруженное восстание начали рабочие и портовики Гамбурга 22 октября 1923 года. Однако оно не было поддержано в других землях и уже через два дня жестоко подавлено армией и полицией. 23 ноября последовал официальный запрет Компартии Германии.

А П.В. Макаренко в статье, опубликованной в «Вопросах истории» за март 2012 г., сделал более глубокий и детальный анализ, в том числе и по роли И.С. Уншлихта (rabkrin.org/nemeckij-oktyabr-1923-g-i-sovetskaya-vneshnyaya-politika-statya):

В связи с событиями в Гамбурге советские дипломаты испытывали затруднения в отношениях с германскими властями. Крестинский рекомендовал [генеральному консулу в Гамбурге] Шкловскому избегать нежелательных «выступлений и солидаризации с той или другой из борющихся сторон», то есть занимать нейтральную позицию. Нейтралитет советских представителей в Германии не избавлял их от неприятностей, доставляемых советской прессой, усилившей в конце октября нападки на немецкое правительство. Германский МИД заявил протест по поводу новых оскорблений. [Германский посол] Брокдорф-Ранцау неоднократно писал в Берлин, что в таких условиях, когда Москва не прекращает антигерманской пропаганды, работать в России совершенно невозможно, и просил своего отзыва в Германию.

Политбюро ЦК, учитывая необходимость сохранения до победы германской революции отношений с правительством Веймарской Германии, запретило органам советской печати употреблять оскорбительные выражения по адресу Эберта и германского правительства. Неудачным было признано назначение в состав берлинской «четверки» Крестинского, связанного своей официальной должностью. Но вместо Крестинского, не разделявшего взгляды Радека и Пятакова на перспективы германской революции, было предложено «назначить тов. из ВЧК» — И.С. Уншлихта.

После подавления путча большевики стали «прятать концы в воду»:

Решением ПБ ЦК Зиновьеву, [секретарю исполкома Коминтерна] О.А. Пятницкому и Уншлихту было поручено «составить списки подлежащих отзыву работающих в Германии товарищей, наиболее скомпрометированных подпольной работой».

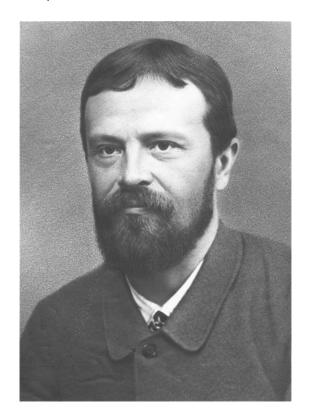
По-видимому, об этой деятельности писал 24 февраля 1925 г. берлинский «Руль»:

«Lokal Anzeiger» сообщает, что "из Москвы в Берлин прибыла «тройка» для того, чтобы в связи с результатами лейпцигского процесса произвести чистку учреждений ІІІ интернационала от неподходящих элементов". Ввиду этого, по словам газеты, многие русские коммунисты, чтобы избежать чистки, записались в германскую коммунистическую партию. Визит тройки является началом европейского тура. Из Берлина она отправится в Прагу, Рим, Лондон и Париж. <...>

Флориани Франц (? — ?). Обедневший дворянин из Венеции, выучился на врача в университете Вильно (закончив курс в 1825 г.), где по-видимому и обзавелся семьей — первая дочь Валерия родилась в том же Вильно в том же 1825-м. Приехал в Малороссию в качестве домашнего врача с неким русским помещиком (предположительно, с графом Броницким, имевшим великолепное имение под Белой Церковью) и привез с собой пять дочерей от уже покойной жены — «немецкой швейцарки». Умер до 1845 года. Матильда, или Юлия, вскоре уехала в неизвестном направлении, две более красивые — Валерия и Луиза вышли замуж — соответственно за Антона фон Эрна и Ивана Егоровича Мотовилова, а Эмилии и Ксаверии пришлось зарабатывать на жизнь учительницами французского языка — в Харькове и Петербурге соответственно.

Его потомок Виктор Некрасов незаконно вывез за границу диплом Франца Флориани об окончании университета в Вильно. Теперь им незаконно владеет пасынок первого Виктор Кондырев.

Чиколев Владимир Николаевич (1845 — 1898). Окончил Московский университет в 1867 г. В 1876-м переехал в Петербург и поступил на службу в Главное артиллерийское управление делопроизводителем электротехнической части. Один из основателей и затем член правления VI (электротехнического) отдела Императорского Российского технического общества (1879 г.).

Стоял у истоков издания журнала «Электричество» (1880 г.), был первым редактором последнего. Инициатор проведения в Петербурге первой в мире электротехнической выставки (1880 г.). Собственно полученный от нее чистый доход — 1 200 руб. и позволил начать издавать «Электричество». С 1876 г. выполнил ряд исследований в прожекторном освещении, обобщенных в 1892-95 гг. в труде «Осветительная способность прожекторов электрического света» (совместно с В.А. Тюриным и Р.Э. Классоном, сделавшими серию опытов и расчетов). В этой работе излагалась оригинальная методика построения кривой силы света прожектора и теория расчета прожекторного пучка.

В 1892-95 гг. В.Н. Чиколев служил электротехником на Охтинских пороховых заводах (Р.Э. Классон вместе с ним электрифицировал цеха трехфазным током от гидроустановки на р. Охта). В 1895-96 гг. грамотно спроектировал электрическое освещение Литейного моста лампами П.Н. Яблочкова и показал его преимущество над газовым освещением.

Во втором, дополненном издании книги «Не быль, но и не выдумка. Электрический рассказ» (1896 г.) поместил в качестве приложения два материала «начинающего электротехника» Р.Э. Классона — «Постоянные, переменные и трехфазные токи: их характерные свойства и область применения» и «Интересный случай применения электрической навигации».

Владимир Николаевич Чиколев

22 февраля прошлого года скончался выдающийся деятель в области электротехники В.Н. Чиколев. Мы считает долгом представить нашим читателям возможно полный обзор более чем тридцатилетней деятельности этого русского человека, потрудившегося немало на пользу и процветание русской электротехники и нашего журнала «Электричество». Деятельность В.Н. Чиколева падает главным образом на семидесятые и восьмидесятые года. Четверть века, которая отделяет нас от того времени, ознаменовалась столь большим прогрессом в применениях электричества, что многое, казавшееся смелыми мечтами, высказываемое тогда лишь сильными умами — в настоящее время получило техническое осуществление. Электричество по своим свойствам оказалось весьма податливым в исполнении нужд и фантастических прихотей человека.

Но свойства электричества, его место между силами природы, его роль чуть не во всех явлениях окружающего нас мира — все это интересует лишь науку; чтобы ввести в жизнь этого драгоценного агента, нужно было познакомить с ним ненаучную массу, нужно было выставить его, обрисовать толпе дельцов, практиков, ум которых направлен не в сторону отвлечений и философии науки, для которых физическое явление становится привычным и входит в круг их понятий со стороны житейских расчетов и вкусов.

Нередко наблюдаем, что человек, обладающей в высокой степени идеальными качествами человеческого характера, одиноко стоит вне жизненной волны, она катится мимо его, не задевая, оставляя его чуждым; такой человек, говорим мы, не пригоден к жизни, не на ее лад настроен. В положении такого человека долгое время оставалось и электричество. Увлечение электричеством волною жизни началось именно в период деятельности В.Н.

К этому же времени относится и лучшая пора деятельности П.Н. Яблочкова. Этим двум лицам нужно приписать главную роль в зарождении электротехники в России, но известное значение имели они и за границей.

В.Н. Чиколев родился 22 июля 1845 г. и происходил из дворян Калужской губернии; первоначальное образование получил в Александровском сиротском кадетском корпусе, откуда вышел в марте 1863 года. По оставлению корпуса он был вольным слушателем на математическом факультете Московского Университета; затем он работал в физическом кабинете Петровско-Разумовской Академии у профессора Цветкова и в лаборатории А.С. Владимирского, проф. Императорского Технического Училища, бывшего тогда председателем Физического отделения Общества Любителей Естествознания.

Это время его деятельности было отчасти посвящено трудам по устройству Политехнического музея и по участию его в Всероссийской политехнической выставке.

Чиколев был живой и светлый ум, с самого начала оригинальный и производительный и, несмотря на чисто практический характер своей деятельности, сохранивший до конца свое научное направление. Уясняя себе детали различных вопросов и разрабатывая их вперед, он умел делиться результатами своей деятельности в своих интересных публичных лекциях, в литературных работах, в многочисленных докладах на заседаниях специальных обществ. Первые его лекции (в 60-х годах) были прочитаны в Политехническом музее в Москве.

Первым печатным трудом его было «Руководство к приготовлению и сжиганию фейерверков», появившееся в 1867 г. и считающееся до сих пор одним из руководств по пиротехнике. В Протоколы заседаний Отд. физ. наук Общ. Люб. Ест. с 1873 г. по 1876 г. занесено более 20-ти докладов В.Н. Чиколева по различным вопросам техники. Наиболее крупными из этих сообщений являются доклады: 1) о швейной машине, приводимой в действие электромагнитным двигателем (конструкции самого Чиколева) и о детально разработанной системе гальванических элементов» (1872 г.), причем автор сообщает о результатах своего исследований над наиболее распространенными тогда элементами Мейдингера, Бунзена и др., 2) о распределении тока на неопределенное число независимых цепей (1875 г.), где подробно излагаются свойства и способы применения только что изобретенных тогда [свинцово-кислотных] аккумуляторов [Гастона] Планте. Подробное описание и модели изобретений В.Н. Чиколева хранятся и по настоящее время в Московском Политехническом музее.

В 1877 г. Чиколев был назначен на службу в Артиллерийское ведомство, где и состоял до конца своей жизни; к этому времени он переехал в Петербург, и таким образом начался петербургский период его деятельности, еще более плодотворный, чем московский.

Сначала мы упомянем о трудах Чиколева, связанный с его служебным положением (сведения, относящиеся сюда, почерпнуты нами большею частью из некролога, написанного госп. Перским в Артиллерийском журнале, №6 за 1898 г.), а затем перейдем к деятельности общественной.

Уже к началу 1877 г. относятся открытие Чиколева, что при некотором несимметричном положении углей вольтовой дуги прожектора, получается выгода силе света в 100 процентов. Это обстоятельство было тотчас же проверено Английским адмиралтейством и в настоящее время Чиколевское положение углей применяется во всех государствах.

В 1878 г. Чиколев построил безопасный фонарь для пороховых погребов, который принят в Германии. В 1883 г. он спроектировал прожектор с разборными кольцеобразными стеклами призматического сечения, главное достоинство которого заключалось в том, что пуля, попавшая в него, не портила всей оптической системы, а поломанная часть могла быть быстро заменена запасною. В 1887-1891 гг. Чиколев проектирует легкую и подъемную вышку для прожекторов. К 1892 г. относится остроумное применение Чиколевым фотографического способа к проверке прожекторов. В том же году появилось весьма важное исследование «Теория прожекторов», принадлежащее В.Н. Чиколеву совместно с В.А. Тюриным. Это исследование было переведено на иностранные языки и оказало немалое влияние на технику шлифовки и поверки прожекторных стекол.

Кроме этих работ Чиколеву принадлежит много других идей и законченных работ, как напр., применение аккумуляторов в полевых электроосветительных аппаратах, особый фотоэлектрический способ измерения скорости снаряда, разработка вопросов об электрических взрывателях, об испытании зарядов и т.д.

Под руководством Чиколева были устроены электротехнические мастерские при Орудийном заводе электротехническая лаборатория при Главном Артиллерийском Управлении; ОН же был инициатором офицерских электротехнических классов при названном Управлении и до конца жизни преподавателем на этих курсах. Чиколев был четыре раза командирован за границу (в 1881, 1884, 1890 и в 1897 гг.) в различные государства западной Европы для приема казенных заказов и для ознакомлены с применениями электричества к артиллерийскому делу.

Переходим к общественной деятельности В.Н. Чиколева за Петербургский период его жизни, в течение которого, однако, не прерывались и его связи с Москвою; так в 1882 г. он читал речь в Московском Обществе Естествоиспытателей.

В Петербурге состоялись в 1880 г. лекции Чиколева на тему о сравнении газового освещения с электрическим. В 1883 году Чиколев знакомил техников в Обществе Архитекторов со свойствами электрического освещения, с «безопасностью» его, гигиеничностью, с понятием «холодности» вольтовой дуги, с условиями рациональной проводки. Тут же он выяснил популярным образом слова «разность потенциалов» и т.п., необходимые для электротехника с самого первого шага.

В эти же годы (1879 г.) основывается по инициативе нескольких лиц, в числе их и — Чиколева, VI Отдел в Техническом Обществе, и Чиколев становится его непременным членом, «непременным» в истинном значении этого названия. В одном из первых заседаний нового Отдела Чиколев внес предложение об устройстве первой в мире выставки (в Петербурге 1880 г.) по приложениям электричества. Конечно, большая часть трудов по устройству этой выставки пала на того же Чиколева, и он же явился экспонентом во многих ее отделах.

В том же году был основан первый русский журнал по электричеству, с Чиколевым во главе редакции, со статьями Чиколева во главе столбцов; со страниц «Электричества» В.Н. в своих заметках, письмах и ответах знакомил русское общество в широком смысле слова с применениями электричества, будил инертных капиталистов, выставляя, как примеры, заграничных покровителей науки, вроде Спотисвуда, Варрен-де-ля-Рю, Сименса, Планте («Электричество», 1881).

Через год Чиколев оставил редакторство, но в 1890 г., в одну из труднейших минут жизни журнала, вновь начал редактировать его, взявшись за дело с обычной своей энергией. В 1891 г. В.Н. вновь оставил редакторство, но сотрудником журнала оставался до конца своей жизни.

В.Н. Чиколев играл главную роль в устройстве первого «постоянного» электрического освещения в Петербурге — на Александровском мосту. Чтобы убедить в возможности постоянного освещения электричеством, было устроено две пробы установки электрического освещения в один день — на Дворцовом мосту, а затем на площади Александринского театра. Не погибли эти здравые начинания! Теперь «вольты», «амперы» требуются на экзаменах от юношей монтеров; за первой электрической выставкою последовало еще четыре, все более и более широко поставленных. В возможность постоянного и непрерывного освещения электричеством теперь верят все, хотя на Александровском мосту теперь горит газ.

Изложенное выше ясно показывает, что недостаточно сказать, что Чиколев был пионером электротехники. Одним из лучших прав на долгую память В.Н. Чиколева оставляют мотивы, которые руководили им в неустанной его деятельности. Мы видим, что он был промежуточным звеном между наукою и практическими дельцами, как и между постоянно опережающею нас западною Европой и русским обществом. Понимая указания науки, он старался облечь их в техническую форму, готовую к практическим применениям. Связь техники со всеми высшими областями человеческого духа оставалась всегда его святым чутьем; он всегда считал долгом техника не порывать этой связи, не уступать грубым аппетитам и мелочным и близоруким расчетам капиталиста — нанимателя насчет требований красоты и научного разума.

В.Н. широко понимал деятельность техника и был сам крупным техником. Нам надлежит охарактеризовать место Чиколева в истории электротехники. С его именем, как с именем всякого крупного, самостоятельного деятеля, связано развитие важного направления в области его деятельности, а именно дробление электрического света помощью дифференциальных ламп.

Идея дифференциальной лампы принадлежит В.Н. Чиколеву; она появилась у него в 1869 г. при его опытах с лампою Фуко, когда он впервые пытался заменить пружину, составляющую существенную часть этой лампы, электромагнитом в ответвлении. В 1876 г. Чиколев показывал свою дифференциальную лампу в заседании Русского Физического Общества, причем высказал мысль о большей применимости ее для целей дробления света, чем свеча Яблочкова. Эту мысль ему приходилось проводить неоднократно и впоследствии (см. «Электричество», 1880 г., стр. 54).

Чиколев видел особенные удобства дифференциальной лампы для военного дела и доказывал, что нелогично предпочитать ей свечу Яблочкова вследствие одной только простоты этой последней: «по мере развитая потребностей нашей жизни и личности человека в его пользование начинают и должны входить разные более или менее сложные механизмы; напр., весьма простая стеариновая свеча заменяется более сложной керосиновой лампой».

Чиколев пророчит неуспех идее Авенариуса разветвлять ток помощью аккумуляторов, хотя и сам раньше был близок к этой системе, но он горячо приветствовал освещение лампами каления, считая их изобретением Лодыгина («Электричество», 1882 г., стр. 286), но отдавая должное и практическому таланту Эдисона и Свана.

Сам В.Н. предложил новый тип калильной дампы с 6-ю параллельными угольками, имея в виду возможность случайной поломки уголька. Мы видим, что мысли Чиколева в общих чертах были вполне оправданы жизнью, дифференциальные лампы нашли себе громадное распространение.

Но мы видим еще и то, что судьба отплатила неблагодарностью изобретателю этих ламп. Чиколеву пришлось неоднократно заявлять свой приоритет на это изобретение, несколько раз появлявшееся вновь под разными фирмами; то Лонтэна, то Сименса («Электричество», 1880 г., стр. 54), то Шуккерта («Электричество», 1881 г., стр. 221). Лампа Шуккерта помешала Чиколеву получить привилегию из немецкого Patentamt, хотя лампа Чиколева была описана в Lumière Electrique (1880 г., 1 мая) раньше, чем Шуккерт испросил свою привилегию. Шуккерт объяснял свои действия незнанием французского языка, не отрицая тождества ламп с точки зрения патентного бюро.

Заведя речь о пропавшей славе изобретателя, мы не можем обойти молчанием и того, что Чиколеву пришлось оспаривать честь изобретения оптической канализации (сделанного им в 1873 г.) у Моллера и Цебриана, заявивших о подобном же принципе лишь в 1879 г. Наконец, В.Н. упоминает, что раньше К. Фора он занимался аккумуляторами из сурика на свинце, с прокладками из пергамента, что он устраивал лампу, близкую к лампе Вердермана несколькими годами раньше этого последнего (см. «Электричество», 1881 г., стр. 197).

И эти идеи В.Н. в свое время вошли в жизнь, но чрез других; за границей Русский изобретатель остался в тени, может быть, потому что в прежнее время в России патенты выдавалась чрез два года после заявления, а, может быть, и по другой причине: еще недавно громкая слава покрыла имя Маркони, а наш Попов, упорным исследованием пришедший раньше Маркони к той же схеме телеграфии без проводов, остался неведомым. И хотя инициаторами электрического освещения были Чиколев, Яблочков, Лодыгин, это освещение через двадцать пять лет идет к нам из Германии, Франции, Бельгии, и русские города оплачивают тяжелую пошлину за непризнание Россией отечественного таланта.

В последние годы своей жизни В.Н. Чиколев написал оригинальное по замыслу произведение: «Не быль и не выдумка». Здесь мы видим В.Н. все таким же, каким был он за всю свою деятельность. Он разъясняет толпе реальными примерами электротехнические понятия; однако здесь уже не говорится о том, что такое разность потенциалов; дело идет уже о счетчиках, о диаграммах электрической станции, о многофазном токе. И читающая публика стала уже не та.

Он выставляет всю важность науки для техники, научного исследования — для отделки технического изобретения; рисует идеальный Институт экспериментального электричества, — который позволит русскому изобретателю поднять голову среди гениев мира; излагает всю свою веру об обязанностях и совести техника и в последний раз предается своим мечтам о возможности той «электрической» жизни, какая стала обрисовываться за четверть века его собственной деятельности, при которой всякая жилая комната, библиотека, экипаж, обед и даже фейерверк так или иначе усовершенствованы гением электричества, приближены к идеалу.

Много меткого, нового, ждущего осуществления, и ничего фантастического в этой сказке и, в то же время, повести жизни, проникнутой глубоко благородным духом.

Литературные работы В.Н. Чиколева:

- 1867. Руководство к приготовлению и сжиганию фейерверков (выдерживает 5-е изд.).
- 1879. Об электрических лампах системы В.Н. Чиколева. Применение электрического освещения для военных целей.
- 1880. Электрическое освещение моста Императора Александра II.
- 1885. Справочная книжка по электротехнике. Электрическое освещение и применение его для военных целей.
- 1886. Чудеса техники и электричества.

Письмо В.Н. Чиколева к лицу, спрашивавшему совета о введении для освещения динамомашин Кременецкого вместо Симонсоновских.

О безопасности электрического освещения.

Электрические аккумуляторы.

1887. Сведения по электротехнике.

Лекции по электротехнике, читанные по распоряжению Товарища Генерал-Фельдцейхмейстера.

Атлас электроосветительных аппаратов и текст к нему.

1892. О поверке рефлекторов электрического света фотографированием.

Инструкции для обращения с динамомашинами Дерозье.

Осветительная способность прожекторов электрического света (совместно с В. Тюриным).

- 1893. О некоторых условиях экономичности электрического освещения калильными лампами (совместно с В. Тюриным).
- 1894. Электрическое освещение для боевых целей.
- 1895. Осветительная способность прожекторов электрического света (совместно с В. Тюриным [и Р. Классоном]).
- 1896. Электрический счетчик системы Гуммеля.

Справочник для электротехников.

Не быль и не выдумка.

1897. Таблицы математические: меры и весы; калибров; весов материалов по общей механике и физике.

Электротехнические измерения и поверки.

Новейшие приборы для проекции электрического освещения на отдаленные местности.

Решение некоторых практических вопросов по освещению прожектором электрического света.

Новейшие опыты над применением электрических прожекторов в военном деле.

Телетермометр Гартмана и Брауна, усовершенствованный В.Н. Чиколевым.

Безопасный электрический фонарь В.Н. Чиколева для пороховых погребов.

Безопасный электрический фонарь В.Н. Чиколева для пороходельных фабрик.

Кроме того, ряд статей в журналах «Электричество», «Инженерный журнал» и «Артиллерийский».

«Электричество», 1899, №11-12

Штумпф Александр Георгиевич (1879 — 1937). Немец Поволжья. Механик-практик, образование среднее специальное. Начал служить с 1894 г. монтером по оборудованию и ремонту мельниц, пороховых и маслобойных заводов, затем перешел на машиностроительный и чугунолитейный завод «Сотрудник» в Саратове. С 1898-го работал механиком-монтером по оборудованию механических заводов на промыслах в Баку. С 1902-го — машинистом на станциях «Электрической силы» в Баку.

С 1909-го помощник мастера, с 1914-го турбинный мастер Раушской станции, зав машинными мастерскими и механическим отделом, участник работ по гидроторфу. В 1916-м предложил «свободный винт (пропеллер)» торфососа, обеспечивший его надежную работу на пнистых залежах торфа.

В 1914-м предложил отказаться от дорогого заграничного масла для турбин и заменить его русскими маслами. Кроме того, с этого же года «масло в турбинах, как общее правило, не меняется, так как замечено, что с течением времени оно улучшается, вследствие осаживания на дне резервуара и на фильтровой сетке посторонних взвешенных частиц. Через фильтр-пресс масло пропускается при проникновении в него пара через подшипники. Смена же масла производится лишь в исключительных случаях, когда выясняется, что масло стало неудовлетворительным в результате аварии или вследствие каких-либо определенных причин» (из статьи Ф.А. Рязанова в «Известиях Теплотехнического института», 1925, №10). То есть Александр Георгиевич был горячо радеющим за экономное ведение дела турбинным станционным мастером.

В феврале 1920-го А.Г. Штумпф ремонтировал турбины, вышедшие из строя на «Электропередаче» по халатности эксплуатационного персонала и по вине большевистского начальства. Председатель правления «Электропередачи» Г.М. Кржижановский настоятельно тогда попросил Р.Э. Классона приехать и организовать оный ремонт.

«В начале двадцатых годов гидроторф настолько окреп, что встал вопрос о выделении его от 1-й МГЭС в самостоятельное предприятие. В связи с этим Классон предложил мне и турбинному мастеру станции А.Г. Штумпфу, который, так же как и я, большую часть времени уделял гидроторфу, решить вопрос о дальнейшей нашей работе — либо полностью перейти в Гидроторф, либо заниматься только станцией. Решили мы по-разному — А.Г. Штумпф порвал со станцией, а я остался на станции и целиком занялся [ee] эксплуатацией». (из воспоминаний Ф.А. Рязанова, ф. 9592 РГАЭ)

В 1922-27 гг. А.Г. Штумпф служил гл. механиком «Гидроторфа», в 1921 г. Мосмет Главного управления металлической промышленностью назначил его гл. инженером бывш. завода «Русская Машина», ставшего производственной базой «Гидроторфа». Предложил оригинальные конструкции машин первых стадий обезвоживания торфа, организовал изготовление сварных формующих торфяных барабанов в машинном зале Раушской станции. Руководил опытными работами по помолу и брикетированию торфа. В 1926-м изучал эту деятельность и обезвоживание торфа в Германии, знакомился с немецкими машиностроительными заводами.

С 1927-го в должности помощника нач. электромеханического отдела Днепростроя монтировал оборудование на временной тепловой станции, а затем на ДнепроГЭС (приехал, по-видимому, по приглашению начальника этой стройки А.В. Винтера). В 1930-м съездил от Днепростроя в командировку в США. Временная ТЭС была пущена в кратчайший срок благодаря монтажу двух турбоагрегатов, снятых с 1-й МГЭС как «морально амортизировавшихся», но они добросовестно прослужили еще 5 лет.

В 1932-м, после пуска ДнепроГЭС, получил за эти заслуги звание инженера-механика [(«honoris causa»!)] и орден Ленина. В 1930-х избирался депутатом Запорожского совета рабочих депутатов.

10 октября 1932 г. (в день рождения А.В. Винтера!) начались торжества по случаю пуска ДнепроГЭС:

Два дня шли банкеты в ресторанах правого и левого берега. Был богатый выбор блюд, были и вина из подвалов Массандры. Демократия была полная: рядом с прославленным комбригом сидел рядовой колхозник, с академиком чокался монтажник. М.И. Калинин сидел во главе стола. В конторах отделов стояли столы с водкой, мясом, хлебом. Любой мог выпить, закусить по своему вкусу и потребностям.

А затем в клубе на правом берегу в дружеской обстановке, без помпезности Калинин вручил ордена многим руководителям стройки и передовым работникам. Вручение наград Калинин сопровождал народными присказками и прибаутками. Например, вручая А.Г. Штумпфу грамоту о присвоении ему звания инженера-механика, он сказал: «Ну, вот, не учившись, в люди вышел!». Он был подкупающе прост (из дневника участника строительства Бориса Вейде)

По ложному доносу А.Г. Штумпф был арестован и вскоре попал в сталинский список от 21 октября 1937-го по Украине («Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР», категория №1, 141 жертва, представил этот список на утверждение в Политбюро ВКП(б) начальник 8-го отдела ГУГБ НКВД ст. майор госбезопасности Цесарский, свои визы затем поставили Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян). Соответственно этой категории Александр Георгиевич был расстрелян как «вредитель» или даже как «террорист» в Днепропетровской области.

В Указателе имен, который составил И.Р. Классон после смерти М.О. Каменецкого для монографии последнего (Госэнергоиздат волевым решением этот раздел исключил) и которым автор этих строк плотно попользовался, для А.Г. Штумпфа был кроме всего прочего указан следующий источник: Очерк Б.Б. Ямпольского «Сага об инженере» (на укр.). «Радяньска Украина», 1964, №№47-49.

Я не поленился съездить в Химки, где располагается отдел газет РГБ, и полистать сию газету (на украинском языке!). В общем, из большой публикации, которая печаталась в трех номерах подряд, удалось выудить весьма немного конкретной информации. Журналист (или писатель?) Б. Ямпольский побывал в Запорожье, Москве и Киеве, встретился с вдовой и детьми Александра Георгиевича, И.Р. Классоном, С.Н. Мотовиловой, даже с министром энергетики и электрификации П.С. Непорожним. Вот что вспоминал, например, бывший коллега А.Г. Штумпфа Александр Иванович Титов:

О нем я позволю себе использовать слова, которое тогда употребляли значительно реже, чем теперь. Герой. Да, герой. Организатор механизации [на Днепрострое]. Ему, как и нам всем, было трудно. Судите сами — в Кичкасе [(нынешнем жилмассиве Запорожья)] вся наша проектная группа насчитывала 15-17 человек. И вся [техническая] документация шла от нас. Вплоть до рабочих чертежей. Теперь, кстати, состав таких групп доходит до полутора сотен, а то и больше человек. А Штумпф не только поспевал за проектировщиками, а еще и торопил нашего брата. Герой!

И еще такой факт упомянул Б. Ямпольский: указом президиума Верховного совета от 25 мая 1963 года на имя А.Г. Штумпфа была выписана новая орденская книжка. Поскольку он был «лишен ордена Ленина как осужденный». Весьма слабое утешение для вдовы и детей! В этом очерке Б. Ямпольского было помещено и фото А.Г. Штумпфа с орденом Ленина на груди. В общем спасибо журналисту (писателю?) Б. Ямпольскому за то, что он обнародовал хотя бы жалкие клочки жизненного пути расстрелянного ни за что «Софьей Власьевной», преданного ей «строителя социализма», и вернул ему честное имя (документы по реабилитации были, как правило, секретными или, в лучшем случае, «для служебного пользования»).

Эрн (фон) Антон Вильгельм Николаев сын (Anton Wilhelm von Örn, 1797 – 1861). Лютеранского вероисповедания, из дворян Лифляндской губернии.

В указе об отставке по Указу Его Величества Государя Императора Александра Николаевича от 15 января 1858 г., уволенного от службы по домашним обстоятельствам из Лейб Уланского Курляндского Его Величества Полка в чине Генерал-Майора, с мундиром и пенсионом полного жалования, Эрна 1-го, приводился его послужной список. В службу вступил из Абоского университета (был обучен: Закону Божиему, Истории, Географии, Математике и французскому и немецкому Языкам) Кадетом в Финляндский Топографический Корпус 20 декабря 1812 г.

Произведен в Подпоручики 20 мая 1814 г. Из оного был переведен в Киевский Драгунский (затем Киевский Гусарский Его Императорского Высочества Князя Николая Максимилиановича) Полк 25 июля 1816 г. Произведен на вакансии: в Поручики 30 апреля 1817 г., в Штабс-Капитаны 27 апреля 1820 г. и в Капитаны 23 мая 1824 г. Когда Киевский Драгунский полк получил наименование Гусарского, был переименован в Ротмистры 14 декабря 1826 г.

Уволился с воинской службы по домашним обстоятельствам в чине Майора и с мундиром 21 декабря 1828 г. Был определен вновь на воинскую службу в прежнем Ротмистрском чине 26 сентября 1829 г. в Лейб-уланский Курляндский Его Величества Полк, прибыл и был зачислен в Резервный Эскадрон 18 декабря того же года.

Был произведен на вакансию в Майоры 9 июля 1834 г. и утвержден командиром Дивизиона 20 сентября того же года. Произведен за отличие по службе в Подполковники 30 марта 1842 г. По случаю выступления Полка в военный поход 25 октября 1849 г. был перечислен в резервный Эскадрон своего Полка. Произведен 6 сентября 1851 г. за отличие по службе в Полковники. По переформировании резервной Кавалерии 20 января 1857 г. перечислен в действующие Эскадроны своего полка.

^{*} Або – шведское название финского г. Турку.

В походе находился: переправясь 12 мая 1830 г. с резервным Эскадроном на правый берег Дуная, следовал до Крепости Коварна, а оттуда к Крепости Гирсава, при которой 11 июня переправился обратно на левый берег Дуная, 14 сентября прибыл на зимовые квартиры Княжества Молдовии в г. Роман. Но в делах с неприятелем не участвовал.

Особых поручений по Высочайшим Повелениям не имел, а по распоряжению Начальства находился за покупкою ремонтных лошадей с 12 октября 1840 г. по 25 октября 1849 г. для своего Полка, а потом, по 14 ноября 1852 г., для резервных и запасных Эскадронов. После этого был назначен Наблюдающим за действиями полковых ремонтеров бывшей резервной Легкой Кавалерийской дивизии, в каковой должности и оставался до 1 января 1857 г.

Кавалер Орденов: Св. Владимира 4-й степени за 35 лет беспорочной выслуги в офицерских чинах и Св. Анны 2-й степени с Императорскою Короною. Имеет бронзовую медаль в Память войны 1853-1856 гг. на Андреевской ленте и знак отличия беспорочной службы за 35 лет.

Имел в селе Зуевцы и хуторе Солоновщино Миргородского уезда Полтавской губернии 120 душ крестьян и 700 десятин земли. Венчался 18 июля 1856 г. в Ржищевском римско-католическом костеле (Kośióła Rzyszczowskiego), в чине полковника, наблюдающего за действиями ремонтеров легкой Кавалерийской дивизии в каком-то местечке в Польше, на Валерии Францевне Флориани. (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Произвел на свет в 1857 г. дочь Алину, будущую бабушку писателя Виктора Платоновича Некрасова, и позже — сына Николая. У последнего появился на свет сын Сергей, ставший впоследствии преуспевающим миргородским врачом, но репрессированным в 1937-м (в списках «Мемориала» — «Жертвы политического террора в СССР» почему-то не значится). Именно Сергей Николаевич Эрн не отважился заступиться (или выкупить?) за старшего брата В.П. Некрасова — Николая, когда он в 1918 г. (1919-м?) был арестован миргородской ЧК как «французский шпион», запорот шомполами и сброшен в приток реки Псёл — Хорол.

Эрн (фон) Валерия Францевна, урожд. Флориани (1825 — 1900). Дочь обедневшего венецианского дворянина, лекаря Франца Флориани. Вышла замуж в 1856 г. за полковника Антона фон Эрна, венчавшись, будучи римско-католического исповедания, в Ржищевском костеле в Польше. Родила дочь Алину (1857-1943) и сына Николая фон Эрна (1858?-1914).

В письме дочери Алине из своего поместья Солоновщино в Миргородском уезде Полтавской губернии за февраль 1900-го обнаруживала неплохую осведомленность о делах и поступках родственников:

Я уже думала, что Классоны отказались ехать в Тифлис, после всех бедствий, которые там случились по случаю Земли трясения, 12 деревень погибло и много народу. Что за охота туда ехать и подвергаться опасности несмотря на заманчивое вознаграждение».

В письме за май 1900-го – погруженность в родственные очные и заочные контакты:

«Посылаю тебе письмо Эмилии Францевны, она просит твой адрес, она без места. Адресуй к ней (Харьков, Змиевская, №11, Бюро учительниц и воспитательниц). Рада, что Вы все здоровы и что Соня едет в Лондон. Пусть извинят дети, что не пишу к ним индивидуально, трудно.

А тремя годами ранее, в письме внучке Вере, проявлялась та же погруженность:

Дорогая Верочка. Благодарю тебя за поздравление с днем моего Ангела, я его провела приятно в кругу моего семейства. Из Сорочинцев таки приезжали дядя Коля с Александрой Яковлевной и Сережей, последний таки хорошо учится и перешел в 4-й Класс. Завтра все они должны приехать ко мне и 20-го [июня] отправиться в Киев до Кременчуга по ж.д. и потом пароходом или по ж.д. до Киева и пароходом обратным путем.

Я уговариваю Зину ехать с ними в Киев, но она еще хочет отдохнуть после поездки в Сорочинцы и к Вульфертам. Мне очень жаль, что ты не приехала ко мне. Твое присутствие оживляло нас всех, но конечно в Бугурне тебе веселее с Петей и другими, которого целую, равно и всех других, твоих тетушек и кузинов.

Мама твоя [Алина] скучает за тобою и собирается ехать в Симбирскую Губернию одна, с тем чтобы уже прямо ехать к Вам: т.е. из Бугурны в Москву с тобою, а Зина и Соня одни уже поедут в Москву (все эти письма хранятся в ф. 786 отдела рукописей РГБ).

«Вдова Генерал-Майора Валерия Францевна Эрн, лета умершего (женска) — 75, от чего умер — от старости» (Выпись из метрической книги, сделанная священником села Гремячий Миргородского уезда, отдел рукописей РГБ, ф. 786).

Языков Николай Иванович (1868 — 1936). Электротехник-практик. Познакомился с Р.Э. Классоном в 1889-м, будучи студентом Петербургского технологического института, со 2-го курса которого он ушел из-за тяжелых материальных обстоятельств, поступил электротехником на Охтенский пороховой завод. В 1893-1926 гг. работал с Робертом Эдуардовичем на Охте, в Москве (помощником старшего техника, т.е. Р.Э. Классона, по электрической части), Баку и снова в Москве.

Николай Иванович и Александра Николаевна с дочерьми, Баку, ≈1903 г.

Весной 1906 года Николай Иванович, набравшись «демократических устремлений», подавал избирательную записку, в числе 531 кандидата, для выборов городских выборщиков по Бакинскому уезду в Государственную думу, но получил лишь 5 голосов. В выборщики прошли: Исмаил Ибрагимов (207 голосов), Адольф Аркадьевич Гухман (205 гол.) и Бахши-бек Рустамбеков (201 гол.); все они симпатизировали конституционнодемократической партии; при этом известный всему Баку инженер и предприниматель Константин Иванович Хатисов получил даже меньше Н.И. Языкова — всего 4 голоса!

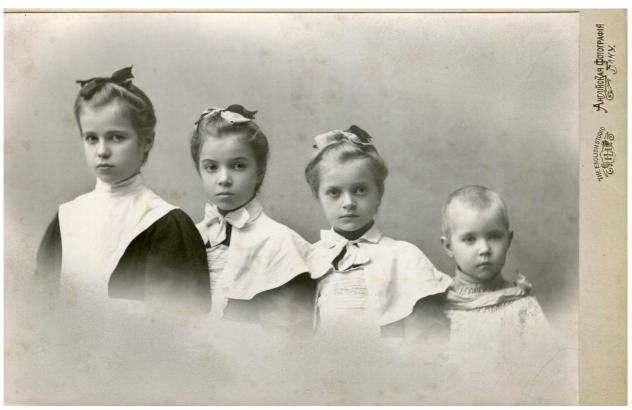
В декабре 1906-го по вызову Р.Э. Классона Николай Иванович вернулся из Баку на Раушскую станцию, где стал работать мастером электротехнической мастерской. В 1907-м под руководством Роберта Эдуардовича участвовал в расширении Раушской станции, на переименованной при большевиках в 1-ю МГЭС им. Смидовича работал мастером электроцеха.

Н.И. Языков выступил с подробными воспоминаниями на вечере памяти Р.Э. Классона в феврале 1926-го.

Из воспоминаний его коллеги Ф.А. Рязанова:

В 1900 году у двоюродной сестры Николая Ивановича — Александры Николаевны умер муж, и она осталась в Петербурге одна с тремя дочерьми, старшей из которых было восемь лет. Николай Иванович очень любил Александру Николаевну и жалел ее. Он срочно выехал в Петербург и сделал ей предложение. Обвенчаться в Петербурге, где многие знали об их родственной связи, было невозможно, и они вместе со всеми дочерьми отправились в Баку к Р.Э. Классону, который пригласил к себе на работу Николая Ивановича. В Баку они и повенчались.

<...> Я впервые услышал о Н.И. Языкове в 1915 г., когда работал техником по гидроторфу на станции «Электропередача», и заведующий Техническим Бюро Московской электростанции В.Д. Кирпичников поручил мне связаться по телефону с Николаем Ивановичем и попросить его, чтобы он выписал нужные для Гидроторфа различные материалы и направил их на «Электропередачу».

Приемные дочери Н.И. Языкова — Тоня, Вера, Валя и неизвестный мальчик или стриженая девочка, Баку, ≈1904 г.

С 1920 г. я работал на Московской станции в качестве инженера и хорошо узнал, каким авторитетом пользовался здесь Николай Иванович и с каким уважением относился к нему Р.Э. Классон. Помню, в первые годы дежурства меня очень поразило то, что при авариях в электрической части Р.Э. Классон, являясь на щит управления, никогда не обращался с вопросом: «что произошло?» ни к дежурному инженеру, ни к заведующему станции, а всегда только к Николаю Ивановичу. Позднее я убедился в том, что Н.И. Языков прекрасно знает электротехническое хозяйство — лучше коголибо другого, и в тех сложных случаях, когда никто не мог выяснить первопричину аварии, находил ее Николай Иванович. Он тщательно, до мельчайших подробностей изучал место аварии, анализировал ее и, в конце концов, докапывался до истины.

Помимо обязанностей электротехнического мастера Николай Иванович, наряду с помощниками заведующего станции, нес ответственное дежурство по ней. Кроме того, Р.Э. Классон поручил ему возглавить хозяйственную часть, а при строительных работах и связь с некоторыми поставщиками-подрядчиками.

- <...> В начале 1931 г. (или в последних числах 1930-го?) наряду с арестами многих ведущих инженеров станции и МОГЭСа был арестован и Н.И. Языков. По словам его старшей дочери [Антонины Николаевны] при аресте [чекисты] забрали все бумаги Николая Ивановича, вместе с его трудами. Что представляли собой эти труды, она не знала. Знала о них, вероятно, младшая его дочь Валентина Николаевна, но она, к сожалению, уже умерла, так же как и [средняя] дочь Вера Николаевна.
- <...> О том, что на Лубянке Николай Иванович отказывался писать показания о «вредительстве» на станции, я услышал при моих допросах от следователей. Когда я три месяца тоже отказывался писать [признательные показания], следователи говорили между собой: «Вот, этот такой же, как Языков. Не то что другие инженеры МОГЭСа, которые давно поняли, что лучше писать, а не отказываться».

Н.И. Языков в 1926 г.

Позднее Николай Иванович рассказывал дочерям, что его заставляли писать, давали ручку, чернила и бумагу; но как только он начинал писать о том, что ни в каких вредительских делах не участвовал, следователи вырывали бумагу и рвали ее, говоря, что не это им нужно. Так повторялось 17 раз!!!

В течение лета 1931 г. все арестованные инженеры МОГЭСа были приговорены Военно-Революционным Трибуналом к заключению — кто на пять, кто на десять лет, и направлены на работу по специальности, в разные предприятия. А Н.И. Языков продолжал сидеть! В конце лета 1931 г. старшая дочь Антонина Николаевна встретила как-то своего [прежнего] товарища по учебе тов. Джаваху, с которым у нее сохранились приятельские отношения. Антонина Николаевна знала, что тов. Джаваха близок к тов. [Авелю] Енукидзе [(секретарю ЦИК СССР)], и, рассказав об аресте отца, попросила что-либо сделать для него.

Через несколько дней после этого Николай Иванович вернулся, и Антонина Николаевна вместе с тов. Джавахой пошли на квартиру к младшей дочери [Валентине Николаевне], у которой жил Николай Иванович. Он рассказал, что после того, как его выпустили из тюрьмы, пошел к себе на квартиру при станции. На его звонок открыли дверь и спросили, что ему нужно. Он ответил, что пришел на свою квартиру. Ему объяснили, что Языковы здесь уже несколько месяцев как не живут, и дали новый их адрес. Позднее выяснилось, что семью Языковых переселили на Калужскую улицу в комнату, которую прежде занимал старый работник МОГЭС М.С. Радин.

<...> Умер Николай Иванович в 1936 г. от инсульта на лестничной клетке, когда поднимался к себе в квартиру. Через несколько дней после его смерти на квартиру явились агенты ГПУ и спросили Н.И. Языкова. Его дочь поинтересовалась, зачем он им нужен и почему не оставляют старика в покое. На это они ответили, что Н.И. Языков большой специалист. Дочь объявила, что «большой специалист» не захотел ждать, чтобы его арестовали второй раз, и недавно умер.

Уместно здесь напомнить, что при первых арестах в 1930 г., когда взяли видных инженеров МОГЭСа, Н.И. Языков как-то сказал: «Вот Роберт Эдуардович не захотел ждать, когда его арестуют — заранее умер». В 1936 г. и Николай Иванович последовал этому примеру своего бывшего старшего товарища (РГАЭ, ф. 9592).

Яновицкий Вячеслав Иванович (1879 — 1937). Родился в Иркутске в семье поляка, сосланного в Сибирь после восстания 1863 года. Окончил Петербургский технологический институт в 1908-м. С 1912-го, после отбытия воинской повинности и службы на московских предприятиях, работал инженером на Раушской станции, в 1914-16 гг. был в действующей армии. В 1916-22 гг. служил помощником заведующего, заведующим Раушской станции, в 1922-30 гг. занимал должность зам председателя правления МОГЭС. Вячеслав Иванович произнес яркую речь над могилой Р.Э. Классона в феврале 1926-го.

Фото из архивной коллекции Международного Мемориала

В 1930-м В.И. Яновицкий проходил по делу «низовой террористической ячейки в МОГЭСе» в рамках процесса Промпартии. В 1931-34 гг. строил ГРЭС в Бобриках (теперь Новомосковск Тульской обл.).

В 1935-36 гг. — главный инженер Главэнерго. 11 февраля 1937 г. был повторно арестован, уже на должности начальника проектного отдела треста Центроэнергострой. 14 сентября того же года был расстрелян (по фальшивому обвинению «в участии в террористической троцкистской организации») и захоронен, как и В.Д. Кирпичников, в могиле №1 (с циничной табличкой «Могила невостребованных прахов») на Донском кладбище в Москве. В фальшивом свидетельстве о смерти указан другой год — 1939-й. Реабилитирован 29 августа 1956 г. Военной коллегией Верховного суда СССР.

^{*} Трупы расстрелянных на Лубянке (или недалеко этого страшного места) на Донском кладбище кремировали и затем их пепел рассыпали по дорожкам сего не менее страшного кладбища. См., например, воспоминания Евгении Альбац, у которой в 1937-м расстреляли двоюродного деда — Марка Михайловича Альбац (ru.openlist.wiki/Альбац Марк Михайлович (1899)).

Или же пепел закапывали в какую-либо яму, как это делал директор крематория Петр Нестеренко, расстрелянный в 1941-м (newtimes.ru/articles/detail/63663). Здесь же можно прочитать и про символическую «Общую могилу №1, захоронение невостребованных прахов с 1930-1942 г. включ.».

Почему-то в Музее Мосэнерго фотографии Вячеслава Ивановича Яновицкого не сохранилось (даже 3х4 см) — после расстрельного приговора кадровики поспешили ее уничтожить?

Родился 04.1880 (по др. свед.: 1879) г. в Иркутске в семье служащих. Отец — поляк, сослан в Сибирь после польского восстания 1863 г., мать — учительница. Окончил гимназию в Иркутске и С.-Петербургский технологический институт. Специальность — электротехник и механик. В 1908-1910 гг. отбывал воинскую повинность, затем работал на московских предприятиях. С 18.07.1912 работал на ГЭС-1 в Москве помощником заведующего, затем заведующим МГЭС.

Принят на должность инженера в эксплоатационный отдел Моск. Отделения ОЭО с 16.11.1912 г. с окладом 200 р. Срок службы засчитан с 18.07.1912. С 11.1917 — председатель Правления служащих ОЭО. С 1921 по 1930 работал в МОГЭСе, вместе с Классоном и Кирпичниковым. Член Правления МОГЭС, директор по технической части. Зам. Председателя Правления МОГЭС (1927-1928 г.). Принимал участие в проектировании и строительстве Шатурской и Каширской ГЭС. С 1930 г. — член Правления Энергоцентра, затем председатель Планово-технического Совета МОГЭСа.

До 1937 г. — заместитель начальника Главэнергоцентра. Начальник проектного отдела во Всесоюзном тресте «Центроэнергострой». Беспартийный. 12.02.1937 г. арестован, расстрелян 14.09.1937 г. Место захоронения — Донское кладбище. Реабилитирован 29.08.1956 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР. Адрес: Б. Николопесковский пер., д. 6, кв. 29 (1929 г.); ул. Вахтангова, д. 6, кв. 29 (1937 г.). Ист.: ЦИАМ, ф. 722, оп. 3, д. 121.— с сайта www.mosenergo-museum.ru.

Яроцкий Казимир Серафимович (1870 — ?). В 1897-м получил звание лекаря. С 1900-го служил врачом в обществе «Электрическая сила» в Баку, жил при станции «Белый Город». «Вынимал из физиономии» Р.Э. Классона осколки вольтметра, взорвавшегося при испытании оборудования. После падения Р.Э. Классона с лошади определил у него сотрясение мозга. Изгонял солитеры у Р.Э. Классона, Э.А. Ленера и других сотрудников Общества. Уезжал на эпидемию чумы.

14 апреля 1902 г. местная газета «Каспий» опубликовала в «Справочном отделе» информацию «Лечебные заведения и врачи гор. Баку». В ней К.С. Яроцкий был обозначен как заведующий Белогородской амбулаторией Совета нефтепромышленников (по внутренним и детским болезням). А размещался он по адресу: Белый город, станция общества «Электрическая сила». Тел №895.

Как сообщала 4 мая 1902 г. та же газета, за «отличия неслужебные» заведующий белогородским приемным покоем был награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

А вот чем еще приходилось заниматься специалисту по внутренним и детским болезням:

Некто А.И. Р. 30-го июня пришел погостить к своим знакомым на завод «Электрическая сила» [в Белом городе], вместе с которыми отправился в море с пристани того же завода. Отплыв далеко, он выбился из сил и стал тонуть. Вскоре его вытащили и, несмотря на своевременно поданную тут же на пристани медицинскую помощь в лице доктора Яроцкого, спасти несчастного не удалось, он был мертв. Покойный — молодой человек, ему было всего 19 лет.

«Каспий», 2 июля 1902 г.

В 1911-м, во время покушения на премьер-министра П.А. Столыпина, Казимир Серафимович работал уже в Киеве и по этим обстоятельствам попал в историю — лечил от нервного потрясения бывшего начальника Киево-Подольского Управления Земледелия и Государственных Имуществ, пожилого Г.А. Чуйкевича: "Пользовавший меня доктор Казимир Серафимович Яроцкий находил мое положение опасным, ввиду преклонного моего возраста (69 лет). <...> Доктор Яроцкий для возбуждения деятельности сердца дал мне выпить бокал шампанского и сделал подкожное впрыскивание камфары <...>."

(azbyka.ru/otechnik/Valentin_Mordasov/kto-kem-pobezhden-tot-tomu-i-rab-sobrano-iz-tvorenij-svjatyh-ottsov-i-podvizhnikov-blagochestija/).

Согласно «Всему Киеву-1911» доктор Казимир Сергеевич Яроцкий значился специалистом по внутренним болезням и принимал на дому (Большая Подвальная ул., 8) с 3-х до 5-ти.